СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ

ВСТАТЬ ПОРАНЬШЕ, ШАГНУТЬ ПОДАЛЬШЕ

Сергей Викулов

Встать пораньше, шагнуть подальше

Очерки и статьи
о вологодской деревне

«Современник»
Москва
1980

338
В 43

Викулов С. В.

В43 Встать пораньше, шагнуть подальше: Очерки и статьи.— М.: Современник, 1980. 398 с.— Новинки «Современника»).

В книге собрана публицистика поэта — лауреата Государственной премии РСФСР им. Горького, его очерки и статьи о людях родной для него вологодской деревни. Написанные в разное время, они тем не менее не утратили остроты и актуальности и сегодня, потому что главным содержанием их является, как правило, опыт колхозных вожаков, людей незаурядного дарования, а также проблемы, которые решают сейчас хозяйства Нечерноземной зоны Российской Федерации.

$В\frac{70302-000}{М106(03)-80}$ БЗ—33—34—804702010200 ББК65.9/2/32

От автора

У людей моего поколения очень длинная «лента» памяти. Можно сказать, «многосерийная». Родившиеся в начале двадцатых, мы помним еще своих меринков, на коих держалось немудрящее мужицкое хозяйство, свои наделы в поле, свои сенокосы в лугах; помним, уже более отчетливо, шумные сходки, на которых на все лады склонялось новое и незнакомое для деревни слово «колхоз»; помним, как лошадки, которых мы, бывало, подкармливали с рук корочками хлеба, стали для нас не своими, а нашими, колхозными; помним первые, в ту пору очень многолюдные и потому веселые и шумные выходы на работу то ли в луга, то ли в поля, то ли в овины, к молотилкам, опять же с конными приводами, к ручным веялкам...

Да мало ли чего помним мы, выходцы из крестьян — и те, что остались в деревне, и те, что, подучившись, ушли в города.

И до чего же подробна, многокрасочна «лента» нашей памяти! Это объясняется тем, думаю я, что замешена она на цементе самой высшей марки, название которому — любовь к отчему краю. Именно к отчему, потому что отцами нашими ухоженный да огороженный открылся в детстве перед нами этот край, став на всю жизнь самым любимым, пусть и не самым лучшим, в чем нам довелось убедиться потом, когда мы повзрослели.

Не самый лучший, что верно — то верно. Долгая зима, короткое лето... А надо вырастить не только рожь — королеву наших полей, но и ту же самую пшеницу и тот же самый ячмень, что и на Кубани, и на Украине, и в Узбекистане... Вырастить и убрать. На уборку погожих дней почти не остается: начинают сеяться осенние дожди, а там, глядишь, и снег не заставит долго ждать себя...

Бессильный перед природой наш северорусский крестьянин давным-давно перестал уповать на бога, построил вместительные овины с сушилками и токами: едва хлеб поспел — его в снопики,

а снопики в суслоны. Чуть повыстоятся, обдуются ветрами — их, погожим часом, в овин, под крышу. А уж под крышу попали — всё... Не пропадут! Разве расторопный воробей какое зернышко склюнет...

Но вот наступили иные времена. Все работы, что до колхозов, да поначалу и в колхозах, ломились вручную, теперь стали делать машины. Всем хороши они, комбайны да сеялки, а перед непогодой бессильны! Раскиснут поля от дождей — и все, и стали они, а ежели не стали и вышли все же на поля — то тут же, как говорится, и забуксовали, и «потонули» на них.

Но — худо-бедно — машины все же к нашим, нечерноземным, полям приспосабливаются. Комбайны пробуют становиться на гусеницы, трактора, наоборот, на широкие резиновые скаты; для зерна, убранного в непогоду, изготовляются мощные сушильные агрегаты...

Но как приспосабливается к новым условиям работы человек? Ведь условия-то действительно новые! Новые не только с точки зрения способов обработки земли (раньше все лошадью да руками, а теперь — все трактором да комбайном), но и с точки зрения психологии. Привычки, взгляды, убеждения доколхозного крестьянина складывались веками, может быть даже тысячелетиями (о чем мы, к сожалению, нередко забываем), а колхозника... всего каких-нибудь сорок — пятьдесят лет. Притом таких трудных, таких неровных!.. Вспомнить хотя бы только военные и послевоенные годы.

Психология крестьянина — отражение его взаимоотношений с землей. У колхозника эти отношения (что отмечалось в решениях партийных пленумов) в определенные годы были весьма натянутыми. И он соответствующим образом реагировал на них — уходил из деревни, порывал с землей. Тот же, кто оставался, — охладевал к ней: не по душе ему было «командование» (ведь по команде-то он отродясь не работал); да и то, что колхоз освободил его от хозяйственного расчета, от ежедневных забот о деле, без которых крестьянин — не крестьянин, его тоже не окрыляло... Оно и понятно: просто работает только лошадь, а человек еще и размышляет, как ту или иную работу выполнить с наибольшей пользой и, кроме того, в срок.

Имея в виду эти и многие другие «тонкости» крестьянской психологии, нетрудно представить, сколь велика при коллективном владении землей роль руководителей хозяйства и, в том числе, руководителей подразделений (бригад, звеньев, ферм).

Велика! Я бы даже сказал — решающа!

Убежденность в этом ни разу не была во мне поколеблена. Наоборот, с годами она все больше крепла. И совершенно не случайно основу этой книги составили очерки-исследования о председателях колхозов — их стиле руководства хозяйствами, больших

и малых «секретах» их успехов, если таковые мне удавалось открыть и понять.

Много изъездил я дальних и недальних дорог ради этих «секретов». По неделям, а иногда и по месяцам жил в крестьянских избах, пил с «мужиками» чай из одного самовара, днями просиживал в конторах колхозов, разбираясь в сводках и отчетах, пробирался на дальние сенокосы, выпытывал всю подноготную у председателей, бригадиров, специалистов, доярок; выслушивал их удивительные были о прожитых годах, в которых, воистину, было все — и смех, и слезы...

В результате этих общений с деревенским людом, общений, при которых я с ними и они со мною были, что называется, на одной ноге, и появились один за другим очерки, печатавшиеся в свое время в журналах, а теперь вот составившие эту книгу. Не только о трудностях послевоенной северорусской деревни идет в них речь, а прежде всего, а главным образом о том, как эти трудности преодолевались. Опыт колхозного строительства тех лет, на мой взгляд, весьма поучителен и вполне может пригодиться сегодня. Иначе бы я на эту книгу не отважился.

Последние очерки (в книге первые) мною написаны недавно, в результате новых поездок, на которые я урывал время, живя уже не в Вологде, а в Москве.

Годы, охваченные этими очерками, для вологодской деревни были необычными: началась практическая работа по выполнению исторического постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР». Партия и правительство в 1974 году разработали комплексную программу по подъему колхозов и совхозов центральных областей и автономных республик России, программу, рассчитанную на пятнадцать лет.

Срок не так уж большой... А сделать надо много: облагородить землю и, в первую очередь, отодвинуть от старопахотных земель и сенокосов лес, несметной ордой навалившийся на них и уже захвативший немалые площади; осушить переувлажненные поля; произвестковать их — на кислых почвах урожай почти вполовину меньше; заправить поля торфом в смеси с навозом и минеральными удобрениями; затем построить — в полном смысле заново — деревню, животноводческие комплексы, к тем и другим подвести дороги. А главное — всколыхнуть, поднять на эти дела людей, пробудить в них веру в успех начатого дела, а значит, и желание любую работу делать на совесть и — что особенно важно для деревни — в срок. Люди, на мой взгляд, главная, узловая проблема нынешнего Нечерноземья. Все — решительно все! — упирается в лю-

дей! И думать приходится не только о том, чтобы их на селе стало побольше (общеизвестно, многие деревни Нечерноземья обезлюдели и даже исчезли с лица земли), но и о том, чтобы у оставшихся любая работа, как говорят, горела в руках. И особенно — у молодых, они — завтрашние хозяева колхозов и совхозов.

И эта проблема, проблема морального, нравственного климата в современной деревне, как я ее понимаю, нашла отражение в книге. Наверное, не все мои суждения и выводы бесспорны, и я буду благодарен моим читателям, если в чем-то они меня поправят, выскажут свои соображения, поделятся своим опытом и своими наблюдениями.

В делах, которые решает сейчас российская деревня, поистине — одна голова хорошо, а две лучше. Должно фиксироваться все — и положительный опыт, и явные ошибки, потому как на ошибках тоже у ч а т с я.

Поживешь счастливо,
только паши не лениво.

I

Настал черед

От Москвы до Вологды медленным поездом восемь часов езды. Отходит он близко к полуночи, и я, укладываясь на нижней полке, никак не отделаюсь от волнения, рожденного ожиданием скорого свидания с родиной...

Начинается оно, это свидание, задолго до того, как последний раз лязгнут буфера и поезд остановится у приземистого, старинного вокзала. Конечно, я жду этого волнующего мгновения... Но — пока дорога... Вагон мотает из стороны в сторону, а справа, по ходу, в окна ослепительно бьет уже поднимающееся из-за леса солнце, недолгая июньская ночь бесследно и быстро растворилась, как капля чернил в реке, и земля вдруг открылась глазам во всей своей красоте начала лета..

Я люблю этот первый миг свидания с родиной, когда весь вагон еще спит, а ты, забывшись, прильнул к окну и глядишь на леса да речки, поля да деревни, глядишь — и не наглядишься, возвращаясь памятью то в детство, то в юность, которые прошли здесь, среди вот таких же, как эти, полей...

Они небольшие, поля моей родины, сжаты со всех сторон то лесами, то мокрыми лядинами, то болотами. Впрочем, как и луга... Правда, луга чаще на низинах, на берегах рек утыканы стожарами, закиданы лохматыми шапками кустов. Зеленое и желтое бьет в глаза: вовсю цветут лютики и запоздавшие в этом году купавы.

А вот речка. Она прихотливо извивается среди лугов, еще полноводная, но уже вошедшая в берега, то там, то здесь поблескивает гнутым сабельным лезвием на зеленом бархате берегов. Тихо смотрится в речку какая-то деревушка, одна из тысяч, еще дымящих по утрам

двумя-тремя трубами... Неперспективная... Есть у нашего времени такое слово. Избы поредевших ее посадов разбродны, кривобоки, серы — редко которой не за полвека, каждая почти помнит революцию и совсем хорошо — коллективизацию...

Чуть на отшибе, но тоже на берегу,— то ли коровник, то ли телятник,— по нынешним меркам, маленький, так и не дождавшийся механизации,— не случайно нет к нему ни дороги, ни тропинки, глазницы окон пусты, а вместо крыши — неупавшие еще стропила.

Не устояла деревушка (интересно, как ее имя?), не сдюжила даже тут, у железной дороги... Что уж говорить о тех, в глубине лесов, за тридцатью тремя волоками. Все меньше и меньше остается их, некогда шумных и многолюдных. «В праздники было не протолкнуться»,— обязательно вспомнят в такой деревне.

И диво — всем хватало дела: и взрослым, и ребятишкам... А ребятишек было в каждой избе — хоть в две шеренги выстраивай. И это вполне понятно: земля, которой кормились деревушки, требовала рук да рук, и мужики не тужили, если в избе скрипел и скрипел очеп, раскачивая зыбку. Помощники росли. Ну и, само собой разумеется,— наследники!

Было все это... И на всю жизнь осталось в твоей памяти. Да и в твоей ли только? Сколько таких, как ты, едут, плывут, летят из далекого далека к своим деревушкам, в разных чинах и званиях, но с одинаковым грузом дорогих воспоминаний о своей малой родине, рубленой избе, о тропинках и полевых дорожках, сбегающихся у ее крыльца. Приезжают — и не узнают свою деревушку: совсем крохотной стала и почти безлюдной. И это особенно удручает: ведь помнят, что в тридцатых годах в деревне был колхоз, и не такой уж маленький... Теперь же в нескольких ее избушках доживают свой век старики — и больше никого...

Где те люди — пахари, пахарей сыновья? Разъехались? Да. Но одним этим словом случившееся не объяснишь. Уехали те, кто помоложе, те, что выросли уже после войны. На Череповецком металлургическом гиганте, взметнувшем трубы в вологодское небо в послевоенные годы, куда ни пойди, встретишь выходца из такой вот деревушки. А где отцы этих парней, их старшие братья? Погибли. В моем родном сельсовете, например, объ-

единявшем в войну всего 67 маленьких деревушек, убитых — 112 человек. Учительница А. И. Столярова со своими учениками составила точный список погибших и сейчас хлопочет о памятнике героям-землякам. Потребуются деньги, об этом знают и ученики — внуки не пришедших с войны, и поэтому с большим желанием пилят вместе с учительницей дрова возле школы: хотят внести свой трудовой вклад на памятник... Трех деревушек в нашем сельсовете уже нет, население оставшихся сильно поредело. Впрочем, как и в соседних сельсоветах. Не диво, что далекие гости вздыхают, видя такое, хотя умом и понимают, что старой деревне пришел конец, что само время, так сказать, подвело черту под ее многовековой историей, а сердцем никак не могут примириться с этим. Болит сердце, грызут сомнения: а ладно ли все это? Не преждевременно ли? Что будет с землей, когда этих деревушек не станет, дотянутся ли до нее руки из тех, перспективных сел, центров современных крупных колхозов? А если дотянутся, то скоро ли? Ведь лес — извечный противник северного крестьянина — не дремлет. Чуть отвернись — он уже по пашне топает, а по лугам бегом бежит... И далее: сколь многолюдны будут они, перспективные села, смогут ли они собрать под свои крыши всех тех, кто им сейчас до зарезу нужен (в Вологодской области сейчас насчитывается 10,5 тысячи деревень, а должно остаться тысячи полторы), или эти люди снимутся с места и прямым ходом, минуя центр колхоза, в котором пока еще не построено ни одного современного дома, отправятся на поиски счастья в другой стороне?

А животноводство? Коров тоже, выходит, надо собирать в кучу. Вместо десятков помещений на 50—100 голов (и это считалось достижением), разбросанных по нынешним деревням, должны появиться современные механизированные комплексы на 400—1200 голов. Но ведь их еще надо построить... И при всем том не допустить снижения надоев.

Честно говоря, обо всем этом не без тревоги думал и я, глядя через окно вагона на мелькавшие передо мною поля, луга, леса и деревни родного края. И еще я думал: как хорошо, что партия и правительство приняли это, взволновавшее моих земляков постановление «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечер-

ноземной зоны РСФСР» (1974 года). За предстоящие десять—пятнадцать лет обширный край извечно нелегкого землепашества, край тысяч деревушек и хуторов, отрезанных друг от друга бездорожьем, должен в корне преобразиться. Шире должны стать поля (и, конечно, плодороднее!), проезжими — дороги, а мелкие деревушки — наследие исчерпавшего себя единоличного и немеханизированного поначалу колхозного землевладения — должны исчезнуть, чтобы возродиться в виде крупных сел, в которых было бы все для нормальной жизни человека, для удовлетворения его материальных и культурных потребностей.

Области Нечерноземья — это, как всем известно, самая сердцевинная часть России, да и не только России — всей нашей Родины. Так уж исторически сложилось, что именно эти области наиболее густо застроены большими городами с бурно развивающейся в них промышленностью. А заводы и фабрики — это не только станки, это — люди. Их надо кормить. Одно дело — везти в Ленинград или Череповец продукты сельского хозяйства из Крыма, например, или с Северного Кавказа и совсем другое — из примыкающих к этим городам колхозов и совхозов. Кто-то скажет: «Хорошо бы так-то... Но что вырастет под Ленинградом и Череповцом? Что ни говори, а это все-таки и не Крым, и не Кавказ».

Что ж, сомнения вполне резонные. Речь идет, по сути, о возможностях земель Нечерноземья. Каковы они?

I. Земля говорит: «Могу!»

Итак, земля, ее возможности.

Да, нечерноземная, да, нелегкая: поля, как я уже говорил, мелкоконтурные, неровные, сплошь да рядом — каменистые...

Нелегкая земля, что верно — то верно. Но в смысле плодородия не безнадежная. И это не просто слова, это реальность, многократно подтвержденная, доказанная самой же землей. Именно на этой доказанности и основано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Конечно, наша земля более трудоемкая, чем земли Кубани, например, или Украины, но это тоже временно, потому что по мере освоения этой земли, окуль-

туривания ее (о чем речь пойдет ниже), трудоемкость ее будет постепенно приближаться к средней по стране.

Об этом говорит опыт передового на Вологодчине колхоза «Родина», которым вот уже многие годы руководит Герой Социалистического Труда М. Г. Лобытов. Поля этого колхоза вплотную примыкают к Вологде, центр его расположен всего в 12 километрах от города и связан с ним асфальтом. Ничего необычного, сверхъестественного в этом колхозе не делается, он просто побольше, чем другие колхозы, получает помощи от областных организаций. Не сверх всякой меры, а приблизительно столько, сколько должны были бы получать (и наконец получат!) все колхозы. С этой точки зрения колхоз «Родина» — хозяйство, как говорят, не типичное для Вологодчины, и нет ничего удивительного, что председатели других колхозов, когда им ставят в пример достижения «Родины», не особенно смущаются: «Дайте нам столько же техники, удобрений, кредитов — и мы не хуже «Родины» сработаем».

Лично меня такие ответы не только не огорчают, а, наоборот, радуют. Они еще и еще раз подтверждают, что земля наша таит в себе огромные возможности и намеченная партией комплексная программа ее обновления даст — обязательно даст! — свои результаты. Наглядным подтверждением этому — поля колхоза «Родина». Урожай зерновых в этом колхозе достиг 38,3 центнера с гектара! Те, кто хоть немного смыслит в сельском хозяйстве, знают, что это хорошо даже для Кубани. Вот вам и Нечерноземье, да еще не в самой благоприятной его точке — на Вологодчине!

За счет чего колхоз достиг такого, неслыханного в наших местах, урожая? Ведь еще в пятидесятых годах большинство колхозов, и «Родина» в том числе, собирали по 5—7 центнеров с гектара.

В первую очередь за счет мелиорации земель — основного звена намеченной программы ускоренного развития сельскохозяйственного производства нечерноземной зоны, как подчеркивается в постановлении. На землях этого колхоза раньше, чем на других, сразу после майского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС были начаты мелиоративные работы. И уже к 1969 году в «Родине» к севообороту приплюсовалось 535 гектаров ранее пустовавших земель. К концу 1973 года эта площадь уве-

личилась уже до 1119 гектаров, из них 893 гектара были осушены закрытым дренажем и 226 — открытым.

Если до мелиорации эти гектары давали в общей сложности 8980 рублей дохода (использовались под пастбища), то после мелиорации, в 1973 году, они дали уже 263 тысячи рублей, то есть почти в 30 раз больше. Затраты, сделанные на мелиорацию, окупились через четыре года.

Известно, что аппетит приходит во время еды. Колхоз присмотрел еще ряд площадей, пригодных для мелиорации, а это ни мало ни много — 900 гектаров, и, таким образом, в скором времени в «Родине» будет 2000 гектаров мелиорированных, то есть приплюсованных к имевшейся пашне новых земель, что составит 33 процента всех сельскохозяйственных угодий колхоза.

И вот что интересно: мелиорированные земли, оказывается,— это не только прибавка к посевной площади и к урожаю, но и... Впрочем, по порядку. Все знают, какая была в этом году весна. Дожди, заморозки и даже снег — чуть не до конца мая. А на Вологодчине все это вылилось в сущее бедствие. Кончались оптимальные сроки сева, а на поля нельзя было не то что заехать с сеялкой, даже ступить ногой. И это на старые поля, традиционно расположенные на холмах. А на мелиорированных, как это ни парадоксально, можно было сеять! Мелиорация показала себя с самой лучшей стороны даже в таких тяжелейших, как нынешней весной, условиях.

М. Г. Лобытов пригласил меня посмотреть на мелиорированные поля, благо, до них подать рукой: нужно лишь спуститься от центральной усадьбы (она на холме) вниз, к железной дороге Москва—Вологда, и там, за переездом, они сразу и начинаются. Я помнил эту низину, вечно неприглядную, покрытую кочкарником, кустами, мелколесьем, зажатую между железной дорогой и торфяным болотом, на котором вот уже десятки лет город добывает торф на топливо. Самое большее, что там можно было увидеть еще шесть-семь лет назад,— это небольшое стадо коров и телят, скучно передвигавшихся по набитым между кочками торфянистым тропкам. Зато теперь...

Мы вылезли из машины. Справа и слева — высочен-

ная, густая, вот-вот готовая зацвести — тихо шелестела рожь.

— Пятьсот тридцать шесть гектаров! И все — вот такая!— с гордостью, как счастливый родитель о любимом чаде, сказал председатель.— Ну, конечно, минеральными подкормили... Пока только минеральными, навоза этому полю еще ни грамма не давали. И вот — любуйтесь!

Он поглядел с хитроватым прищуром на меня и спросил:

— Сколько, вы думаете, даст эта ржица?

Я не очень умею на глаз определять урожайность и, помедлив, неуверенно ответил:

— Центнеров двадцать пять, пожалуй...

— Не продадим!— решительно бросил Михаил Григорьевич.— Тридцать пять возьмем — не меньше! Приезжайте осенью — увидите...

— Да, тридцать пять будет,— согласился секретарь парткома Трифонов, он тоже был с нами.

Следующее поле — ячмень «Отра». Раннеспелый. Михаил Григорьевич поясняет:

— Сеяли седьмого мая, когда ни на одном поле сеять было нельзя,— и многозначительно добавляет: — Понимаете? Только здесь! — и поворачивается к полю:

— А это — ячмень сорта «Приекульский», тоже раннеспелый. Посмотрим, который лучше себя покажет, тот и получит прописку.— И опять:— Сколько дадите?

— Центнеров тридцать пять,— говорю я.

Михаил Григорьевич снова торжествующе отвечает:

— Не продадим! Сорок пять возьмем! Со всех шестидесяти четырех гектаров!

«Фантастика!»— думаю я про себя. И это на нашей земле! А Михаил Григорьевич, кажется, привык уже к таким цифрам, хотя, вижу, доволен и до ликования влюблен в это поле — ровное, широкое, по-молодому сильное...

— Вы посмотрите, какой простор! А ведь два года назад лес тут был. Коричневая торфяная жижа хлюпала под ногами.

За полем ячменя шли многолетние травы — клевер с тимофеевкой. Затем — лен. Ровные, хотя и робкие еще строчки всходов, но и по ним председатель определяет далеко не рядовой урожай тресты и льносемян:

— Двести пятьдесят гектаров льна у нас в этом году. Но мы теперь не дрожим за него, как раньше. Теперь основные доходы у нас не от льна, как было (лен мы даже могли бы теперь забросить), а от животноводства. Один миллион восемьсот тысяч рублей получили в семьдесят третьем году. Это результат того, что привели в порядок землю. Одними из первых в области, если не первыми, оборудовали долголетние культурные пастбища, частично орошаемые, стали выращивать капустно-брюквенный гибрид, а он дает нам в среднем четыреста шестьдесят центнеров с гектара сочного корма. Что это значит, вы поймете, если я скажу, что средний урожай картофеля, и то не везде, сто пятьдесят — двести центнеров с гектара. Почти в три раза уступает картофель по урожайности капустно-брюквенному гибриду!

Сейчас мы держим около тысячи коров. В следующей пятилетке можем увеличить стадо до тысячи шестисот голов. Можем, если решим проблему пастбища. На такое стадо нужно иметь не менее восьмисот гектаров культурного пастбища из расчета пятьдесят соток на корову. И вообще, если у нас — я имею в виду все колхозы — не будет заранее подготовленных культурных пастбищ, крупные животноводческие комплексы могут принести нам не радость, а слезы. Но где взять столько земли? Именно вокруг центральных поселков, на которых будет сосредоточен молочный скот? Выход один — мелиорация и ввод в строй переувлажненных земель! И плюс орошение культурных пастбищ.

В колхозе «Родина» этот «козырь», как я понял, уже брошен на стол... А как в других хозяйствах?

На следующий день я побывал в совхозе «Красная Звезда». Здесь мелиорировано 2200 гектаров. Получено по 26,7 центнера зерна с гектара, почти в два раза больше, чем в среднем по области. Кроме минеральных удобрений, совхоз вывез на мелиорированные поля по 20 тонн торфа на гектар. Как и в «Родине», здесь тоже большое стадо коров айширской породы, вывезенных из Финляндии. Жирность молока у айширов достигает 6 процентов против 3,5 процента у местных, черно-пестрой породы, коров. Как обстоят дела с пастбищами здесь?

— Поедемте посмотрим,— ответил директор совхоза.

И вот что мы увидели. Коровы паслись в одной из «клеток» культурного пастбища. На полевой дороге,

у открытого прохода в «клетку», стояли две цистерны с автопоилками. Коровы, когда им вздумается, одна по одной подходили к автопоилкам, неторопливо пили, и сами, без понуканий пастуха, возвращались в «клетку» на траву. А трава в «клетке» росла отменная. Пастбище это, оказывается, не простое — поливное. В первый раз видел я подобное на Вологодчине и, естественно, попросил директора совхоза рассказать об этом подробнее.

— Пастбище, как видите, разгорожено на «клетки». Коров в «клетку» запускаем на три дня. Потом траву подкашиваем, вернее, выравниваем, так как коровы ее выедают неравномерно. Тут же эту площадь подкармливаем минеральными удобрениями и поливаем. Вот трубы для полива. Они очень легкие, водовод быстро собирается и разбирается, так что его нетрудно перебросить с одного участка на другой. А воду берем из ручья. Он небольшой, и чтобы создать запас воды, соорудили земляную плотину. Вот и вся премудрость. Однако за счет нее вместо трех стравливаний за пастбищный период мы делаем пять. А это на полторы-две тысячи кормовых единицы больше, чем на обыкновенных культурных пастбищах.

Позже я выяснил, что в области есть и еще ряд хозяйств, имеющих значительные площади мелиорированных земель. Так, в колхозе «Заря» Шекснинского района только закрытым дренажем осушено 900 гектаров. И именно мелиорированные поля дали и здесь самые высокие урожаи — 24 центнера с гектара. «Заря», убедившись в силе мелиорации, составила проекты на осушение еще 1500 гектаров. Кроме того, путем раскорчевки кустарников и мелколесья с одновременным выравниванием кочек она введет в оборот еще 3500 гектаров. С прибавлением этих площадей колхоз рассчитывает увеличить производство молока в пять раз.

Вот что такое мелиорация для вологодских колхозов, вот какие резервы таит она в себе!

Однако, отдавая должное мелиорации, я не могу не сказать в связи с ней и несколько горьких слов. Как и всякое новое дело, мелиорация требует к себе и внимания, и заботы. Она сама по себе еще ничего не решает, она лишь создает благоприятный фон для использования

всех факторов повышения урожайности. И тот, кто считает, что улучшенный, мелиорированный гектар ни в чем больше не нуждается, что он будет родить и так, глубоко ошибается. Ему, как и другим площадям, нужны удобрения! И, может быть, даже в первую очередь, потому что отдача здесь будет более полная.

И самое главное: нужен уход за осушительной системой — и открытой, и закрытой. Там, где это поняли, мелиорированные гектары «работают» с полной отдачей, и, наоборот, «бастуют», где об их «внутренней» системе забыли, едва засыпали ее землей. И вот результат: в ряде районов Вологодчины с осушенных площадей урожай зерновых получают ниже среднеобластного... Это очень тревожный факт. *Ведь мелиорацию мы считаем основным звеном намеченной программы улучшения земель Нечерноземья, и если это звено не сработает, что же тогда получится?*

Таким образом, хлопоча о мелиорации все новых и новых площадей, руководители хозяйств прежде должны научиться ухаживать за осушительными системами, должны подготовить для этой цели специальные ремонтные бригады. Иначе огромные затраты, которые производит государство, осушая земли Нечерноземья, не принесут нам ожидаемых результатов.

Чтобы дать представление о размахе предстоящих работ по мелиорации, приведу некоторые цифры. За весь 1973 год в Вологодской области было введено в оборот 10 тысяч осушенных гектаров. За десятую пятилетку предстоит мелиорировать 120 тысяч гектаров. Каждый год придется осушать уже не 10, а 24 тысячи гектаров. Это немало, если учесть, что мощность мелиоративных отрядов, работающих сегодня на землях Вологодчины, пока невелика, в чем я убедился, побывав в одном из самых средних районов области — Белозерском.

Из общей площади сельскохозяйственных угодий в этом районе две трети занимают луга и пастбища. Но, поскольку до 1966 года мелиоративные работы, можно сказать, не проводились (у колхозов не было ни мелиоративной техники, ни средств для оплаты работ), то более половины сенокосов, например, избыточно увлажнены и заросли лесом и кустарником. Заросли лесом и значительные, не поддающиеся учету, площади пастбищ, в том числе бывшие пашни вокруг исчезнувших или ис-

чезающих деревень. Пашни эти, как правило, мелкоконтурные и потому неудобные для обработки современной техникой. К тому же нет к ним, в большинстве случаев, никаких дорог: трактор гусеничный, может быть, еще как-то и проберется, а машина — нет... Комбайн — тем более...

В общем, можно было бы и не сокрушаться по поводу зарастания мелких полей вокруг бывших отдаленных деревень, если бы... если бы другие поля были не такими. А между тем бесстрастная статистика говорит вот о чем: средний контур пашни до 1966 года составлял 2,3 гектара при значительной засоренности камнями. За восемь лет после майского (1966 года) Пленума ЦК КПСС в районе было мелиорировано закрытым дренажем только 473 гектара, а на старых полях проведены кое-какие культуртехнические работы. Однако эти, очень незначительные по своим масштабам, работы пока не изменили существенно качественное состояние сельскохозяйственных угодий. По состоянию на 1 ноября 1973 года размер контурности увеличился лишь до 3 гектаров. За этой средней цифрой кроется следующее: 2240 контуров пашни имеют площадь до 1 гектара; 3311 контуров — от 1 до 5; 483 контура—от 6 до 10, 189 контуров— от 11 до 25 и только 47 контуров — от 26 до 50 гектаров.

Хочу обратить внимание читателей на первые две цифры: 2240 и 3311. В общей сложности 5551 поле размером от полугектара до пяти. Можно ли при такой контурности полей говорить об эффективном применении техники? Нельзя. Вывод напрашивается сам собой: нужно провести срочные работы по увеличению размеров контурности. Мелкие поля здесь, как правило, разделены то ли залесенной лядиной, то ли сырой луговиной, то ли межой, на которую крестьяне испокон складывали камни. Топором или лопатой тут ничего не сделаешь. Зато бульдозеру, канавокопателю, камнеуборочной машине тут, по сути, только начать да кончить. Но если бы они были! То есть они вообще-то есть, наша промышленность эти машины выпускает, но в белозерских колхозах их пока очень мало, а объем предстоящих работ огромен: на 14,5 тысячи гектаров сельхозугодий нужно провести осушение, на 18 тысячах — корчевку и уборку набравшего уже силу леса и кустарника, на 12 тысячах —

уборку камня и на 6 тысячах — увеличение контурности.

Если эти работы будут производиться такими же темпами, как до сих пор, если не будет резко увеличено количество мелиоративной техники, то осушение земель в районе завершится лишь через 50—70 лет, а культуртехнические работы — через 25—28 лет. Добавлю, что одновременно с этим придется выделить немало техники на известкование кислых почв и особенно на заготовку и вывозку на поля торфа или торфонавозных компостов.

А между тем, в связи с сселением, многие поля как бы отдалятся. И, чтобы попадать на них с торфом ли, с сеялкой ли, с комбайном, нужны внутриколхозные дороги, хотя бы грейдерные, хотя бы по главным направлениям. Колхоз имени Ленина, убедившись в этом, уже строит их, уже построил 16,5 километра, вложив в каждый километр по 30 тысяч рублей.

Обо всем этом мне удалось переговорить с работниками руководящих и планирующих организаций области. Меня порадовало уже одно то, что они вполне представляют себе трудности, которые во всей неотвратимой реальности встают сейчас перед хозяйствами области в связи с программой мелиорации. В расчете на дополнительно поставленную технику область планирует создать шесть мощных опорных баз для мелиоративных передвижных механизированных колонн (ПМК). Но уже одно название этих колонн — передвижные — выдвигает еще одну, не менее острую проблему — организацию быта механизаторов. Находясь в отрыве от семьи, мелиораторы нередко не обеспечены ни достаточно удобным жильем, ни нормальным питанием. В результате—огромная текучесть кадров. Ее надо избежать. Над этим сейчас думают и областные организации, и районные.

Думают в Вологде и о технической оснащенности ПМК. Планируется увеличение мощностей Вологодского завода по ремонту мелиоративной техники и Сокольского завода по производству керамических трубок, без которых невозможен закрытый дренаж полей.

В общем, мелиорация, как основное звено, заставляет думать и думать и не только деревню, но и город. И это вполне закономерно: только общими усилиями всего народа, всей страны можно решить эту нелегкую, но давно назревшую задачу облагораживания земель Центра России.

II. *На* земле или *над* землей!

Итак, на повестке дня деревень Нечерноземья (в первую очередь северной его части) — сселение и, как следствие, строительство новых, современных по всем параметрам, сел. Надеюсь, сегодня все понимают, что эта, историческая по своему значению, перестройка деревни — не самоцель. Крестьяне этих областей России веками жили в своих рубленых избах и, если бы понадобилось, пожили бы, наверное, и еще... Но в том-то и дело, что такой образ жизни, такой уклад ее пришел в непримиримое противоречие с уровнем механизации сельского хозяйства, с духовными и культурными потребностями самих людей и сдерживает дальнейший рост сельскохозяйственного производства.

Таким образом, сселение диктуется в первую очередь интересами производства, которое сейчас поднялось на качественно новую ступень, ранее деревне недоступную.

Сселяться или не сселяться?— таким вопросом сейчас даже никто не задается: ответ слишком очевиден...

Поэтому и я свой разговор с одним из областных работников, ведающих строительством на селе, начал вот с таких слов:

— Какой была деревня — я знаю. Какой она будет— хочу знать.— Мой собеседник вскинул брови, округлил глаза:

— А что тут, собственно, знать?! Будут не деревни, а села — одно-два на колхоз или совхоз... Квартиры со всеми удобствами.

— В каких домах?

— В новых, разумеется...

— Вот о новых домах в новых селах мне и хотелось бы кое-что узнать: какими они будут — кирпичными, панельными, деревянными? Одноэтажными или двух-, пятиэтажными? Кто будет их строить: каждая семья свой дом или колхоз (совхоз) для каждой семьи? Будет ли житель новой деревни держать корову, заниматься огородничеством, как испокон, или захочет в квартире «со всеми удобствами» жить по-городскому? А если все-таки будет, то где вы думаете поставить сарайку для его скота, выделить участок для сада-огорода? Наконец, жителя деревни невозможно представить без запасов

впрок. Где он будет хранить картошку, бочки с капустой, огурцами, грибами, банки с соленьем и вареньем? И еще — простите за дотошность — где он будет сушить одежду и обувь, вернувшись с поля в ненастье?

К сожалению, ведающий строительством товарищ обо всем этом достаточно ясного представления не имел, и я решил попытать на сей счет саму жизнь. Но и жизнь — скажу заранее — однозначных ответов на мои вопросы не дала, она лишь предложила варианты их, предоставляя выбирать лучший.

Начну свой рассказ опять-таки с колхоза «Родина», что под Вологдой. Здесь, в центре колхоза, в деревне Огарково, за последние полтора-два десятка лет вырос поселок городского типа. Есть, правда, в нем улочка деревянных домов — с них поселок начинался,— но в основном тут двухэтажные (по 12—16 квартир) дома, есть один пятиэтажный (на 70 квартир) и один четырехэтажный (на 53 квартиры). В ближайшем будущем начнется строительство еще пяти многоквартирных домов.

Кроме жилых домов, в поселке уже построено большое здание, в котором разместились и клуб с библиотекой, и правление колхоза. Рядом с ним — школа, детский комбинат, магазин, столовая, спортивный комплекс, котельная...

Квартиры во всех домах, кроме деревянных, со всеми удобствами.

Колхозники, по словам председателя М. Г. Лобытова, вполне довольны таким жильем, хотя, оговорился он, не отказались бы и от индивидуальных домов, если бы в них были все те удобства, какими располагают многоквартирные дома.

Скот в новом поселке держат в основном пожилые люди («Привычка!»), молодые же о коровах не хотят и слышать. Однако свиней и овец держат многие, но, откормив, продают государству (закупочные цены почти равны рыночным), мясо же для себя покупают в магазине: выгодно!..

Зато от земли не отказывается никто: каждая семья за чертой поселка имеет 3 сотки — это садовый, или, как здесь уже можно услышать, дачный участок. На нем ягодники (клубника, смородина, малина, крыжовник), яблони и, по примеру горожан, домик, в котором можно

не только сложить садовый инвентарь, но и переночевать, если захочется, «на свежем воздухе».

Картофель, капуста — на общем для всех участке, который пашется трактором — для экономии времени.

М. Г. Лобытов уверяет, что в многоэтажные дома просятся даже те, кто живет пока в избах, порой даже не очень старых. «И мы хотим пожить по-человечески»,— говорят заявители.

Таким образом, этажность, как мы видим, здесь колхозников не пугает. Не пугает и возникающее в связи с нею неудобство в ухаживании за скотом, потому что все здесь накрепко уверовали в магазинное молоко.

Что касается хранения картофеля и овощей, приспосабливаются кто как может. Некоторые роют погребки на дачных участках, другие — ямы в сарайках, третьи пользуются подвалами... Неудобно. Но зато не возиться с дровами. Но зато — горячая и холодная вода, теплая уборная...

Примерно такой же поселок — центр совхоза «Дубки» — показали мне под Ярославлем. Правда, здесь, в отличие от вологодской «Родины», строительство началось не с деревянных домов, а с кирпичных двухквартирных, но кончилось тем же — 8—16-квартирными домами — их в поселке большинство,— а сейчас готовятся к заселению уже два 80-квартирных дома.

Сарайки здесь построены между домами или сзади них. Выделенная для каждой семьи «клетушка» под общей крышей явно мала: если в нее поставить корову или поросенка, то некуда девать картошку, капусту, огурцы. Большинство в этих клетушках, как и в «Родине», роют ямы, бетонируют их и таким образом получают нечто вроде погреба. Для скота же пристраивают рядом закутки из самых разных, добытых где попало, материалов, и сейчас первоначальные сарайки совсем пропали среди нагромождений закутков для скота, загородок для кур.

Садовые (дачные) участки, и тоже с домиками на них, как и в «Родине»,— за чертой поселка. Любопытная деталь: хотя все они за общим забором, тем не менее отгорожены друг от друга. Зачем? Пояснили бабушки: «Ребятишки балуют... Кабы перед глазами — не посмели, а там разве углядишь?»

Мелочь? Да. Но не такая уж безобидная, чтобы не портить человеку настроение...

Но вот мы вышли на улицу, с которой начинался поселок. Справа — посад одноэтажных кирпичных домов. Перед каждым домом — палисадник, в нем — две калитки к двум крылечкам. Крылечко — три ступеньки. С нижней нога ступает прямо в сад. Я не оговорился: именно в сад, потому что здесь все, как в саду,— и плодовые деревья, и ягодники, и цветы, и даже ульи. В глубине сада, уже за его границей,— деревянный сарай, как и дом, на две семьи, значительно более просторный, чем те, из кирпича... А главное, его не видно, он скрыт зеленью сада. В сарае есть место и для скота, и для всякого скарба, которого в крестьянском обиходе скапливается невесть сколько; а погреб здесь не проблема: дом одноэтажный, под полом — земля. Устраивай, что хочешь.

Еще раз оглядываюсь кругом. Замечательно! Как приятно, наверное, возвратясь с работы, посидеть вот на той скамеечке, в тени деревьев, поостыть, выкурить сигарету, потом босиком пройтись между грядками, порадоваться прущей из земли зелени, потом взять вон тот шланг, присоединенный к торчащему из стены крану (удобно, не надо ведрами таскать), и полить огурцы, помидоры, цветы. После пройти с дымарем к пчелам, достать тяжелую рамку и отведать свежего меду...

«Тут, как говорится, живешь в свое удовольствие»,— сказал мне хозяин садика в ответ на мой вопрос: переехал бы он в новый, 80-квартирный дом, если бы ему предложили? И продолжил: «Не только я, никто не поедет! А из тех, многоквартирных, только свистни — любой!»

И, однако же, как я уже говорил, в новых селах, особенно пригородных, дома строятся преимущественно многоэтажные — пока не выше пяти этажей... Такими домами застраиваются центральные усадьбы расположенных под Вологдой совхозов «Красная Звезда», «Плодопитомнический», колхоза «Передовой», двух птицефабрик...

К сожалению, ничего сельского в облике этих поселков нет: те же стандартные городские дома-корабли, только поставленные среди полей и лугов. Ни издали, ни вблизи они не радуют глаз, не смотрятся: как будто

взяли современный городской квартал и перенесли целиком в поле. Невольно недоумеваешь: зачем?

Видимо, это недоумение посетило не только меня. И в самом деле, ведь эти городские кварталы в полях не на десять и не на двадцать лет, и будущие землеробы (а они не переведутся, пока люди будут есть хлеб!) едва ли будут удовлетворены ими. Селянин захочет — и будет прав! — воспользоваться преимуществом, которое дает ему это звание — жить на земле, а не над землей.

С этим соглашаются все. Но тут же добавляют: дорого и долго.

Веский аргумент, и не считаться с ним нельзя: квартиры в пятиэтажном доме, конечно, значительно дешевле коттеджей и даже двухквартирных домов... И во времени тоже выигрыш — кто станет спорить! А строить — жизнь требует — надо быстро, потому как, если есть квартиры, то, значит, есть и люди в колхозе. Это уже доказано самой жизнью.

Спрашивается, где же выход? Может быть, в неком компромиссе? Что ж, возможно. А это означает: надо искать, экспериментировать, создавать проекты жилых домов специально для села, и не только домов — целых архитектурных ансамблей.

В Вологде — да и не только в Вологде, как я слышал, — так и поступили. Для эксперимента был выбран колхоз «Заря» Грязовецкого района, расположенный, как говорят, на асфальте, то есть на дороге (в данном случае Вологда—Ярославль). Дорога — первое условие подобного строительства: слишком много строительных материалов надо завезти!

Стройка близится к завершению. И я ее видел. Со стороны экспериментальное село смотрится неплохо. Дома в нем в основном двух-, трехэтажные, с лоджиями, два — в центре — в виде башенок — четырехэтажные. Образованные ими улочки удачно расположены по отношению к школе, клубу, Дому быта, административному зданию и образуют в центре просторную и красивую площадь.

Пытались проектировщики решить и другие, связанные со спецификой сельской жизни, проблемы: для личных коров, например, они предложили общий двор с отделением для приготовления кормов. Насколько это

приемлемо, покажет жизнь. Для хранения картофеля и овощей предусмотрели более глубокие и благоустроенные подвалы в жилых домах, хотя и неизвестно, будет ли в них нужный температурный режим.

Рядом с экспериментальным селом, в полутора-двух километрах, стоят две, еще довольно многолюдные деревни: подгородние — они все такие. Председатель «Зари» не намерен сносить их — наоборот, думает расширять, потому что в кирпичных домах квартир для всех не хватит. А кроме того, хочет еще посмотреть, как оно и что...

Знакомясь с поселками городского типа, отдавая им должное, я ни на минуту не забывал, что их существование в известной мере объясняется близостью к городу, что строили их мощные подрядчики из Вологды и Ярославля, каких ни в одном глубинном районе (а Вологодская область, например, с запада на восток раскинулась на 700 километров) нет еще и, наверное, в ближайшее время и не будет.

Надо было поехать в «глубинку», и я поехал, выбрав средний по всем показателям Белозерский район.

Строительство здесь, как и в других районах, ведет только «Межколхозстрой». Его мощность — 2 миллиона рублей в год. Много это или мало — станет ясно, если я скажу, что сметная стоимость одного животноводческого комплекса — 3 миллиона рублей, а таких комплексов уже теперь, безотлагательно, в районе должно быть построено два. Белозерскому «Межколхозстрою», если он ничего больше строить не будет (ни одного дома ни в одном колхозе!), этой работы хватит на три года, а может, и на четыре, так как на сегодняшний день техникой он обеспечен на 80 процентов (не хватает экскаватора, 4 самосвалов, 2 грузовых машин), а рабочей силой — на 50 процентов. Если бы не бригады «шабашников» из Закарпатья, Грузии и других южных краев, строительство вообще было бы вести невозможно.

Для того чтобы Белозерский «Межколхозстрой» мог, наряду со строительством комплексов, вести и жилищное строительство (а строить еще нужно и школы, и клубы), он должен увеличить свою мощность минимум в 2 — 3 раза. Соответственно должно увеличиться и снабжение строительными материалами, и в первую очередь цементом и шифером, которых «Межколхозстрой» и по

нынешним мизерным нормам из года в год недополучает. Кирпич, правда, у него скоро будет: в этом году вступает в строй межрайонный кирпичный завод в Вашках мощностью 10—12 миллионов кирпичей в год.

А жизнь не ждет. Все острее необходимость переселения людей из мелких деревень в центры колхозов, где и дворы, и техника... А главное, школы! В обезлюдевших деревнях (в большинстве!) школы, даже начальные, уже закрылись или будут закрыты в ближайшие годы. В Белозерском районе, например, осталось всего 33 начальные школы (на 6 деревень — одна), и в каждой в новом учебном году будет в среднем по 14 учащихся; то есть по 5 учеников в классе. Семьи, в которых есть дети школьного возраста, спешат переехать в село. Переезжают и строятся на новом месте. Но как?

Покажу это на примере белозерского колхоза имени Ленина.

Не имея возможности обеспечить жильем всех переезжающих, колхоз, как может, поощряет индивидуальное строительство. Переезжающему выдается безвозмездно 450 рублей (подъемные!), выделяются трактор для перевозки дома — тоже бесплатно, кой-какой строительный материал (цемент, кирпич, шифер, вагонка, половая шпунтованная доска...), выделяются люди — для помощи. Время, затраченное ими и самим переезжающим на строительство, засчитывается как работа в колхозе.

Воспользовавшись указанными льготами, за последние два года переехали на центральную усадьбу 12 хозяйств.

В это же время шло строительство жилья и за счет колхоза. Строились деревянные двухквартирные дома. Снаружи они более чем непривлекательны — это приземистые, барачного типа постройки; по торцам — маленькие верандочки, через них — вход в квартиры, состоящие из трех маленьких комнат. Дом, видимо, проектировался для лесных поселков, в нем ни грана от архитектурной эстетики, от северорусского национального стиля, а главное, в нем не чувствуется основательности, капитальности, расчета на долговечность (а ведь обшитый тесом рубленый дом может простоять сто и даже более лет!).

За четыре последних года колхоз построил 6 таких домов. И хотя они похожи на времянки, все же на цент-

ральной усадьбе прибавилось еще 12 хозяйств, и на сегодняшний день их стало здесь 55. Остальные 371 хозяйства находятся пока на своих местах в 43 деревнях, раскиданных по всей территории колхоза.

Не все хозяйства, вероятно, будут переезжать в центр, потому что не в каждом из них есть трудоспособные (из 1147 человек, числящихся в колхозе, трудоспособных только 306, а пенсионеров 411), но большинство все же должны будут переехать.

По генеральному проекту центральный поселок колхоза имени Ленина будет иметь несколько домов и в кирпичном исполнении, правда небольших: один 12-квартирный, один 8-квартирный и два 4-квартирных, в общей сложности на 28 квартир.

Такой дом (8-квартирный) мне довелось посмотреть в колхозе «Приволжье» Ярославской области. Построили его там несколько позже, чем улочку небольших щитовых домиков («завезли откуда-то из-под Архангельска»), но интересно, что, как и в «Дубках», никто в кирпичный дом не рвется. И, наоборот, любой, если бы предложили, переехал из 8-квартирного дома в отдельный, хотя, повторяю, что это всего лишь небольшой щитовой домик. Интересно, чем он привлекает селян? Видом? Но какой же у него вид?! Обшитый вагонкой «теремок» с двумя окнами по фасаду. Окна без привычных для деревни наличников, отчего дом кажется подслеповатым. Немножко веселит его небольшая веранда, рябинка под окном... И все.

Но перед домом и сзади него — огород, или приусадебный участок размером 48 соток. Нашлось на этом участке место и для овощей, и для ягодных кустов, и даже для клевера: хозяин держит корову.

Сарайка — сзади дома, за огородом. Она разгорожена пополам: в одной половине корова, поросенок, куры, в другой — кладовая, в которую свалено все, что в старом крестьянском доме хранилось на чердаке, в чулане, на повети, в том числе обязательные для деревни березовые веники.

Дом, небольшой снаружи, кажется довольно просторным внутри: три комнаты и кухня. Это, видимо, потому, что русская печь, обязательная в старом деревенском доме, здесь заменена небольшой «столбяночкой» с плитой и духовкой. Отопление паровое. «Котельная», если

можно так назвать небольшую железную печку с идущими от нее трубами, расположена на кухне, где, кстати, нашлось место и для холодильника...

— А где вы храните картофель и овощи?— спрашиваю хозяина С. Ф. Кантонистова.

— А вот...— Сергей Фомич чуть отступил в сторону (мы стояли в прихожей) и приподнял квадратный щиток.— Все там...— И добавил:— Нельзя пока что деревенскому жителю без погребка.

Нельзя. А по проекту домики эти должны были стоять на кирпичных столбиках, очень низко над землей. Погреба, таким образом, не планировались. Колхозники подивились такому проекту, посокрушались и решили сделать по-своему: поставить дома на фундаменты, да повыше, чтобы не на карачках под полом ползать...

— Ну, а где держат капусту и огурцы те, что в кирпичном доме живут?

— А кто где... На лестничных площадках, в сарайках...

Сергей Фомич явно невысокого мнения о 8-квартирном доме и убежден, что его дом лучше. Единственно, что плохо,— это вынесенный на улицу туалет. «Для себя бы планировали,— упрекает он архитекторов,— наверное, придумали бы что-то... Сосед мой, видите, уже придумал, к веранде пристроил, и не скажу, что плохо...»

Попрощавшись с С. Ф. Кантонистовым, идем с секретарем парткома колхоза А. М. Проничевой в 8-квартирный дом. Интересно все же, как там... Зашли в квартиру на нижнем этаже. Первое, что бросилось в глаза,— это железная печка-времянка с толстой ржавой трубой под потолком. Оказывается, батареи зимой еле дышали... И во всех восьми квартирах обогревались с помощью вот таких блокадных буржуек.

На кухне, и без того маленькой, сложена печка-плита. «Пойло корове готовим»,— пояснила хозяйка...

И так во всех квартирах.

Помещение для скота — кирпичный сарай под односкатной крышей — здесь почему-то оказалось почти напротив подъезда, в промежутке между домом и коллективным огородом. Навоз из-под коров кучами набросан напротив каждой из восьми дверей сарая... Вот и еще одна проблема.

И я, в который раз, задаю себе вопрос: какой же дом

лучше для селянина? И все больше склоняюсь к тому, что лучше все же **одноэтажный** (пусть даже двухквартирный!), с огородным (садовым) участком **возле него**. Это, на мой взгляд, два обязательных, основополагающих требования к жилью селянина.

Что касается отопления, водопровода, канализации — желательно!.. Но если их нет — тоже не беда. Центральное отопление вполне можно заменить индивидуальным (паровым, электрическим), водопровод — колодцем и элементарным электронасосом, ванну — общественной баней с парилкой и душем...

Хорошо бы, конечно, иметь канализацию. Но давайте на минуту представим себе, что все новые села в ближайшие 2—3 года начнут проводить канализацию и, тогда уж обязательно, водопровод? Хватит ли у нас для такой огромной стройки оборудования? Ну, хотя бы тех же труб?

Короче говоря, решая принципиальные вопросы сельского строительства, мы должны мыслить реально, не отрываться от земли как в прямом, так и в переносном значении этих слов. Поэтому мне особенно приятно было узнать, что проект одноэтажного на две квартиры дома уже существует — снимок этого дома я видел в Ярославле. Дом будет собираться из готовых блоков, производство которых должно быть освоено в ближайшие годы специальными домостроительными комбинатами.

Хорошо, что такие комбинаты планируются и будут построены. Но ни в Вологде, ни в Ярославле никто даже словом не обмолвился, что наряду с такими комбинатами будут пущены в дело деревообрабатывающие заводы, рассчитанные на производство домов из деревянного бруса. Не таких, какие я видел в колхозе имени Ленина, а более просторных, красивых внешне. Уверен, что спрос на добротные, вполне современные деревянные дома был бы практически неограниченным. Да и кому, как не Вологде и Ярославлю, где столько леса, строить деревянные дома. Но, поскольку производство типовых деревянных домов пока не налажено, может быть, стоит предложить селянам, строящимся на новом месте, несколько (на выбор!) проектов рубленого дома, в котором были бы учтены как традиционные особенности уклада сельской жизни, так и современные возможности

(паровое отопление, электричество, газ, новые отделочные материалы и т. п.).

К сожалению, таких проектов нет. В кирпичном исполнении — пожалуйста... Но кирпич — огромный дефицит. В Белозерском районе даже Домов культуры кирпичных только два из девяти, а клубы — все 46 — деревянные, как, впрочем, и школы, детсады, больницы, магазины, столовые, Дома быта...

Говоря все это, я отнюдь не отвергаю блочные дома. Но попробуйте-ка завезите по бездорожью эти блоки в отдаленные районы! Деревянные брусья все-таки легче. А главное, завод, производящий их, скорей можно пустить в дело, да и стоить он будет дешевле, чем завод железобетонных блоков.

Найдутся, наверное, хозяйства, которые все же будут строить многоквартирные дома: дешевле и быстрее... Но разумно ли? Кстати, и зарубежный опыт тоже говорит в пользу индивидуальных домов (коттеджей). Да и у нас, в средней полосе России, колхозники строят себе, как правило, одноэтажные, теперь чаще кирпичные дома.

Смотришь, как они утопают в садах, и радуешься: хорошо! Так и должен жить селянин. В этом его преимущество перед горожанином. И пусть он на здоровье пользуется им!

«Многоэтажными домами,— сказал мне один ярославский журналист,— мы окончательно убьем в крестьянине крестьянина». Его опасение мне кажется не небезосновательным. В самом деле, многоэтажные дома волей-неволей подталкивают селян к городскому типу жизни — не только с точки зрения культуры (что, несомненно, хорошо!), но и с точки зрения ее уклада, быта. Неудобно с пятого этажа таскаться к корове, к поросенку, к овцам, ну и ладно, и не станем заводить их. Будем покупать молоко в магазине, благо, колхоз продает его по потребности. Хуже с мясом, но если не полениться, съездить в город, то...

В колхозе «Родина», в совхозах «Красная Звезда» Вологодской и «Дубки» Ярославской областей, как о чем-то решенном самой жизнью и не подлежащем обсуждению, говорят о том, что «молодежь не хочет держать коров и не будет держать их...». Речь идет о той самой молодежи, которая живет уже в пятиэтажных домах.

Руководители этих хозяйств такое настроение молодых считают вполне нормальным. А нормально ли? Давайте посмотрим на него с разных точек зрения. С воспитательной, например. Скажите, разве человек (особенно подросток) не становится нравственно выше, совершенней, если он вырастит живое существо — теленка, например, или ягненка, поросенка?.. Человеку доставляет радость даже обыкновенный огурец, обыкновенный помидор, куст смородины, за которым он ухаживал с первого зеленого росточка, а тут — бычок с белой звездочкой во лбу, смешно взбрыкивающий на неокрепших еще ножонках...

Ну, что это за селянин, если он не будет знать такой и подобной ей радости? Окружающая природа человеку открывается глубже при активном, деятельном, а не созерцательном, не потребительском к ней отношении. Преображая ее, умножая ее богатства, человек преображается и сам, становится богаче.

И, кроме того, ведь мы хотим, чтобы наши дети не были белоручками, чтобы, став взрослыми, они не боялись никакой работы. Правда, в этом благородном желании мы порой целиком полагаемся на школу, на ее «уроки труда». Но что может быть лучше ежедневных «уроков» на своем дворе, огороде, садовом участке? Ведь эти уроки неоценимы еще и с воспитательной точки зрения. В. А. Грибанов, секретарь Вологодского обкома КПСС, Герой Социалистического Труда, сказал по этому поводу: «Подросток, вырастивший свое дерево, никогда не сломает выращенное другим. А если дерево не сломает, то и на человека руку не подымет». С этим нельзя не согласиться.

«Молодежь не хочет...» — повторяли мне, как факт, с которым, дескать, ничего уже не поделаешь. А собственно почему? Молодежь есть молодежь. Как ее воспитаешь, чему научишь — такой она и будет. Для страны, по крайней мере сейчас, было бы куда легче, если бы каждая сельская семья в отношении молока, молочных продуктов и мяса рассчитывала не только на магазин. Можно себе представить, сколько потребуется построить в колхозах и совхозах дополнительно животноводческих комплексов, если все селяне пойдут за молоком и мясом в магазин. А они уже идут. И горожане это все больше ощущают.

Я обращаю внимание на этот факт потому, что он имеет прямое отношение к жилищному строительству на селе. Селянин, кем бы он ни был — механизатором, животноводом, агрономом, счетным работником, служащим — должен оставаться селянином, не отрываться от земли, выращивать не только картошку, но и фрукты (яблони прекрасно чувствуют себя и у нас, на Вологодчине!), держать корову (проблема сена должна быть наконец решена) или хотя бы овец, или поросенка (по крайней мере, кухонные отходы не надо будет, как в городе, выбрасывать на помойку). А раз это так, то и жить селянин должен не в пятиэтажном доме, а в одноэтажном, с прилегающим к нему приусадебным участком.

И еще об одной, очень важной проблеме в связи со строительством нового села — о дорогах...

Конечно, было бы хорошо, если бы все эти села (по идее — центры колхозов и совхозов) были связаны с районными городками асфальтовыми или хотя бы грейдерными дорогами. Когда-нибудь, наверное, так и будет. Но сейчас... сейчас даже сами эти городки не имеют выходов на асфальт, ведущий к областному городу. И тем не менее машины ходят. И не только летом, когда грунтовые дороги подсыхают, но и весной, и осенью, когда непролазная грязь, и зимой, когда сугробы... По старинке, сельские дороги навылет «простреливают» деревни и села. И кто ни разу не видел деревенскую улицу в пору бездорожья, ранней весной или глубокой осенью, тот при всей своей фантазии не сможет представить ее, как говорят, в натуре. Взрослому человеку, если он не в резиновых броднях, улицу не перейти, а детей и выпустить страшно — утонут...

Когда деревня ездила на телегах, эта беда не была столь страшной: колея от тележного колеса — не то что от скатов машины или колес и гусениц трактора... Но теперь-то, при такой-то технике! Старой улицы ей явно не хватает. В поисках хоть какой-нибудь возможности проехать, тракторы и машины лезут к самым избам, сворачивают углы, вминают в грязь палисады... Неприглядная картина, что и говорить.

Невольно напрашивается мысль: улицы новых сел надо асфальтировать в первую очередь или... Боюсь даже сказать: или прокладывать дороги в объезд новых сел. Пока такого случая я не знаю, потому так робко

и говорю об этом. Но уверен, что жизнь заставит нас поступать именно так. Ну, а пока следовало бы руководителям хозяйств ввести хоть какие-то ограничения в передвижении сельскохозяйственной техники по деревенским улицам. Сейчас об этом никто даже и не задумывается, тем более что ни в одну графу отчета благоустройство деревенской улицы пока не включено.

А механизаторы, которые больше всех улицу корежат, на свой трактор смотрят порой как на личную лошадку: отработал в поле смену — и домой, под самое крылечко. Ну, а если захотелось выпить, а бутылки в запасе не оказалось, опять же гонят трактор, будь до магазина хоть десять километров.

И дело тут не только в несознательности трактористов, а еще и в том, что нет возле деревень гаражей или хотя бы элементарных навесов с хорошими подъездами к ним, с минимальными удобствами для ухода за техникой.

Вот и корежат деревенскую улицу тракторы и машины. А если бы они останавливались у околицы?! Совсем бы иначе выглядели улицы. На них, может быть, травка росла бы. Пройтись по ней — одно бы удовольствие. А справа и слева — за домами — сады бы зеленели, огороды...

Таким в перспективе и должно быть наше новое — социалистическое — село.

Июнь 1974 г.
Вологда—Ярославль—Москва

2 Заказ 1162

Первые версты

Важно, чтобы все парторганизации и коммунисты села прежде всего сами глубоко осмыслили суть задач аграрной политики партии на современном этапе, пути их решения. Они призваны методами партийного убеждения и коммунистического воспитания вооружить пониманием этих задач миллионы людей, вдохновить их, сосредоточить усилия на воплощении в жизнь намеченной партией программы развития сельского хозяйства. Каждый коммунист должен показывать образец самоотверженного труда, быть умелым организатором, распространителем передового опыта, болеющим душой за общее дело, за создание атмосферы дружной, самоотверженной и творческой работы коллектива. Коммунист не может и не должен проходить мимо случаев нерадивого отношения к делу, он обязан быть нетерпимым к фактам бесхозяйственности, пьянства, прогулов и всех других проступков, порочащих честь и достоинство советского человека.

Из доклада товарища Л. И. Брежнева на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС

Вологодчина...

Самое удивительное на этой земле не болота, не холмы, не многочисленные озера, не синие, со спокойным

течением реки, не леса, наконец, а камни... Камни — от огромных валунов, величиной с трактор «Беларусь», до бесчисленных камней, размером с куриное яйцо, с кулак, с детскую голову, с хорошего поросенка. Ну, а уж те, что поменьше, — не в счет. Они то там, то тут залегают мощными пластами и называются гравием — отличным и главным пока строительным материалом для здешних дорог. Впрочем, видел я и посевы по гравию: не лучшая земля, но другой нет...

Говорят, что камни на здешних полях ледникового происхождения. Я верю в это, как верю в то, что вселенная бесконечна, но представить как то, так и другое не могу. В самом деле, ближайшие горы за тысячи километров от этих равнинных и — частью — холмистых пространств... Я имею в виду Скандинавские горы. Но ледники, которые (когда-то, почему-то) скатились сюда и, растаяв, оставили «на память» о себе эти подарочки, зародились, как утверждает наука, именно там, в Скандинавии! И поползли на юг, на юго-восток, делая на земле «царапинки», ставшие потом озерами «ледникового происхождения», теряя по пути валуны и размолотые, чуть ли не растертые в порошок горные породы, иногда широкими «грядами». Кстати, «гряды», как издавна заметили местные жители, остались не только на суше, среди болот, но и в озерах, и в руслах рек. Доводилось мне видеть в Шекснинском районе такую реку. Будто великаны какие мостили валунами дорогу, а она провалилась и стала каменной рекой. Прыгает с камня на камень светлая, как в день творения, вода, рушится бесчисленными водопадами, и если бы не ольха, да не ива, да не черемушник, нависающие над водой, можно было бы подумать, что это не наш русский север, а Кавказ.

Итак, камни. Те, что в реках, в озерах, не в счет. А вот те, что на полях... Ох, сколько силушки крестьянской и в прошлые века, и теперь истрачено на них! И это не просто слова, и не сентиментальный вздох заезжего интеллигента. Тому есть вещественные доказательства — буквально на каждом шагу, в каждом поле. Если это старое поле, на котором полоски отделялись друг от друга межами, то межи эти — можете убедиться — каменные. Пахали на лошадях два соседа свои полоски и, если выпахивали из нижнего пласта очередной ка-

мень, тащили его, надрывая пуп, на межу. Но те камни, что издавна покоятся на межах, далеко еще не все, которыми было усыпано поле. Ежели «лешев подарок» был слишком велик, мужик копал возле него яму, да поглубже, чтоб не скоро «отрыгнул», и с помощью лошади да ваги сваливал его в эту яму, то есть в полном смысле хоронил его в землю. Хоронил, да не навечно. «Лешев подарок» в земле не гнил, а промерзшая за зиму, она, потихоньку да помаленьку, вместе с «рогдой» выжимала его опять наружу, и ахал мужик, и опускал в отчаянии руки, видя, как дочиста убранная недавно полоска вновь покрывалась камнями, и волей-неволей начинал верить в старинную легенду, что «земля камни родит».

Убедившись в тщетности своих усилий, он все же не переставал искать выход из столь горестного положения и отчасти находил его. В колхозе «Мир» Белозерского района, чьи земли расположены за Андозером, за длинными километрами бездорожья, я и теперь видел старые полоски, густо уставленные каменными глыбами, в сумерках похожими на фантастические изваяния. Не имея под руками другой земли (кругом болота да «лядины»), мужики пахали эту землю, лавируя меж камнями. И что удивительно, не особенно роптали на них, так как заметили вскоре, что на урожай эти каменные поля не так уж и скупы: камни, оказывается, прогревшись на солнышке, долго потом хранят в себе тепло и, как печки, согревают землю в холодные ночи, а теплая, она быстрей гонит всходы, сокращая вегетационные сроки растений. «Видели бы вы, какая рожь росла у этих камней!» — вспоминали старушки, рассказывая мне о прежнем житье-бытье.

Теперь «у камней» ничего не растет, земля эта заброшена — и не только в колхозе «Мир», а повсеместно в нашем краю,— потому что лошаденки в иных деревнях совсем повывелись, а конного плуга поискать днем с огнем, и, к слову сказать, даже для того, чтобы вспахать свой огород, колхознику прежде надо хорошо побегать в поисках этого «пережитка прошлого», не говоря уж об упряжи.

Вологодчина, как, впрочем, и соседствующие с нею земли, «славится» еще и мелкоконтурностью полей. И не потому, что лес мешает, — с лесом вологодские му-

жики научились воевать давно — рубили «подсеки», жгли их, выкорчевывали «коренье», и, как говорится, вся недолга — пахали потом и сеяли, — мешают переувлажненные низины и болота. Веками зарились крестьяне на эти земли, как правило ровные, с мощным пластом торфа, но подступиться к ним с лопатой да с топором не могли, вынуждены были вновь и вновь кружить с сохой ли, с плугом ли на увалах, глинистых в большинстве, а вдобавок еще и каменистых.

Правда, кое-где они отваживались-таки занести над болотами лопату, но только при крайней необходимости, и еще тогда, когда этот титанический труд окупался другими природными благами. Так было, я думаю, в знаменитом по Белозерью селе, носившем звонкое и непонятное имя — Мегра. В этом селе мне довелось жить и учиться в довоенные годы. Стоявшее на берегу Белого озера, а также на обоих берегах впадавшей в озеро реки с тем же названием, село Мегра не имело вокруг себя ни одного сколько-нибудь возвышавшегося над озером холмика — сплошь торфяные болота, поросшие мелким сосняком, и переувлажненные, в ракитнике да осиннике, «лядины». Страшно, наверное, было селиться на такой земле ее первооткрывателям. Но зато рядом было озеро, широкое и рыбное, и река — голубая дорога в глубь лесов, к другим землям и селениям. Озером можно было жить; не случайно, видимо, еще в довоенную пору к его имени добавлялось — «золотое дно», ну, а что касается земли, то с нее много спрашивать и не предполагалось, в огороде что-нибудь нарастет — и ладно.

Но село прибывало, все шире и шире по берегу разбегались его избы, а потом и вверх по реке, и без земли жить стало уже невозможно. А земля, как успели убедиться селяне, хорошо отзывалась на доброту — стоило ее только осушить. Неизвестно, в какие века были здесь прорыты первые канавы, но люди моего поколения застали в мегринских полях широко разветвленную сеть осушительных канав — полуторных (полтора аршина в ширину) между каждой полосой и более широких (магистральных) — между полями. Это была самая настоящая мелиоративная система, хотя она так и не называлась в ту пору.

Каждая весна для колхозников села Мегра начина-

лась с подчистки старых канав и рытья новых. Выходили все, кто мог держать лопату: ни экскаваторов, ни бульдозеров, ни канавокопателей тогда в колхозе не было... И какой же хлеб рос на этих полях! Рожь — выше человека! Густая — не продерешься. Не случайно Мегру еще в дореволюционное время называли в народе «второй Украиной»! В голодные годы, рассказывали старики, сюда валом валили из других деревень и сел, чтобы выменять па какую-нибудь береженую вещичку пуд-другой хлеба.

Можно себе представить, что было бы в мегринских полях теперь, когда на помощь колхозам пришла наконец мелиоративная техника, способная не только рыть осушительные канавы, но и делать закрытый дренаж. К сожалению, «вторая Украина» в нашем, Белозерском, районе со строительством Волго-Балта была затоплена. Старинное русское село — родина поэта Сергея Орлова — навеки перестало существовать. И мне, конечно, жаль, что Мегры нет. А односельчане жалеют еще и прекрасную, облагороженную усилиями многих поколений землю.

Несколько слов, в связи с землей, о других сельскохозяйственных угодьях, в частности о лугах и пастбищах. Нетрудно догадаться, что при таком дефиците пахотной земли под луга и пастбища отводились переувлажненные участки, «неудоби», заросшие кустарником, или дальние поймы рек да лесные поляны, до которых, кроме как зимой, по первопутку, и не добраться даже на лошади. Но выкашивались они дочиста. Мужики ревниво следили за тем, чтобы луг не убывал; махая косами, не ленились остановиться и подрубить под корешок любое деревце, которое косе уже не под силу. Не дать зарасти сенокосному лугу — это было заботой каждого. И надо сказать, луга не зарастали. Да оно и понятно: столько было народу, а на сенокос выходили и стар и мал. Траву выкашивали даже там, куда только с косой и можно было пробраться.

Но с годами ручной труд все больше стал вытесняться механизированным. Появились конные косилки, а потом и тракторные. Там, где раньше «бабы с граблями рядами» ходили по лугу, теперь работал один трактор. А трактору с косилкой продраться меж кустами или залезть в мочажину — несподручно. И все ес-

чественные сенокосы год от года стали ужиматься, лес прямо-таки наступал на них и скоро торжествовал полную победу над вековечными лугами.

Впрочем, победа эта объясняется не только неприспособленностью машин к нашим низинным, переувлажненным сенокосам. Главную роль тут сыграло, па мой взгляд, послевоенное безлюдье в деревнях. Не вернулись с войны тысячи и тысячи косарей; оставленные ими на поветях косы так и продолжали ржаветь — взять их в руки было некому. А вдовы солдатские да старики, до изнеможения устав в войну, работать с таким же напряжением и пятый год, и шестой... и десятый уже не могли. Не могли! Как не может работать, например, трактор с «полетевшими» поршнями... Восполнить потерю рабочей силы в деревне машинами страна пока не могла: тысячи городов и сел, сотни заводов, в том числе и выпускавших сельскохозяйственную технику, лежали в развалинах.

Подраставшая молодежь тоже не оставалась в колхозах: слишком уж безрадостной виделась им (да и их матерям — тоже) перспектива на всю жизнь связать себя с землей, одичавшей за эти годы бед и страданий.

Короче, выкашивать травы, особенно на отдаленных лугах, стало некому. Павел Ефимович Блинов, ветеран Великой Отечественной войны, ныне рядовой рабочий откормочного совхоза «Белозерский», сказал мне, показывая через Андозеро, на берегу которого в деревне Устье он живет:

— Хороший сенокос там был. По семьдесят стогов накашивали... Уже после войны. А теперь туда никто даже и не заглядывает.

При таком положении с сенокосами могли ли быть хорошими пастбища? Правда, в цифрах положение с пастбищами выглядело вполне приличным: и заброшенная пашня, и заросшие лесом луга — все включалось теперь в площадь пастбищ. Но отдача от таких пастбищ, как может догадаться читатель, была невелика. Отдаленность от ферм, отсутствие механизированных доильных площадок — все это долго сдерживало рост надоев. Нужно было создавать культурные пастбища...

Да мало ли чего нужно было в ту пору Нечерноземью, его колхозам, его деревням и селам...

Почти 14 тысяч деревень и сел было на Вологодчине еще в пятидесятые годы. И не потому, что вологжане не артельные люди и стремились жить на особинку. Сами природные условия, и в первую очередь клочковатость, отдаленность друг от друга удобных для землепашества земель и еще — отсутствие дорог, диктовали такое расселение. Для патриархального уклада жизни, на коем веками и стояла наша северорусская деревня, такое расселение было вполне нормальным.

Но вот жизнь сделала крутой поворот. Страна взяла курс на индустриализацию и чуть позже — на коллективизацию сельского хозяйства. Для многочисленных строек требовались рабочие руки. И деревня, как главный резерв людских ресурсов, дала их. Тем более что взамен начала получать тракторы и некоторые другие сельскохозяйственные машины (молотилки на конном приводе, ручные веялки и прочее). Значительная часть молодежи двинулась, кроме того, на учебу.

Затем — война. И новая потеря людей, вынужденная и самая большая, самая горестная.

Но отток людей из деревни, и особенно — молодежи, не прекратился и в послевоенные годы, о чем я говорил уже выше.

А тут приспело укрупнение колхозов и совхозов. И те, кто еще жил в деревне, пока в ней было свое правление колхоза и, значит, школа, магазин, клуб,— теперь, лишившись всего этого, тоже снялись с мест и, несмотря на приглашение перевезти свои дома в новый центр колхоза, заколачивали их и уезжали то ли на великие стройки, то ли в город, занимая там всегда вакантные должности дворников и носильщиков на вокзалах. «Уж переезжать — так сразу, без пересадки», — рассуждали люди.

Не удивительно, что некоторые деревни после всего этого опустели — в буквальном смысле: избы, поленницы возле дворов остались, а жителей — ни одного. Есть, правда, и такие селения, где еще теплятся по вечерам два-три окошка на всю улицу,— это остались доживать свой век на родной земле одинокие старушки. Нелегко им приходится: за хлебом, за керосином, за всякой прочей мелочью надо тащиться в центр колхоза, да что сделаешь — другого выхода нет, открывать магазин в такой

деревне никто не станет, да и электричество проводить тоже.

В совхозе «Передовой» Вологодского района еще недавно было сто четыре деревни. Сегодня их осталось восемьдесят семь, а по генеральному плану должно остаться три... Не буду приводить других примеров, в каждом хозяйстве почти такое же положение. Ясно, что при существующей организационной структуре подобная разбросанность людей отрицательно сказывается на производстве.

Таким образом, можно сказать, что сама жизнь выдвинула проблему переселения оставшихся в малых деревнях людей в центры колхозов и совхозов, где теперь должны быть построены и новые жилые дома, и школы, и Дома культуры, и магазины, и животноводческие и другие хозяйственные помещения.

Стоит ли жалеть, что деревни, в первую очередь отдаленные от «больших» дорог и центров укрупненных колхозов и совхозов, пустеют, что избы сносятся, а место, где они стояли, распахивается и засевается? Ведь непривычно как-то, странно это: была деревня — стало поле. Кое-где лишь одичавшие яблони, рябинки да черемухи напоминают о том, что тут когда-то стояли дома; в домах справлялись свадьбы и поминки, рожали бабы, плясали и пели на «беседах» парни и девки.

Что касается изб, то тут все ясно: они в подавляющем большинстве старые, построены еще до революции, и жалеть их было бы смешно. А вот неплохие еще, а кое-где даже новые животноводческие помещения, нерасчетливо построенные в деревнях, оказавшиеся вскоре безлюдными, конечно, жаль. О таком случае рассказывал первый секретарь Череповецкого райкома КПСС А.Н. Шляпкин. «Ошиблись», — признался он. Но «ошибиться» тут мог любой на его месте: начали строить — деревня была, а значит, были и люди, на которых, собственно, руководство и рассчитывало; но пока строили — людей не стало, и скот пришлось перевести в центр, а двор — бросить. Обидно, конечно. Но что сделаешь: жизнь нередко вносит существенные поправки в наши планы и расчеты.

Но вернусь к деревням — и к тем, которых уже нет (из 14 тысяч в пятидесятые годы сейчас в области осталось уже девять тысяч деревень), и к тем, кото-

рым предстоит разделить судьбу уже исчезнувших. Жалей не жалей, а время этих деревень прошло. Я бы даже сказал, что они слишком зажились на Вологодчине. На дворе давно другой век — век научно-технической революции, а они все еще стоят, с покосившимися избушками, с замшелыми крышами дворов да телятников. Пусть исчезают. Давно пора!

Но вот память о них, мне думается, надо бы сохранить. Об этом мне говорили во многих колхозах. Ведь это же страница истории народа! Из многих этих деревень вышли прославленные люди — военачальники, советские и партийные руководители, знаменитые доярки и пахари, заслуженные учителя и врачи, строители... Как сохранить память — нужно подумать. Но сделать это надо обязательно! У людей деревни, даже самой маленькой, есть заслуги перед Россией, перед Отечеством!

Мелкоконтурные, зажатые лесами и болотами и вдобавок засоренные камнями поля; переувлажненные и зарастающие лесом сенокосы; старые, почерневшие от дождей, обезлюдевшие деревни; довольно еще крепкие, нередко сложенные из кирпича, хотя и не полностью механизированные, голов на сто—двести коровники; плохие, в основном гравийные и грунтовые, и потому в распутицу почти непроезжие дороги; острая нехватка рабочей силы, особенно доярок; недостаток техники и минеральных удобрений...

Такой, в общих чертах, подошла Вологодчина — типично нечерноземный, но издревле землепашеский и молочный край Центральной России — к десятой пятилетке.

Подошла, что греха таить, изрядно уставшая, заметно постаревшая, но не с пустыми руками. Даже и в тех нелегких условиях, о которых сказано выше, она не сидела за печкой, работала, увеличивала урожаи, производство продуктов животноводства, доказывая тем самым, что возможности ее, как и всего Нечерноземья, далеко не исчерпаны и сбрасывать сей факт со счетов, по меньшей мере, неразумно.

Колхоз «Родина» Вологодского района, получивший редкую возможность еще до постановления мелиорировать свои земли, заправить их торфонавозными компостами, стал собирать 45—47 центнеров зерновых с гек-

тара. Сортоиспытательный участок в Тотемском районе (заведующая Гладкова А. А.) получил среднегодовой урожай за девятую пятилетку 40 центнеров с гектара.

«Позвольте, — скажет читатель, — да это же и для Кубани даже неплохо! Уж не ошиблись ли вы?»

Нет, не ошибся, уважаемый читатель. Но хочу сделать оговорку: в целом по области урожай, конечно, был значительно ниже: около 15 центнеров с гектара в 1977 году. Но по сравнению с урожаем 1965 года — больше на 6,4 центнера. Все эти примеры красноречиво говорят, что вологодские хлеборобы действительно не топтались на одном месте!

В животноводстве, особенно молочном, тоже был сделан к этому времени немалый шаг вперед — от 1980 килограммов молока от коровы в 1965 году до 2585 килограммов в 1977 году.

И вот июнь 1978 года. Середина десятой пятилетки. Третий год из пятнадцати, отпущенных постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР на осуществление программы по Нечерноземью. Очень хочется посмотреть, какие изменения произошли в родных краях за последнее время. Желание это с каждым днем все больше и больше овладевает мной, и наконец, бросив все дела, я начинаю собираться в дорогу.

Звоню в Вологду, сообщаю о своем намерении приехать, побывать хотя бы в некоторых колхозах и совхозах близлежащих районов, в том числе Белозерского, — моей родины. Вологда не возражает, но выдвигает встречное предложение — принять участие в двухдневном (15 и 16 июня) семинаре первых секретарей райкомов с выездом в колхозы и совхозы Череповецкого и Кадуйского районов.

Секретарь Белозерского райкома КПСС Юрий Александрович Прилежаев, в свою очередь, сообщил, что он тоже будет на семинаре, и волей-неволей знакомство с делами района придется отложить на следующую неделю.

Меня такое предложение вполне устраивало, и я согласился. Едва ли представится более удобный случай повстречаться сразу со всеми руководителями районов...

В Вологду я приехал на три дня раньше и до нача-

ла семинара успел побывать в пяти хозяйствах Вологодского, Грязевецкого и Кирилловского районов.

Затем — семинар. Вместе с райкомовцами в двухдневную поездку отправились секретарь обкома КПСС по сельскому хозяйству С. А. Осминин (он руководил семинаром), заведующий сельхозотделом обкома КПСС М. Ф. Сычев, редактор областной газеты «Красный Север» Н. М. Цветков. Передовой опыт, который предстояло изучить секретарям райкомов, предполагалось довести потом через печать до сведения всех работников сельского хозяйства области. Забегая вперед, скажу, что так это и было.

Специальный автобус с микрофоном и усилителями (что в такой поездке весьма важно) завез участников семинара сначала в колхоз «Делегат» Череповецкого района, затем в совхозы «Мяксинский» и «Политотделец», оттуда на межхозяйственный, по откорму крупного рогатого скота, комплекс «Кадуйский», и в завершение всего — на Череповецкую птицефабрику, одну из трех, входящих в Череповецкое объединение.

На следующей неделе, 19 июня, такой же, по сути дела, семинар, но уже с руководителями колхозов и специалистами — агрономами и зоотехниками, — состоялся в Белозерском районе. Присоединился я и к этому семинару, начав вторую, довольно объемистую записную книжку.

Перелистывая потом страницы этих книжек, испещренные бесконечным количеством цифр, беглыми заметками об увиденном, почти стенографическими записями диалогов, реплик, рассказов об опыте, я долго размышлял, как же все-таки изложить это на бумаге. Может быть, в том же порядке, как это было, с протокольной точностью... Но тогда неизбежны повторы, придется снова и снова возвращаться к проблеме, о которой речь уже шла... Не годится. Надо, решил я, выделить главные проблемы и говорить о каждой в отдельности, привлекая для наглядности примеры из практики всех хозяйств, в которых довелось побывать мне за эти дни.

Земля

Первый, и самый главный (и самый радостный!), вывод из увиденного можно, пожалуй, выразить вот

этой короткой фразой: земля нечерноземная преображается! На фоне бугорков, которые пахали деды, бугорков, похожих на плешинки в окружении лесов, обязательно с грудами камней на былых межах, новые поля, разработанные мелиораторами с посильной долей участия самих колхозов, кажутся сказкой, захватывающей фантастикой. Хорошо сказал, выражая эти чувства, Г. Н. Пономарев — председатель «Зари» Грязевецкого района:

— Если бы поднялись сейчас наши деды и прадеды и глянули на наши поля — не поверили бы... Сказали бы — не наши это места, мы тут не жили.

Герман Николаевич говорил мне это, показывая уже засеянные поля по 100 и более гектаров, а поле, которое будет подготовлено в этом году, раскинется на 300 гектаров.

Я вполне разделял восторг Г. Н. Пономарева и не меньше его восхищался сам. Но оказалось, такие площади отсюдь н предел для Вологодчины. На следующий день в колхозе «Коминтерн» Кирилловского района я видел засеянное, с прекрасными всходами поле площадью 800 гектаров! А всего в этом колхозе 1500 гектаров новых полей, на которых заложен закрытый дренаж и произведено окультуривание почв. Последнее, кстати, для наших земель столь же необходимо, как и регулирование водно-воздушного режима. С помощью мощных бульдозеров буквально стираются с земли кустарник и мелколесье, росшие на низинных местах и на клочки разрывавшие поля. Правда, при этом приходится временно жертвовать верхним, гумусным, слоем, но при наличии комплекса созданных для этой цели машин за четыре-пять лет плодородный слой окультуренного поля можно восстановить. И выручает в этом деле торф, вековые залежи которого имеются в большей части вологодских колхозов.

Непростое, очень трудоемкое это дело — вывозка торфа на поля; нужны экскаваторы, чтобы прорыть канавы и осушить хотя бы верхний пласт торфа; нужны мощные бульдозеры, чтобы сгрудить его в валки, нужны погрузчики; нужны самосвалы или тракторы с прицепными тележками и, наконец, нужны торфоразбрасыватели... Ни одной из этих операций не выполнить вручную, с помощью лопат, будь хоть того больше народу

в колхозах... А при нынешнем безлюдье — и тем более.

Правда, во многих передовых хозяйствах в эту длинную производственную цепь включено еще одно звено: торф, прежде чем попасть на поле, перемешивается с навозом и минеральными удобрениями. Иногда, в сухом виде, он используется в качестве подстилки на скотных дворах и уже потом, обогащенным, вывозится на поля.

В совхозе «Политотделец» Череповецкого района и эта работа (назовем ее работой по производству торфонавозных компостов) творчеством механизаторов и сообразительностью чуткого ко всему новому, прогрессивному, директора совхоза А. Д. Полежаева механизирована. Для этой цели возле молочного комплекса на 1000 коров забетонирована нужных размеров площадка, и на ней сооружены тридцатитонные весы. Для компостирования торфа здесь используется не столько навоз, сколько куриный помет, который совхоз вывозит с птицефабрики, расположенной неподалеку.

— Ежедневно смешиваем семьдесят тонн куриного помета, сто тонн торфа и плюс минеральные удобрения,— рассказывал секретарям райкомов А. Д. Полежаев.

— Сколько стоит ваша площадка? — спросил кто-то из секретарей.

— Сто тридцать семь тысяч рублей. Но она уже окупилась многократно. Такая площадка теперь нужна всем. Очень рекомендую.

В том, что площадка эта окупилась, участники семинара смогли убедиться тут же, едва отъехали от комплекса. Автобус остановился посреди огромного поля — 200 гектаров озимой пшеницы и ячменя. До мелиорации тут были сырые торфяники и непролазный кустарник. Сейчас поле просматривалось насквозь и было похоже на огромную изумрудно-зеленую тарелку. Если бы не закрытый дренаж — не могло быть и речи о том, чтобы землю эту распахать: середина «тарелки» собирала влагу со всех двухсот гектаров и всегда оставалась недоступной не только для трактора, но даже и для лошади с плугом.

Всходы, несмотря на очередной каприз природы нынешней весной (дождя не было с 23 апреля по 10 июня), были прекрасными.

— Пятьдесят центнеров даст, не меньше! — сказал директор «Политотдельца», показывая на пшеницу. Но

кто-то из секретарей, с определенной долей зависти, поправил его:

— Даст все шестьдесят!

Цифры, прямо скажем, непривычные для наших мест.

Хорошо развивались и всходы ячменя. Ячмень, как дружно решили все, обещал 40 центнеров с гектара.

— Вот что такое мелиорация и химизация! — уже в который раз подчеркивал Осминин.

Но и в этом не все блага мелиорации. Директор совхоза имени 50-летия Октября Вологодского района Л. Н. Бурцев рассказал мне:

— Десятого мая в эту весну грянул невиданный в такую пору снегопад. Двадцать сантиметров навалило снегу. Растаял — кругом грязища, лужи, а на мелиорированном поле сразу же можно было сеять, влага быстро ушла.

О том, что мелиорированные поля позволяют раньше начать весенний сев, рассказывал мне еще года три назад и председатель колхоза «Родина» Вологодского района, Герой Социалистического Труда М. Г. Лобытов. А это очень и очень важно для Вологодчины. Раньше посеешь — раньше уберешь, до начала затяжных дождей, столь характерных для нашей зоны.

В колхозах, где имеется соответствующая техника, решается и проблема пастбищ. От пастьбы в лесу, на вырубках, на заболоченных лугах колхозы один по одному отказываются. Расчищенные в результате культуртехнических работ площади, как и поля, распахиваются, выравниваются и засеваются травами. Затем площадь разбивается на «клетки». Здесь, в каждой «клетке» поочередно, будет пастись скот. Культурное пастбище.

Не сразу, конечно, затраты на оборудование культурных пастбищ (как и окультуренных полей) окупаются, или, как выразился секретарь Кирилловского райкома КПСС А. И. Притыченко, «начнут приносить отдачу». Пройдет три года, рассказывал он, пока разовьется корневая система сеяных трав, и еще года два, пока земля восстановит гумус... Практически только через пять лет пастбище начнет «работать», а планирующие органы, к сожалению, не понимают иногда этого. Дескать, столько средств выделили вам на мелиорацию и культуртехнические работы, а отдачи — никакой... Хочется сказать этим товарищам: мелиорировать землю,

облагородить ее — это ведь не репку посадить: весной посеял, а осенью с помощью мышки выдернул. Не торопитесь! Будет отдача! Обязательно будет! Ведь мы, по сути, три года назад только начали это дело. Вон в республиках Прибалтики — там уже практически все земли облагорожены, я сам видел это, и давно приносят отдачу. Так будет и у нас!

Проблема культурных пастбищ особенно остро встала сейчас в связи со строительством крупных животноводческих комплексов. Скот со двора на сто голов, худо-бедно, можно было пасти и по-старому, в лесах и на лугах, но для комплексов на 800—1200 голов необходимы культурные пастбища! Больше того, культурные пастбища, как показала жизнь, надо было строить даже раньше, чем комплексы, чтобы при переводе в них скота не допустить снижения надоев. К сожалению, в большинстве случаев получилось наоборот: комплекс построен, а культурного пастбища нет.

Возле Белозерска в июне заканчивалось строительство первой очереди (на 2 тысячи голов) комплекса по откорму крупного рогатого скота. Весь комплекс рассчитан на 4 тысячи голов и на местные корма. Территория вокруг комплекса — торфяники, поросшие старым, но невысоким, как и бывает на переувлажненных площадях, сосняком и чернолесьем. Они-то, эти торфяники, и должны стать главной кормовой базой строящегося комплекса. По проекту нужно осушить, убрать лес и мелиорировать закрытым дренажем тысячи гектаров торфяников.

Вся мелиоративная техника района сейчас сосредоточена здесь, на участке возле комплекса. Я видел, как она работает. Особенно хорош дренажный экскаватор. Двигаясь согласно натянутой проволоке, он роет на заданную глубину траншею, а рабочий, сидящий в железной коробке-кабине, которая перемещается по готовой уже траншее, укладывает на ее дно керамические трубки, прикрывая стыки трубок, как бумажными салфетками, мягкими квадратиками стекловаты. Он же успевает присыпать их землей...

Красивая, тонкая, я бы даже сказал, ювелирная работа! От того, как будут уложены трубки и особенно прикрыты стыки их, будет зависеть исправность и, значит, долговечность всей системы.

Прорыты уже на этом участке и магистральные канавы. Под верхним, гумусным слоем здесь оказался песок, и откосы этих широченных канав размываются дождями. Чтобы этого не происходило, приходится укреплять их дерном, что и делали в тот день рабочие.

Самый мощный трактор «Кировец» с восьмилемешным плугом распахивал и культивировал мелиорированные участки, бульдозеры выравнивали их. Следующая операция — торф. Его будут возить в первую очередь на те места, где обнажился песок.

К концу нынешнего года возле Белозерского комплекса будет подготовлено к эксплуатации около 800 гектаров. А первая очередь комплекса вступала в строй уже в июле — августе, причем значительно позже намеченного срока. Едва ли эти 800 гектаров в следующем году сыграют существенную роль в кормовом балансе комплекса. Ведь их еще надо залужить, и т. д., и т. п.— не стану повторяться.

Короче говоря, налицо реальные трудности, которых могло и не быть.

— Да, нелегок наш хлеб,— подытоживая свой рассказ о делах района, сказал однажды Юрий Александрович Прилежаев. И добавил:— Я иногда думаю: чем же занимаются люди в тех местах, где камней-то нет? А мы и до начала сева с ними обнимаемся и после уборки... А тут еще торф... Попробуй перевези землю с места на место. Не вспаши, а именно перевези! А мы перевозим. Выходит, машин-то нам побольше бы следовало продавать, чем тем, кто об этих работах и понятия не имеет. Побольше бы нам и плужных лемехов. На наших закамененных полях они очень часто ломаются и быстро изнашиваются. Смешно сказать, но иногда трактор стоит из-за того, что нет исправного плуга.

Я не мог не согласиться с секретарем райкома. Нечерноземью, начавшему по воле партии настоящую революцию по преобразованию сельскохозяйственного производства, нужна техника. Мелиоративные отряды (ПМК — передвижные механизированные колонны), которыми сейчас располагают районы, к сожалению, пока немногочисленны и маломощны. Руководители районов, видимо, правильно делают, что не распыляют их, сосредоточивают на землях какого-нибудь одного хозяй-

ства, но зато десяткам других хозяйств остается лишь ждать своей очереди. Ждать же некогда...

А то, что на мелиорированных полях хлеба растут отменные, это факт. В колхозе «Заря», уже упоминавшемся мною, ячмень на мелиорированных полях дает 40 центнеров с гектара, а средний урожай по колхозу 23 центнера; 45—47 центнеров ячменя с мелиорированного гектара собирает колхоз «Родина». Колхоз «Свобода» Кирилловского района в 1977 году собрал по 30 центнеров с 800 гектаров. Не меньший урожай ожидает это хозяйство и в 1978 году.

При такой урожайности затраты на мелиорацию быстро окупаются, примерно за пять лет. Значит, овчинка, как говорится, стоит выделки! Правда, при одном условии: если мелиоративная система будет содержаться в порядке. На самотек в этом деле, как показал уже печальный опыт некоторых хозяйств, полагаться нельзя. Это хорошо понял директор совхоза имени 50-летия СССР Бурцев Леонид Николаевич. У него в совхозе создано постоянно действующее звено по уходу за мелиоративной системой и ее ремонту. За звеном закреплена вся необходимая техника, которая может быть отвлечена на другие работы только в том случае, если не занята прямым делом — ремонтом системы.

Разумеется, урожаи, о которых раньше в Вологде и не слышали, обусловлены не одной мелиорацией, а еще и химизацией.

Отрадно, что удобрений Нечерноземье с каждым годом получает все больше и больше. И это — результат политики партии, взявшей курс на химизацию сельскохозяйственного производства. Все новые и новые фабрики удобрений вступают в строй. Город Череповец, известный всей стране как город металлургов, за последние годы стал еще и городом химиков. Удобрения, выпускаемые его химзаводами, уже можно встретить во всех уголках Вологодчины.

Однако скажем прямо, результат от их применения не везде одинаков. Наибольший эффект удобрения дают там, где их умеют применять. Мастером химизации слывет в области директор совхоза «Мяксинский» А. Ф. Сазонов. И семинар секретарей райкомов не минул это хозяйство. У Сазонова свои, практикой выработанные правила внесения удобрений. Он точно знает, когда, ка-

кое, в каком сочетании и на какую глубину нужно внести удобрение. От этого многое зависит. И не удивительно, что совхоз только за счет грамотного внесения удобрений и высокой культуры земледелия добился прекрасных результатов.

А вот что рассказал мне по этому поводу Геннадий Леонтьевич Селезнев — молодой директор совхоза «Коминтерн» Кирилловского района:

— На весь весенний сев каждой бригаде я разработал самый конкретный план-задание: на какое поле какое удобрение внести, норма на гектар, в сколько следов и в какое время... И еще — кто будет выполнять эту работу. Задание было доведено до каждого исполнителя, и принят экзамен по технике внесения удобрений... Результат налицо. Можете посмотреть на наши поля, они не соврут.

И у Селезнева, и у Сазонова удобрения не валяются где попало, чаще в старых, с протекающими крышами, овинах и сеновалах, как это доводилось мне видеть в других колхозах и совхозах, а аккуратно сложены в специально построенных хранилищах.

Между прочим, кто как относится к удобрениям, видно по всходам. Там, где удобрения внесены грамотно и добросовестно, всходы ровные, одинакового цвета во всю ширину поля, и, наоборот, если всходы разномастные, пегие — то темно-зеленая полоса, то бледная, как только что из-под снега,— знай, что тут еще не перевелись халтурщики, для которых минеральные удобрения значат не больше, чем песок или гравий.

Ведь сейчас даже любой бабке понятно, что никакое другое усилие не дает столь весомой прибавки в урожае, как минеральные удобрения. Сохрани их, внеси с умом, аккуратно — и будешь с хлебом. Ан нет, не доходит до некоторых руководителей эта азбучная истина современного земледелия...

Животноводство

«План по молоку», «план по мясу», «животноводческий комплекс», «корма», «надои», «привесы» — вот самые популярные сейчас слова у вологжан — от рядового работника животноводства до секретарей райкомов и обкома.

Однако надои в целом по области, несмотря на все старания животноводов, еще и в июне шли с большим минусом по сравнению с тем же периодом прошлого года. Были, конечно, хозяйства, которые «плюсовали», но «минусующих» все же насчитывалось больше.

В чем дело?

В том, что зимовка скота опять была трудной: многие хозяйства снова «просчитались» с кормами, а выгон коров на свежую травку задержался: сначала сушь, а потом холода помешали росту трав, кое-где от бескормицы начался падеж, о чем мне писал еще в Москву один мой старый знакомый.

Корма!.. Вечная проблема для животноводства в нашем крае. Корма — не животноводческие помещения — в первую очередь сдерживают рост надоев, хотя за последние два десятка лет он и вырос с 1619 килограммов в 1957 году от коровы до 2585 в 1977-м.

Решить кормовую проблему для Вологодчины — значит сделать новый шаг в производстве молока. Надои, которые стремятся и должны получать сегодня колхозы и совхозы, на одном силосе не получишь. Нужно сено. Нужен сенаж. Витаминно-травяная мука (или гранулы). Нужны, наконец, концентраты. Ну и летом — культурные пастбища.

Силос теперь закладывают все. Реже в облицованные бетонными плитами траншеи, чаще — просто в землю (глубинным районам «достать» эти плиты невозможно). Вроде бы просто и дешево. Да, но слишком уж велики отходы у этого «земляного» силоса! Кому из нас, кто бывал в сельской местности весной, не доводилось видеть эти черные гниющие отвалы по краям силосных траншей? А в самих траншеях — нефтяного цвета жижу, настоявшуюся опять же на отходах силоса? Никто не считает, сколько тонн драгоценного корма погибает в этих отвалах. И плюс — человеческого труда. Считают только вес засилосованной массы, да и то «на глазок».

Удивительно, что отходы эти никого не возмущают, к ним привыкли, более того, их как бы заранее планируют даже. Павел Ефимович Блинов, вернувшись как-то с силосования, на мой вопрос, много ли «сделали» сегодня, сказал: «Да понавалили порядочно... Яму вот только не почистили... Откачать бы, да чем? Силосуем-

то вон где, за озером... Так в жиделягу эту и валили...»

Сокрушался по этому поводу Павел Ефимович. А что делать? Рыть новую яму? И так уже все взгорки перерыты...

А как с витаминной мукой? С гранулами? Массовое производство их только налаживается. А корм прекрасный получается. И, главное, безо всяких отходов. Все сто процентов в дело! Вместе с секретарями райкомов мне довелось увидеть в совхозе «Мяксинский», как работают эти замечательные агрегаты. Свежая, только что скошенная рожь (специально для этой цели посеянная) на наших глазах превращалась в сухую зеленую муку... Один за другим наполнялись ею бумажные мешки. А на Череповецкой птицефабрике такую же траву хорошо отлаженная техника (АВМ-1,5) превращала в спрессованные, тоже совершенно обезвоженные гранулы...

Вот оно, последнее и очень веское слово науки и техники. Чтобы получить сено, нужно солнце, вёдро, а тут — коси в любую погоду... А главное, и мука, и гранулы сохраняют почти все качества свежей травы.

Думаю, что будущее за этими агрегатами. Все дело в том, как скоро промышленность сможет обеспечить ими колхозы. Ну, а колхозы, в свою очередь, — подготовить специалистов для работы на них.

Теперь о животноводческих помещениях. И в этом деле, если сравнивать с пятидесятыми годами, есть прогресс, и немалый. Старые женщины, да и не очень еще старые, хорошо помнят, какими были они, дворы первого послевоенного десятилетия. Никакой механизации... Раздать корм, наносить воды, убрать навоз и, наконец, подоить — все руками... Доярку тех лет можно узнать по рукам — узловатым, тяжелым... И больным... Надо бы памятник поставить этим великим труженицам! Награды, грамоты да пенсии — это лишь малая плата за тот в полном смысле героический труд, которому они отдали всю жизнь.

Не стану более подробно описывать те дворы — я их видел в свое время сотни,— слишком неприглядной получилась бы картина. Скажу только, что порой дело доходило до курьезов. Копился на дворе навоз — убирать не хватало сил. Наконец доходило до того, что коровы начинали уже рогами подпирать потолок. Что делать? Попробовать вывезти навоз? Но сколько же си-

лушки придется положить?! Ведь вся техника-то — две руки да вилы навозные. Нет, не получится. Лучше перенести двор на новое место, а навоз пусть останется тут. Так поступили в моей родной деревне. Да и не только в ней, наверное...

Автопоилки и подвесные дорожки для вывозки навоза, когда они появились, все сочли за великое благо. Ну, а про электродойку — и говорить нечего. Сказка! Близка к решению и проблема уборки навоза — где-то его стали выталкивать по бетонированному центральному проходу бульдозером, где-то установили скребково-ленточные транспортеры, где-то внедрили гидросмыв...

Труд на дворе стал значительно легче. Старые доярки, теперь пенсионерки, глядя на новшества, ахают: «До чего же добро-то!.. Дивья теперь работать!»

Но... меняется техника — меняются и вкусы. Нынешним дояркам и этого мало! Особенно девчатам! Они телевизор смотрят: знают что почем. Их не устраивает «разорванный» рабочий день — первый раз надо прийти на двор в четыре часа утра, второй — около обеда, и третий... Впрочем, неважно, во сколько часов надо прийти в третий раз, важно, что слишком поздно придется возвращаться — в девять, а то и в десять часов, когда уже кино, например, в клубе или по телевизору кончается... А ведь девчатам, чтобы поспеть хотя бы на гулянье или на танцы, надо еще и помыться, и прическу сделать, и переодеться... Дело-то молодое. И, не дай бог, если парень какой-то, пусть не с упреком, пусть в шутку, скажет: «Ах, как приятно силосом от тебя попахивает!» Со стыда сгореть можно!..

Но и это еще не все. Не устраивает девчат еще и грязь на дворе, и особенно вокруг двора. Ведь весной и осенью, да и летом, когда пройдут дожди, к большинству наших дворов только на тракторе и можно подъехать. И они подъезжают, тракторы: корм подвозят, транспортируют молоко, убирают навоз... Большая помощь для ферм — тракторы. Но и беда немалая. Земля вокруг дворов ими буквально вздыблена, тут и колеи глубоченные, и ямы, наполненные грязью... Да если бы только грязью.

— Отпугиваем молодежь от ферм, — имея в виду вышеизложенное, рассказывал мне директор совхоза

«Николоторжский» Афанасьев Константин Кириллович. И продолжал: — Комплексы, на которые была сделана ставка в постановлении по Нечерноземью, дело не одного года и не двух, а десятилетий. Однако некоторые горячие головы решили, что со старыми дворами можно уже кончать: разваливаются — и ладно. Но жизнь быстро отрезвила таких «романтиков». У нас в районе на десятую пятилетку было запланировано пять комплексов. С трудом построили один, а на четырех пока поставили крест... Сил не хватает. И все увидели, что старые дворы рано списывать. Теперь нам настойчиво внушают: надо, мол, модернизировать старые дворы. Правильно, надо. Но где взять оборудование? Под старые дворы никакое оборудование не планируется. А нам нужны и автопоилки, и скребковые транспортеры для уборки навоза... Наконец, нужны бетонные плиты для обустройства подъездных путей к фермам и хотя бы небольших площадок у подъездов. Сделай все это, и тогда девчат не надо будет тянуть за рукав на ферму...

Сказал это Константин Кириллович и тяжело вздохнул:

— Сделай... Но как сделать? Подъездные пути не включаются в смету даже при строительстве нового комплекса... Посыпьте, говорят, песочком — и все. Вот уж поистине — «гладко было на бумаге»...

Но это речь о старых дворах. А что на комплексах?

Возьму для примера два молочных комплекса — в колхозе «Заря» и совхозе имени 50-летия СССР. В «Заре» заканчивается строительство единственного в своем роде экспериментального поселка. Доярки, обслуживающие комплекс, живут в этом поселке, в благоустроенных, со всеми удобствами квартирах, в двух-, трех- и четырехэтажных домах. Культура быта здесь, вполне понятно, выше, чем в деревнях, в которых ни одного такого дома пока не построено. Но ведь культуре быта в поселке должна соответствовать и культура на комплексе. Думаю, что с этим никто не станет спорить.

Вроде бы все так и есть. Комплекс механизирован, имеет «бытовку», в которой и гардероб для смены одежды, и душ с горячей водой... И все-таки, как рассказал мне председатель колхоза Герман Николаевич Пономарев, молодежь на комплекс не идет. Может быть, заработки низкие? Нет, заработки вполне приличные...

— А во сколько смен работают ваши доярки? — спросил я.

— В одну, — был ответ.

На следующий день я знакомился с молочным комплексом в совхозе имени 50-летия СССР. Леонид Николаевич Бурцев, директор совхоза, рассказал:

— У нас доярки уже десять лет работают в две смены. И ни за что не согласятся теперь перейти на односменку. Убедились: намного удобнее. Наверное, поэтому и проблемы кадров для комплекса у нас нет. Девчата охотно идут доярками. А бывало, уедешь в город на день-два — болит душа, будут подоены коровы или нет. Теперь я не беспокоюсь: что бы ни случилось — на дворе будет порядок.

Директор совхоза «Передовой» Василий Михеевич Махалов нашел другое решение этой проблемы. У него доярки работают по звеньевой системе. В звене — четыре женщины, через три дня одна отдыхает. Каждая обслуживает по шестьдесят восемь коров. И эта система В. М. Махалову тоже кажется прогрессивной. Во всяком случае, в «Передовом» особых затруднений с подбором доярок тоже нет.

Такая же картина с кадрами на комплексе по откорму крупного рогатого скота «Кадуйском». Об успехах этого комплекса, созданного на базе межхозяйственной кооперации, я расскажу ниже. А сейчас только о кадрах. Комплекс построен недалеко от районного центра, в котором есть, конечно, и средняя школа. Так вот, многие ученики этой школы, побывав не раз на комплексе, ждут не дождутся выпуска из школы, чтобы пойти туда работать. Любопытен и такой факт: заведующая отделом кадров сельхозуправления временно пошла на комплекс, чтобы научить работать молодых, да так полюбила новую работу, что возвращаться на прежнюю уже не захотела. Так и трудится на комплексе мастером-оператором. Заметьте — не телятницей, а мастером-оператором. Руководители района уверяют, что и это немало значит, когда речь идет о профориентации молодежи. «Кем ты работаешь?» — «Мастером-оператором». Звучит!

В тех же хозяйствах, где такие «мелочи», как «разорванный» рабочий день, комплексная механизация, культура на ферме и вокруг фермы, не учитывается, проб-

лема доярок остается одной из самых острых проблем. Не находится замены даже заболевшей доярке. При таком положении трудно планировать не только отпуска доярок, но даже выходные дни. Неиспользованные отпуска и выходные дни, конечно, оплачиваются, но все равно такое положение нельзя считать терпимым. В Сямженском районе подсчитали как-то, сколько же дней в году работают доярки, и развели руками: триста пятьдесят! Пятнадцать дней в году и на выходные, и на праздники, и на отпуск...

Услышав такое, можно подивиться трудолюбию сямженских животноводов, но можно и упрекнуть руководителей хозяйств, которые, видимо, забыли, что «на дворе» не обездоленные послевоенные годы, а стремительные семидесятые, отмеченные неслыханными успехами научно-технической революции. Эта революция с головой накрыла своим высоким валом таких руководителей, а они, барахтаясь под ним, живут старыми представлениями о человеке, об уровне его культурных и духовных запросов. Вся их «творческая» мысль направлена лишь на то, как бы «уговорить» какую-то женщину или девчонку пойти дояркой, а не на то, как упорядочить рабочий день на ферме, приблизить его к социальным и культурным запросам людей.

Насколько своевременно увлечение комплексами в условиях Вологодчины, сейчас сказать определенно нельзя. Вопрос этот, видимо, требует изучения. Но те комплексы, которые видел я, особенно молочные, пока не блещут высокими показателями.

В совхозе «Передовой» построен комплекс на 800 коров. Стоимость одного скотоместа в нем составила 3300 рублей. В прошлом году на комплексе надоено по 3146 килограммов от каждой коровы. Это не так уж и плохо. Но комплекс рассчитан на большее. Даже по 3500 килограммов от коровы для него мало. При таком (даже при таком!) надое окупаемость его растянется на 26 лет. Обо всем этом с тревогой рассказывал мне директор совхоза В. М. Махалов.

Ниже ожидавшихся пока надои и на других комплексах.

В чем дело — трудно сказать. Но мне в связи с этим вспоминается беседа с А. К. Кузнецовым — директором совхоза «Заводской» Новосибирской области. Было это

в мае 1978 года, в дни работы выездного секретариата Союза писателей РСФСР. Александр Константинович рассказывал приехавшим к нему писателям:

— Перевели коров на комплекс — удои сразу снизились, хотя корма те же. Что повлияло? Новая, непривычная для животных обстановка. И в первую очередь шум моторов, которого не было па старых дворах. У коровы, выходит, тоже есть своя психология. Некоторые директора, чтобы не завалить окончательно план по молоку, перевели коров обратно па дворы.

Вот такой «сюрприз» преподнесли комплексы в Новосибирской области.

Когда я рассказал об этом в Вологде, товарищи сказали: вполне могло быть такое. И все же главное при переводе коров на комплекс — это формирование стада. Коровы должны быть примерно равные по продуктивности, потому что на комплексе нагрузка на доярку значительно увеличивается, и у нее нет времени следить за каждой коровой.

Кстати, о нагрузке. В «Заводском», по словам А. К. Кузнецова, количество доярок в связи с увеличением нагрузки сократилось. Но зато прибавилось обслуживающего персонала. И в результате как было на одного работающего двенадцать—тринадцать коров, так осталось и теперь. А при таком положении снижение себестоимости молока весьма проблематично. Наверное, все эти «минусы» комплексов в конце концов будут преодолены, но те, кому еще предстоит осваивать новинку, не должны забывать о них.

Заранее, как говорили мне в Вологде, нужно не только стадо формировать, но и готовить кадры. Механизация на комплексах значительно выше, сложнее, и люди, не подготовленные к эксплуатации техники, могут испортить все дело.

Хочу здесь рассказать еще об одном опыте сибирского совхоза «Заводской», на сей раз положительном. В разговоре о земле я уже замечал, что для комплексов нужны культурные пастбища. А вот совхоз «Заводской» от пастбищ отказался совсем. Там подсчитали, что может дать земля, используемая под пастбище, если ее засеять, и увидели, что выгоднее все же пустить ее под посевы, а стадо перевести на круглогодичное стойловое содержание.

Так и сделали. Правда, на летние месяцы неподалеку от дворов оборудовали доильные площадки с небольшими загонами для выгула скота. Я видел эти площадки. Здесь все, как и на дворе: электродойка, автопоилка, кормушки... Но вдоль кормушек — бетонные полосы. Деталь, без которой доильные площадки под открытым небом просто немыслимы: коровы потонут в грязи.

И вот результат. Совхоз «Заводской», перейдя на круглогодичное стойловое содержание скота, приплюсовал к посевным площадям за счет бывших пастбищ 1600 гектаров. Урожай с этой площади позволил полностью обеспечить скот кормами. Надой увеличился на 449 килограммов от каждой коровы, в то время как соседний совхоз, продолжающий пользоваться пастбищами, за этот же год снизил надои на 107 килограммов от каждой коровы.

Не знаю, возможен ли такой вариант содержания скота на Вологодчине, но задуматься над ним стоит. Скажу только, что в «Заводском» средний урожай зерновых с гектара не выше, чем на Вологодчине.

Несколько слов об откормочных комплексах. Мне удалось побывать на двух из них — в совхозах «Кадуйский» и «Дружба».

Комплекс в «Кадуйском» создан на основе межхозяйственной кооперации. Этим он и интересен в первую очередь. И надо сказать, убедительно подтвердил реальность и главное — выгодность этого направления в развитии.

Совхозы-пайщики сдают телят на комплекс уже в двадцатидневном возрасте, где дальнейший откорм их идет и в самом деле «по всем правилам науки». В результате увеличились ежесуточные привесы, уменьшился падеж, в три раза сократились затраты труда на один центнер привеса (и не удивительно: норма нагрузки на одного основного работника увеличилась с 40 голов до 200), в 2,8 раза уменьшился фонд заработной платы, на 30 процентов сократился расход кормов и, как следствие всего этого, на шестьдесят семь рублей снизилась себестоимость центнера мяса.

Упитанность бычков стала выше. А за мясо высокого качества государство и платит дороже. За каждый реализованный центнер мяса комплекс получил на сто

двадцать рублей больше, чем неспециализированные хозяйства.

Экономическое преимущество межхозяйственного комплекса очевидно! А ведь прошло всего два года с момента его организации.

Вся производственно-хозяйственная деятельность комплекса регламентируется «Общим положением о межхозяйственном предприятии», утвержденным Советом Министров СССР в 1977 году.

В совхозе «Дружба» комплекс рассчитан на откорм 10 тысяч голов крупного рогатого скота. У него показатели еще выше, чем в «Кадуйском». Достаточно сказать, что ежесуточный привес здесь составляет 1 килограмм 55 граммов при проектном в 970 граммов.

Стоимость комплекса — 11 миллионов. Окупаемость — три года.

И что самое важное — предприятие в «Дружбе» работает на собственных совхозных грубых и сочных кормах, за счет повышения плодородия земель и рационального размещения кормовых культур, то есть полностью оправдывает свое название — к о м п л е к с.

Жилье и люди

Итак, в землю Нечерноземья — и, значит, в производство зерна; в животноводство — и, значит, в производство молока и мяса — страна вкладывает сейчас большие средства, значительно превышающие те, что вкладывались до сих пор.

Но, отмечая это как важный в истории Нечерноземья шаг, нельзя забывать, что все в конце концов решать будут люди. Можно вооружить армию самой грозной техникой, но если солдаты не обучены обращаться с нею, успеха в сражении не будет. И, значит, преображая Нечерноземье, надо ничуть не меньше, а, может быть, даже больше в л о ж и т ь в ч е л о в е к а. Говоря это, я имею в виду не только денежные вложения, но и всю сумму воспитательных мер — политического, социального, культурного, нравственного плана, мер, способных всколыхнуть душу человека, наполнить ее радостью вдохновенного, глубоко осознанного, творческого труда.

Денежные вложения в человека должны, видимо, реализоваться прежде всего в строительстве жилья. Жилье — та самая печка, от которой, как это стало ясно всем, надо танцевать, решая проблему людей в деревнях и селах Нечерноземья. Об этом совершенно ясно сказал на июльском (1978 года) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев:

«Мы должны сделать более крутой поворот к строительству на селе и улучшению культурно-бытовых условий сельских тружеников».

И далее:

«Сегодня вопрос может стоять только так: об удовлетворении жилищных и бытовых нужд, возросших культурных запросов сельских тружеников руководители хозяйств, партийные комитеты, советские и профсоюзные органы должны проявлять не меньшую заботу, чем о развитии производства».

Не меньшую заботу!.. Ведь всем же ясно: будет жилье — будут в колхозах и совхозах люди. А главное — будут люди молодые, которых так недостает сейчас Нечерноземью.

Давайте вдумаемся: что составляет главную заботу любой семьи, а молодой особенно? Зарплата? Нет, заработать сейчас можно где угодно, только не ленись. Квартира? Да! Верхом счастья считает любая семья получение квартиры! Новоселье празднуется, как самый радостный праздник. И правильно! С милым рай в шалаше, говорит пословица. Верно. Но семью построить можно только в хорошей квартире. Наладить быт, соответствующий современному уровню культуры, — тоже. Наконец, с хорошим настроением прийти на работу можно лишь из хорошей квартиры!

Но квартира для сельской семьи — еще не все. Ей нужно, чтобы там, где она будет жить, был еще и детсад, и особенно школа. Сколько снялось с мест сельских семей только из-за того, что детей уже с четвертого класса (а есть случаи — и с первого) надо определять в интернат — таких-то малышей! Как тут можно говорить о правильном воспитании ребенка, если родители видят его только по выходным дням. Мне могут сказать, что к ребятам в интернатах приставлены воспитатели. Верно, приставлены. Но мать и отца не заменят и десять воспитателей.

Итак, старая деревня, разобщенная, неграмотная, с примитивными культурными запросами, отжила свой век. Об этом я уже писал выше. Рождается новая деревня. И чем скорей она родится такой, какой мы ее представляем, тем скорей поднимется уровень всего сельскохозяйственного производства.

Нельзя не видеть прямой связи между двумя этими явлениями.

Должна ли новая деревня хоть что-нибудь наследовать от старой? На эту тему в последнее десятилетие у нас много говорилось и писалось. Люди, большинство из которых деревню видят только из окна машины, мчащей их на дачу, уверенно отвечали: нет. Опираясь на тезис о стирании граней между городом и деревней, они утверждали, что вместо старой деревни надо строить поселки «городского типа». А городской тип застройки — это многоэтажные и многоквартирные дома. И такие поселки кое-где стали появляться — даже на Вологодчине, правда поблизости от Вологды и Череповца: помогли мощные строительные организации этих городов. В совхозе «Дружба» я видел три только что возведенных 70-квартирных дома, четвертый строится. Так же примерно застраивается центр совхоза имени 50-летия СССР. Первым пример такой застройки показал колхоз «Родина». И не диво: центр этого колхоза находится в деревне Огарково, в двенадцати километрах по асфальту от Вологды... Отдаленные от Вологды и Череповца районы, слава богу, построить пятиэтажные поселки «городского типа» не успели, вернее, не смогли: не было для этого ни средств, ни строительной базы.

В колхозе «Заря», тоже недалеко от Вологды, последние годы строился и теперь в основном построен экспериментальный поселок (я уже упоминал о нем). Проектировщики этого поселка, видимо, были из тех, кто отстаивал идею многоэтажной деревни. И вот в центре «Зари», на совершенно новом месте, встали двух-, трех и четырехэтажные многоквартирные дома — с плоскими крышами («как в Москве!»), с лоджиями... Но без хозяйственных помещений! Куда положить картошку, соленья на зиму, где разместить хотя бы кур, не говоря уже о поросенке, овцах, корове...

Жизнь внесла существенную поправку в «экспериментальный» проект. Сейчас на окраине поселка «го-

родского типа» председатель колхоза строит «коммунальный» двор для личных коров. Двор кирпичный на двух уровнях — внизу корова, вверху помещение для сена. Бокс-водогрейка (или кормокухня) — общая. Можно представить, каково будет хозяйкам на этой «кухне». Да и ходить к корове за полкилометра, особенно когда вьюжит или дождит, не очень-то приятно...

И все же почти никто не отказывается от строящегося двора: убедились, без личного скота в деревне пока нельзя, хотя и в Вологду, и в Грязовец — районный центр — можно съездить на автобусе. Съездить-то можно, да купить-то что нужно нельзя...

Любопытная деталь. В совхозе «Дружба», в том самом, где уже три 70-квартирных дома, запланировано строительство коттеджей с квартирами на двух уровнях. «Для специалистов», — сказал мне директор совхоза Ф. Ф. Шамигулов. Что ж, ничего предосудительного в этом нет. Специалистов надо уважать. И это уважение будет выражено в «Дружбе» предоставлением им более у д о б н ы х квартир — отдельных коттеджей: можно будет и садик вокруг дома разбить, и грядки вскопать, и для овощей, заготовленных впрок, место определить.

Удобно!

Но почему эти удобства только для специалистов? Разве рабочие совхоза — в основном местные жители — менее крестьяне, чем приехавшие в совхоз специалисты? Почему же они должны жить на пятом этаже, придавленные низким, по-городскому, потолком, взбираться на свой этаж по грязной лестнице (в деревне ведь асфальта пока нет) и видеть не цветы под окном, а стену соседнего блочного дома? И это ведь не на время, а на всю жизнь. И не только им, но и их детям и внукам (надеюсь, новую деревню мы строим надолго, с заглядом вперед).

Но — и это я с удовольствием отмечаю еще раз — многоэтажная застройка в вологодских деревнях все же не стала массовой. В районах, отдаленных от Вологды, колхозы и совхозы, в меру своих возможностей, строят в основном двухквартирные, из деревянного бруса, дома. И хотя архитектурно эти дома выглядят, прямо скажем, не очень привлекательно (продолговатое под

двухскатной крышей строение с верандами-крылечками на торцах), люди идут в них с радостью: есть возможность устроить свою жизнь **на деревенский лад** — желание отнюдь не предосудительное и не зазорное для деревенского жителя.

Вот это и должна, мне кажется, унаследовать новая деревня от старой.

Хочу поделиться еще одной мыслью в связи с жилищным строительством на селе. Возникла она во время беседы с директором совхоза «Николоторжский» К. К. Афанасьевым.

Я спросил Константина Кирилловича: есть ли желающие построить себе собственный дом по проекту, который отвечал бы вкусам современного сельского жителя?

— Желающие, — ответил он, — наверняка есть. Но большинство из них, наверное, желание это считают неосуществимым. Во-первых, в генеральном проекте даже места нет для индивидуальной застройки. («Странно», — подумал я.) Во-вторых, без найма плотников (их почему-то называют «шабашниками») дом не поставить. А плотничьи артели в наших краях перевелись — людей в деревнях стало не лишку. В-третьих, достать строительные материалы (брус, рамы, шифер, цемент) индивидуальному застройщику еще труднее, чем совхозу, — ведь жилье совхоз строит так называемым хозспособом. А при таком «способе» под строительство даже ржавого гвоздя не выделяется. Все надо «достать». Притом вовремя. Потому что по договору с «шабашниками» за каждый день простоя каждому мы обязаны заплатить по двадцать пять рублей. У нас в совхозе работают закарпатцы, в «Передовом» — армяне и грузины... Работают — не ленятся, ничего не скажешь, с пяти утра до десяти вечера... Но ведь приезжие «шабашники» с индивидуальным заказчиком едва ли будут связываться...

— А если бы люди имели возможность купить дом? Готовый? Из деревянного бруса?

— Где?

— Ну, допустим, что в Вологде или Череповце существует такая «фирма», такой домостроительный комбинат. Человек посылает заявку, переводит деньги, а комбинат доставляет дом на место, собирает его и сда-

ет заказчику под ключ. Нашлись бы желающие купить такой дом?

— Бесспорно, нашлись бы...— не колеблясь, ответил К. К. Афанасьев.

Я тоже не сомневаюсь в том, что многие захотели бы купить такой дом. Выгода была бы огромная — и государству, и совхозу. Государству потому, что на жилищное строительство были бы привлечены дополнительные средства — личные сбережения самих селян; для совхоза потому, что село стало бы застраиваться значительно быстрей, чем сейчас, когда все ждут только государственной квартиры, а имеющиеся деньги тратят на машины...

Но давайте спросим семью, купившую «Жигули», но не имеющую удобной квартиры: стала бы она тратиться на машину, если бы существовала возможность купить дом? Уверен, что ответ был бы один: нет, не стала бы. Даже у птиц — сначала гнездо, а уж потом все радости жизни.

В августе, когда писался этот очерк, в «Литературной газете» был опубликован очень интересный материал — беседа З. Ибрагимовой, собственного корреспондента «ЛГ» по Сибири, с генеральным директором производственного объединения «Юганскнефтегаз», лауреатом Государственной премии Романом Ивановичем Кузоваткиным.

Корреспондент напомнила генеральному директору, что десять лет назад на стройку приезжала бригада «ЛГ», и в одном из очерков, опубликованных тогда в газете, она «первой и главной бедой» назвала «острую нехватку жилья».

И вот что сказал по этому поводу Р. И. Кузоваткин:

«Мне кажется, что самый серьезный наш промах связан с капитальным строительством, особенно с жильем. Что, собственно, произошло? Взяли изначально твердый курс на каменное строительство индустриальными методами: и быстрее, и дешевле. Дело, в принципе, хорошее, но мощной строительной базы не создали, материалы везли издалека и в результате строили гораздо меньше, чем планировали, чем требовалось. При этом наотрез отказались от деревянного строительства. Вокруг лес, а мы тащим камень через болота за сотни и тысячи километров, мучаемся, терпим трудности и ли-

шения, но — из дерева не строим. Крайность? Безусловно. Деревянный дом с хорошей отделкой и всеми удобствами ничуть не уступает каменному, в том числе и в долговечности, а по мнению многих, даже более предпочтителен. За счет деревянного строительства мы могли бы безболезненно решить и многие соцкультбытовские проблемы. Могли бы... Но потеряли десять — одиннадцать лет и только в этом году ввели деревянное строительство в права гражданства.

...Придется строить новые поселки, отдаленные от базовых городов, и это должны быть хорошие, добротные, традиционно деревянные и в то же время современные сибирские поселки. Если бы в свое время отдали дереву должное, не столкнулись бы сейчас так остро с нехваткой жилья.

Второе заблуждение — индивидуальное строительство считали неперспективным... Лишь недавно произошел переворот и в отношении к индивидуальному строительству: для него выделены специальные территории, разработано несколько типовых проектов, и люди очень охотно и активно берутся строить дома для себя. Если бы мы приняли такое решение десять—двенадцать лет назад!..»

Собеседник корреспондента не только признает «промах», но и сожалеет о потерянном времени: «Если бы...» И я подумал: не пришлось бы пережить горечь подобных сожалений и архитектурным стратегам Нечерноземья, которым грезятся среди его лесов, болот и полей только поселки «городского типа». Уж если деревянное строительство получило «права гражданства» в промышленных поселках, то в колхозных селах ему тем более честь и место!

И все, кто уже давно бьется над этой проблемой с огромным удовлетворением встретили специальное постановление правительства, вышедшее после июльского (1978 года) Пленума ЦК КПСС, о строительстве индивидуальных жилых домов на селе. Установлен порядок застройки, предусмотрены льготы для индивидуальных застройщиков. И надо полагать, люди села воспользуются ими.

Индивидуальный дом для крестьянина (не будем стесняться этого слова: «труженик села» — не лучший синоним красивого русского слова) с садом-огородом

вокруг него выгоден не только с точки зрения быта и экономики, но и с нравственной. Жизнь на пятом этаже, как рассказывали мне об этом, приучает крестьянина к праздности. Он не знает, чем себя занять в свободное после работы время, и тянется... к бутылке. Об этой беде хочется сказать особо.

* * *

Действительно, житель села в наше время имеет значительно больше свободного времени, чем, скажем, дореволюционный крестьянин. Мощная техника, которой вооружил рабочий класс колхозы, освободила земледельцев от каторжного труда на полосе, когда все надо было сделать вручную. А если учесть, что в некоторых хозяйствах они оказались освобожденными и от извечных крестьянских забот о земле и хлебе, то упомянутая тяга к бутылке станет вполне понятной.

К сожалению, торговля спиртным во многих сельских магазинах не только не противостоит вредной и опасной тенденции, но даже поощряет ее в полном смысле, идет с нею нога в ногу.

Иной продавец сельского магазина эту самую бутылку готов подать «потребителю» чуть ли не с поклоном. И чем тот больше берет, тем веселей становится продавец: он ведь премию получает за перевыполнение плана товарооборота. А за счет чего перевыполнять-то? Зубные щетки продавать? Иголки? Нитки ходовых номеров? Резиновые сапоги нужных размеров? Кровати-раскладушки?.. Спрашивал эти товары в нескольких магазинах — нет.

Зато водкой продавцы этих магазинов торгуют так: «Берите, берите больше! Завтра ведь я до четырех только работаю».

Беседую с продавщицей Любой в деревне Емельяновской.

— Выполняете план, Люба?

— Выполняю... Вон у меня на стене все по месяцам написано.

— Выходит, перевыполняете даже! — восклицаю я. И шутливо добавляю: — За счет водочки, наверное?

— Конечно...— простодушно соглашается Люба.

— Ну, а сколько процентов примерно за счет нее-то?

— Семьдесят — семьдесят пять...

Порядочно! Но я не удивился. Почти половина магазина была заставлена ящиками с этим товаром. Снаружи — той же архитектуры сооружение, но уже с пустыми бутылками. А и домов-то в деревне осталось наперечет. Правда, магазин стоит на «большой дороге» — редко какой шофер или тракторист не остановится.

Рассказал, как «делает план» Люба, продавщице в деревне Карл Либкнехт (старое название — Кобылино). «И у нас примерно то же»,— не придавая никакого особого значения этому факту, бойко ответила она.

Даже в сенокосную пору выручка от спиртных в этих магазинах не упала. Квас да лимонад пить бы на лугах-то, но они на сельских прилавках такая же редкость, как несгоревшие и упавшие на землю метеориты. И — нечего делать — пьют «красноту», «бормотуху» — так называют в деревне красные, приготовленные из отходов фруктов вина местного производства, и еще алжирские, привезенные из Африки в наливных судах.

Ох, уж эти вина... Шестнадцать, а то и восемнадцать градусов. Цена — рубль две. Дешевка! А «забалдеть» можно. Как тут не соблазниться! «Опять пьешь?» — упрекнет кто-нибудь слабовольного. А он в ответ: «Да я красненького»... «Красненькое» вроде как и не алкоголь — лимонад этакий, цвет у него только другой. «Заборы можно красить»,— угрюмо шутят сами же «забалдевшие». Но что-то не слышно насчет заборов-то...

А вот насчет потребления внутрь, уже не в шутку, а всерьез, врач областной психиатрической больницы сказал: почти все психозы на почве алкоголизма случаются у тех, кто постоянно пьет «красненькое», то есть «бормотуху».

Очень меткое словцо подыскал народ для этого невинного зелья. Напьешься — будешь что-то бормотать, но на нормальную человеческую речь это будет очень мало похоже. Ну, а если такое бормотание растянется на месяц, на год, на три?.. Финал ясен — белая горячка, «психиатричка».

Некрепкое, в смысле денег — неразорительное (четыре бутылки вместо одной за 4 рубля 42 копейки), од-

ним словом, *невинное* это *вино* на деле является самым коварным, самым губительным для здоровья человека. И самым *виновным* в распространении пьянства.

Разливают его подростки. Кто-то из строгих родителей ругнет их. А в ответ та же песенка: «Да мы красненького...»

С него же, с «красненького», начинают очередной загул взрослые: «Подумаешь, красненького взяли!..» А после «красненькой» затравки идет уже все подряд, без разбора, не смущают никого ни цена, ни градусы...

Поэтому местное «красненькое» надо бы или прекратить выпускать, или, улучшив его качество, повысить на него цену. Хитрую и самую коварную голову многоглавого «зеленого змия» надо отсечь самым решительным взмахом меча, стоящего на защите здоровья народа!

Люди, живущие в городе, может быть, посчитают мои наблюдения нетипичными для современной колхозной деревни, и потому пустячными, мелочными... Если бы так...

Зло, имя которому пьянство,— и я говорю это с полной ответственностью — уже сегодня очень дорого обходится некоторым хозяйствам! Падает производительность труда, снижается качество работы, преждевременно выводится из строя дорогостоящая техника... Наконец, здоровье людей, воспитание детей, культура быта тоже страдают от пьянства. И об этом надо говорить прямо, без ложной стыдливости. Если работники прилавков в погоне за планом, а в конце концов за личной выгодой, не стыдятся выставлять крутоплечее стеклянное войско на самых видных местах в магазинах, то мы, работники культуры, не должны стесняться в выборе средств для борьбы с такой, по сути, антигуманной практикой.

Впрочем, необходимость решительной борьбы с пьянством осознали теперь и многие хозяйственные руководители. И это очень хорошо.

Но встает вопрос: как с этим злом бороться? Одними выговорами тут ничего не добьешься. Лекциями, телевизионными передачами на эту тему — тоже: пьяницы на лекции не ходят и телевизионные передачи не смотрят. Им «некогда».

И вот родилась так называемая «балльная система» оценки деловых и моральных качеств каждого работника.

Впервые я услышал о ней в новосибирском совхозе «Заводской» от директора А. К. Кузнецова. Суть ее в следующем. Если человек в течение месяца не допустил никаких нарушений трудовой дисциплины, был безупречен с точки зрения моральных и нравственных норм и дома, и в общественных местах, он получает пять баллов. Таким образом, за год такой рабочий может набрать шестьдесят баллов и получить все начисляемые в конце года премии и надбавки. Тот же, кто придет к концу года с сорока и менее баллами, премий этих и надбавок лишается. Полностью.

«Минусует» баллы специальная комиссия, в составе которой секретарь парткома, председатель месткома, заведующие производствами, передовые рабочие и, конечно, директор. Особенно строго комиссия наказывает за выпивку в рабочее время. Такой факт квалифицируется как невыход на работу, и виновный лишается пяти баллов.

На Вологодчине балльная система тоже хорошо себя зарекомендовала (совхозы имени 50-летия СССР и «Передовой»). Но применяется пока лишь в отдельных хозяйствах. Почему? Оказывается, эффективна эта система лишь в том хозяйстве, которое работает с прибылями. В Вологодской же области значительная часть хозяйств заканчивает год с убытками. А раз так, то и никаких премий и надбавок в конце года нет и, значит, нет возможности поощрить лучших и наказать пьяниц.

И все-таки, решая такую грандиозную задачу, как преобразование Нечерноземья (сделать-то сколько предстоит!), мне думается, надо продолжать и продолжать поиск новых форм и методов воспитания человека, решительно отбрасывая трафарет, переливание из пустого в порожнее, формализм, все то, что мы делаем, не веря порой и сами в эффективность и полезность делаемого, и, не стесняясь, говорим после друг другу — «для галочки».

Надо с той же энергией и изобретательностью, с какими наши ученые и конструкторы строят новые машины, строить, конструировать душу человека; надо вско-

лыхнуть в человеке самое человечное — чувство чести, достоинства, честности, трудолюбия...

Все большее признание завоевывают безнарядные звенья. Прекрасно! Звеньевая система дисциплинирует людей, рождает в них чувство ответственности и взаимовыручки. А главное, пробуждает творческий подход к делу, то самое чувство, без которого нельзя представить крестьянина: ведь вся его работа — творческая, а не механическая, ибо она зависит от множества привходящих факторов.

О безнарядных механизированных звеньях все говорят теперь с удовлетворением. Долгий поиск в этом деле принес свои результаты. Огромный эффект дал также ипатовский метод, применяемый механизаторами на уборке зерновых и заготовке кормов.

Думается, что найти столь же действенные формы можно и в воспитательной работе, а в борьбе с пьянством — обязательно нужно! И начинать тут, как подсказывает сама жизнь, надо с воспитания нетерпимости к этому пороку. Развитое социалистическое общество и пьянство — несовместимы. Как человек отряхивает пыль с одежды, так оно должно стряхнуть с себя это недоброе наследие прошедших времен. Необходимость такого жеста хорошо понимали уже деды и отцы, утверждавшие Советскую власть в нашей, революционной стране.

Учитель-пенсионер из Сокольского района рассказывал мне:

— Помню двадцатые годы... Вот уж когда боролись с пьянством у нас в Соколе — так боролись! Чтобы активисту показаться пьяным на народе?! Что вы! А сесть за стол в религиозный праздник — тем более!.. Признаюсь, согрешил однажды. Пригласили родственники жены из соседней деревни — не смог отказаться. Ладно, сказал, приду... Приду-то приду, а как? Надо, чтобы никто не видел. Так ведь я от леса и до самых огородов через поле ржи по-пластунски пробирался. А в избе, в ожидании меня, и окна занавесили. Во как! И правильно, я считаю. Иначе чуть что — тебе прямо в глаза-то и вмажут: «А сам-то ты... Знаем!»

Теперь, к сожалению, тот боевой настрой в борьбе за трезвость многими из нас утрачен. Поездил я по деревням и убедился, что к нетрезвому человеку у нас утвердилось с коих-то времен примерно такое же отношение, как к человеку с насморком. Чихает, дескать, так что ж такого? Прочихается. Пьяного тракториста побранит разве старушка, сокрушаясь над поваленными столбами в изгороди. А чтобы все — нет... Привыкли!

О чем это говорит? О том, что вся наша воспитательная работа зачастую проходит мимо души человека, как стрела мимо цели. А стрела летит мимо тогда, когда она выпущена неумелой рукой и вялым глазом. Такие мимо цели летящие «стрелы» можно увидеть «в небе» любого хозяйства. Висит в коридоре правления стенгазета — ни одного конкретного факта — выдержки из передовиц, перепечатанные на машинке или переписанные от руки. На дворе июль, а в стенгазете — «Поздравляем с женским днем 8 Марта!» А взгляните на лозунги. Масляной краской на капитально укрепленном щите цитата из какого-нибудь программного документа: не придерешься, годна на все времена года. А в поле весенний сев. Так хотя бы одно живое слово, пословица, относящаяся к этой страдной поре, вроде виденной мною в одном колхозе: «Помни: весенний день год кормит!»

Но ведь для этого надо работать, и не просто работать — искать, творить, пробовать. Гореть! Многое в этом направлении мог бы и должен сделать сельсовет, не говоря уже о партийных организациях.

В связи с этим остановлюсь на одном любопытном, на мой взгляд, моменте из работы семинара секретарей райкомов.

В совхозе «Мяксинский» секретари знакомились с «Планом организаторской и массово-политической работы парткома на период заготовки кормов и уборки урожая 1978 года». Все было в этом плане: и сколько надо произвести и продать государству молока и мяса, и сколько заготовить силоса и сенажа, и сколько собрать зерна с гектара, и картофеля, и корнеплодов...

В разделе «Организационные мероприятия» под пунктом 2 значилось: «Подготовить и утвердить рабочий план заготовки кормов и уборки урожая», под пунктом 3: «В первой декаде июня провести совещание с ме-

ханизаторами об итогах весеннего сева и задачах на период заготовки кормов...

В разделе «Массово-политическая работа» предусматривалась работа с агитаторами («закрепить агитаторов за звеньями и агрегатами»); оформление наглядной агитации («плакаты, лозунги, стенды, призывающие...»); чтение лекций членами общества «Знание» («на весь период заготовки кормов и уборки урожая»).

Далее в плане шли разделы: «Организация социалистического соревнования» и «Культурно-бытовое обслуживание». В последнем значилось: «Подготовить специальную концертную программу агитбригады», «Организовать своевременный привоз людей, занятых на заготовке кормов и уборке урожая», «Практиковать выездную торговлю предметами первой необходимости»...

На первый взгляд план как план. Действительно, все, что в нем намечено, делать надо. И не только во время «заготовки» и «уборки». Но чего-то в этом плане лично мне не хватало. Перечитал я его на досуге еще раз и понял: не хватало «мероприятий», воспитывающих человека. Агитирующих, призывающих, организующих, требующих было много, а вот воспитывающих... Пожалуй, только одно: «В честь победителей поднимать флаг трудовой славы, вручать передовикам красные флажки, ценные подарки, денежные премии».

Но ведь это касалось только «победителей» и «передовиков». А остальные? Вопрос отнюдь не праздный. Ведь «остальных»-то значительно больше. И среди них есть наверняка и бракоделы, и лодыри, и пьяницы... Почему бы на время этих двух решающих кампаний «заготовки» и «уборки» не запланировать усиление борьбы со всеми проявлениями недисциплинированности, опозданий на работу, прогулов, плохого использования техники, низкого качества работы и т. д. Например, записать бы: «Каждый случай появления на работе в нетрезвом состоянии обсуждать на бригадном собрании или на партгруппе». Да и торговлю спиртными напитками на это время тоже можно бы регламентировать. Нет, об этом в плане — ни слова. Как будто проблемы пьянства и не существует. Как будто и не было постановления о борьбе с пьянством и алкоголизмом (1972 год).

Совхоз «Мяксинский» находится в Череповецком районе. А. И. Шляпкин — секретарь райкома этого района, докладывая коллегам о своем районе, честно признал, что с трудовой дисциплиной в колхозах и совхозах пока далеко не идеально. Сто пятьдесят тысяч человеко-дней теряется ежегодно из-за прогулов, связанных, в основном, с пьянством. Трактор в течение суток простаивает в среднем двенадцать часов. А когда-то не работал только два часа. Коэффициент использования техники, как видно, резко снизился. И над этим фактом составителям плана, по-моему, тоже следовало бы задуматься.

А. И. Шляпкин, человек самокритичный, в своем рассказе о партийной работе в районе отметил и еще один недостаток: секретари парткомов часто занимаются несвойственными для них делами, подменяют хозяйственных руководителей. Хозяйственную работу, сказал он, секретари знают, ведут, а работу с народом — не успевают. «Я бы уточнил: работать с народом не умеют. Почему? Не научены, наверное. А ведь это наука, да еще и какая, работа с людьми-то! И ею надо овладевать так же, как и любой другой наукой».

* * *

...Но вернемся снова к проблеме жилья. Как они выглядят, деревенские дома, хотя бы с внешней стороны? И, значит, как смотрится деревня или село в целом? Кому, как не сельсовету и не парткому, задуматься над этим. Деревни на Вологодчине (да и не только здесь), как я уже говорил, пока в основном избяные. А изба — это такое строение, которое может выглядеть и как воронье гнездо, и как сказочный теремок. Так вот, до теремка многим вологодским избам пока очень далеко, хотя в каждой деревне есть свой теремок, а то и не один. Не надо и гадать, «кто в тереме живет» — живут в нем культурные, аккуратные в быту, умеющие ценить красоту и уют люди. Они же, как правило, и примерные труженики.

Существует, по моим наблюдениям, вот такая закономерность: человек, у которого в порядке собственное жилье, не терпит беспорядка и на рабочем месте. И наоборот, живущий в неуюте и грязи дома не замечает этой грязи на производстве и, как правило, работает

тоже «грязно», кое-как, с меньшей производительностью, чем другие.

Можно даже сказать: деревенская изба — лицо ее хозяина. И в палисаде у хорошего хозяина, и в огороде — тоже идеальный порядок. Не только картошка, капуста да лук растут, а и яблоньки (причем не дички, как у многих, а культурные, завезенные из плодопитомника), и смородина, и малина, и крыжовник (все эти ягодники на Вологодчине прекрасно плодоносят), и даже пчелки гудят. А почему бы им и не гудеть? Ни сена не просят, ни комбикормов — только и дела-то — домики поставить да мед откачать, а на зиму в омшаник убрать все это хозяйство.

Лет этак двенадцать назад в колхозе «Заря» Шекснинского района председательствовал Д. М. Кузовлев (потом он был избран первым секретарем райкома партии в этом же районе). Человек молодой, образованный, энергичный, он уже тогда хорошо понимал проблему, о которой я веду сейчас речь. Иду я, помню, по селу, присматриваюсь к аккуратненьким избам и вдруг на одной из них вижу: «Дом образцового содержания». А через две избы — опять та же табличка. Стал расспрашивать Дмитрия Михайловича, что это значит, и вот что услышал в ответ:

— Не только таблички вывешиваем, а еще и премии выдаем. Есть на сей счет решение правления. Неряхи и разгильдяи, конечно, ворчат: за что, дескать? У них и так дома в порядке, а им еще и деньги... Давать надо тому, у кого дом плохой...

— А что вы сделали, чтобы ваши дома стали хорошими? — спрашиваю ворчунов. Ничего. Привыкли к своим хороминам и не замечают, что они им, как говорится, и «не светят, и не греют». Вот мы и решили раскрыть таким людям глаза.

Подобную работу, я думаю, сейчас мог бы провести каждый сельсовет. Окинуть неравнодушным глазом дома не только снаружи, а и во двор заглянуть, и в сени, и в жилые комнаты. Да и колодцы не забыть, и места для хозяйственных отходов. Это ведь тоже быт. И здоровье к тому же.

Жил я этим летом в деревне Карл Либкнехт. Хорошо, красиво стоит деревня: в окна льется синий свет с озера. Есть на этом озере два островка. И облюбова-

ло их для своих нужд одно предприятие. Плохой стала вода в озере. Все видят это, все говорят, что надо рыть колодцы... Но дальше разговоров дело не идет. Вот тут бы и взять на себя инициативу депутатам сельского Совета. Нет, инерция сильнее.

Не знаю, согласятся или нет со мною товарищи, работающие в деревне, но мне кажется, что строительство души человека надо начинать с жилья. Это людям ближе всего и понятней, каждого затрагивает. Причем для начала этой работы никаких дополнительных ассигнований не потребуется. На кубометр-другой теса, штакетника, на краски — деньги найдутся у каждого. Деревня сейчас не так уж и бедна, как в послевоенное время.

А у колхозов найдутся средства, чтобы подправить улицы и дороги, в том числе внутрихозяйственные, чтобы к любому полю, складу, двору можно было подъехать не только на тракторе, но и на автомашине и комбайне. Такие дороги за последние годы построил колхоз имени Ленина Белозерского района, где председательствует после окончания ветеринарного техникума выросший в замечательного хозяйственника и руководителя Л. М. Богданов. Кстати, и центр колхоза имени Ленина застраивается красиво, хотя и нет в нем пока ни одного кирпичного здания — только двухквартирные, из деревянного бруса, дома, но они со вкусом, в разный колер покрашены, обнесены штакетником. Растет у Леонида Михайловича сын, скоро заканчивает десятилетку. И вот что любопытно: никак не хочет расставаться с родным селом. Твердо решил поступать в Молочный институт под Вологдой, с тем чтобы потом вернуться на родину.

Еще более красивое село — центр колхоза «Сигнал» Тотемского района — отстроил В. А. Жданов. Это один из самых старых председателей — двадцать девять лет возглавляет хозяйство. Помню, разговорились мы с ним о застройке села, я приезжал в «Сигнал» лет пятнадцать назад. «Мудро и просто сделана крестьянская изба,— говорил В. А. Жданов,— но ведь, наверное, в чем-то можно ее и усовершенствовать, чтобы и смотрелась более современно, и внутренней планировкой отличалась. А проектов таких нет...»

О строительстве новой, социалистической деревни

В. А. Жданов не забывал никогда. Строил новые дома даже в самые трудные годы. И строил не кое-как — со вкусом. И был вот такой случай.

То ли в отпуск, то ли по делам — отлучиться пришлось ему как-то раз из колхоза. Вернулся — на краю посада стоит новый дом: перевезли из другой деревни. Перевезли — ладно. Но почему поставили не фасадом на улицу, а боком? Никакого вида! Поогорчался — и решил: надо дело поправить. Подогнал трактора и с помощью тросов развернул избу «глазами на улицу». Посмотрел — совсем другая картина! Кстати, и хозяин дома остался доволен.

Хорошо застраивается и центр колхоза «Коминтерн» Кирилловского района. Здесь наряду с двухквартирными деревянными домами (уже заселено шестьдесят шесть квартир) поставлено несколько кирпичных, четырехквартирных. И те и другие, по словам председателя, вполне удовлетворяют людей.

Вообще центр колхоза «Коминтерн» сегодня — сплошная строительная площадка. Строится средняя школа на четыреста шестьдесят учащихся со спортивным залом, детский сад на девяносто мест, два четырехквартирных дома в кирпичном исполнении, семь двухквартирных домов из бруса. Кроме того, строятся мастерские на пятьдесят условных ремонтов, молочный комплекс на тысячу двести коров, четыре доильные площадки (под навес), канализация, водопровод, теплотрасса.

Кто строит? Трест «Вологдасельстрой» и «Межколхозстрой». Чуть ли не все наличные силы этих районных организаций сосредоточены здесь. И все-таки этих сил не хватает.

Почти половину объектов колхоз строит хозспособом. Восемь бригад закарпатцев работают сейчас в «Коминтерне». Казалось бы, хорошо. Люди приехали добровольно. У них цель — побольше заработать, причем в возможно короткий срок, у колхоза — построиться, и тоже как можно быстрее, освоив таким образом отпущенные на строительство средства. Интересы, как нетрудно заметить, совпадают. Причем, как показывает практика, колхозу, а значит, и государству такое строительство обходится значительно дешевле. И, значит, есть основания, а точнее, есть прямая выгода *такое*

строительство не только финансировать, но и обеспечивать строительными материалами. Ан нет. Ничего не планируется. Начал строиться хозспособом — *доставай* стройматериалы где хочешь. И как хочешь!

Директора совхозов этот способ строительства с горечью называют не хозспособ, а хапспособ. Сумеешь — «хапнуть» то, что тебе нужно сегодня, закарпатцы, армяне, грузины будут при деле, не сумеешь — будут отдыхать, а денежки им за день простоя платить все равно придется. Л. Н. Бурцев — директор совхоза имени 50-летия СССР, сказал: «Вот и мечешься по городским и заводским конторам... И заключаешь всякие сделки. В том числе и с совестью. А сколько времени уходит на это *доставание* (странное и непонятное для нашего планового хозяйства словцо!). Порой о делах совхоза, о хлебе да молоке и подумать некогда».

Геннадий Леонтьевич Селезнев, председатель «Коминтерна», выразился еще образнее: «Сквозь игольное ушко надо пройти, чтобы достать что-то... В том числе и запчасти для машин. И ведь достаем в конце концов. Выходит, что они есть! Так почему же нельзя их получить законным путем? И как вообще все это понять?»

В голосе Геннадия Леонтьевича вполне понятное возмущение. Думается, что кто-то должен все же рано или поздно дать ответы на его вопросы.

Сама жизнь требует этих ответов!

* * *

В связи с проблемой рабочей силы в деревне поговорим теперь о специалистах — агрономах, зоотехниках, инженерах, ветеринарных врачах, медиках, учителях... Не так уж и мало сейчас их на селе. В совхозе «Дружба», например, шестьдесят специалистов, в том числе на откормочном комплексе — двадцать один из ста десяти работающих. Довольно солидная прослойка!

А ведь специалист в деревне — это интеллигент, образованный и культурный человек. И, кроме того, как правило, новый человек в деревне — свежая кровь. Ему, приехавшему со стороны, как говорится, все виднее: и хорошее, и плохое. И очень важно, как поведет он себя, приехав в совхоз или колхоз: или опустится до уровня не столь еще высокой подчас деревенской культуры, или

попытается подтянуть ее, хотя бы в чем-то, до своего уровня.

Но среди специалистов, особенно молодых, только что закончивших вузы и получивших направление в хозяйства нечерноземной зоны, распространены, к сожалению, настроения иного рода.

О них с большой озабоченностью говорил мне первый секретарь Кирилловского райкома КПСС А. И. Притыченко.

— Не закрепляются молодые специалисты в наших хозяйствах. Да и в райцентре — тоже. Упрекнешь — отвечают: «Мы приехали к вам не работать, а отрабатывать». Имеют в виду обязательные три года работы по направлению после института. Ну и «отрабатывают». Полтора года присматриваются к делу, а следующие полтора — подыскивают себе местечко поближе к городу, а то и в городе. Есть у них и еще один аргумент: не обеспечили квартирой. А с квартирами, сами понимаете, до сих пор у нас было очень трудно. Строить начали только теперь. Ну, а молодые специалисты с нашими затруднениями не хотят считаться. «Нам в институте объяснили,— рассказывают,— если не обеспечат квартирой, уезжайте!» Как видите, заранее выработанная линия поведения. И есть в этом поведении этакое высокомерие перед нами, аборигенами, что ли... Дескать, я вам сделал одолжение — приехал... И будьте добры любить и жаловать. И не понимает того, что одолжение-то прежде сделал ему народ, потому что учился-то он на народные денежки...

Я считаю, что три года работы по направлению после института — мало. Надо пять, а то и семь лет! За пять — семь лет молодой специалист хотя бы понял производство, полезное что-то для хозяйства успел сделать. А так мы всегда будем испытывать дефицит в специалистах.— И тут же добавил: — Надо бы своих ребят учить. Но... наши ребята отсеиваются на конкурсных экзаменах. И не удивительно: сельские школы пока что не дают столь прочных знаний, как городские... База не та. И все-таки надо бы наших, сельских, ребят принимать в институты. Может быть, отдельный конкурс для них устраивать или учитывать рекомендации колхозов и совхозов. Ведь они для своего хозяйства человека выучить хотят. Тем более на колхозную стипендию.

А. И. Шляпкин, секретарь Череповецкого райкома КПСС, на проблему специалистов взглянул и еще с одной стороны. Выступая на семинаре перед коллегами, он сказал: «Надо, и как можно скорее, ставить на руководящие должности специалистов. Практик — хорошо. Но образованный человек на месте бригадира, заведующего фермой — еще лучше. Ведь в ближайшее время мы должны будем собирать по тридцать пять центнеров зерна с гектара и надаивать по пять тысяч килограммов молока от коровы. Без точных научных расчетов этих вершин не взять».

Но выясняется, что специалисты на руководящие должности не идут. Ну, молодые, о которых рассказывал А. И. Притыченко, ладно, у них еще и опыт невелик, а не молодые, вполне зрелые люди? Те почему? Трудностей боятся? В заработке теряют?

Думаю, что в этих вопросах стоит разобраться. Надо сделать так, чтобы специалист (любой!) считал за честь приглашение на руководящую должность. Вот это будет нормально!

Особенно — на должность руководителя среднего звена, где, по сути, решается судьба производства. Да и самому специалисту полезно пройти школу бригадирства. Александр Иванович Шляпкин сказал на семинаре по этому поводу: «За специалиста, который хотя бы годик поработал бригадиром, я двух отдам».

Видимо, есть основания для такого вывода у старейшего партийного работника.

Ну, а пока положение с руководящими кадрами среднего звена в области в целом таково. Из 1776 комплексных бригад, имеющихся в колхозах и совхозах, только 745 возглавляются специалистами. А между тем в хозяйствах области специалистов насчитывается более 7 тысяч. Значит, у руководства производственными подразделениями находится всего лишь один из десяти. Маловато.

Доводилось слышать мнение, что при сложившемся положении надо учить бригадиров-практиков. Надо... Но учатся заочно в техникумах только полтора процента из них. В зрелые годы, ясно, учиться нелегко. А главное, времени для книг, конспектов, контрольных работ у бригадиров порой просто нет.

В современном сельскохозяйственном производстве

есть еще одна специальность — самая распространенная и, пожалуй, самая главная, решающая — это специальность механизатора. Реализовать рекомендации специалиста и указания бригадира дано ему, и никому более. Вспахать, посеять, внести удобрения можно так, а можно и иначе... Все в руках человека, сидящего в кабине трактора или комбайна.

В одном ученом докладе была такая вот мысль: лет этак через десять — двенадцать на одного работающего в сельском хозяйстве нашей страны будет приходиться различной техники на сумму до 40 тысяч рублей.

Прочитал я это и подумал: каким же надежным, каким образованным должен стать этот человек, чтобы можно было доверить ему столь мощный производственный потенциал! Определенная часть нынешних механизаторов, думаю, не подкачает и в то, уже не столь далекое время. Часть, но не все. У одних «грамотешки» не хватит, у других ответственности, дисциплины труда. Да и возраст немалый. Сменить их предстоит тем, кто сейчас сидит еще за партой. Может быть, в школе, а может, уже и в СПТУ.

Что касается школ, то в них обучение ребят сельским профессиям поставлено по-разному. Там, где руководители хозяйств (в первую очередь!) по-настоящему поняли и осознали, что одними уговорами проблему закрепления молодежи на селе не решить, что ребят надо учить профессии механизатора, там эта проблема не является столь острой и неразрешимой, как в других хозяйствах.

Учить, конечно, должна школа, а обеспечить школу всем комплексом сельскохозяйственных машин должен колхоз (совхоз). И не старенькими, до предела изношенными машинами, а новыми. Старый, постоянно останавливающийся трактор (или комбайн) может лишь оттолкнуть подростка от техники, воспитать неприязнь к ней. И наоборот, новый, послушный даже слабой еще руке подростка трактор может зажечь в нем неугасимое влечение к технике, а мечта водить эту технику по полям родного колхоза станет его заветной мечтой.

Пример такого отношения к школе показывает совхоз «Николоторжский» Кирилловского района. Там для школы выделена не только техника, но и земля. Понача-

лу ребята обрабатывали шестнадцать гектаров совхозного поля, а в нынешнюю весну уже целых сто!

— Все на этом поле ученики делали сами,— рассказывал К. К. Афанасьев — директор совхоза.— Пахали, культивировали, вносили минеральные удобрения. Только посеять мы им не разрешили. Сеял опытный механизатор. Зато убирать будут опять они. Комбайн школе мы дали...

На районных соревнованиях юных пахарей наши ученики девятого класса Надя Петрова и Коля Малафеев заняли первые места. Думаю, что не случайно. В армию наших ребят мы провожаем торжественно, всем совхозом. И они помнят, что их здесь ждут, и с радостью возвращаются... В результате все механизаторы у нас — свои, приезжих нет.

И добавил:

— Большая заслуга во всем этом заместителя директора школы по производственному обучению Евгения Петровича Любопытова.

Несколькими днями позже я побывал в Белозерском СПТУ. Это одно из училищ области, готовящих механизаторов. За девятнадцать лет своего существования оно подготовило около пяти тысяч трактористов-машинистов широкого профиля. Таким образом, можно сказать, что Белозерское СПТУ — довольно солидная кузница механизаторских кадров.

Однако условия, в которых работает училище, дают основание предполагать, что качество подготовки этих кадров невысокое. Начнем с того, что училище не имеет своего учебного хозяйства, учащиеся пашут и сеют в колхозе «Строитель коммунизма», но ухода за посевами не ведут. Осенью, правда, они участвуют в уборке... Но нет у них ощущения, что это их урожай, их труды.

Нет у Белозерского СПТУ и учебного полигона... А между тем по уставу на каждого ученика полагается иметь два гектара земли.

Должно училище располагать и хорошо оборудованными классами, и мастерскими, и гаражами. В селе Кубенском, под Вологдой, в городе Кадникове такие же училища все это имеют. Там выстроены целые учебно-производственные комплексы. А в Белозерске ребята

учатся в старинном двухэтажном купеческом домике с толстыми кирпичными стенами и маленькими подслеповатыми окнами. Классы в нем — «клетушки», как выразился директор училища Анатолий Иванович Чмутов. И лучшего сравнения, пожалуй, не подберешь.

Сетовал Анатолий Иванович и еще на одно обстоятельство. Школы, по его мнению, не заинтересованы в том, чтобы хорошие ученики после восьмого класса поступали в СПТУ. Любыми способами они стремятся оставить их у себя. А вот тех, которые и учились плохо, и по поведению двойку не раз получали,— тех, пожалуйста, готовы за ручку привести.

— Конечно, учатся у нас и хорошие ребята,— сказал Анатолий Иванович,— с детства влюбленные в технику. Но «трудных» ребят, как их называют в школе, больше. Да и не удивительно: есть еще у нас школы, где ребят все восемь лет не то что не учат сельским профессиям, но даже отучают от мысли работать в сельском хозяйстве. На моря-океаны нацеливают, на космос — не меньше.

В летнее время наши учащиеся разъезжаются по своим колхозам, и каждый увозит с собой план производственной практики... Трактор, комбайн, льнокомбайн — все должен испробовать ученик! Ну, а в некоторых хозяйствах суют им вилы в руки — вот и вся техника. Не доверяют! Но зачем, спрашивается, учить тех, на кого нет надежды? Было бы правильно, если бы хозяйства посылали к нам таких ребят, которых хотели бы видеть потом за рулем трактора, комбайна, автомашины. Короче говоря, хочется, чтобы руководители хозяйств с большей заинтересованностью и ответственностью относились к рекомендациям, которые они выдают ребятам, едущим поступать в СПТУ.

* * *

Уезжал я из деревни Карл Либкнехт восемнадцатого августа. Утром на околице навстречу мне попалась «легковушка» — странная для этих мест машина — «Москвичок» с герметически закрывающейся камерой-ящиком сзади кабины. В городах ею пользуются столовые и рестораны для перевозки мяса и других продуктов. Деревенский люд метко окрестил необычную для здешних дорог машину «каблуком», и ездит па этом «каблуке»

молодой директор совхоза «Белозерский» Алексей Александрович Шутов: другой машины у него нет.

Наслышанный о моем отъезде, он прижал машину к обочине и остановился: попрощаться. Оставил руль, вышел из кабины, в простеньком, на вид мальчишеском, костюме и резиновых сапогах-бродиях с загнутыми дважды верхами широких голенищ.

Хотя он и улыбнулся, протягивая мне руку, видно было, что на душе у него скверно: только что думал о чем-то неприятном и тяжелом и даже улыбкой не согнал с лица той самой думы.

— Ну как, переправили комбайн-то? — спросил я.

— Переправили... Да что толку? — И махнул рукой.

У совхоза в этом году за Андозером, на землях деревни Веромень, давно всеми оставленной, а два года назад подчистую сгоревшей, 60 гектаров ржи. А дороги туда — никакой. В нынешнее, на редкость дождливое лето (весь июль и половину августа один за другим обрушивались небывалой силы и продолжительности ливни!) — тем более. Думали, думали — и решили забросить комбайн в Веромень через озеро. Купили два железных понтона, соорудили паром, загодя построили на том и другом берегу причалы — комбайн ведь не корова, по трапу не заведешь. Спешили, отрывали на эти работы людей с силосования: только бы успеть, не опоздать к уборке. Затратили на это дело почти 30 тысяч рублей... Тридцать тысяч только на то, чтобы подогнать комбайн к полю! Зато успели. Комбайн теперь был на том берегу. А рожь все еще стояла неспелая, зерно в колосьях было совсем мягким... Почти на двадцать дней уже затягивалось начало уборки.

Последние три дня погода вроде стала налаживаться: нет-нет да и проглядывало солнышко в разрывах поредевших туч. Правда, бывало такое и раньше... Но неужели и опять обманет небесная канцелярия? И все-таки теплилась в душе надежда: должен быть конец этой напасти!

Хлеб не поспевает — ладно. Но ведь и сена пока нет. Все, что скошено, пошло на силос. Выдался как-то денек — навалились всем скопом на самолучшие травы — нарочно оставляли на сено, — да не тут-то было. Ночью опять ударил дождь, да на целых четверо суток. Потом сметали ту траву в зароды, по старому крестьянскому

способу делая прокладки из жердей, чтобы продувало... Но что это за сено? Если не сгорит окончательно в зародах, сгодится, конечно, и такое. Не солому же завозить опять с юга. Но планируемых привесов на таком сене, ясно, не получить — совхоз специализируется на откорме бычков на мясо. А если и зерна не собрать?

Да, было над чем задуматься молодому директору совхоза. Всего год, как принял он это хозяйство. Зоотехник по образованию, Алексей Александрович увлеченно, с молодым задором работал по специальности в колхозе имени Ленина под началом опытного и авторитетного ныне председателя Л. М. Богданова и, ясно же, не собирался оставлять это, одно из лучших в районе, хозяйство. Но в райкоме сказали: «Надо». Честно признаться, не хотелось, да и страшновато было: такой огромный совхоз!.. А кроме того, бездорожье, разбросанность деревень и животноводческих построек, нехватка специалистов...

Но — заверили: «Поможем!» И в райкоме, и в сельхозуправлении, и в тресте. Совхоз специализированный, подчинение двойное — и тресту, и району. Теперь-то он знает, что оно означает на деле, такое подчинение... Просишь какой-нибудь помощи у района, говорят: обращайся в Вологду, в трест, к Кужману (он директор треста). В трест обратишься — отвечают: решай этот вопрос в районе. Потому, наверное, он и ездит до сих пор на «каблуке»... По таким-то дорогам!

Зачастую бывает так: надо прихватить с собой специалиста. Но не посадишь же его в этот ящик — задохнется. Приходится высаживать шофера, самому браться за руль, чтобы освободить место в кабине для пассажира.

— Помогли бы вы нам с машиной-то... О других уж нуждах молчу!..— говорит мне на прощание А. А. Шутов.

— А как? К кому обратиться?

— Может, Кужману позвонить...— раздумчиво говорит он.— Нет, Кужману не надо... Знает... А впрочем, может, и не знает. Привез меня сюда — и больше не бывал. Наверняка встретимся — не узнает... Вы в Москве земляку нашему позвоните. Очень, говорят, отзывчивый человек....

— Но он же совсем другими делами ведает...— сомневаюсь я.

— Все равно, позвоните... А то ведь я... Вы знаете, я ведь заявление об освобождении подавал.

— Да ну, Алексей Александрович...— Я начал что-то бормотать — нужных слов не находилось. Лишь потом, когда он уехал, пришла утешительная мысль: «Не может быть, Алексей Александрович, что трест ваш настолько немощен и хил, что не сможет выделить вам машины. Особенно сейчас, когда партия и правительство подъем Нечерноземья считают одной из главных и неотложных задач, стоящих перед народом, перед страной».

Июнь—август 1978 г.
Вологодская область

Урок молодым

По письмам читателей

В очерке «Первые версты» («Наш современник», № 12, 1978 г.), а затем в выступлении по радио я рассказал о делах и людях Нечерноземья и, в частности, Вологодской области, моей родины, которую, как мне кажется, знаю лучше других, поскольку каждый год там бываю...

Мысли, наблюдения, высказанные мною, оказались очень близкими и понятными для моих читателей и слушателей. Никогда не писавшие писем в редакции, они на сей раз взялись за перо и, что называется, излили душу на бумаге, высказали свое отношение к затронутым в очерке проблемам, поделились своими радостями и, конечно, заботами.

Добрая половина авторов этих писем — люди преклонного возраста, пенсионеры, ветераны труда колхозов и совхозов, хорошо знающие, какой была северорусская деревня до революции, затем накануне коллективизации и после, не говоря уж про военные и послевоенные годы.

Много пришлось пережить и испытать этим людям. Почти в каждом письме есть воспоминания о тех годах, но есть и сравнения: да, говорят они, в деревне сейчас намного больше техники, чем в тридцатые годы, когда колхозы только что организовались. И техника эта с каждым годом все совершенней, все мощней и производительней. И это не может не радовать.

Но и при такой технике, пишут они, решать все, в конце концов, будут все-таки люди. Машина в руках добросовестного человека — одно, а в руках разгильдяя — да еще и не всегда трезвого — другое.

С этим нельзя не согласиться. Все решать будут люди! И в первую очередь, молодежь — грамотная, энергичная, дисциплинированная, любящая землю и труд на ней. По крайней мере, такой хотят видеть взрослые тех, кто сегодня кончает или десятый класс, или сельское профессионально-техническое училище. И очень радуются, когда видят, что надежды их оправдываются.

Василий Александрович Кульков — рабочий совхоза «Новленский» Вологодской области, к своему письму приложил вырезку статьи из областной газеты, в которой сообщается, что из 98 нынешних десятиклассников Новленской средней школы 81 решил связать судьбу с родным селом. И это решение, рассказывает Кульков, не было необдуманным юношеским порывом. Ребята к нему готовились давно, готовились, поддерживаемые и направляемые взрослыми, и в первую очередь, директором совхоза Валентином Ивановичем Ефимовым, выделившим для школьной ученической бригады 74 гектара земли и всю необходимую технику, директором школы Еленой Ивановной Шиловановой, всеми преподавателями и особенно Ольгой Васильевной Елегонской — заместителем директора по производственному обучению.

В этом совхозе, как пишет Кульков, руководство ни на минуту не забывает, что молодежь — это завтрашний день хозяйства, что судьба села, судьба земли завтра будет в ее руках. И потому молодым оказывается здесь постоянное внимание.

Очень бы хотелось верить, что ребята оправдают надежды руководства совхоза, своих отцов и матерей. И никогда не пожалеют об этом.

Пока все идет хорошо. И юноши, и девушки начали трудиться, некоторые поступили на заочные отделения сельскохозяйственных вузов и техникумов. И все-таки это еще не подвиг, и качать ребят за это, кричать «ура!» нет оснований. Подвиг начнется с постоянного — и в вёдро, и в ненастье, днем и ночью, в поле и на ферме — труда, чаще незаметного, будничного, не приносящего ощущения одержанной победы. Чтобы вырастить и собрать богатый урожай — ого!— сколько раз придется выйти в поле, да и на ферме успех не свалится с неба как манна небесная. И вот, зная об этом, невольно тревожишься, невольно думаешь: а готовы ли ребята к такому

труду? Сами они, пожалуй, еще и не ответят на этот вопрос. Или, не раздумывая, хором крикнут: «Да!» Молодости ведь свойственно романтически-приподнятое отношение к жизни.

Но для молодых характерно и другое — неопытность. Они могут растеряться, опустить крылышки, встретившись с серьезными трудностями. И потому взрослым людям, сумевшим внушить ребятам столь важное решение — остаться после десятилетки в родном селе — нельзя успокаиваться на этом. Помогая ребятам осваивать современные сельхозмашины, специальности животноводов, механизаторов, строителей, электриков и так далее, они, я уверен в этом, одновременно должны учить их трудолюбию, стремлению, желанию, как привычке, всякую работу делать на совесть, и вместе с тем быстро, или, как говорят в наших деревнях — проворно, дорожа каждым погожим днем и даже часом. Ведь работать им придется все на том же родительском поле, а поле — это такой цех, в котором ни крыши над головой, чтобы укрыться от палящего солнца или проливного дождя, ни стен, чтобы спрятаться от холодного ветра.

Ленинградец И. В. Ефремов, уроженец Смоленской области, ветеран Великой Отечественной войны, ныне пенсионер, кандидат филологических наук, в своем письме вспоминает годы, когда он еще жил и работал в деревне.

«На уборке урожая,— пишет т. Ефремов,— крестьяне не щадили себя: нужно встать в три часа — вставали. В плохую погоду использовали каждый час... Дождь-снег — все равно работали. Помню, выпал ранний снег, засыпал составленный уже в бабки лен. Утром, чуть рассвело, мать повела нас — детишек — выдирать лен из-под снега. А было нам по 10—12 лет. И лен не пропал. Ни одной волотки не осталось в поле...»

Старый человек, он с горечью пишет о том, что теперь, бывая на родине, видит подчас совсем иные картины.

«Летом приходится наблюдать: люди выходят на работу в десять — одиннадцать часов утра. Потом часа два обедают. После обеда еще часа три-четыре поработают — и домой. А в плохую погоду часто и совсем не выходят в поле. А мы,— вспоминает опять годы молодости И. В. Ефремов,— мы в такую погоду хватали хлеб из поля, как из огня».

Очень мне понравилось вот это «к а к и з о г н я».

В самом деле, для истинного хлебороба проливные дожди в пору, когда скошены травы или в разгар уборки хлеба,— тот же пожар, та же огненная стихия. Когда горит чужое, можно и постоять, поахать, помахать руками (зеваки бывают на всяком пожаре), ну, а если горит свое, родное, добытое потом и кровью? Нет, не может истинный крестьянин равнодушно глядеть, как под дождем сгибается, вбивается в грязь созревшая — только бы жать — рожь или, наоборот, осыпается перестоявшая пшеница. И, может быть, только вот это неравнодушие и помогло многим хозяйствам Нечерноземья спасти в какой-то мере урожай в прошлом, на редкость дождливом году.

Хочется пожелать выпускникам сельских школ, решившим сделать профессию хлебороба своей профессией, в первую очередь, вот этого неравнодушия, готовности рвануться в *огонь непогоды,* чтобы спасти выращенный урожай. Если в вашей душе, юные друзья, есть это неравнодушие, это присущее крестьянину чувство постоянной тревоги за урожай, тревоги, которая отнюдь не ограничивается днями уборки, а живет в душе и зимой, когда готовятся семена, и весной, когда они ложатся в борозду, и летом, когда колосья наливаются,— если есть у вас эта тревога, значит, профессию хлебороба выбрали вы не зря. Земля не будет на вас в обиде! А вы не будете обделены радостью, собирая ее щедрые плоды, радостью, которую дано полной чашей испить лишь тому, кто трудится на земле.

Однако в письмах пожилых людей, когда они заводят разговор о деревенских ребятах, чаще все же читается озабоченность, и даже тревога. Они, ссылаясь на свой жизненный опыт, справедливо говорят, что любовь к сельскому труду в душах ребят надо лелеять, как зеленый росток, с самого раннего возраста, и непременно — в школьные годы, когда подросток может уже не только наблюдать за трудом взрослых,— и в первую очередь, родителей,— но и сам принимать в том труде посильное участие.

Однако жизнь в Нечерноземье пока складывается так, что во многих деревнях, ставших малолюдными, школы, особенно начальные, закрылись и родители вынуждены своих детей — уже с первого класса — отправ-

лять в интернаты, за семь — десять километров от дома, а точнее, от родительского глаза, родительской ласки и заботы, одним словом, от всего того, что мы называем воспитанием в семье. Ребенок в этом возрасте нуждается в таком воспитании в неменьшей мере, чем в знаниях, получаемых от учителя.

Алексей Павлович Муравьев, проживающий на станции Кипелово в Вологодской области, написал по этому поводу: «Если наши дети не будут жить вместе с родителями, они не научатся любить землю и труд на ней».

Трудно опровергнуть этот вывод. Да я думаю, никто и не возьмется за это. Правильней будет принять его, как аксиому, и поставить в повестку дня очередного заседания правления колхоза, чтобы попытаться найти другой выход из положения, нежели тот, который исчерпывается интернатом, единственным на полтора, а то и два десятка деревень.

Авторы писем говорят, что детей можно было бы возить в школу на машинах или на лошадях, но беда — нет дорог, а кое-где нет уже и лошадей.

Но ведь при огромном желании всякое «нет» можно заменить радостным и желанным «есть!». А в данном случае просто необходимо сделать именно так! Ведь речь-то идет о детях, и не о чьих-то, а о своих.

Почти ни один из приславших отклики на мой очерк не обошел одну из самых жгучих проблем Нечерноземья — бездорожья. Все в один голос сетуют: нет дорог. При этом многие понимают, что государство все дороги в Нечерноземье построить не сможет, не хватит у него для этого ни сил, ни средств; что внутрихозяйственные дороги надо если не строить, то хотя бы поддерживать в проезжем состоянии своими силами, что и делалось в деревнях, как пишет И. В. Ефремов, испокон веков даже тогда, когда у селян не было ни автомашин, ни тракторов, ни бульдозеров, ни грейдеров, ни экскаваторов.

К этому же выводу приходит и Александр Андреевич Степин — инвалид войны, проживающий в деревне Куракино Вологодской области. «Одиннадцать километров отделяют нашу деревню от центра совхоза в селе Ферапонтово. Но если потребуется перебросить комбайн из той бригады в нашу, придется делать крюк в добрых со-

рок километров. Да и то — пройдет ли. Ведь и с другой стороны четыре километра дороги — от села Благовещенья до Куракино — непроезжие».

Есть ли возможность у колхозов нечерноземных областей привести, как говорят, в божеский вид хотя бы главные внутрихозяйственные дороги? Мне думается, есть. Подтверждением тому — опыт колхоза имени Ленина Белозерского района Вологодской области. Здесь о дорогах думают не тогда, когда застрянут в непролазной грязи на машине или даже на тракторе, а ежедневно, ежечасно, как и о хлебе, о молоке и мясе. Освобождающуюся от полевых работ технику немедленно переключают на вывозку гравия на разбитые участки дороги, а этого — дешевого и, самое главное, подручного — строительного материала на Вологодчине, как известно, хватает.

Нерадивые говорят: техники необходимой нет. Техники, это верно, маловато. Но ведь бывает, что и имеющаяся простаивает, особенно зимой. И на поверку выходит, что не хватает инициативы, организованности и, наконец, просто энтузиазма.

Дорога нужна всем, и едва ли кто-либо отказался бы поработать на ремонте ее хотя бы день или два. И тогда отпала бы нужда держать ребятишек в интернатах, в отрыве не только от родителей, но и от колхоза и, значит, от земли, лишать их радости труда на ней и собирания плодов ее на склоне лета и осенью.

Я сказал: радости. На мой взгляд, она обязательна, когда речь идет о труде подростков в поле. И взрослые должны крепко помнить об этом.

Но помнят ли?

Алексей Павлович Муравьев в цитированном мною уже письме высказался и на этот счет. «Студентов, а особенно школьников, посылают на помощь в деревню, когда в уборке урожая полный завал, которому сопутствует нередко еще и самая паршивая погода. Труд в поле в такую пору на всю жизнь отпугивает детей от сельского хозяйства». И, размышляя, предлагает: «А может, стоит подумать о начале и конце учебного года для сельских школ, чтобы дать ребятам возможность поработать в поле во второй половине августа и в начале сентября?»

Разумное, по-моему, предложение. Причем это было

бы полезным не только для сельских школ, но и для тех, что расположены в небольших городках и районных центрах, не имеющих крупных промышленных предприятий. Ведь учащимся школ из этих городов тоже приходится выезжать на уборку урожая в колхозы. И тоже, как правило, поздней осенью. Да еще хорошо, если их там ждут, а то ведь нередко случается и так, как об этом рассказала в своем письме учительница Алла Васильевна Воробьева из Ижевска:

«Было это три года назад в городе Орске. Получаем телефонограмму: «В воскресенье направить учащихся восьмых—десятых классов па уборку огурцов».

В восемь утра к школе подошли автобусы. С трудом втиснулись. Поехали. Водители, видимо, знали маршрут, высадили нас в поле, в двадцати километрах от города. От колхоза никто не встретил. Ждем полчаса, час... Ребята разбежались, чтобы согреться. Наконец появился «газик». Вышел человек, оказалось — председатель. Он был изрядно пьян. Я к нему: «Где фронт работ? Почему вы в таком состоянии появились перед учащимися?»

Короче говоря, был скандал, но работы настоящей не было. Да плюс к тому, автобусы за нами из города не пришли, и мы возвратились домой пешком, по грязи».

Неприглядный случай, что и говорить! И привел я его только лишь для того, чтобы напомнить руководителям хозяйств, да и учителям — тоже, что, привлекая для работы в поле учащихся, надо смотреть на них не только как на «рабочую силу», а как на завтрашних земледельцев, иметь в виду не один сиюминутный интерес — убрать руками ребят огурцы или картошку — но и дальнюю перспективу.

Вот что поведала мне в своем письме одна коренная ленинградка: «Есть под Ленинградом местечко Янино,— рассказывает она.— Еду как-то я в трамвае № 10, смотрю — у моих спутников, а их было порядочно,— у каждого по мешку моркови. Оказывается, в пригородном совхозе морковь уже «убрали» и представили отчет об урожайности. А эти люди приехали на «убранные» поля и стали их перекапывать... Труд оказался ненапрасным. И я не осудила этих людей. Осудила тех, кто так не по-хозяйски собирал выращенный урожай».

Кто собирал? Она не знает. Если рабочие совхоза,— плохо; но если ученики — еще хуже! Для них это был урок, вывод из которого, будьте уверены, они сумеют сделать. «Значит,— решат ребята,— урожай можно убирать и так, не думая о потерях... Что попало в корзину — попало, а не попало — так и бог с ним... В земле не видно».

И попробуйте после этого втолковать ребятам, что труд пахаря и сеятеля один из самых необходимых и столь же почетен, как и любой другой, что земля — наше главное богатство, что плоды, которыми она одаривает земледельца — достояние всего народа, и не поднять их, еще хуже — растоптать — безнравственно и даже преступно.

В одном из писем (автор его — житель Вологды) рассказывается об удручающем бедствии, свалившемся на садово-огородные участки, возделанные вокруг города рабочими и служащими областных учреждений. Один за другим на домики, любовно выстроенные на этих участках, на грядки клубники и моркови, на яблоньки, на ягодные кусты стали совершаться дикие ночные набеги.

Маленький садик, приносивший городской семье не только радость общения с землей, но и отнюдь не лишний сегодня урожай овощей и ягод,— две-три сотки бывшей «неудоби», облагороженных неленивыми руками и потому теперь щедро плодоносящих, вдруг оказались вытоптанными, яблоньки — сломанными, а двери и окна в домике — выломанными...

Какую же пустую, выстуженную душу надо иметь, чтобы пойти на такое!

Кто бы ни были эти люди, но ведь и они учились в школах, и наверняка ездили на уборку урожая в колхозы, а у иных, может, и родители — бывшие колхозники, а бабушки и дедушки и сейчас живут в деревне...

Чья же вина, что они выросли такими?

Предоставляю возможность моим читателям самим ответить на этот вопрос.

Удивляет и позиция невмешательства, занятая работниками городского отделения милиции по отношению к этому явно антиобщественному явлению. Дескать, садово-огородные участки — дело частное, и охранять их должны сами владельцы.

Да, частное... Но достаток, изобилие на «частном» столе каждой семьи разве не взаимосвязаны с достатком на столе государственном?!

Возвращаясь к участию школьников в уборке урожая, хочу добавить: любой выход ребят в поле руководителям хозяйств, а учителям в первую очередь, надо рассматривать не только как шефскую помощь колхозу, но, в первую очередь, как урок, имеющий целью или пробудить, или закрепить в сердцах ребят чувство любви к земле-кормилице, а к людям, которые ее вспахали и засеяли,— глубокое, сыновнее уважение. И добиваться этого надо не общими словами, а доходчиво изложенными расчетами: сколько человеко-дней потрачено на обработку этого участка, сколько и когда внесено удобрений, какие урожаи на этой земле были в прошлые годы и теперь, кто из хлеборобов колхоза собрал наивысшие урожаи, как оценен их труд колхозом и государством... Да мало ли что можно рассказать о земле, о русском поле, кормившем народ и армию и в годы Великой Отечественной войны, и после — в годы восстановления разрушенного хозяйства.

По-моему, кстати были бы на таком уроке и рассказы старых колхозников, работавших именно в те тяжелые годы. Разве меньше бы стали любить землю мальчишки и девчонки, если бы узнали, что она полита́ не только потом, но и слезами горя и даже отчаяния их бабушек, что о тех черных днях помнят и их матери, их отцы, чье детство выпало на годы войны...

Александра Дмитриевна Чепелюк, родившаяся в 1924 году в Краснобаковском районе Горьковской области,а ныне проживающая в Коми АССР, в своем письме рассказывает:

«Война. Мужчины ушли на фронт. И вся тяжесть легла на наши, еще неокрепшие плечи. Четыре года работала в лесу. В 1946 году пришла дояркой на ферму. Все делали вручную, сами возили сено, воду, дрова, кормили скот, убирали навоз, доили... Некогда было сбегать домой, снять лапти, спали на ферме... Не было ни выходных, ни отпусков. Никто нас не просил — мы понимали сами, что заменить нас некому... И так до 1955 года... Все меньше и меньше нас оставалось, а поля — те же. Техники не хватало, рожь и овес жали серпами, косили на заболоченных лугах, теребили вручную

лен... Трудно пересказать все, что выпало на нашу долю».

Делится в письме своими воспоминаниями и Анна Сергеевна Царева, проживающая теперь в городе Апатиты:

«Я ухаживала за телятами. Надо было самой сено получить, навоз выбросить, воды наносить из проруби, истопить теплуху да дров напилить-наколоть. Дрова были сырые, домой сушить носили на печку... И силы-то нет, мама помогала, ведь мне было в ту пору 17 лет. Отца убили еще в гражданскую... А лето придет — вроде воскреснешь, побежишь травы накосить, часом ленку подергать, чтобы заработать хоть на парусиновые ботинки. Погулять все равно хотелось — веселая я была. Училась четыре класса — война не дала нам учиться...»

«Все делалось вручную,— вторит этим двум труженицам И. В. Ефремов.— На клевере и густой траве у косцов от натуги ребро за ребро заходило...»

Ребро за ребро... Очень выразителен народный язык!

Нельзя не проникнуться уважением к людям, знавшим такой труд, вынесшим на своих плечах все лишения, все невзгоды военных и послевоенных лет. Их трудом была жива земля, не одичала, не заросла кустарником и лесом... И я не могу понять работников горсобеса города Печоры, которые пытались вычеркнуть эти годы (29 лет!) из трудового стажа, например, Александры Дмитриевны Чепелюк (последние десять лет она живет и работает в поселке Путеец возле города Печоры). Скорей всего, это недоразумение.

Но как хочется, чтобы таких недоразумений было меньше.

Не понимаю я и тех руководителей хозяйств, которые, проводив на заслуженный отдых ветеранов колхозного труда, тут же забывают о них. И нередко потому, как явствует из писем, что не по душе им неравнодушие ветеранов к положению дел в хозяйстве, их прямота и принципиальность.

Не трудно вообразить, о чем говорят эти, обиженные руководством, деды и бабушки своим внукам, решающим остаться ли в родном селе, или уехать в город, на стройку.

«Мой старый приятель Петр Федорович Гордеев,— рассказывает в своем письме И. В. Ефремов,— был знаменит на всю волость, как председатель Каменского сельсовета, организатор первого ТОЗа, а потом и колхоза, ветеран войны, а после войны — снова, как председатель колхоза и, разумеется, как принципиальный коммунист с солидным стажем.

Встретились с ним недавно, спрашиваю:

— Как дела в совхозе?

— Не знаю,— ответил.

— Но на собраниях-то бываешь?

— Нет, не приглашают... Уже несколько лет.

Обидно мне стало за этого человека».

Я вполне разделяю это чувство И. В. Ефремова.

Хочется напомнить таким руководителям, что престижность хлеборобской профессии в глазах нынешних ребят складывается не только из сегодняшнего заработка, сегодняшней квартиры со всеми удобствами, но и из отношения к их бабушкам и дедам. Внимание к нуждам ветеранов труда — уважение к их жизненному опыту, поддержание их авторитета — весомый аргумент в тех убеждениях.

Леонид Ильич Брежнев в речи на XVIII съезде ВЛКСМ, придавая огромное значение важнейшей сейчас, особенно для нечерноземной деревни, задаче закрепления молодежи на селе, сказал:

«Разумеется, приказом в селе оставаться не заставишь. Создание хороших условий для жизни и труда на селе, воспитание уважения к труду земледельца, любви к родной природе, к земле-матушке, умения и желания приложить к ней свои руки — вот наш метод привлечения подрастающего поколения к работе на полях и фермах».

Все в этом высказывании важно, продиктовано большой заботой о сельской молодежи, но мне особенно хочется выделить: *«...воспитание уважения к труду земледельца, ...к земле-матушке».*

В о с п и т а н и е!

Кто должен взять на себя эту благороднейшую миссию? Учителя? Да! Родители? Бесспорно! Но еще и дедушки, и бабушки нынешних ребят, поколение, пережившее войну и лучше, чем кто бы то ни было, знающее цену хлебу.

Не могут в стороне от этого дела стоять и руководители хозяйств. Рачительное использование каждого клочка земли, своевременная, без потерь, уборка урожая — наглядные и самые лучшие уроки для молодых. Чем больше будет таких уроков — тем скорей мы приблизимся к решению важнейшей для Нечерноземья задачи — закрепления молодежи на селе.

Июнь 1979 г.

Без головы и дом не стоит.

Не то сметка, что бродит,
а то, что других водит.

Дом вести, не вожжей трясти.

II

Трудная должность

Вчера я снова приехал в «Победу». Восемь месяцев прошло с тех пор, как я побывал здесь впервые. Не терпелось поскорее увидеть старых знакомых — а их у меня здесь очень много,— порасспросить о житье-бытье, узнать, что нового произошло в их жизни, каковы дела в колхозе. Но был поздний вечер. И я, чтобы скоротать время, стал просматривать старую записную книжку. Первые же страницы напомнили мне любопытный разговор с секретарем райкома КПСС М. М. Молокановым. Тогда, перед тем как отправиться в «Победу», я зашел к нему, чтобы в общих чертах узнать о делах в этом колхозе. Мне было известно, что это едва ли не богатейший колхоз в районе, что люди там живут хорошо, и что самое главное — их в колхозе вполне достаточно. Явление из ряда вон выходящее в условиях нашей области... И я ожидал, что секретарь райкома будет рад познакомить меня с таким хозяйством и одобрит мое намерение побывать в нем. Но вышло наоборот. Молоканов сказал:

— Опять в «Победу»... А я считаю, что ничего хорошего у Кошкина нет. Верно, живут богато. Одеваются хорошо. Ручных часов навозиться туда не могут — старый и малый с часами ходят... Но ненадежное у них благополучие.— Я с недоумением посмотрел на секретаря.— Да, да. Ненадежное... Потому что хозяйство у них одностороннее — лен... А животноводство — в загоне. Верно, на льне можно разбогатеть. Но ведь и прогореть можно! Один неудачный год — и сели на мель. Я все время ругаю Кошкина за животноводство. И, кажется, теперь он начинает поправлять дело...

И все же я поехал в «Победу». Пусть и одностороннее хозяйство, но доход! Дай бог, чтоб у нас больше было таких односторонних хозяйств, думал я. И потом, сеять лен и получать высокие доходы никому не запрещалось. Наоборот, на всех совещаниях в области подчеркивалось, что через лен — и только через лен — можно в ближайшие год-два поднять экономику всех колхозов области, а значит — улучшить и материальное положение колхозников. Лен для северных колхозов,— сравнил однажды кто-то,— это все равно что хлопок для колхозов Туркмении. И так ли уж виноват Кошкин, ухватившийся за наиболее доходную отрасль хозяйства, чтобы вытянуть колхоз из хронического отставания.

Причем скачок произошел всего лишь за четыре года! Впрочем, результат мог быть еще внушительней, если бы не стихийное бедствие, постигшее колхоз в 1954 году, когда сгорел скотный двор с семьюдесятью коровами. Тяжело переживал эту неожиданную «подножку» судьбы новый председатель. Рассказывали, как он, обычно сдержанный, тут, при виде гибнущего скота, обезумел, потерял власть над собой. Не зная, что предпринять, он плакал, не стыдясь слез, рвался в огонь, расталкивая колхозников, державших его... Но потушить пожар было уже невозможно. Скот сгорел. Колхоз потерпел огромный убыток. Чем возместить его? Снова брать ссуду у государства? Снова залезать в долги? Нет, слишком много было этих долгов. Решили срезать выдачу на трудодень и вместо планируемых семи рублей выдали три. Зато уже в следующем, 1955 году, доход колхоза составил 1 миллион 302 тысячи рублей, а еще через год — 3 миллиона 224 тысячи, в том числе ото льна было получено 2 миллиона 786 тысяч рублей!

Одностороннее хозяйство... Правильно. Цифры говорят сами за себя. Но посмотрим, что они означают на деле. Ведь за цифрами всегда стоят люди, их воля и труд.

На другой день утром я пошел в первую бригаду — самую большую в колхозе, возглавляемую однофамильцем председателя М. И. Кошкиным — человеком уже пожилым и весьма авторитетным в народе. Я встретил его у крыльца правления колхоза. Он узнал меня. Уви-

дев, что я с фотоаппаратом, попросил: «Ты бы, парень, снял меня со старухой...» Я сказал, что готов сделать это хоть сейчас. «Ну пойдем тогда».

Едва переступив порог избы, он крикнул:

— Старуха, давай наряжайся — снимет парень-то... Да и мне чего-нибудь достань.

Старуха сразу к комоду.

— Какую рубашку-то тебе?

— Давай биленькую... лучше в биленькой-то, поди. Да и пиджак достань... А штаны — ладно: все одно черные выйдут...

Вырядились. Вынесли два стула во двор, уселись. Серебристые пряди волос треплет ветер. Смотрят в объектив серьезно, с достоинством...

После, когда фотографирование закончилось и мои «клиенты» снова переоделись по-будничному, сама собой завязалась беседа. А началась она с того, что я восхитился, увидев на стене в рамках целую галерею похвальных грамот, заслуженных хозяином дома.

— Да, есть, парень, грамот этих. В той избе еще две висят... Поработал, парень. Семь годиков животноводом, два — председателем, да бригадиром вот уж сколько лет. А бригада-то какая! До укрупнения тут семь было... До драки дело доходило: одному не надо худую землю и другому не надо. Да и теперь цапаемся. Вот семян льна у меня, поди, центнеров сто шестьдесят намолочено, а мне половины за глаза хватит. Значит, остальное можно бы сдать... Полторы тысячи рубликов центнер! Подумай, какой доход бригаде. Ан нет... У других, вишь ли, семена не получились, и, значит, наши излишки для них. Обидно, парень... А как жо?!

— Ты медаль-то покажи,— вставляет хозяйка, ворочая ухватом в печке.

— Достань, коли... Это мне на выставке дали,— поясняет Михаил Иванович, пока супруга в горнице гремит ящиками комода. Наконец вышла, подала коробочку.

— Ишь, какая баская.

— Вот бы с медалью вам сфотографироваться,— говорю я.

— А и забыл, парень. Стар стал. Голова побаливает, отдохнуть надо. Вот закончу уборку да и поеду в дом отдыха. Есть тут у нас теперь свой, межколхозный...

— Да не пошлют, поди-ко...— замечает жена.

— Как так не пошлют?— обиделся Михаил Иванович.— Не пошлют... Приду, скажу: моя очередь — и все... А как жо, парень... Шестьдесят годов — небось поработал. И совсем пора уходить с бригадиров-то... Да и уйду. Вот только год закончу — и уйду...

— Сиди-ко ты... Так тебя и отпустят,— опять вставила старуха.

— Отпустят! Закон-то на што... Вон сколько старух на колхозных пенсиях, а я што — меньше их заслужил? Нет, парень, не говори...— Михаил Иванович и жене говорит «парень»— такая уж поговорка.— У меня, парень, никто не скажет, што беспорядок. На канюшне-то был? Видел, лошади какие? Ну, вот... Ведь у меня так: натер лошади холку — отвечай! Конюх докладывает, а с виноватого высчитываю за простой лошади. А как жо? Ну-ко, дай волю — всех коней доведут... Не бывало, што ли, так-то? Бывало. Однажды приходит один тут отпускник — из Мурмана гостевать приезжал — и подает записку от председателя: выдать лошадь в Ирму съездить, парнишку привезти. Сами-то, вишь ли, в Мурмане живут, а сын у бабки в деревне. Теперь ведь и все так... Вот... А время — водополица. Дорога — никакой дороги. Лошадь гробить — вот какая дорога. Не дал. Председатель на другой день: «Што не дал лошади-то?» А и не дам, говорю. Хошь самого генерала с запиской присылай — все одно не дам! Лошадь колхозная и для колхоза предназначена. И наплевать на деньги! Дороже денег выйдет... Ухмыльнулся — и ничего боле. А я так себе подумал: знает, черт, к кому посылать... Ну, ладно, идти мне надо, парень. Картошку у меня сегодня убирают. Еще денек-два — и все... Пойдем, коли хочешь, посмотришь да и снимешь баб-то: радешеньки будут...

* * *

Очень мил и уютен осенний деревенский пейзаж. Стога, скирды соломы на стерне, гуменники с дымком над крышей, избы — в золоченой раме недальних лесов. На картофельных грядках — мешки с картофелем, как приземистые парни на перекуре — один к одному. На лугах — длинными половиками лен... Голо. Только капуста еще зеленеет. Впрочем, зеленеет ли? Из-под листьев выпирают белобокие кочаны... Вот озимые — те, верно, зеленеют. Зеленеют радостно, молодо! Они — как залог

того, что весна будет снова, что природа отнюдь не умерла, а просто собралась на отдых...

День отменный. Солнечно по-летнему. Недавно покрытые дранкой крыши нестерпимо белеют. Их много. 48 хозяйств вернулось в колхоз.

— Хорошо живете, Михаил Иванович!— невольно вырывается у меня.— Всем бы так...

— А што, есть еще худые колхозы? — спрашивает бригадир.— Я ведь не езжу никуда, так и не знаю.

— Я сказал, что есть. Правда, они тоже поднимаются, но медленно...

— А я те, парень, вот што скажу: тут все дело в руководителе колхоза! Да! Плохой председатель к сытому пирогу не приведет. Ведь какие у нас председатели были? Двум свиньям корму не раздать, а не то что руководить колхозом... Вот и довели хозяйство-то. Я сам хотел уже нарушать корову да бежать. Ведь што выходило: корова на дворе, а квас на столе... Придешь наряд давать, а она — женщина-то, показывает на валенки: подошвы протоптались, калоши развалились... Денег по шестьдесят копеек, бывало, начислят, а вздумаешь получать — и получать нечего. Лошадь брал — высчитали, на заем подписывался — высчитали... То да се — глядишь, в долгу остался. Теперь-то што!.. Деньги возами из банка возят. Председатель предлагал по десять рублей авансом — отказались. Говорят, по пять хватит. Это, штобы в конце года побольше получить. Знают, за ним не пропадет... Да што говорить — голова у мужика. Он, все он тут сделал...

— Ну, и вы, Михаил Иванович, немало потрудились,— вставил я.— Да и другие бригадиры тоже...

— Это, конешно... Да ведь мы-то и раньше были...

Долго еще бродили мы по картофельному полю. Михаил Иванович приглядывался, хорошо ли укладываются бурты, попробовал сам пройтись за плугом, запыхался, попенял на старость и снова стал рассказывать.

* * *

Жил я в «Победе» почти полмесяца. Пора была страдная — конец сентября. Утром то иней, то заморозки. Осень словно предупреждала хлеборобов: поторап-

ливайтесь! И люди поторапливались. Заканчивался обмолот зерновых, день и ночь, без перерывов, работала механическая зерносушилка. Сусеки кладовых заполнялись добротными семенами. На картофельных полях укладывались последние бурты. А трактористы, радуясь и удивляясь необычно сухой осени, пахали и пахали зябь... У животноводов — тоже горячка. Надо утеплить дворы, закончить ремонт стаек, полов, автопоилок... Плотничьи руки не знают отдыха. Ведь кроме ремонта им предстояло до зимы покрыть только что выстроенные свинарник и телятник. А шифера нет... Кто только не обещал Кошкину помочь добыть его — нет... Можно бы дранкой покрыть — гвоздей нет. Командировали человека в Ленинград: любым путем добудь гвозди. Вернулся тоже с обещаниями: может, отгрузят, может — нет... Ломают головы правленцы: как быть? Об этом же трудный разговор и на партсобрании. Допоздна засиживаются в правлении коммунисты. А утром, чуть свет,— все на своих местах. Председатель чаще теперь бывает на гумне, у льноводов. Часть тресты уже снята со стлищ, и женщины сортируют ее. Кропотливая это работа: каждый снопик надо переворошить, разобрать соломку по цвету, по длине, не пропустить стебелек сорной травы... Председатель неумолим.

— Лен родится три раза,— говорит он.— На полосе, на стлище и во время сортировки.— Последнее он подчеркивает, чтоб не забывали. И тут же добавляет:— А теперь, когда цены на льнотресту уравнены, лен в колхозе должен родиться и в четвертый раз — во время переработки тресты в волокно.— Колхозницы уже знают, что волокном сдавать лен сейчас значительно выгоднее. Знают они и о том, что за счет этой выгоды председатель рассчитывает и в этом году получить не меньший доход, чем в прошлые годы.

Радовало и волновало меня в «Победе» все: и люди, и их дела. Колхоз производил впечатление хорошо выверенного часового механизма. Колхозники прямо-таки горели на работе. И это горение не было показным, нет. Просто труд им доставлял настоящую радость, которая исходила, как я понял, от твердой уверенности в том, что он принесет им новый, еще больший достаток. А достаток для колхозников «Победы»— это уже не только хлеб на столах да наряды в сундуках, но и вечера

в клубе, где и кино, и выступления своего, самодеятельного, хора, своих, колхозных, артистов... Достаток — это новый быт, светлые избы, радио, электричество, книги... Все это в «Победе» уже есть. Есть и частушки по этому поводу:

Хорошо у нас в деревне:
Электричество горит.
Только негде целоваться,
Надо в поле выходить.

Все колхозники в «Победе»
Начинают богатеть,
Избы строят, тесом кроют —
Любо-мило поглядеть.

...Как-то завернул я в колхозную кузницу. Борис Алексеевич Кузнецов потомственный коваль, сорок лет проработавший у горна, человек, тем не менее, общительный и веселый. В этот день он с молотобойцем Клавдием Онегиным, недавно вернувшимся из армии, ковал болты. Понадобились они для изготовления бревенчатых настилов под гусеницы экскаватора, который углублял речушку Имаю, чтобы спустить ее воду с сенокосов.

Кузнец швырнул готовый болт в угол, вытер пот со лба и, словно оправдываясь, сказал:

— Слаб стал... Отдохнуть бы надо.

— Так в чем же дело, Борис Алексеевич?— спросил я, вспомнив о только что виденной на столе у председателя телефонограмме, в которой значилось: «Председателю колхоза Кошкину. Секретарю парторганизации Малышеву. РК КПСС, исполком под Вашу личную ответственность предлагают немедленно подобрать и сегодня вечером направить в межколхозный дом отдыха 4 человек — членов вашего колхоза. Об исполнении доложить по телефону».

— Не поедет никто,— улыбнулся кузнец, когда я рассказал о содержании телефонограммы.

— Почему?— удивился я.— Разве там плохо?

— Да нет, не плохо... А не поедут. Да и я не поехал бы, хоть и говорю об отдыхе... Почему? А вот почему. В день я выколачиваю полтора-два трудодня. За пятнадцать дней, значит, выйдет двадцать — двадцать пять... А трудодень у нас шестнадцать рублей. Ну, вот —

считай, сколько получится. Триста рубликов с гаком! Так как же я поеду от заработка?

— Старух опять пошлют, наверно...— вставил Онегин.

— Вот посылали бы меня в ту пору, когда по шестьдесят копеек на трудодень было — бегом побежал бы,— нараспев выговорил Борис Алексеевич.— И отдохнул бы, и прокормился, глядишь, полмесяца задаром. А сейчас — нет... Сейчас — завидно: люди зарабатывают, а ты на боку отлеживаешься...

Долго я думал потом о расчетах кузнеца. Что это — жадность? Нет. Если это жадность, то что же такое тогда материальная заинтересованность в труде? Да, у кузнеца есть стремление заработать побольше, но заработать честно в общественном труде. А это и есть не что иное, как сочетание личных интересов с общественными, что, собственно, и лежит в основе коллективного хозяйствования.

В связи с этим вспомнились мне сетования иных председателей на нерадивость колхозников. Они якобы только и глядят, как бы сбегать в лес за грибами да за клюквой... А то плетут кружева. Даже доярки! Кое-как подоят коров — и домой, за коклюшки...

Вспомнилось мне и недавнее обсуждение на литературном собрании рассказа одного начинающего прозаика. В нем он, как только мог, чернил некую тетку Феклу, отвиливающую от колхозной работы, однако не плохо живущую за счет рынка. Фекла, как показал автор, любит деньгу и умеет добыть ее. У нее, сделал вывод автор, совершенно отсутствует трудовая дисциплина...

А интересно, поехала бы тетка Фекла в дом отдыха, живя в «Победе», или нет? И я решил, что не поехала бы.

Русский крестьянин по натуре своей никогда не был ленив. Трудом и потом добывал он хлеб насущный, ковыряя деревянной сохою тяжелую, не очень-то щедрую землю, клочок за клочком отвоевывал ее у вековых лесов, вырубая и выкорчевывая их. И все руками... Одними руками...

* * *

Председатель «Победы» Александр Иванович Кошкин — по образованию агроном. До 1950 года он рабо-

тал в сельхозотделе райисполкома. Канцелярская работа не удовлетворяла молодого специалиста. Крестьянин по рождению, он хотел быть ближе к земле. И когда ему предложили пойти председателем колхоза, он без колебаний согласился. Хотелось попасть в «Победу», в родную деревню, но райком направил его в один из отдаленных колхозов — в «Согласие». Начинать было трудно. В колхозе уже не первый год люди работали «за палочки», как они сами выражались. И все же А. И. Кошкин резко изменил положение дел в артели: уже через два года на трудодень было выдано по пять рублей и по полтора килограмма хлеба.

Земляки А. И. Кошкина, узнав об успехах «Согласия», настойчиво стали требовать у райкома перевести Александра Ивановича в «Победу». Мол, наш мужик — у нас и должен хозяйствовать, а «Согласие» пусть своего вырастит такого. Кошкин, конечно, не возражал. Но колхозники «Согласия» — ни в какую! Не отпустим — и все. Много, мол, видели председателей — первый попался настоящий и — на тебе — отбирают... «Любую плату бери,— говорили Александру Ивановичу,— только не уезжай». И не уехал бы, несмотря на разрешение райкома, да «победовцы» не отступились: прислали восемь подвод, и тут уж делать было нечего, пришлось укладываться...

Принял «Победу» в декабре 1952 года. Колхоз бедствовал. Половина скота уже с осени лежала пластом. Ни сбруи, ни телег — все растеряно, порвано, сломано. Денег на счету ни копейки. Взял ссуду, купил два вагона шроту (жмыха), чтобы поднять на ноги коров, завел сбрую... И, что самое главное, авансировал колхозников по 2 рубля на трудодень. Народ сразу почувствовал твердую руку председателя.

Но как вести хозяйство дальше? Ведь на ссудах далеко не уедешь. Поднимать животноводство, строить скотные дворы — но где деньги, где кормовая база?.. Лен! Только через лен можно быстро получить отдачу, обеспечить прожиточный минимум колхозников, а значит, и поднять их трудовую активность. А будут деньги, будет и рабочая сила, будут и скотные дворы. Так заявил колхозникам новый председатель. И они поверили ему. Засеяли льном 70 с лишним гектаров, значительно больше, чем планировал колхозу район, вовремя выдергали его, разостлали и тщательно отсортировали. Треста

пошла на льнозавод самыми высокими номерами. Заслуга в этом, в первую очередь, самого председателя. Не удовлетворившись собственными познаниями, он поехал за опытом к прославленным льноводам Калининской области. У них он научился «выжимать» изо льна все, что может дать эта культура. Высокосортность победовского льна поразила всех. О Кошкине пошла слава, как о «льняном профессоре».

Здесь я предвижу возражения некоторых председателей: мол, и мы могли бы выращивать льна не меньше и не хуже качеством, если бы у нас было столько народу в колхозах, сколько в «Победе». И это вполне резонно, ибо лен — культура весьма трудоемкая, она требует рук да рук... И сейчас еще некоторые председатели противятся, когда им предлагают увеличить посевы льна, мол, все равно пропадет, не обработать — нет людей. А людей в наших северных колхозах действительно мало. И объясняется это не только потерями военных лет (в этом смысле все колхозы страны оказались в равном положении). Тут сказались свои, местного значения, обстоятельства.

Как известно, Вологодская область — лесная область. На ее территории 41 леспромхоз. Колхозы, еще в недавнее время, обязаны были на зиму направлять в лес сезонную рабочую силу. Проходило это с величайшим «скрипом»: никто ехать в лес не хотел, так как ручной труд сезонников был настолько непроизводителен, что они почти ничего не зарабатывали. И получалось так: весну, лето, осень человек работает в колхозе и, если колхоз экономически слабый,— зарабатывает очень мало, а на зиму едет в лес — и ничего не зарабатывает. «Лесу боялись пуще медведя»,— рассказывали мне в одном колхозе. Боялись... и убегали из колхозов в город. Теперь на лес колхозники смотрят как на вернейшую возможность хорошо заработать, и между ними нередко разгорается спор за право поехать в лес. Положение исправлено. Но люди-то, ушедшие из деревни, не вернулись.

Много рабочей силы, причем лучшей, привлек к себе гигант северо-западной металлургии Череповецкий завод.

И вот если учесть эти два обстоятельства да еще то, что молодежь, отслужившая в армии, тоже не возвраща-

ется в колхозы (в экономически слабые),— станет ясно, насколько жгуча проблема рабочей силы в колхозах Вологодчины. Однако о ней почему-то не говорят. Между тем надеяться, что она разрешится сама собой по мере насыщения колхозов техникой, нельзя. К машинам тоже нужны люди, причем люди грамотные, молодые.

Но посмотрим, как обстояло с людьми в «Победе». В 1953 году, когда председателем был избран А. И. Кошкин, в колхозе насчитывалось 29 мужчин и 132 женщины (в возрасте от 16 лет и старше). А к 1958 году здесь было уже 119 мужчин и 188 женщин. (Мужчин — в четыре раза больше!) Откуда взялись эти люди? Возвратились из городов и рабочих поселков. И это вполне понятно: ведь уехали-то они в свое время не потому что не любили землю, вспоившую и вскормившую их. Отслужившие в армии тоже стали возвращаться в колхоз: от добра добра не ищут. Большое пополнение колхозу дала также школа. Это даже в частушке нашло отражение:

Задушевная подружка,
До чего колхоз хорош!
После школы остается
Вся в колхозе молодежь.

Можно было бы назвать и еще ряд колхозов, в которых прибыло рабочей силы, как только наметился подъем артельного хозяйства и трудодень стал значительно богаче. Но начинали председатели этих колхозов все же при недостатке рабочей силы. Их опыт показывает, что этот недостаток на первых порах можно восполнить только в том случае, когда будут вскрыты и приведены в действие неиспользованные резервы, которые, бесспорно, есть в любом колхозе.

В «Победе» таким резервом оказался лен. Лен дал колхозу деньги, деньги вернули в колхоз людей, а то и другое вместе дало возможность наконец взяться за подъем и других отраслей артельного хозяйства. Вот цифры роста удоев на одну фуражную корову по годам: 1955 г.— 935 литров, 1956 г.— 1324 литра, 1957 г.— 1632 литра, 1958 г.— около 1900 литров. При этом стадо в истекшем году увеличилось на 80 голов. Быстро растет свиноферма. Если в 1957 году государству было сдано всего 38 центнеров свинины, то в истекшем году уже к сентябрю было сдано 148 центнеров и 36 голов свиней

еще находилось на откорме. Развернулось и строительство новых скотопомещений. Среди них — огромный кирпичный свинарник, телятник, птичник... Вот вам и одностороннее хозяйство! Колхоз, словно проснувшийся богатырь, молодо расправляет плечи. Теперь ему под силу любые задачи!

* * *

В конце октября нынешнего года редакция областной газеты «Красный Север» созвала совещание очеркистов. В Вологду приехали люди со всех концов области. В большинстве своем это были работники районной печати и собкоры областной газеты, отлично знающие положение на местах. Разговор шел о колхозах. Все единодушно подтверждали, что после сентябрьского Пленума ЦК КПСС колхозы сделали заметный шаг вперед. Особенно благоприятно сказались последние решения партии о продаже техники колхозам и о новых, единых ценах на продукты сельскохозяйственного производства.

Сдвиги были налицо. И все же некоторые колхозы продолжали отставать. Это отставание особенно отчетливо ощущалось при сравнении положения дел в отстающих хозяйствах с достижениями передовых колхозов, которые теперь были в каждом районе. В чем же дело? Когда же у нас не будет слабых, маломощных колхозов? Что еще нужно, чтобы вытянуть эти колхозы на уровень передовых?

Кто-то, настроенный пессимистически, сказал:

— Надо создавать совхозы. В этом, пожалуй, единственный выход.

Однако ему резонно возразили другие товарищи. Во-первых, говорили они, государство не может пойти на реорганизацию колхозов в совхозы в широких масштабах. Это слишком накладно будет для государства. И кроме того, не везде можно, с точки зрения целесообразности, создавать совхозы. Какой толк от совхоза, находящегося, например, в ста километрах от железной дороги. А у нас в области таких колхозов если не большинство, то половина. Да и сами колхозники не очень-то и хотят стать рабочими совхозов, потому что нынешнее отставание колхозов их порой не так уж и затрагивает. Колхоз отстает, а люди в нем живут неплохо... Парадокс! И однако же вполне объяснимый. В самом деле,

налоги с личного хозяйства теперь невелики. И колхозники, не получая должного за свой труд в колхозе, стали делать ставку на личное хозяйство. Держат коров, овец, выкармливают свиней. Порой на ферме 100 коров, а в личном пользовании у колхозников — 150. Такое же положение с овцами, курами. На областном совещании однажды рассказывали, что даже у самих председателей в личном хозяйстве кур больше, чем на колхозной птицеферме.

И получается так: молоко, мясо, картофель у колхозников есть, а хлеб всегда можно купить в магазине. Правда, чтобы его купить, нужны деньги. Но и деньги большинство хозяйств добывает помимо колхоза: одни торгуют излишками продуктов на рынке, другие получают государственные пенсии, третьи, а таких большинство, имеют родственников в городах, четвертые «шабашничают» на стороне (причем наказать их по Уставу нельзя, так как минимум трудодней у них выработан — в сенокосную пору, конечно, ибо эти трудодни дают право на получение сена в размере 10 процентов от накошенного).

Молчавший до сих пор собкор областной газеты сказал, обращаясь к собеседникам:

— И вы считаете, что ничего большего люди не хотят? Что их вполне устраивает такое благополучие? Нет. Достаток, который нарисовали вы, весьма относительный. Подлинный достаток может прийти только через подъем общественного хозяйства. Мы-то, слава богу, убедились в этом, бывая в передовых хозяйствах.

— Согласен с вами. Но резкого подъема-то пока нет и в некоторых колхозах едва ли скоро будет... Вот люди и приспосабливаются.

— Нет, будет подъем! Должен быть! — горячо вступил в разговор журналист — работник сельскохозяйственного отдела редакции областной газеты. — Все условия для этого есть. Не хватает главного — умных, грамотных, талантливых председателей.

— Но до каких же пор можно ссылаться на председателей?

— До тех пор, пока не будет отстающих колхозов! — твердо ответил красносеверец. — Подбор председателей — дело не компанейское. Мы думали: вот прибыли к нам тридцатитысячники—теперь дело пойдет. И ошиб-

лись: тридцатитысячники, по крайней мере у нас, себя не оправдали. Видимо, к выдвижению их подходили безответственно, и к нам прибывали нередко люди явно не те, на каких рассчитывала партия. А во-вторых, чтоб поднимать хозяйство, его все-таки надо знать, чувствовать, и не только умом, но и сердцем. Неужели мы на сорок первом году Советской власти не сможем найти на местах людей, способных повести колхозы вперед? Таких как Спасенков в Кубено-Озерье, Николаев в Устюжне, Курилов в Харовском, Кошкин в Пришексне, Лобытов под Вологдой, Саранцев и Климов в Грязовце... Да мало ли их у нас уже есть?! Это же настоящие самородки! Вот таких и надо искать... Искать терпеливо, повседневно. Кстати, вы помните, что говорилось по этому поводу на совещании работников сельского хозяйства Центрально-черноземных областей в 1955 году?— И журналист, вынув записную книжку, прочитал: — «Их опыт (то есть опыт лучших председателей) учит, что при хорошем председателе любой, даже самый отстающий колхоз может в один-два года поднять свое хозяйство. Поэтому партия считала и считает, что укрепление колхозов опытными руководителями является важнейшей задачей колхозного строительства».

Беседа разгоралась. Всеми руководило одно желание: понять истинные причины отставания некоторых колхозов с тем, чтобы с большим знанием дела бороться за устранение этих причин.

С сожалением говорили о том, что отстающие колхозы много проиграли в этом году, не купив технику у МТС весной, хотя желание такое у многих было, но... райкомы посоветовали не спешить. А вышло следующее: одному колхозу, например, купившему тракторы, гектар мягкой пахоты обошелся в 29 рублей, а другому, обслуживаемому МТС, тот же гектар стал в 68 рублей. Если первый за счет снижения себестоимости сельскохозяйственных работ уже в этом году почти покроет расходы за приобретенную технику, то второму, прежде чем купить ее теперь, надо еще выплатить МТС за произведенные работы около двухсот, а то и более тысяч рублей. Отставание усугубилось. И не случайно на проходящих районных партконференциях некоторые райкомы резко критикуются коммунистами колхозов, остав-

шимися с весны без своей техники. А таких колхозов 600 из 1400 имеющихся в области.

Говорили и о том, что огромные площади пахотных земель, лугов и пастбищ в колхозах заросли кустарником и даже лесом и что нет никаких сил бороться с зарастанием. Существующие лугомелиоративные отряды не дают должного результата, потому что они не имеют полного комплекта машин. Нужны простейшие механизмы, может быть даже индивидуального пользования, а их нет. Бывшие МТС были буквально завалены техникой, не находившей себе применения в северных условиях. В одной Перской МТС Устюженского района еще совсем недавно, в 1957 году, мертвой техники было на миллион рублей, а для уничтожения кустарников — почти ничего. В результате, посевная площадь в области, по сравнению с довоенными годами, сейчас значительно уменьшилась. В одном колхозе под пастбищем числится 570 гектаров, а скот пасти приходится в полях — пастбище заросло лесом.

А как необходимо колхозам освоить заросшие площади, свою, лежащую под боком, целину! Ведь это — дополнительные гектары льна, клеверов, это — культурные пастбища, это, наконец, молоко и мясо!

Не меньшее зло для многих наших колхозов—камни на полях. Их так много порой, что технику применить совершенно невозможно. Надо их убрать, но как? Кой-где используют для этой цели бульдозеры. Но они способны только «выковырять» камни, а их надо и транспортировать.

Правильно отмечалось также и то, что наши земли сильно истощены, навоза не хватает, а удобрения для отдаленных от железных дорог колхозов обходятся слишком дорого. Нужно добывать торф, но опять-таки не хватает специальных машин — экскаваторов, торфоразбрасывателей и других.

Все эти обстоятельства влияют и будут еще влиять на экономику наших колхозов. И все-таки, думал я, укрепление колхозов опытными, инициативными председателями является первоочередным делом среди прочих неотложных дел. Я снова и снова вспоминал А. И. Кошкина и многих других председателей, сумевших, подобно ему, вывести ранее отстававшие колхозы на широкую дорогу процветания. Я вспоминал, как преображались

люди, как раскрывались их души, удваивались их силы, когда в новом председателе они узнавали наконец настоящего хозяина, умного и тороватого вожака, которому смело можно доверить свою судьбу. В Грязовецком районе мне довелось быть свидетелем такой истории. Председатель М. за два года неузнаваемо изменил положение дел в колхозе. И вот отчетно-выборное собрание. М. заявляет: «Спасибо вам, товарищи колхозники, за доверие и уважение... Но больше я работать не могу. Вы знаете, какое у меня здоровье. Так что, прошу освободить».

Колхозники действительно знали, что М. — инвалид войны, что на нем, как говорится, нет живого места — так он весь изранен, но... отпустить его никак не соглашались. Они предлагали ему в два раза большую зарплату, обещали сейчас же купить путевку на курорт, все что он захочет... Так ценили колхозники хорошего хозяина артели! И М. не выдержал: дрогнуло сердце — остался еще на год.

Вспомнил я и еще одного замечательного колхозного вожака — председателя колхоза «Россия» А. К. Курилова. Выступая на областном совещании председателей, он сказал: «Председатель должен быть не только опытным хозяйственником, но и хорошим педагогом!»

Не каждый, конечно, может отвечать этим высоким требованиям. Но только такие люди и должны стоять у руля коллективного хозяйства!

Года три назад у нас много говорилось и писалось об укреплении колхозов руководящими кадрами. Сейчас, к сожалению, прежней заботы об этом важнейшем деле не наблюдается. А между тем жизнь показывает, что благодушествовать рано. Руководить колхозом сейчас отнюдь не проще, чем заводом, например. Однако у некоторых работников на этот счет, видимо, другое мнение. Вот что говорилось на только что состоявшейся партконференции Междуреченского района: «Бывают случаи, когда рекомендуют на должность председателей колхозов работников, ранее скомпрометировавших себя. Это свидетельствует о несерьезном отношении к подбору кадров».

С таким выводом нельзя не согласиться. Разве мало у нас было случаев, когда человека, «скомпрометировавшего» себя в какой-нибудь районной конторе, вро-

де конторы «Утильсырье», добрые дяди направляли председателем колхоза. И более того, когда он заваливал дела в одной артели, его «перебрасывали» в другую и даже в третью. «А что же делать? — рассуждали добрые дяди. Ведь он все-таки руководящий товарищ, с ним надо работать, его надо воспитывать...» И вот воспитывали... И это, столь затянувшееся воспитание, обходилось колхозникам слишком дорого.

Трудная должность — быть председателем колхоза, да еще отстающего. Но уж поскольку такой председатель найден, поскольку партия и народ оказали ему доверие, надо думать в первую очередь о том, как бы помочь ему, дать добрый совет, поддержать вовремя, а не одернуть или наказать не разобравшись. А ведь, что греха таить, в практике отдельных районных руководителей чаще преобладает все-таки второе. Разносы на бюро, выговоры кой-где так и сыплются на председателей. Причем требования к ним не всегда и справедливы. Вот два примера. Райком и райисполком ориентируют председателей закупить скот, находившийся в личном пользовании у колхозников, и сдавать его государству, дабы круглее была цифра, показывающая, сколько мяса произвел колхоз (а значит, и район) на 100 гектаров. Казалось бы, ничего в этом плохого нет, тем более что колхозники охотно идут на это, потому что цена их вполне устраивает — 7 рублей 80 копеек за килограмм живого веса. Но ведь, во-первых, это своего рода очковтирательство (скот-то выращен все-таки не колхозом!), а во-вторых, колхоз от этой купли-продажи несет весьма ощутимый убыток, платя подоходный налог с этого товара из колхозной кассы, колхозникам же выплачивая «чистую» сумму. «Зачем обманывать самих себя? — возмущался по этому поводу А. И. Кошкин. — Не вырастили, значит, не вырастили».

Другой пример. Председатель колхоза Н. на пленуме обкома рассказывает: «Весна в этом году была затяжная. Земля долго не прогревалась. Однако мне приказывают — сей лен! Холодно, говорю. «Ага, холодные настроения!.. И это у председателя-коммуниста... Придется на бюро поговорить с тобой...» И действительно, «поговорили» и на бюро. Затем районная газета баню задала, а за ней районное и областное радио прибавило жару. «Саботаж!» — говорили мне. Пришлось сеять. Но

на десяти гектарах все же не посеял до тепла. И вот результат: там, где сеял по команде, сорняки одни выросли, а на десяти гектарах, засеянных позже,— вырос лен».

Этот пример говорит сам за себя. Такая «помощь», такие «советы» председателям, конечно, не нужны.

Отдавая должное председателям, нельзя забывать и о втором, еще более многочисленном отряде колхозных руководителей — бригадирах. С подбором бригадиров дело обстоит еще хуже. Совершенно неподготовленные, они порой не могут поставить, как должно, учет трудодней, что крайне отрицательно сказывается на трудовой дисциплине. Далее, надо учитывать, что в условиях укрупненного колхоза бригадирам зачастую приходится действовать самостоятельно, так как бригады разбросаны, а телефонной связи с ними, как правило, нет.

Если председателей колхозов мы все же готовим в соответствующих школах, то бригадиры забыты совсем. Настало время учить искусству руководства и бригадиров, ибо, в конце концов, они первая опора председателя в решении хозяйственных дел.

1958 г.

Хозяин в хозяйстве

«Россия» расположена в тех краях, где теперь, в осеннюю пору, на опушки краснолесья утром стаями вылетают тетерева, а на берегах глухих лесных речушек, с перекатами, с тихими заводями, в которых полтора-два года назад хорошо прижились бобры, в эту пору можно спугнуть глухаря, прилетевшего поклевать гальку. Здесь же, на лесных горах, поросших осинами да березами, стадами бродят лоси. Следы их всюду. Вот молодая осинка с только что обгрызенным стволом, а вот поддерганный стожок — тоже лосей работа... А это что? Сломанная ветром осина покорежена, словно снарядными осколками... А-а, это лоси-быки пробовали крепость своих рогов!

Ясная, тихая осень. Изредка — туман, еще реже — моросящий дождь — и снова выглядывает солнце.

Председатель «России» Анатолий Константинович Курилов радуется: люди успеют докопать картофель, скорей домолотят зерновые, лучше вылежится лен... Природа все же смилостивилась. Ведь столько было дождей, прямо-таки ливней, в самую горячую пору уборки! Дожди не прекращались с середины августа и до начала сентября. Поля раскисли. Не то что комбайну — человеку нельзя было ступить на полосу: ноги вязли по самое колено. Рожь полегла. Зерна стали прорастать прямо в колосьях. А лен — какой был лен! — весь повалило, перепутало. И он начал гнить... Сердце кровью обливалось при виде такого бедствия. Нужны были чрезвычайные меры, чтобы спасти, хотя бы частично, урожай. Но ни комбайны, ни льнотеребилки не шли. Человеческие руки — только они — могли еще что-то сделать. А у людей — как

ни странно — равнодушие. Впрочем, странно тому, кто наблюдал это со стороны. Но Курилов-то знал отчего оно: жизнь показала, что в колхозе снова был нарушен принцип материальной заинтересованности. И причиной этому — переход на денежную оплату. На первый взгляд показалось: денежная оплата как раз то, чего не хватало для более интенсивного ведения хозяйства. Люди ежемесячно будут получать деньги, будут знать, за что и сколько заработали вчера, сегодня,— и, зная это, будут работать более напряженно. Но вышло не совсем так. Получая за работу только деньги, причем в большинстве колхозов — несвоевременно, так как рассчитываться нечем, колхозники потеряли всякий интерес к земле. Хорошая ли, плохая ли выросла рожь на поле, убрана она или нет — им, собственно, не так уж важно: все равно ни грамма зерна колхоз им не выдает ни за трудодни, ни даже за собственные деньги. Пробовал председатель растолковать, что-де, мол, все равно, эта рожь ваша — чем больше колхоз ее намолотит, тем больше у него, а значит, и у колхозников, будет доход... Да где там! Не помогло.

— Ты нам зерна дай, тогда мы скажем, что да, рожь наша,— отвечали мужики.— Ведь мы курочек держим. А они зерно клюют, как известно... Где нам взять его? Приходится хлебушек на них покупать... Да и пивишка порой не мешало бы сварить. А то что же получается? Городские — пиво, а вы, мужики, воду пейте... Да нам, по нашей работе, пиво-то, может, больше нужно, чем городским.

И в самом деле, не то получается: крестьянин — и без единого зернышка собственного хлеба! Верно, в магазинах хлеба вдоволь. А женщинам самим попечь хочется. Привычка. Да и радость великая! Этакий поджаристый караваище поддеть на лопату, высадить на стол, накрыть рушником — «пусть отойдет» — и потом, колесом прижав к груди, отвалить ножом дымящуюся горбушку — только корочка хрустнет, только ноздри расширятся от духмяного запаха хлебушка-батюшки... Али кренделей каких навертеть, налитушек на воскресенье... Говорят, женщин надо освободить от этой нудной возни с квашней. Пусть они лучше в кино ходят, на лекции... Освободить человека

можно ото всего, но не столь же круто. Все это знал Анатолий Константинович Курилов, и сам, своей крестьянской душой, хорошо понимал колхозников, выслушивая их нарекания.

А хлеб ждал. Середина сентября — а из 900 гектаров зерновых убрано немногим более 200. И правление колхоза принимает решение: косить хлеб вручную за 10 процентов соломы и зерна от скошенного. И тут хлебушко-батюшко показал, чего он стоит крестьянину!

— С поля, было, не выгонишь — вот как работали! — рассказывает Курилов.— Семьсот гектаров буквально смахнули!

И вот результат: «Россия» сейчас чуть ли не единственный колхоз в районе, полностью засыпавший семена под урожай 1962 года. Погиб только горох, да и то потому, что был принесен в жертву льну — культуре в несколько раз более денежной, чем горох. Ко льну в здешних колхозах давно уважительное отношение. «На льне,— говорят колхозники,— можно заработать». В эту осень такая уверенность была, конечно, поколеблена: лен, как уже говорилось, весь прибило к земле, перепутало, он начал подопревать снизу, гнить. О машинной уборке и думать было нечего. И бабы, немолодые все, выдергали его «весь по волоточке!», как сказал председатель. Как им не поклониться земно, не сказать спасибо!

Нынешняя осень окончательно убедила А. К. Курилова и правленцев, что хлеб, зерно — как ни мало его в этом году — все равно надо в определенном количестве продать крестьянину, чтобы он снова с душой потянулся к земле, и заверить (может быть, даже в Устав записать), что эта продажа зерна будет увеличена в будущем, если увеличится валовый сбор зерна.

Не этой ли незаинтересованностью крестьян в земле, в урожаях объясняется тот факт, что во многих районах Вологодской области в прошлом году зерна собрано меньше, чем в 1940 году, в 2,5 раза, что в целом по области посевные площади сократились, по сравнению с предвоенным годом, на 180 тысяч гектаров? Могут сказать, что дело тут прежде всего в недостатке рабочей силы, в низком уровне механизации и, конечно, в нехватке удобрений.

Этих товарищей можно спросить: а почему в деревне не стало этой самой рабочей силы? Почему извечный хлебороб, землепашец вдруг заколачивал досками окна обжитого дома и, как здесь шутят, «положив паспорт на извозчика, а имущество — в карман», уезжал из деревни в город, на стройку, а в последние годы — на целину? Потому что, во-первых, земля, которая испокон веков была для него и кормилицей и поилицей, перестала в этих колхозах быть таковой (кто не помнит, как некоторые чересчур ретивые руководители в погоне за планом выгребали из колхозных амбаров подчистую все, даже семена), и колхозникам, если и выдавалось зерно по трудодням — то только такое, которое пригодно было, скорее, не в пищу, а в фураж; во-вторых,— и это следствие первой причины,— земля потеряла власть над человеком, к ней приставленным. Сказалось тут также и то, что она, особенно в пору существования МТС, была обезличена. Крестьянин лишился той извечной радости, гордости, какую испытывал он, глядя на дело своих рук — на выращенный им (лично!) урожай. Земля его не упрекала, если ничего на ней не уродилось, и не особенно радовала, когда урожай был хорош.

Этим, видимо, объясняется чрезмерный отлив крестьян в город. Я подчеркиваю: чрезмерный, ибо в наш индустриальный век перекачка рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, вполне естественно, должна была происходить и происходит. Печально, однако, то, что отлив рабочей силы из колхоза за последние годы происходил за счет молодежи. Парни, уйдя в армию, как правило, не возвращаются. И не только потому, что боятся трудностей. На целине, на стройках Сибири, в необжитых краях трудностей не меньше. Однако именно туда и уезжают отслужившие свой срок парни. Почему? Потому что там есть где применить свои знания (молодежь-то теперь грамотная!), есть где показать свое умение (армия многим дает специальность механика, водителя и т. п.). Говоря коротко: там есть техника. А в деревне, где механизация оставляет желать лучшего, о чем я буду говорить ниже, не очень-то просто устроиться, хотя бы даже трактористом. Работать же на «Му — два рога, зажиганье от батога» — как шутят в деревне,

таким парням не хочется. А раз так, девчата тоже жить в деревне не хотят. Более откровенные прямо говорят председателю: нам по 25 лет. Еще год-два, и мы старые девы. Кому мы такие будем нужны?

И уезжают. На целину. Там все-таки есть шанс выйти замуж.

— Верно,— рассказывает Анатолий Константинович,— в колхозе пока нет тех удобств для молодежи, какие имеются в городе: и заработки меньше, и повеселиться негде — один клуб на весь колхоз — не всегда сбегаешь за пять — восемь километров, но ведь землю-то пахать кому-то надо. Убеждаешь молодых, убеждаешь, а они придут в кино — на тебе! — киножурналы — и все об одном: как хорошо жить в городе! Такое покажут, что хоть сейчас же беги с чемоданом на станцию! После таких киножурналов все увещевания, понятно, идут насмарку. Естественно, человек ищет где лучше,— уныло заканчивает Курилов.— Не стало в колхозе молодежи. Десятка полтора девушек в животноводстве — вот и вся молодежь. Остальные — в основном женщины, которым под пятьдесят и даже за пятьдесят. «Некачественные» люди,— как выразился агроном. Через пять-шесть лет все они выйдут из рабочего возраста. «Некачественные» люди они не только в смысле возраста, но и по уровню образования.

И тут во весь рост встает проблема руководящих колхозных кадров. Колхозы стали крупными, бригады — тоже. На повестке дня — хозрасчет. Надо считать и считать, а образование у бригадиров — этого основного звена колхозных кадров — начальное. Вдумайтесь: десятки, сотни молодых парней и девушек закончили десятилетки, техникумы и даже институты, а бригадиры — это в наши-то дни! — с начальным образованием. Говорят: посылайте в годичную школу колхозных кадров. Но кого послать? Немолодого человека с начальным образованием? Какой смысл?

Курилов говорит, что пришла пора, когда не только колхозы, но и бригады должны возглавлять люди, не просто с образованием, а со специальным — агрономическим или зоотехническим. И он верит, что таких людей страна скоро будет давать колхозам.

Северная деревня обезлюдела. И закрывать глаза на этот очевидный факт — значит допускать серьезную ошибку, которая скажется в ближайшем будущем еще более ощутимо.

Каков же выход? Когда Курилов обратился в Министерство сельского хозяйства РСФСР с этим вопросом, ему ответили: создавайте для молодежи условия для жизни и отдыха, чтобы они от вас не бежали. Но ведь для того, чтобы создать для молодежи условия, приближенные к городским, нужно иметь хорошую материальную базу, а чтобы иметь ее — нужны рабочие руки... Ждать, что люди вернутся в деревню — наивно. Да, они вернутся, если колхоз станет на ноги: ведь они ушли не потому, что не принимали колхоз вообще, нет, ушли потому, что в данном колхозе в силу тех или иных ошибок руководства они лишены были возможности своим трудом обеспечить себе нормальное существование. Ведь и в нашей области есть колхозы, в которые люди буквально просятся, а их не принимают. Так было в «Победе» бывшего Пришекснинского района до укрупнения, так было и есть в «13-й годовщине Октября» Устюженского района.

Здесь, в «России», мне довелось познакомиться с Груздевой Лидией Васильевной — вдовой бывшего председателя тогда еще небольшого колхоза.

— Семнадцать лет колхозу отдал мой Василий Васильянович,— с гордостью сказала она.— И хорошо дело шло. Не выгонишь, бывало, никого из колхоза-то!

Знаменательные слова! «Не выгонишь из колхоза!» И в самом деле, попробуйте выгнать человека из колхоза, которым руководит, например, Кирилл Орловский в Белоруссии. Но, поскольку обстоятельства все же заставили уйти людей из многих колхозов, выход из этого положения один: механизация, механизация и еще раз механизация! На первых порах хотя бы наиболее трудоемких процессов: погрузка навоза, разбрасывание его, заготовка и вывозка торфа, уборка кукурузы, доение и раздача кормов... А в перспективе — комплексная механизация всех процессов труда.

На деле же в колхозе «Россия» — тут я наконец должен сказать, что «Россия» с мая 1961 года — колхоз опытно-показательный в районе! —дела с механизацией обстоят так. Вот из одного скотного двора

вывозится навоз. Работает гусеничный трактор с двумя тракторными санями и 12 женщин с вилами. Восемь женщин навоз погружают, четыре сбрасывают в двухстах — трехстах метрах от двора. Сани тяжелые, без бортов, и навоза на них помещается мало: создается впечатление, что трактор не навоз возит, а громоздкие сани взад-вперед зачем-то таскает.

Ко двору мы подошли с секретарем парткома колхоза. Его-то женщинам, оказывается, и надо. До каких пор они будут убиваться тут? И хотя бы платили, а то копейки за целый день. Вон мужики расхаживают с топорами... Одиннадцатый час — еще не тюкнули, а они, женщины, уже наработались. А кому больше заплатят? Мужикам, конечно. Небось баб не позвали, когда расценки утверждали...

Но секретарь парткома, сказав: «Ну, ладно, надо идти»,— отошел в сторону, и все жалобы женщин пришлось дослушивать мне. Позже он признался: «Понимаете, слышал я все это, и не раз. Правы, конечно, женщины. Но что я могу им сказать? Дворов-то у нас много, а погрузчик — один... А навозоразбрасывателя и совсем нет. Зарабатывают они мало — тоже верно. А подсчитать — и без того навоз у нас получается «золотой». Производительность-то велика ли?»

Вечером с Анатолием Константиновичем мы побывали на ферме, единственной в колхозе, где смонтирована электродоильная установка. Но по-настоящему она еще не освоена: 65 коров здесь обслуживаются... четырьмя доярками. Да еще и заведующий — мужчина — к ним приставлен. Это на 65 коров при электродойке, когда в Ивановской области двое — муж и жена — доят 300 коров!

Новый секретарь Харовского райкома КПСС Б. З. Веселов уже упрекал за это Курилова, и вот он решил исправить положение.

— Так в чем же дело, Валентин Николаевич? — спрашивает он заведующего фермой.

— Дело в электроэнергии. У нас три движка бензиновых работают: один воду качает, другой свет дает, третий — доит. А что если один движок сломается? Надо руками доить коров, а у меня одна доярка! Самому садиться под корову? — Председатель молчит.— Достать бы нам дизелек да генератор: и надеж-

нее, и дешевле. Ведь мы столько бензина расходуем...

В общем, здесь механизация лбом упирается в электрификацию. И это еще одна из труднейших проблем, которую надо решать немедля. Но на деле кое-кто, видимо, с этим не торопится. Вот что говорил на областной партконференции председатель колхоза «Новая жизнь» Вытегорского района:

— По полям нашего колхоза проходит государственная электролиния, но нас не подключают. Мы вынуждены строить экономически невыгодную для колхоза теплоэлектростанцию. Кроме того, нам нужны маломощные моторы. Но за два года мы не могли купить ни одного такого мотора.

Он же сказал:

— Немыслимо дальше двигать сельское хозяйство без комплексной механизации.

Возразить ему было невозможно. Когда на эту тему я заговорил с Анатолием Константиновичем Куриловым, он тяжело вздохнул. А потом сказал:

— Когда мы начинаем говорить, что нам не хватает машин — нам отвечают: «Используйте внутренние резервы». Верно, внутренние резервы надо использовать, и мы их используем... Но ведь всему есть предел. Даже резину, у которой резерв тянучести необычаен, все равно нельзя тянуть бесконечно: она лопнет.

В этом году у нас, хотя и не на больших площадях, выросла настоящая кукуруза. В колхозе — один силосоуборочный комбайн. Не справлялся, конечно. И тут были приведены в действие «внутренние резервы»: люди вышли на кукурузу с ножами, с топорами и даже с косарями... Вырубили, конечно. — И с усмешкой добавил: — Ладно, что не видал этого хороший писатель-сатирик. Ох, досталось бы нам!..

И это в текущем году! А что будет делать колхоз в 1962 году, если кукурузы запланировано посеять 180 гектаров, в несколько раз больше? Курилов тревожится, и не напрасно. Тем более что теперь, когда *областная партийная конференция положила конец травополке,* ставка сделана на кукурузу. *Вопрос стоит так: или кукуруза окончательно утвердит свои «королевские» права в полях Вологодчины, или, погибнув, навсегда отобьет охоту у крестьян заниматься ею.* Звеньевые по

кукурузе, которых здесь, в Харовском районе, уже сейчас райком утверждает на бюро, на вопрос «сумеют ли они вырастить кукурузу на закрепленных площадях?» — отвечают одно: «Да, сумеем, если нам будет дана самостоятельность». Что они под этим понимают? А вот что. Они хотят, чтобы в их распоряжении были тракторы, сеялки, культиваторы, чтобы все работы они делали сами, в нужное время и, что главное, на совесть!

Давно ли мы говорили: вся беда в том, что у нас на земле два хозяина — МТС и колхоз. Продали технику колхозам. И правильно сделали, что продали. Но что получилось? В колхозах мы создали механизированные бригады и в них сосредоточили эту технику. *Получились меленькие МТС внутри колхозов.* Снова землю в бригаде пашет один, сеет — другой, убирает урожай — третий, люди они, хотя и не посторонние, но все-таки не члены бригады. *Снова два хозяина на земле, снова обезличка!* А сколько организационной неувязки при таком использовании техники. Например, бригаде нужен трактор. Садится бригадир на коня — и в правление к председателю. А его нет, уехал в другую бригаду. Ждет. Полдня, день. А дело стоит...

В общем, *технику надо закрепить за бригадами, дать им полную самостоятельность, ввести хозрасчет, уничтожить, наконец, величайшее зло — обезличку земли!* — соглашаемся мы оба.

Но... опять это «но» — не хватает тракторов. На каждую бригаду — а они в «России», как и в других колхозах, очень крупные — надо дать хотя бы по одному гусеничному тяжелому трактору и по одному колесному («Беларусь»). А на все бригады по гусеничному трактору не хватает. И еще есть одно «но». Кой-кто опасается, что, распределив технику по бригадам, колхоз лишится возможности маневрировать ею, что рассчитывать на взаимовыручку трудно: «своя рубашка ближе к телу». Верно, все это может быть. Но, во-первых, при разумном руководстве со стороны правления эту опасность можно свести на нет, а во-вторых, из двух зол надо выбирать меньшее.

— Так мы и сделаем, — твердо заключает Анатолий Константинович. — Подсчитаем все, изучим и сделаем...

Я не сомневаюсь — сделают. Но тракторы «России» все-таки нужны. Те, что у них имеются, уже настолько

стары, что в них, коли глянуть, ничего заводского почти не осталось: все сменено-пересменено, да и это уже износилось. Гадая, почему северным колхозам так мало выделяется тракторов, Курилов решает, что, видимо, в стране не хватает металла. Если это так, говорит он, надо поощрять сбор металлолома. Сдал колхоз в этом году 700 тонн металлолома — и ничего за это не получил (денежная оплата невелика — и она не в счет). А что, если бы за этот металлолом колхозу продали (продали!) один-два трактора!

— Да мы бы еще семьсот тонн собрали! — отвечает на это Курилов. И это не просто слова. Это, если хотите, замечательная идея! И кому, как не Вологодской области, где построен и набирает небывалую мощь Череповецкий металлургический комбинат, ухватиться за эту идею! И государство выиграло бы, и колхозы бы не остались в накладе. Ведь столько старых машинных колес, шестеренок, конных приводов валяется по деревням.

В один из первых дней моего пребывания в «России», Курилов предложил посмотреть хозяйство и повел меня, такова уж традиция, по скотным дворам. Дворы были и старые, и новые — на кирпичных столбах, один даже целиком из кирпича — церковь местную разобрали. Наконец приехали мы и на новостройку. В огромном, необычайно широком дворе, плотники настилали полы, отделывали кормушки, почему-то в три ряда, цементировали проходы, монтировали подвесную дорожку...

— Вот полюбуйтесь, — со вздохом сказал председатель. — Строили двор для беспривязного содержания скота, указание такое было, но... пришлось отказаться от этой затеи.

— Почему? — поинтересовался я.

— Да потому, что преждевременная затея-то... Для беспривязного содержания нужна подстилка. Солома. А у нас она вся идет в фураж. Подстилочного торфа тоже добывать нечем. А без пола да без подстилки — какой же двор? В опытном хозяйстве Молочного института попробовали — и чуть ли не половину коров испортили. Грязь во дворе развелась — по брюхо животным... Вымя у коровы все время мокрое. Выйдет из двора — содержание-то свободно-выгульное — морозом

прихватит соски — и конец, нет коровы. Посмотрел я на такой опыт — и решил двор переоборудовать, пока не поздно.

Верно, пока еще было не поздно: скот во двор не запускался. Но и все же... не тот двор получается. Кормушки—в три ряда, проходов для раздачи кормов нет... И мне становится понятным выражение недовольства, застывшее на лице председателя: «Послушался, мол, а теперь расхлебывай». А как было не послушаться? Идея-то сама по себе замечательная: облегчается труд доярок — не надо возиться с кормами, а главное — идет накопление навоза, которого так не хватает здешним полям. Но идея эта хороша для тех, *у кого много кормов.* А как быть, если на учете каждый килограмм не только сена, не даже и соломы. Беда не только в том, что нечего подостлать коровам, но и в том, что, поедая корм из одной кучи, одни, более бойкие коровы, успевают наесться вдоволь, а другие остаются ни с чем. Удои резко падают.

Все это нельзя было не учитывать, узаконивая беспривязное содержание скота. И все-таки не учли! Начали трубить: внедряйте передовой опыт! Попробуй не согласись! Консерватор! Лишен чувства нового! Не очень-то приятно выслушивать такое. И Курилов сдался...

Можно не сомневаться, что колхозы вернутся к этому методу, но не раньше, чем будет решена проблема из проблем — корма.

Случай со скотным двором в «России» говорит о том, что в руководстве сельским хозяйством решительно противопоказан диктат, нажим. Условия в деревне настолько разнообразны, что стричь всех под одну гребенку — значит неизбежно вести дело на развал. Колхозам нужны рекомендации, а не приказы. Председатели сейчас, в подавляющем большинстве, народ опытный, грамотный, думающий, и они сами способны разобраться, что для колхоза выгодно, приемлемо и что — нет. Ведь никто лучше их самих не знает истинных возможностей колхозов. И, право же, я не встречал председателя, который бы не ломал голову денно и нощно над тем, как интенсивнее, как выгоднее вести хозяйство. Отсюда едва ли обоснованно существующее кой-где недоверие к председателям, да и не только к председа-

телям — к колхозникам — истинным хозяевам своего колхоза.

На областной партийной конференции одна из лучших доярок области Коничева, рассказывая с трибуны о своей работе, между прочим, сказала: «В позапрошлом году *нас укрупнили...*» Нас укрупнили! Хотя мне и не довелось быть в ее колхозе в момент укрупнения, я все же не думаю, что доярка оговорилась. Действительно-таки, видимо, их «укрупнили», не очень-то советуясь с ними, так же, как это произошло и в Харовском районе, в том числе в колхозе «Россия». Укрупнили «Россию» и без того крупную, присоединив к ней маломощный, расположенный за болотом, «у черта на куличках», колхоз, куда ни пройти из «России», ни проехать, разве что на вертолете пролететь, как шутили угрюмо мужики. Шутили и не соглашались: «Напрасное это дело». Да где там: такие говоруны из района приехали, что люди и рта не успели раскрыть, как дело было решено. В районе после этого повального укрупнения было создано всего шесть колхозов, вместо двух с лишним десятков, существовавших к этому времени.

А сейчас, буквально накануне моего приезда сюда, колхоз «Россия» разукрупнился. Покуражились, правда, мужики немного: «Ну, мол, и чехарда!» Спросить бы надо с кого-то за это головотяпство, да спросить было не с кого: руководство сменилось. И — делать нечего — проголосовали за разъединение. Давно почесывают затылки и в остальных четырех колхозах. Ведь дело дошло до того, что теперь уже не только от районных работников, но и от председателей, и даже от заведующих участками и бригадиров все чаще можно слышать сокрушенные признания: «Редко на местах бываю!» Это председатель-то! Да и не удивительно: в Харовском районе есть колхозы, в которых больше ста (!) деревень, разбросанных на 20—30 километров. Это совсем не близко, если учесть здешнее бездорожье.

Анатолий Константинович Курилов был как-то с делегацией в знаменитом белорусском колхозе, которым руководит прославленный на всю страну К. Орловский. Курилов и его товарищи, вологодские председатели, рассказали Орловскому, как они укрупнялись. «Авантюристы вы, товарищи!»—сказал им Орловский. И он был прав.

В самом деле: колхозникам мало знать, что у них есть председатель, им надо **видеть**, что есть **хозяин**, который все знает, обо всем заботится, поскольку сам везде бывает. А раз такого хозяина нет — в душу начинает вкрадываться неуверенность, а безнаказанная халатность и небережливость отдельных колхозников расхолаживает и всех остальных. Все эти недостатки сейчас не трудно наблюдать в укрупненных колхозах Вологодской области — они лежат на поверхности.

Стыдно было, конечно, Курилову — он член бюро райкома — и представителям из районных организаций глядеть в глаза колхозникам на этом собрании по разукрупнению, но другого выхода не было. А мужики после собрания сказали председателю: «Не будете слушать наших советов — толку не будет». И вспомнили, кстати, о том, как, несмотря на их яростные возражения, в прошлом и позапрошлом годах косили зеленую рожь на подкормку скоту...

— Где это видано — хлеб вместо травы скоту скармливать! — возмущались колхозники.

И все-таки скармливали. А подсчитали — и прослезились, как говорится: зерна-то в районе почти не стало! А как же без зерна — основы основ сельскохозяйственного производства? Пришлось бить отбой. А колхозники опять Курилову:

— Ну, что? Кто оказался прав?

Курилов, конечно, и раньше понимал, что люди в этом деле были правы, но не выполнить указание он не мог.

— В том-то вся и беда,— признался он,— что *председатели не хозяева в своих колхозах.* Не во всем и не всегда, по крайней мере.

Для меня это не было новостью: подобные жалобы мне приходилось слышать и от других председателей. И все же, поскольку это утверждает и Курилов — человек, который известен тем, что слов на ветер не бросает, я спросил его: ну, а что он сделал бы иначе, по-своему, если бы у него была полная самостоятельность? И он ответил следующее:

— Во-первых, я бы не стал сеять столько льна — культуры, как известно, очень трудоемкой, требующей рук да рук... Посеял бы меньше, но лен вырастил лучше, вовремя вытеребил, вовремя разостлал. Себестои-

мость льна была бы значительно ниже, доход — выше.

В животноводстве. Тут бы я в первую очередь сдал непродуктивных коров. Их у меня сейчас тринадцать. Большинство доятся двумя и даже одним соском — болели. Какой хозяин станет держать такую корову? А вот колхоз держит, так как району спущен план по поголовью, и ради плана мы вынуждены их держать до первого января следующего года. Молока мы от них не получим, а сено, которого у нас и так в обрез, израсходуем. До нового года каждая корова съест примерно тонну сена. А всего таким образом будет выброшено на ветер тринадцать тонн сена!

Читатель скажет: удивительно. Да, удивительно, тем более что такие коровы есть в каждом колхозе и по району их наберется немало. Как квалифицировать этот факт? По-моему, это не что иное, как осужденное партией очковтирательство, только в несколько ином виде. План по поголовью коров выполнен, а молока — нет, — вот что это такое.

А молока, в самом деле, в Вологде нет. Как это случилось? Видимо, снизились удои, уменьшилось поголовье коров. Но это следствие, а не причина. Причина же в том, что Вологодская область, как и некоторые другие области, «перенесла» весьма опасную болезнь «шапкозакидательства», когда людям кажется, что они могут все. Два годовых плана по мясу? Пожалуйста! И гонят под нож тощих телят, нетелей и... даже коров. Не только колхозных, но частных кой-где... Колхозники, конечно, противятся: как жить без молока да без мяса? Колхоз-то ведь пока молоком и мясом их не обеспечивает. Однако соглашаются, в конце концов, потому как покосить на своих коровенок правление не разрешило, а на проценты много ли сена причитается?! Продали коров колхозу («добровольно!»), снова завели коз. А козы в северных деревнях — это верный признак того, что где-то что-то не так, как бы надо... Правда, пока коз немного. Колхозники как-то все же изворачиваются. И вот о тех, кто вынужден «изворачиваться» из года в год, надо сказать особо.

Корова, как и приусадебный участок, — это личная собственность колхозника, предусмотренная Уставом.

Колхозник может держать корову, может и не держать. Когда-нибудь в будущем, когда колхозы экономически окрепнут и оплата за труд достигнет такого размера, что полностью заменит собой все, что колхозники получают от личного хозяйства, они, наверное, не станут держать коров и, возможно, откажутся даже от приусадебных участков (я сказал «возможно», потому что покопаться в огороде возле своего дома, думаю, будет приятно и тогда). Но как отказаться от приусадебного участка и коровы колхознику сейчас, когда без них в некоторых колхозах прожить попросту немыслимо? Так зачем же ставить этих колхозников искусственно в такое положение, когда они, из-за отсутствия сена, вынуждены прирезать коров и заводить коз?

Как это делается? А вот как. Начинается сенокос. Все, кто может держать косу или грабли, выходят в луга. «Трудовая активность» резко возрастает. Работают люди с азартом, «подгонять не надо», как утверждают сами бригадиры и председатели. И ясно почему: десять процентов заготовленного сена они получат себе. 10 процентов! Всего лишь... Много надо силушки положить, чтобы этих процентов хватило и на корову и на овцу. И многие, особенно женщины, как ни усердствуют, а корову обеспечить сеном на зиму не могут.

— Разреши, председатель, по себе покосить хоть немного, в лесу где-нибудь, в builtin сограх, — просят колхозники, причем просят уже тогда, когда сенокосная пора давно отошла и трава уже не трава, а скорее подстилка. Но председатель, как правило, непреклонен: «Надо было косить за проценты». — «Да ведь косили, бока не отлеживали», — отвечают и, махнув рукой, украдкой забираются куда-нибудь подальше от глаз — и косят («Сколько травы осталось некошеной!») и тщательно прячут стожки в самых непроходимых чащах. Видел я такие стожки в «России»... А потом случается, например, такое. Фуражная комиссия идет в луга определять наличие кормов. И вдруг, кроме учтенных стогов, обнаруживает стожок, так сказать, неофициальный, припрятанный. Пропали труды — стог оприходован! Маленькое событие. А в деревне одной коровой станет меньше. В Вологде же и Череповце очередь за молоком еще на два-три человека станет длиннее... Ведь колхоз-

ники пригородных колхозов немало молока выносили на рынок, а отдаленных — продавали государству.

Не лучше ли, поскольку мы признаем необходимость и право колхозников держать коров в личном хозяйстве, предоставить возможность колхозникам обеспечить своих коров сеном? Ведь при разумном решении этого вопроса и травы бы все выкашивались, и скот — общественный и личный — лучше был бы обеспечен кормами.

Над этим стоит подумать!

Я собирался заканчивать статью, но узнал, что на днях состоится областной партийный актив, и решил повременить, рассчитывая, во-первых, убедиться в правильности куриловских и своих рассуждений и, во-вторых, может быть, пополнить статью другими важными мыслями и фактами.

Все, что я видел и слышал в колхозе «Россия», все вопросы, над которыми ломает голову Курилов, а именно: усовершенствование принципа материальной заинтересованности, ликвидация обезлички земли, наиболее прогрессивная, разумная организация труда при недостатке рабочей силы, устранение диктата и нажима в руководстве колхозами, сочетание общественных и личных интересов колхозников, наконец, использование реальных внутренних резервов в сложившейся обстановке — все эти вопросы, естественно было ожидать, станут главной темой разговора на областном партийном активе, собирающемся после XXII съезда КПСС. Рассчитывал я и на то, что на актив приедет Курилов и, конечно же, поделится здесь своими раздумьями. Но Курилов не приехал: он, как мне сказал секретарь райкома, — поедет на межзональное совещание в Москву. Зато здесь были А. М. Николаев — опытнейший руководитель колхоза имени 13-й годовщины Октября Устюженского района, в котором я тоже бывал, Ф. А. Гутов и В. Е. Ножнин — председатели из Белозерского района, хозяйства которых мне знакомы не менее, чем колхоз Курилова, и многие другие.

Сами они почему-то выступать на активе не намеревались, но ждали, что разговор о волнующих их проблемах все же состоится. Получилось же вот как. Закончились прения. Докладчик взял слово для ответа на

вопросы, и оказалось, что вопросы, а их было очень много, сводились, по существу, к одному: какие же меры будут приняты для подъема сельского хозяйства Вологодской области в 1962 году?

Вот тебе и на! Начинай все сначала. Казалось бы, собрание всем своим содержанием и должно было дать ответ на этот вопрос, для этого сотни людей, оставив свои дела, и ехали сюда на машинах, в поездах, летели на самолетах... Как раз эти меры и должен был выработать актив, руководствуясь решениями только что закончившегося партийного съезда! Ведь собрался-то актив — лучшая часть областной партийной организации, люди, отлично знающие положение дел на местах, имеющие огромный практический опыт, и каждый мог предложить что-то разумное, полезное для всех.

Но выступавшие, по установившейся традиции, как правило, все сводили к самоотчетам, оперируя необязательными в данном случае цифровыми данными. В отличие от других, полезными, с точки зрения положительного опыта, были лишь выступления участницы XXII съезда партии бригадира Заглубоцкой и звеньевой по кукурузе — учительницы-пенсионерки. В целом же горячего, страстного разговора об этом «всенародном деле», как определил его съезд, разговора, в котором ключом била бы творческая мысль, подсказанная сознанием огромной ответственности за судьбу этого «дела», не состоялось.

А такой разговор мог бы быть!

Прибегая к военной терминологии, можно сказать: заседал штаб. Заседал в обстановке, когда — цели ясны, задачи определены — армия должна наступать! Но, чтобы наступать, надо взвесить все «за» и «против», потому что результатом наступления должна быть победа, и только победа! Надо определить не только наивернейшие пути к победе, но и вселить уверенность в сердца людей, которые должны ковать ее.

Долгие беседы с А. К. Куриловым, а затем с участниками актива А. М. Николаевым, Ф. А. Гутовым и В. Е. Ножниным, убедили меня, что у них было что сказать активу. Собственно, их волнует то же самое, что и Курилова. А что волнует председателя «России», я уже рассказал выше. Хочется повторить лишь одну мысль, которую настойчиво и еще более категорично высказы-

вали мои новые собеседники — это мысль о порочном стиле руководства колхозами и вытекающая из нее — другая: о нарушении принципа планирования снизу. А. М. Николаев рассказал, как он недавно одному ответственному работнику, дабы убедить его в преимуществах планирования снизу, при котором колхозники и правление получают полную инициативу для творчества, предложил:

— *Берите мой колхоз — он один из лучших в районе, а я возьму один из самых отстающих—колхоз «Красное знамя» — и сделаю его таким же сильным, только дайте мне право планировать и принимать решения, что и когда сеять, убирать, самому.*

И это не просто слова. Это правда, скажет каждый, кто знает Николаева лично, а знают его очень многие.

Ф. А. Гутов и В. Е. Ножнин эту же мысль выразили несколько иными словами:

— Нам, чтобы вести хозяйство, нужен один план — план по производству молока, мяса, зерна... Как мы его выполним — наше дело. В конце концов важно ведь не как, а сколько!

Короче говоря, все они против нажима, против мелочной опеки и недоверия к председателям, недоверия, оскорбляющего их достоинство. Ведь они — по крайней мере, абсолютное большинство из них — работают не за страх, а за совесть, отдавая себя без остатка этому труднейшему из трудных участку работы, я не боюсь произнести эти слова. Да и все это понимают.

Так давайте же не забывать об этом. Давайте советоваться с председателями (а значит, и с колхозниками, ибо он — их представитель, облеченный доверием), советоваться не только на совещаниях, с обязательными речами, которые многие из них произносить не мастера, а за обычным столом в конторе колхоза, в избе, может быть, за чашкой чая...

— Вот там бы мы поговорили! — воскликнул В. Е. Ножнин, высказав это предложение.

Что ж, время еще не ушло...

1961 г.

Поднимающие «Красное знамя»

I

Секретарь райкома ехал в колхоз «Россия». Машину хотя и подбрасывало, но не так, чтоб уж очень, и, держась за переднюю скобу, можно было даже о чем-то думать. Декабрь на дворе. Самая дорога! Ухабы сковало морозцем, в меру присыпало снежком — жми, хоть на все сорок!

Но Иван Григорьевич даже не замечал этой благодати. Думал о предстоящем разговоре с Линьковым — председателем «России»... Точнее — о продолжении разговора, начавшегося значительно раньше, в Москве, на зональном совещании передовиков сельского хозяйства. В памяти всплыл огромный зал Дворца спорта. На трибуне — председатель колхоза из соседней области. На вид — так себе мужичок, а дела геройские! Два отстающих колхоза поставил на ноги и сейчас... взялся за третий!

Восхищенные и удивленные услышанным, всей делегацией вышли на перекур. Встали в кружок — в людском водовороте старались держаться вместе — и он, секретарь райкома, сказал:

— А может, и у нас храбрецы найдутся?

В делегации было несколько лучших председателей, и вопрос относился, в первую очередь, к ним. Все молчали и сосредоточенно курили.

Первым отозвался Линьков. Пригладил ладонью непокорную русую прядь, сказал, блестя глазами:

— Можно, конечно, поднять и наши отстающие.

Кто-то, хмыкнув, с иронией спросил:

— И «Красное знамя» тоже?

— Может быть, и «Красное знамя»... Надо посмотреть.

...«Может быть, и «Красное знамя»! Запомнились секретарю эти слова. И ехал он в «Россию» сейчас за тем, чтобы напомнить их Линькову, а говоря прямо, предложить ему на деле доказать, что сказал он их не зря. Иван Григорьевич верил, верней, ему хотелось верить, что Линьков не откажется от своих слов, не струсит... Да и что ему трусить? За десять лет работы в колхозах, слава богу, повидал всего. И кто-кто, а уж он-то знает: самое трудное позади...

И все-таки секретарь боялся предстоящего разговора. А вдруг да... Ведь нелегкое дело, ох, нелегкое! И если даже он, Линьков, откажется, в общем-то, наверное, будет и прав. В самом деле: только-только в «России» дела пошли (колхоз дважды укрупнялся за счет безнадежно слабых соседей), полегче немного стало, дом свой купил, по-человечески жить начал... и — на тебе! Переезжать. Да еще в та́кую развалюху...

Секретарю райкома, если говорить по-честному, тоже не хотелось брать Линькова из «России», еще не известно, как там пойдут дела без него... Но другого выхода не было. Дулепову — нынешнего председателя «Красного знамени» — надо было менять, и как можно скорее: не оправдала она надежд. Горько было сознавать это, обидно. Ведь не кто другой, как он, силой своего авторитета год назад навязал ее колхозникам. А впрочем-то,— оправдывался сейчас секретарь сам перед собой,— почему было и не рекомендовать Дулепову — агронома с большим практическим опытом, женщину скромную, не обремененную семьей?.. К тому же нельзя было дальше оставлять во главе колхоза Рычкова, человека, попавшего под влияние рваческих элементов в колхозе и спившегося...

Да, трудное, очень трудное дело — кадры. Вот уж где, поистине, семь раз отмерь — один раз отрежь! Тот же Рычков... Человек с образованием. Хорошо показал себя на должности заместителя директора леспромхоза. И в колхоз пошел, так сказать, без особых уговоров. А вот — не устоял...

Иван Григорьевич вспомнил собрание, на котором снимали Рычкова и избирали Дулепову. Всех, кто не

соглашался проголосовать за Дулепову, он считал собутыльниками Рычкова и даже грозил, что с ними разговор будет особый...

Виталий Белозеров, размахивая беспалой рукой, крикнул тогда:

— Нам надо председателя такого, как Лумумба!

В ту пору как раз много писалось о Лумумбе.

Да, изменило ему, секретарю, тогда чутье. И все потому, что не прислушался к гласу народному...

Судьбу Дулеповой решили женщины.

— Что это — все мужики да мужики... Посадим женщину! — кричали они.— Пить не будет — и то добро!

Но этого качества, увы, оказалось далеко недостаточно для того, чтобы справиться с нелегкой задачей. Колхоз вновь покатился вниз.

Райком делал все, чтобы спасти разваливавшееся на глазах хозяйство. В «Красном знамени» постоянно проживал представитель, на уборку урожая туда выезжало по 300 и более человек... Ничего не помогало. Шефы шли в поля, а колхозники — в лес, по грибы, по ягоды, или с бидоном в лесопункт — продать молочишка. Не знавшие положения дел горожане возмущались: мол, до чего ж «бессовестный» народ в этом колхозе! А между тем этот «бессовестный» народ уже пять месяцев не получал зарплаты и на шестой месяц выдачи не предвиделось. Люди всеми правдами и неправдами раздували личное хозяйство, самовольно прибавляли лишние сотки к приусадебным участкам, сеяли на них зерновые, клевер, воровски косили и ставили стожки сена для личного скота, количество которого опять-таки недозволенно увеличивалось. А кое-кто, особенно молодые, подались в города.

Перед лицом таких трудностей Дулепова вконец растерялась, опустила руки; она избегала бывать в правлении, а говоря прямо, скрывалась от людей, от их требований, упреков, жалоб. Дошло до того, что мужики — даже члены правления — стали приходить в контору пьяными и, если заставали ее на месте, кричали, брали, что называется, за горло, требуя денег. А где она могла их взять — денег? На счету ни копейки, а долг по ссудам больше 100 тысяч рублей.

Занятый этими невеселыми воспоминаниями Иван

Григорьевич и не заметил, как доехал, и с удивлением увидел, что дороге конец...

Линьков еще из окна узнал «газик» секретаря и вышел на крыльцо, чтобы встретить гостя. Иван Григорьевич вылез из машины, сухо поздоровался, но в контору зайти не захотел. Направились вдоль улицы. Так, на ходу, решил он, легче будет разговаривать. Да и не хотелось, чтобы разговор состоялся при свидетелях.

Для того только, чтобы не молчать, спросил, сколько сдано льнотресты, каким номером?.. Потом поинтересовался надоями...

Линьков неожиданно перебил его:

— А ведь не за тем, вижу, приехал, Иван Григорьевич!

Секретарь остановился, поглядел ему в глаза, ответил:

— Верно, не за тем... И хорошо, что ты догадался. — Лицо его оживилось, он стал самим собой.— Давай, Александр Иванович, решай! Скажу прямо: можем послать и другого человека, но... получится ли? А надо, чтобы получилось наверняка! После двух провалов, в которых, конечно, виноват и я, экспериментировать с «Красным знаменем» больше нельзя.

Линьков понимал: секретарь был прав. Понятно было и его желание поставить наконец во главе «Красного знамени» настоящего руководителя и искупить тем самым хотя бы часть своей вины перед людьми.

В общем, разговор этот не был для Линькова неожиданным: он не сомневался, что секретарь помнит его слова насчет «Красного знамени», и был готов ко всему.

Прикурив новую папиросу (он очень много курил), сказал:

— Ладно. Я пойду... Но с условием, чтобы вместе со мной в «Красное знамя» перешел и бухгалтер «России» Анатолий Александрович Соколов.

Иван Григорьевич с силой пожал руку Линькова:

— Спасибо! Я так и думал... А насчет Соколова — не возражаю... Ты прав: в такой колхоз идти одному — рискованно. Я думаю даже, что одного Соколова мало. Уговорим кого-нибудь еще...

— Кого-нибудь не надо... А вот жен — надо бы! —

улыбнулся Александр Иванович.— Прямо скажу, без вашей помощи не обойтись.

— Ничего... Нину Степановну я знаю и думаю, что сумею с ней договориться.

С женами действительно секретарь сумел договориться. А вот с колхозниками «России»... Не хотели, никак не хотели колхозники отпускать Линькова и Соколова.

В это же время,— что было весьма кстати,— заявил о своем желании перейти на работу в колхоз и сообщил об этом через газету секретарь райкома комсомола Николай Тугаринов. Переговорили с ним, условились, что он тоже пойдет в «Красное знамя» и возглавит там партийную организацию. Таким образом, ядро было сформировано: Линьков, Соколов, Тугаринов. К ним присоединились еще три-четыре комсомольца, в том числе инструктор райкома комсомола Э. А. Копытов, ставший впоследствии там председателем сельсовета.

Николая Тугаринова Линьков знал очень мало, но верил, что дело у него пойдет. Раз он работал секретарем райкома, значит, парень стоящий... Главной же надеждой и опорой своей он считал бухгалтера А. А. Соколова. Анатолий Александрович — опытный, умный экономист, много лет проработавший в МТС и РТС, а главное — инициативный, беспокойный человек, умеющий не только считать, но и анализировать, изыскивать наивернейшие пути увеличения доходов. В общем, Соколов — бухгалтер, каких поискать! И Линьков знал, что с ним он не пропадет.

Работа в «России», рука об руку с Соколовым, вообще его многому научила! Здесь он почувствовал впервые свою зрелость как руководителя, впервые ощутил, что поднимать большое, но отстающее хозяйство не только трудно, а еще и интересно! Это уже не просто работа, служба — это вместе с тем и творчество! А творчество — оно всегда волнующе. И интересно поэтому!

II

Вскоре после Нового года Линьков приехал в Тотьму: надо было заглянуть в годовые отчеты колхо-

за «Красное знамя» и побывать у стариков — его отец, ветфельдшер-пенсионер, и мать жили в деревне Исаково на территории «Красного знамени».

За 1961 год отчета из «Красного знамени» не было и, как Линькову сказали, не ожидается, так как учетность там совершенно запущена, и никто не умеет найти концы. Итоги же 1960 года, когда хозяйствовал Рычков, были таковы: общий доход — 251 тысяча рублей, в том числе от продажи леса — 92 тысячи. Почти половина дохода от леса! Поистине, не колхоз, а лесопункт! И не удивительно, что поголовье крупного рогатого скота за год сократилось на 12 процентов, а свиноферма ликвидирована. В полеводстве еще менее приглядная картина: урожайность зерновых — 2 центнера с гектара, а со 170 гектаров льна получен доход всего лишь 27 тысяч рублей...

Казалось бы, какие чувства, кроме уныния и страха, могли вызвать такие цифры? Но Линьков видел за ними другое — возможности! Есть над чем поработать, есть где разбежаться и сделать прыжок. В самом деле, в колхозе приличный скот (он знал это из рассказов отца), а надоено по 1600 килограммов от коровы, тогда как можно — вполне! — взять 2200—2300 килограммов, даже при имеющейся кормовой базе.

А земля? Полеводство? Лен, например? Да они ж, черти, и четвертой части не получают того, что может дать лен — единственная культура, за счет которой в условиях северо-запада может быстро разбогатеть любой колхоз, если как следует возьмется за ее возделывание!

Раздумывая об этом, Линьков ехал в Исаково, к родителям. Они, уже слышавшие о намерении сына перейти в «Красное знамя», встретили его вздохами и ахами, торопясь высказать все, что не давало им покоя, тревожило: мать да отец не пожелают сыну лиха...

Александра Степановна, собирая на стол, суетилась, роняла то ложку, то нож и говорила, говорила:

— Сам себе петлю на шею надеваешь, Шура! Мы с батькой оба занемогли из-за того, что ты согласился. Погляди, до чего там дожили... Молодые разбежались, а кто остался — на работу не идут. Корма не подвозятся, коровы иные уж и не встают, двор — того и гляди от рева обвалится. Господи, и что ты надумал! От добра добра не ищут.

— Да погоди ты, мать! — перебивал ее Иван Степанович. И, подавшись всем телом к сыну, говорил: — Вот что пойми, парень. Здесь уже было-перебыло председателей — всяких! Ты — ровным счетом — двадцатый... Неужто думаешь, что до тебя все дураки были? Едва ли... Твое дело, конечно. Но я тебя должен предупредить: трудный колхоз, провалишься. Живу здесь — вижу... Бригады разбросаны, дорог — никаких. Чтобы перевезти в другое поле комбайн, например, его надо разобрать, погрузить на сани, а в сани запрячь два трактора. Да и то учти: два лесопункта рядом, и мужики, которые на самой поре, — работают там. Вон в Пустоши было девяносто хозяйств, а теперь — тридцать. В колхозе работают двадцать три человека — женщины, в основном... А в Копоргино? Из восьмидесяти хозяйств осталось четырнадцать. Кто будет работать, подумай?

— Я уже подумал, батя, — спокойно, как будто все это не ему и говорилось, ответил Александр Иванович. И снова прикурил папиросу.

— Ну и что ты надумал, интересно?

— Надумал работать... в этом колхозе.

Старики молчали. Они глядели широко раскрытыми глазами на сына, и было в том взгляде удивление, недоумение и еще ожидание: ну говори, мол, говори, может, мы действительно устарели и уже чего-то такое проглядели, не понимаем...

И сын, выждав минуту, продолжал:

— Трудно будет — знаю. Но, во-первых, я иду сюда не один. Во-вторых, в «России» было не легче... И вообще, в хороший колхоз я бы не пошел. В нем все возможности исчерпаны, а тут... Тут еще ни одна вершина не покорена. Верно, не легко карабкаться в таких условиях вверх, но зато очень интересно!

— Ну, коли интересно — говорить не о чем, — словно сбросив с себя тяжелую ношу, встал из-за стола Иван Степанович. — Интересно — давай! Не упади только...

...Через несколько дней состоялось отчетно-выборное собрание. Собственно, отчета никакого не было. И без того все понимали, что Дулепову надо менять: за год ее хозяйствования доход снизился на 86 тысяч рублей.

Против кандидатуры Линькова никто не возражал: слыхали, что возглавляемый им колхоз «Россия» на хо-

рошем счету, да и, кроме того, отдавали должное его смелости — из хорошего колхоза добровольно пошел в отстающий.

Кто-то попросил рассказать биографию. Встал, моложавый, подтянутый, в зеленом диагоналевом френче, какие были в свое время в моде, коротко, почти в телеграфном стиле сказал:

— Родился в тысяча девятьсот двадцать пятом году. Был на фронте. По специальности — ветфельдшер. Работал заведующим зооветеринарным участком. В тысяча девятьсот пятьдесят первом году был выдвинут председателем колхоза. Через три года уехал на учебу в Вологодскую сельскохозяйственную школу. Закончил ее и получил звание младшего агронома. Около года состоял инструктором при райкоме КПСС. В тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году был снова направлен председателем того же колхоза, из которого ушел на учебу. Обстановка к тому времени резко изменилась. Работать стало легче, интереснее. Дела шли хорошо. В тысяча девятьсот пятьдесят девятом году наш колхоз дважды укрупнился за счет отстающих колхозов, поборол отставание и снова крепко встал на ноги...— Помолчал немного. С улыбкой добавил: — Из колхоза «Россия» меня не гнали. Мне нравилось там работать. К вам иду по доброй воле. Если окажете доверие и изберете — работать буду.

Проголосовали дружно. А потом, с задних рядов, кто-то спросил:

— Интересно, как товарищ Линьков будет поднимать наш колхоз?

— Если кто-то думает, что колхоз будет поднимать Линьков, он глубоко ошибается. Поднимать будем все вместе. Линьков волшебной палочки с собой не привез. Запомните это.

— Мы уже поднимали, да и устали.

— Знаю, что вы за пять месяцев не рассчитаны. Это никуда не годится. В ближайшие дни мы всех рассчитаем и будем выдавать зарплату ежемесячно.

— Ха-ха!.. — зал буквально ухнул после этих слов. Не поверили.

— Где найдет председатель деньги?

— Деньги найдем внутри хозяйства... Если все вместе и хорошо поищем.

— Лес надо продавать! — сразу в несколько голосов ответил зал.

— Нет, лес рубить и продавать не будем. Это неверный путь.

Гул недовольства прокатился по залу. «Лесорубы» выкрикивали:

— Посмотрим, где найдете деньги...

— Задаром — хватит — поработали!

— Нам не обещания — деньги нужны за выполненные работы.

«Да, с этими будет нелегко»,— подумал Линьков. И вслух сказал:

— Наше богатство — земля. И думать нам надо не о лесе, а о земле, о том, чем ее удобрить да какими культурами засеять, как вырастить высокий урожай...

* * *

Ночевал Александр Иванович у стариков. Ворочался с боку на бок, старался заснуть — и не мог. Не спали и старики. Он думал о предстоящих делах,— они о нем, с тревогой и жалостью. Под утро первой поднялась Александра Степановна, нащепала лучинок, поставила самовар. В трубе загудело — тяга была хорошая,— и это напомнило Александру Ивановичу что-то знакомое, родное, и успокоило, настроило на веселый лад. Он поднялся тоже, шумно умылся, с кряканьем утерся, делая вид, что отлично выспался и бодро настроен.

А настроение у него и в самом деле было хорошее. Он знал, что и как надо делать, и не спалось ему не столько от тревоги, сколько от нетерпения, сейчас же, немедленно, засучив рукава, вступить в рукопашную с трудностями и побороть их, победить!

Думая об этом, он снова и снова радовался тому, что перед лицом этих трудностей уже и сейчас он не один, что потом, конечно, будет у него много надежных друзей, верных помощников, а сейчас есть Соколов и Тугаринов! Для начала это немало!

До деревни Федотово, где контора колхоза, минут сорок ходьбы. Размещалась контора в старой избе, отличавшейся от других разве что более жалким видом. На ней даже вывески не было... Да и то — не в вывеске дело и не в том, как выглядит контора. Штабы насту-

павших армий порою ютились в землянках, а города все-таки брали! Сравнение такое пришло ему на ум не случайно: и в самом деле, хотелось, чтобы эта избушка с сегодняшнего же утра стала штабом, уверенно осуществляющим руководство армией, которую после панического отступления нужно привести в боевой порядок, вселить в сердца солдат уверенность в успехе и повести их в наступление.

Соколову и Тугаринову в первое утро тоже не спалось. Они уже были в конторе и успели растопить печку.

— Так что же, друзья, за дело? — спросил Линьков, погрев у огонька руки.

— Да, надо начинать, — ответил, как всегда спокойно и уверенно, Анатолий Александрович.

— Возражений нет! — в шутку подтвердил Николай Тугаринов.

— Так с чего же начнем?..

III

Хорошее это было утро. Жарко топилась печь; в ее утробе, как полотнище на ветру, билось пламя, ружейно стреляли поленья.

Александр Иванович сидел напротив раскрытой дверцы с железякой, загнутой на конце, и время от времени пошевеливал ею в печке, прислушиваясь к голосам собеседников.

Разговор шел о деньгах. Деньги, деньги... Начало всех начал. Вопрос вопросов. Где их взять? Попросить ссуду? Нет, и так уже более 100 тысяч забрано... Есть другой выход: взять аванс у заготовительных организаций под лен, молоко, мясо...

Подбросив в печку березовых поленьев, которые сразу жарко вспыхнули и осветили комнату, Линьков сказал:

— Возьмем! В конце концов, деньги делают деньги! В «России», по крайней мере, было так... Конечно, риск в этом есть. Деньги можно взять, бросить, как вот эти дрова, в общественный костер, малость согреться, а каши не сварить. Тут уж все будет зависеть от нас... Как сумеем распорядиться...

— Бригады надо укрепить,— вставил Соколов.— Поприглядеться к бригадирам... Хозрасчет введем — все будет зависеть от них. А тут, слышно, кумовство процветает...

— Да, да... — улыбнулся Линьков. — Про старика одного рассказывали: ни в чем ему отказу нет от бригадира!.. А почему? Бригадир еще и ногу через порог не переставит, а он уже открывает шкафчик, стаканчиком побрякивает... Во время сенокоса бригадиру этому и совсем лафа! С утра оседлает лошаденку — съездить кое-куда, да не тут-то было... В дом, один за другим, — отпускники: за папу, за маму порадеть... Час проходит, другой... Лошаденка бьется, бедная, на оводах... А в доме уже седьмой раз «Шумел камыш» запевают...

Посмеялись. А потом Линьков же предложил:

— Ты прав, Анатолий Александрович: от бригадиров будет зависеть многое. Надо приучить их работать творчески, с перспективой, а для этого необходимо отказаться от мелочной опеки, предоставить им большую самостоятельность... В общем, у бригадиров должен быть авторитет: и помочь им в этом деле должны все мы.

— Главное, надо научить их вести учет! — добавил Соколов.

— Согласен, Анатолий Александрович. Это уже твое дело. Учет — зеркало. А в зеркало полезно заглядывать каждый день.

Это была любимая фраза Линькова. Сегодня он еще добавил:

— Всякое производство начинается с организации производства...

— Да, но ведь производство существует не само по себе, — вставил словцо Тугаринов, цыгановатый, с зачесанными челкой волосами «комсомоленок». — Производство — это люди. И успех дела будет зависеть, в конце концов, от них.

— Верно, — согласился Линьков. — А раз так, надо расшевелить народ, поднять его дух, разбудить инициативу. В первую очередь это относится к вам, Николай Симонович. Сумеете сплотить коммунистов, сделать их опорой во всех начинаниях — выиграем.

Верно, после стольких лет неудач поднять народ будет не просто. Рассчитывать в этом деле на убеждение — и только на убеждение — сверхсамонадеянно. Слова — словами, а людям надо платить за труд. Причем платить тем больше, чем больше произведено продукции, то есть ввести в действие принцип материальной заинтересованности. Так и только так можно будет повернуть лицом к колхозу тех, кто махнул на него рукой, кто делает ставку на личное хозяйство и выходит на работу постольку, поскольку дорожит приусадебным участком.

...В печке наконец догорела последняя головешка. Линьков поднялся и увидел, что за окнами заметно посветлело. В контору пришли счетоводы, потом, один по одному, бригадиры, тракторист в замазанных автолом валенках и еще человек пять-шесть, не столько по делу, сколько из любопытства, из желания поприсмотреться к новым руководителям. Входили, присаживались у дверей, подвернув под себя одну ногу, доставали железные кисеты-коробочки из-под леденцов — уже вытершиеся и бесцветные — кто круглую, кто квадратную, и, положив их на колени, открывали крышки, извлекали сложенные гармошками районные газеты и не спеша вертели цигарки. Вид у всех деловой, уши у шапок трепыхаются, говорят горячо, размахивая руками, иногда даже вставая, и очень правильно говорят, только... делать не спешат. Одиннадцатый час, а народу в конторе не убывает. Разговор не утихает. И все о том же: кому ехать за сеном, кому навоз вывозить и на чем... Зоотехника да агронома отослали разыскивать кормовозов, те ушли и почему-то долго не возвращались... Бригадиры ждали, как выяснилось потом, наряда от председателя. У них так было заведено — получать наряд ежедневно.

«Нет, так дело не пойдет!» — подумал про себя Линьков и, дабы положить конец пустопорожним разговорам, строго сказал:

— А не лучше ли будет, если каждый из вас сейчас пойдет и займется своим делом? — И, чтобы дать понять, что разговор закончен, встал и, пригласив с собой Тугаринова, вышел. Все равно серьезного разговора не получалось. А им еще надо было познакомиться с хозяйством.

В этот же вечер из уст в уста по деревням передавалось, как председатель «прогнал»(!) из конторы бездельничавших до полудня мужиков-табакуров. Это была первая, но не последняя новость, вынесенная из неказистой избушки, именуемой конторой.

Вскоре все говорили о том, что бригадиром второй вместо Белозерова назначен зоотехник П. А. Абросимов. Белозеров якобы сам отказался от бригадирства. Работал, мол, и председателем когда-то — что верно, то верно. Но времена меняются. Теперь и бригада крупнее бывшего колхоза, и техники всякой прибавилось. Знаний же не прибавилось: все те же четыре класса. Руководить поэтому он не может. Лучше будет коров пасти. И действительно, пошел пастухом.

Вслед за ним подал заявление об освобождении от должности бригадира третьей К. В. Федотовский. Он тоже когда-то в председателях ходил, хотя и окончил всего один класс. А теперь... теперь ему ужасно нездоровилось. Вместо себя он назвал Н. И. Конева — коммуниста, тоже бывшего председателя колхоза («Тут что ни мужик — то бывший председатель», — сказали по этому поводу Линькову. Выходило, что так...). Образование у Конева тоже низшее, но... выбирать было не из кого. Согласились.

А дальше — и пошло, и пошло. Деревни буквально гудели от судов-пересудов.

— Прихожу, матушка ты моя, в правление, говорю: отпустите денька на три, к дочке, говорю, съездить надоть. А он, Линьков-то, и говорит: к бригадиру идите. Отпустит, дескать, бригадир, значит, все — поезжайте.— Баба хлопает себя по подолу: — Еще не легче! К бригадиру. А председатель на что?

— И меня к бригадиру прогнал, милая. А и всего-то лошади просила дров привезти.

На другой день еще более ошеломляющая новость: приглашают деньги получать. Явились за трудовыми, а там разговор: отпуска всем будут давать! Пятнадцать дней каждому, кто выработал минимум человеко-дней (мужчины — 250, женщины — 220). И по бюллетеню будут платить: девяносто процентов от заработка. И пенсии престарелым назначили, тем, у которых нет в городах сыновей да дочерей, по 7 рублей 50 копеек в месяц.

Вести эти, конечно же, окрыляли! Впервые за мно-

го лет руководители колхоза говорили людям не только «Давай!», но и громко: «На!» «На, получай — и заработанные деньги, и отпуск, и пенсию, и дополнительную оплату... И спасибо тебе за честный труд на благо колхоза!»

Зато следующая новость... Не по нутру пришлась она особенно тем, у кого приусадебный участок был за 30, а то и за 40 соток, поскольку с весны он должен был убавиться до 25 соток. А у кого в семье кто-либо работает на производстве — до 15 соток.

Уставом сельхозартели, разработанным новым правлением, запрещалось также держать лишний скот, сеять на приусадебных участках зерновые и клевера. Зерновые, как объяснил председатель, дело трудоемкое, а вовторых, с десятка-другого снопиков, выросших на «своем поле», у многих намолачивается баснословно высокий урожай. То же самое наблюдалось и с клеверами. Как говорится, не пойман — не вор. Но все-таки: с чистой совестью жить будет легче.

Много разговоров было у доярок по поводу очередного требования правления — доить коров три раза в день. Дело в том, что достигнутые к этому времени доярками результаты (по 1500—1600 литров от коровы) считались здесь чуть ли не рекордными, поскольку больше 600—700 литров от коровы тут от века не надаивали. Да и не стремились. От 3—4 коров, а иногда и 7, молока и так хватало. Нужен был навоз! Без него здешняя земля не родила. Поэтому коров этих так и называли: навозницы.

Линькову пришлось немало попортить нервов дояркам, чтобы заставить наконец доить коров три раза в день. Помогли специалисты. Им раз и навсегда было наказано заниматься прямыми обязанностями, учить доярок. На всех фермах провели контрольные дойки. Было доказано, что трехкратное доение дает значительную прибавку молока. И если кто-то после этого все же продолжал упрямиться — за недополученное молоко платил из своего кармана. Помогло! Удои стали неуклонно повышаться. Разумеется, не только за счет трехкратной дойки, а и лучшего кормления, соблюдения распорядка дня, организации прогулок животных, за счет, наконец, более внимательного отношения к дояркам со стороны руководства. За каждой фермой был закреплен

один из членов партбюро: А. Линьков — за Кормакинской, А. Соколов — за Федотовской, Н. Тугаринов — за Пустошской, председатель сельсовета Э. Копытов — за Копоргинской. Первое время все они бывали на фермах ежедневно!

Домик без вывески в центре деревни Федотово и в самом деле стал боевым штабом. Напряжение перестройки, ломки старого и утверждения нового, захватило всех. Собственно, к этому и стремился штаб — правление и партбюро, действовавшие за одно, в полном контакте.

— Когда рота пошла в атаку, должен подняться каждый солдат! — сказал по этому поводу А. И. Линьков на очередном заседании партбюро. — Мы сможем добиться этого, если всегда будем с народом. Замкнемся в себе — провалим дело... У нас разработаны хорошие планы — Анатолий Александрович постарался... Но если эти планы останутся только в наших головах — грош им цена. Исполнитель планов — рабочий человек. Ему надо знать, что он должен делать сегодня, завтра, послезавтра и сколько ему за это причитается.

С действиями правления можно было соглашаться и не соглашаться, но «отсидеться в окопе» было нельзя. Долг, совесть, партийная дисциплина каждый день вели по всем тропинкам людей к правлению.

Короче говоря, все почувствовали: в колхозе есть хозяин — строгий, требовательный. И это вселяло в сердца надежду, уверенность, и придавало сил, и поторапливало, и веселило. Люди не могли не увидеть и не оценить работоспособности, серьезности, с какими взялись за дела новые руководители колхоза. Первые полтора месяца в конторе ежедневно что-нибудь происходило. То заседание правления с привлечением широкого круга людей, от которых зависит решение обсуждаемого вопроса, то заседание партбюро с повесткой «О личной ответственности коммунистов за порученный участок работы», то занятие экономического кружка, то совещание животноводов по итогам за месяц...

Рассказывая о том времени, Александр Иванович выразился так: «Это была езда на натянутых вожжах». Очень точно сказано! В самом деле, отпусти вожжи да зазевайся — и хорошая лошадь может увезти не туда, куда ты едешь, да еще запутается и станет совсем...

IV

Первые полтора месяца Линьков жил в доме отца без семьи. Он сильно похудел, на запавших щеках резко обозначились две складки, лишь глаза горели по-прежнему.

Возвращался он поздно, уставший. А спал все равно плохо: все думал, думал... А подумать было о чем...

Убивало равнодушие людей к общественному добру, удивляла бесхозяйственность, ставшая привычкой. В глубине души у многих все еще жило такое: мое — это мое, а колхозное — это колхозное. И дело тут, конечно, не только в том, что пережитки «проклятого прошлого» очень живучи в сознании людей...

В первые дни, знакомясь с хозяйством, набрел на комбайн. Как притащили его в распутицу — так и бросили. Вмерз он резиновыми колесами в грязь почти по ступицы, засыпало его на три метра снегом. Пришлось машину буквально вырубать из застывшей грязи, как вырубают мамонта из вечной мерзлоты.

А телеги... Где распрягли последний раз — там и оставили. Раньше, рассказывали старики, одних колес хватало на несколько лет, поскольку хранили, а теперь — что ни весна, то новые подавай.

Да и только ли телеги? Сеялки, диски, бороны — все под открытым небом.

«Что же получается? — думал Линьков. — Не берегут колхозное, значит, не надеются на колхоз. Но на что же они тогда надеются? На личное хозяйство!»

Вот он — узелок, который во что бы то ни стало нужно разрубить! В самом деле, что получается: глядя только в свой огород, заботясь только о своей буренке, люди не очень торопятся в колхозное поле... Кроме того, они не прочь подобрать «что худо лежит» — в хозяйстве все пригодится. Таскают во двор охапками траву, снопиками — ленок...

Кстати, о льне. Здесь у многих женщин еще сохранились кросна. Не только из любви к древнему ремеслу, ясно. Выткав и продав десяток половичков, — в накладе не останешься. Но ведь чтобы выткать, нужен лен, не только тряпки.

Так вот о льне. Как-то шел председатель околицей и увидел: трактористы ремонтируют трактор. У обоих

под колени брошены... снопики льна. А в ту пору как раз льнотресту сдавать начали. И принимал ее завод третьим номером, по 73 копейки за килограмм. Это ж богатство!

Подошел Линьков к трактористам и сказал:

— А деньги-то, ребята, надо все-таки подбирать. Что ж вы их в грязь затаптываете?

— Где? — не поняв намека председателя, оглянулись трактористы.

— Да вот же! — Он поднял снопик. — Два рубля с полтиной, если считать, что вес снопика три — три с половиной килограмма.

— Да, ну-у... — обиженно протянули парни. — Не каждый же сноп...

— Почему не каждый? — Он достал записную книжицу, зачитал: — 23 сентября третья бригада сдала 4860 килограммов тресты и всю по 73 копейки за килограмм.

Этот разговор быстро разнесся по колхозу. Вывод из него сделали в первую голову те, кто вновь собирался ставить кросна. «Уж если он трактористов не похвалил, то что скажет нам, коли узнает, что взяли снопик-другой...»

А дня через четыре женщины, которые поднимали лен со стлища, взволнованные, прибежали в правление и, положив три снопа на стол председателя, зашумели:

— Александр Иванович! Подумать только — на дороге валялись! Это так шоферы наш лен возят. Принимайте меры!

Ох, как обрадовала председателя эта жалоба! Подобрали — значит, берегут, значит, поняли!

Но в эти же дни случилось такое. Пастух Виталий Пятушин погнал стадо на клеверную отаву. Председатель увидел, предупредил: смотри, зазеваешься — объедятся коровы — беды не миновать. Знал об этом и сам Пятушин: не с неба свалился. И все-таки коров на отаву пустил...

А на другой день Линькову доложили: пали три коровы. Весть эта, как ножом, полоснула по сердцу. Снова равнодушие и, как следствие, — преступная халатность. Нет, это нельзя оставить так! Вместе с парторгом прибыли на место происшествия. Увидев их, подошли доярки, потом явился и сам виновник.

— Как же это ты... просмотрел?—едва сдерживаясь, спросил Линьков.

Простоватый Пятушин, с выбившимися из-под шапки белыми волосами, вытаращил глаза:

— Так ведь животина! Не спросишь, мало ли, много съела... — Он явно надеялся, что председатель пошумит — так бывало всегда — и делу конец. Но председатель не «шумел». Он спокойно сказал:

— Будешь платить, Пятушин...

— Александр Иванович! Да ить... Да где мне столько денег взять?! Только что домишко поставил — вот как поиздержался!

— Ну, об этом ты суду расскажешь...

Когда уже отошли, парторг сказал, что, может быть, не следовало так... сурово?

Линьков ответил:

— Может быть... Но прощать такое мы не имеем права. Надо дать понять всем, что колхозное отныне будет защищаться со всей строгостью закона!

Была в психологии деревенского жителя этакая черта, суть которой наиболее полно, пожалуй, выражала пословица: «Пока гром не грянет — мужик не перекрестится». Сам темп жизни старой деревни — медлительный, размеренный — способствовал формированию такой черты. Правда, сейчас деревня уже не та, но привычка, унаследованная от предков, все еще жива! Не из-за нее ли пострадал Пятушин? Из-за нее. Да что Пятушин. Бригадиры — и те еще работают порой по пословице «Пока гром не грянет»...

Надо было, например, картошку проборонить Николаю Ильичу Коневу — бригадиру третьей, и председатель напоминал: «Надо!», а он все откладывал: «Успеется, не горит»... А когда спохватился, сорняки вымахали такие, что и ботвы не видать. Окучил кое-как... Вместе с дурью. Ну, а что выросло? Ничего. 58 центнеров с гектара. Разве это урожай? А между тем сам председатель на этой же земле со своего личного участка собрал в пересчете на гектар 150 центнеров! Конев когда бы не этот очевидный факт, все свалил бы на землю: не удобрена! Но земля сама доказала: не виновата... Проборонил бы бригадир вовремя — и все, картошки б наросло.

Линьков беспощаден: напоминает бригадиру об этом

случае всякий раз, не щадит самолюбия. Знает: грому надо греметь! Да почаще, чтобы не повторялось такое.

И гром гремит.

— Павел Алексеевич! — навалился как-то председатель на Абросимова — бригадира второй. — Вы же зоотехник по специальности. Кому, как не вам, внедрять новшества в животноводстве? Дрожжевание соломы, обогащение кормов мочевиной... И материалы, и люди — все есть. А дела — нет. Тяжелый вы человек, Павел Алексеевич, когда надо внедрять новое!

«Перекрестишься» при таком громе!..

А через неделю, уже над головами всех вместе, новый раскат грома:

— Вы—бригадиры! Крупные хозяйственники! И деньги считать должны не только в собственном кармане. Надо учиться экономить, экономить на всем! Даете наряд — подумайте, выгодно это или невыгодно, и нельзя ли сделать дешевле? Задавайте себе этот вопрос всегда и станете иначе смотреть на передовой опыт и во всем преуспеете!

На недавнем партийном собрании Линьков выдвинул новую идею: создать в колхозе механизированные звенья по примеру звена Хорева из Бабаевского производственного управления, об опыте работы которого рассказала накануне областная газета. Абросимов выступил первым в поддержку этого предложения.

— Как у нас работают механизаторы? — спрашивал он. И отвечал: — А вот как: все гонятся только за гектарами мягкой пахоты. Посылай, кажется, пахать сейчас, зимой — поедут! Зато сеять никто не хочет: «Кто-то напахал, наворочал, а мне сеять?» Вот он — корень зла! И в результате: гектары есть, а урожая нет. Станут работать звеном, безобразия такого не будет...

Линьков слушал, радовался: понял человек...

Но разговор о звеньях на этом собрании возник попутно. Собрание было посвящено обсуждению решений декабрьского Пленума ЦК КПСС, на котором впервые было произнесено: «Коммунизм — есть Советская власть, плюс электрификация всей страны, плюс химизация народного хозяйства».

Химизация... Это значит — и удобрения для полей. Линьков, которому вообще присуще чувство нового, заинтересованно и горячо говорил о химии, которая вот-

вот должна решительно постучаться в колхозные ворота.

— Научиться распознавать ее в лицо — вот наша задача! — говорил он. — Бригадиры и учетчики должны уметь определять виды удобрений, знать их свойства, дозы и сроки внесения.

Обращаясь к агроному, добавил:

— Нам надо также изучить наконец свою землю! Работать вслепую на земле — позор! Ведь было же такое: вносим под лен аммиачную селитру — и лен полегает, гниет, потому что нужны ему не селитра, а фосфор и калий...

В общем, в отношении химии в душе председателя живет не только радость, но и большая тревога. Казалось бы, не такое уж новое это дело — химия. Слыхали. Видали. В поля даже иногда вывозили... Верно, вывозили. Но больше все-таки губили. И не удивительно: ни складов, ни навесов. Да и веры в эти «порошки» было маловато. Навоз — это да!

Вспоминалось, как года два назад в Белозерском районе мне показали поле пшеницы, которое бригадир не захотел подкормить удобрением, не веря в него, а агроном, чтобы доказать упрямцу, что он не прав, удобрение все-таки внес, да не сплошь, а выписав на поле буквы, из которых складывались слова: «Шишкин дурак». Едва пшеница поднялась, как надпись эта выделилась темно-зеленым цветом. Люди хохотали, бригадир злился. Но что он мог поделать: против факта не попрешь.

Вся сложность в том, что подобных Шишкиных еще и сегодня много. Есть они даже и среди председателей. Еще вчера не просто было найти колхоз, в котором был бы склад или хотя бы навес для хранения удобрений. Да что колхоз! Посмотрите, что делается на железнодорожных станциях, пристанях — и вы убедитесь, что Шишкиных и там предостаточно. В Тотьме, например, нет даже причала, к которому могли бы подойти баржи с удобрениями, они тычутся в берег, и люди выгребают из трюмов груз самым первобытным способом. Сколько его потом уносит водой — одному аллаху ведомо. Нет там ни конвейера, чтобы разгрузить-погрузить, ни автовесов, чтобы взвесить. Удобрения отпускаются на глазок, ящиком...

— Нет, товарищи, так дело не пойдет! — рассказав обо всем этом, решительно заявил Линьков, имея в виду «товарищей» из «Сельхозтехники». — Мы деньги на ветер бросать больше не собираемся. Тонна аммиачной селитры стоит пятьдесят шесть рублей! Нам, чтобы купить ее да погрузить, да привезти, потребуется продать тонну ржи. Рожь, как известно, ящиками не меряют, будьте добры и удобрения взвесить!

Этот высокий тон, твердость Линькова в разговоре об удобрениях были вполне понятны. Дело в том, что он от имени правления и партбюро на недавнем колхозном собрании заявил: резервы, имевшиеся в животноводстве, за два года максимально использованы. 2215 килограммов молока от коровы, полученные в 1963 году,— это потолок, соответствующий имеющейся кормовой базе. Чтобы сделать следующий скачок, нужно прежде двинуть вперед полеводство, которое даст фураж, корма, а также деньги (лен, конечно!) на строительство помещений для скота. Поэтому колхозу нужно: в животноводстве — закрепиться на достигнутом уровне, в полеводстве — всем плечом навалиться на зерновое хозяйство и лен.

Навалиться всем плечом — это значит, в первую очередь, удобрить землю. Вот почему так требовательно говорил Линьков о минеральных удобрениях. А в общем-то, он отлично понимает, что в нынешнем году, да и в следующем, пожалуй, сюда, на северо-запад, удобрений попадет не так уж много, и потому не сидит сложа руки, а делает все, чтобы полностью использовать местные удобрения. Сейчас в колхозе идет сбор золы: почвы — кислые, поля заросли щавелем, и зола им крайне необходима, особенно на участках, отведенных под лен. С помощью лесопунктов (там столько сжигается порубочных остатков!) предполагается собрать 20—25 тонн золы.

Одновременно вывозится навоз. Легко сказать: вывозится... А между тем в этих словах одна из труднейших и неразрешенных пока проблем современной деревни. Нельзя сказать, что и не пытались ее разрешить. Совсем недавно какой-то возвышенно настроенный фантазер изобрел подвесные дорожки для скотных дворов. Здо́рово придумал! — И главное — красиво! Вот корова, вот навоз, вот подвесная тележка... Доярка в белом

халате (да, да — в белом, и только в белом! Этого требует и Вологодское общество Красного Креста, плакаты которого висят на всех дворах), доярка берет навоз на лопату и — р-раз его в тележку! Все. Можно везти. «А куда?» За ворота, конечно. «А дальше? Дальше куда?» Не спрашивайте: на это у изобретателя фантазии не хватило. И вот за воротами вырастают навозные хребты и пики. Кто хоть раз бывал в деревне — видел их.

В «Красном знамени» в эти дни женщины ломами, топорами и лопатами крушили эти хребты, словно руду добывали, а не навоз! Вырубленные глыбы наваливали на дровни и везли в поле. Какой будет толк от такого навоза, — те, кто живет в деревне, знают.

В общем, проблема эта остается проблемой. А ведь председателю надо еще думать о навозо-земляных и торфо-навозных компостах. Чем их делать? Как их разбрасывать? Лопатой? Нет, лопатой сделать это деревне не под силу.

Пока же Линьков приказал разломать подвесную дорожку, дабы не мешала въезжать во двор на лошадях (за навозом, конечно). Не оправдала себя подвесная дорожка. Так же, как и автопоилки... Красивые на плакатах, во дворах они вскоре проржавели и были почти всюду заменены деревянными лотками. Не так красиво, но зато надежно и элементарно просто.

* * *

С первых же дней Линьков остро почувствовал главную беду — недостаток людей в колхозе, особенно молодежи. Шура Брагина — зоотехник — сказала как-то ему:

— Эх, Александр Иванович! Прийти бы вам сюда на годик раньше... Молодежи было! — И вздохнула, как о чем-то очень светлом и — увы — невозвратном.

— Да, хорошо бы, конечно, прийти тогда. Но все равно: работать надо...

Вместе с Шурой они подыскивают подменных доярок на ферму — и не могут найти. А надо: не вечно же дояркам без выходных дней работать!

Кормакинскую ферму могла бы выручить Ираида Исаковская — женщина еще не старая, но не хочет, да

и только... Такой уж у нее характер: коли задумает что — ни в жизнь не отступит. Бывало, работает вместе со всеми, лен расстилает или там картофель убирает, и вдруг распрямится и скажет: «Хватит. Я пошла». Учетчица Лида Даниловская к ней: «Да что ты, Ираида! Погоди немного — закончим, вместе пойдем». Нет, даже не оглянется. Женщины разозлятся, бывало,— и тоже по домам...

Вот какая она — Ираида — одна из очень немногих, к кому Линьков, как он выразился сам, за два года не смог подобрать ключей. Николай Мельников еще такой же, пожалуй... Так тот больной все-таки. Попросишь помочь в чем-нибудь — у него один ответ: «Так ить у меня все нутренности вырезаны!.. Во, погляди...» — и подымет рубашку, и покажет шов. Махнешь рукой: ладно... Ну, а Ираида-то ведь здорова и семьей не обременена. Однако работает по настроению. Минимума даже не выработала!

Да, не смог Линьков переломить Ираиду. А уж он ли не умеет делать это. Насквозь всякого человека видит. Иной удивляется даже: «Придешь в правление, еще и слова не скажешь, а он уже угадал, зачем ты пришел».

«Ну, что ж, попробуем еще так»,— решил Линьков, раздумывая об Исаковской накануне отчетного собрания.

И вот собрание. Он сообщает: Ираида Исаковская работала в течение года меньше, чем все, поэтому и получить она должна меньше. Правление решило удержать с нее десять процентов из дополнительной оплаты и лишить трудового отпуска, как это записано в Уставе колхоза.

Ох, как задело это Ираиду! Вскочила, крикнула:

— Берите все, берите! Может, разбогатеете за мой счет!

Линьков спокойно ответил:

— Ни за чей счет, Ираида, богатеть я не собираюсь. Богатеть будет колхоз. И опять-таки не за ваш счет — за счет честного труда каждого. Этого мы и требуем от вас.

И вслед за этим, отозвавшись с похвалой о лучших тружениках, зачитал решение правления о премировании ценными подарками почти семидесяти человек. Среди премированных было имя и Анны Пятушиной, Парме-

новны, как ее звали все в колхозе. Ох, пришлось тоже повоевать за нее Линькову! Она, как никто другой, за многие годы разуверилась в председателях и на каждого нового смотрела как на пьяницу и временщика, которому лишь бы отбыть свой срок. Жила она бедно. И, стараясь вырваться из нужды, все дальше отходила от колхоза, надеясь только на свою силу да изворотливость. Говорили, что она ночами потаскивает траву для коровы... да и не только траву: иначе не стучали бы в доме ее кросна. Злая, взвинченная до предела, она безо всякого приглашения пришла на первое заседание правления с явным намерением поглядеть, чего они стоят— новые руководители, и заодно выложить им все, что наболело.

Знакомство, в общем-то, было не из приятных. О чем бы ни начался разговор, а баба о себе, о своих обидах, с криком, со слезами.

Прошло немало дней, прежде чем Парменовна «перестроилась» и стала работать — жадно, неистово. Поверила!

И вот она выходит к столу президиума, высокая, нескладная, заметно ссутулившаяся от нелегкой бабьей доли — войну пережила, мужа потеряла — выходит и, почти по-детски улыбаясь, принимает из рук председателя отрез на платье. Потом поворачивается к залу и кричит, потрясая подарком, в сторону Ираиды Исаковской:

— Гляди, Ираида! На следующем собрании тебе получать придется. Это уж точно!

Зал грохнул дружным смехом. Все понимали, что имеет в виду Парменовна. А Линьков сказал:

— Да, товарищи! Мы крепко критиковали Анну Парменовну год назад. И, как видите, помогло: она стала ударницей. Надеемся, что и Ираида Исаковская последует ее примеру.

Ираида наклонила ниже голову и взялась за кончик платка...

Линьков сделал вид, что не заметил слез Ираиды, и продолжал, не глядя на нее:

— Да мало ли у нас женщин, с которых можно брать пример! Мария Ивановна Федотовская... — Зал ударил в ладоши.— Ей давно за пятьдесят пять. В таком возрасте большинство женщин уже не рабо-

тает. А она — доит коров. И почти не уступает в своем деле нашим лучшим дояркам Вере Николаевне Колычевой и Августе Дмитриевне Малевинской. Спасибо вам, Мария Ивановна, за ваш героический труд!

Теперь в зале плакали две женщины.

Все это произошло в январе 1964 года, на собрании, которое подводило итог двухгодичному хозяйствованию правления колхоза, возглавляемого А. И. Линьковым. Собрание называлось отчетно-выборным, но ни у кого даже мысли не было о переизбрании Линькова... Больше того, вздумал бы кто-нибудь отобрать его — не отдали бы! Ведь это с ним, с Линьковым, они распрямились во весь рост и сделали решительный шаг вперед. Надой на фуражную корову увеличился с 1573 до 2215 килограммов. От животноводства в целом колхоз получил доход в два раза больше. Общий же доход колхоза вырос со 165 тысяч до 285 тысяч рублей!

За два года куплено пять тракторов, четыре зерновых комбайна, два силосоуборочных, одна автомашина и две сложных зерноочистительных машины.

Построен механизированный ток, электростанция, достраиваются скотный двор и клуб, установлена автоматическая телефонная станция, два скотных двора оборудованы механическими доильными установками.

Выросли заработки колхозников: стоимость человеко-дня увеличилась на 2 рубля 10 копеек.

За высокие показатели по производству и продаже государству молока и мяса колхоз «Красное знамя» и за 1962 и за 1963 годы награжден переходящими Красными знаменами обкома и облисполкома.

Ох, как хлопали в ладоши механизаторы, как лучились радостью и счастьем помолодевшие очи доярок, когда Линьков — их вожак — принимал Красное знамя в свои руки. В надежные руки!

Я слушал гром оваций и снова — уже в который раз — думал о том, как много значит толковый руководитель для отстающего колхоза. А. И. Линьков — теперь это можно говорить смело — вывел из отстающих уже два колхоза. Как ни трудно, но делать это, оказывается, можно. Почему же тогда не у всех это получается?

Линьков — мы с ним много говорили на эту тему — ответил так:

— Председатель — должность трудная. Не слышно что-то, чтобы на нее много заявлений лежало... Тут надо работать, не жалея себя, на совесть. Ну, а совесть — она разная... Направят иного, значит, силой бюро,— едет, конечно. А у самого в душе такое: ладно, сколько поработается... Ну и тянет волынку: где бы, значит, гореть, а он коптит, подыскивает предлог, чтобы уйти из колхоза. И уходит, конечно. Иногда с выговором, иногда — без, так и не показав колхозникам жены. Такого председателя люди сразу распознают. «Временщик приехал», — говорят о нем.

Настоящего руководителя делает сама жизнь, практика. Поэтому, подбирая председателей, надо смотреть не только в графу «образование», но и учитывать практический опыт работы в колхозе... Если опыта у человека нет, надо дать ему возможность приобрести таковой, послав его на стажировку, например, заместителем при опытном председателе.

Хорошие слова! Ими я и закончу свой рассказ, поскольку они, как и весь очерк, целиком обращены к тем, кому еще предстоит поднять высоко свои «Красные знамена»!

1963—1964 гг.

6 Заказ 1162

Дорогой ценой

Две баржи с удобрениями, причалившие ночью у деревни Борки, были для председателя колхоза «Восход» Алексея Трофимовича Звонцова как снег на голову. Поначалу он даже растерялся: шутка ли! Восемьдесят тонн фосфоритной муки да суперфосфата! Удобрения, сказать правду, не из дефицитных, и колхоз, в общем-то, столько их и не просил, но... выбирать не приходится: на безрыбьи, как говорится, и рак — рыба, надо выгружать.

Но как?

Позвонил соседям. Директор совхоза ответил, что он причитающиеся ему сорок тонн «выбросит» вручную, председатель колхоза «Заречье» вообще не собирался выгружать, артачился: «Не мое это дело. «Сельхозтехники». Выгрузят на берег — как-нибудь увезу».

— Ну, гляди... — ответил ему Звонцов.— Не просчитайся! Останешься последним — будешь платить за простой баржи.

В кабинете председателя, как всегда, людно. Тут и Климов — секретарь парткома колхоза, и рядышком бригадиры Журавлев и Петин, и агроном Морозова... Все прислушиваются к телефонному разговору, и каждый думает о своем. Бригадир первой Егор Нестерович Журавлев хмурит сильно отросшие брови, закидывает то левую ногу на правую, то правую на левую — догадывается, к чему клонится дело: опять продуманный накануне план работ полетит к черту! Он даже злится, глядя, как, отбрасывая назад голову с прижатой к посеребренному виску черной трубкой, Звонцов хохочет, приговаривая:

— Заплатишь! Я тебе точно говорю! Что? Карман с дырой? Найдешь... Ха-ха-ха!

«Вот черт! — думает Журавлев, любуясь ровными белыми зубами председателя.— Ему ровно и дела нет, что приостановится скирдование соломы, а гли-ко — погодка какая стоит... В полдень припекает — что тебе летом! Скирдовать бы да скирдовать. Ужо, чем коров-то кормить станем? Силоса нет — всего по три тонны на корову... Сгорели поне силосные, сгорели. Земля-то, вон, и теперь все еще как каменная. Трактористы по пять-шесть лемехов за смену выбрасывают — начисто стираются! Из-за этого и зяби еще много не поднято. Да и рожь не вся посеяна: шестьдесят четыре гектара ждут своей очереди. И это только в первой бригаде!»

Председатель, все еще улыбаясь, положил трубку на рычаг и, как всегда, громко спросил:

— Ну, что голову повесил, кавалерист?

Кавалеристом председатель называл его не случайно: Журавлев всю войну отстукал в кавалерии, три раза был ранен, и сейчас без коня — ни шагу. Стороной Егор Нестерович слышал, что его еще и иначе называют: «Егорий Победоносец!» Слышал, но виду не показывал, что знает. И, хотя ему нелегко уже взбираться в седло — пятьдесят четыре стукнуло! — а на другой вид транспорта пересаживаться он не собирался... Правда, попытка такая была.

Купил как-то председатель мотоцикл — ижевский, двухцилиндровый. «Давай, Егор Нестерович, осваивай. В космический век бригадой руководишь — и надо скорость передвижения привести в соответствие с веком».

Хотя и мудрено иной раз говорит Звонцов, а, коли до сути докопаться, всегда в точку! В самом деле: в бригаде около двух десятков деревень... Тысяча сто гектаров пашни в обработке... Раньше, если припомнить, три колхоза, а еще раньше — семь колхозов на этой земле размещались? Попробуй обскачи быстро, когда потребуется, такую бригаду! Даже на лошади.

И Егор Нестерович решил попробовать. Выбрал маршрут подальше от глаз, тронулся. Сильно не газовал и ехал более-менее благополучно: все-таки когда-то и на тракторе и на комбайне работал. Не за-

метил, как до ручья докатился. А к ручью-то склон... Надо бы на тормоз нажать, а он на газ даванул... Впрочем, об этом он догадался уже потом, когда выжимал штаны на противоположном берегу и, все еще вздрагивая, поглядывал на безжизненно растянувшийся на траве мотоцикл.

На этом и закончилась его возвышенная мечта «привести в соответствие с веком скорость передвижения». Притащил он, как быка за рога, мотоцикл к конторе и сказал председателю: «Не буду... На лошади быстрее». Звонцов, как всегда, заливисто расхохотался и передал машину секретарю парткома Климову: ему тоже скорость необходима.

А Егор Журавлев так и остался «кавалеристом», «Егорием Победоносцем». Был ли похож он на Егория Победоносца — неизвестно, поскольку никто Егория в натуре не видел, но на донского казака смахивал крепко — все видали картину «Тихий Дон». Сходство это подчеркивала не столько его, так сказать, профессиональная кавалерийская посадка в седле — чуть-чуть бочком, подчеркнуто небрежно — сколько черная фуражка с туго натянутым верхом, черным околышем и черным блестящим козырьком, купленная в магазине у речников. Да и обликом Журавлев здорово смахивал на казака: сильно выдающийся с горбинкой нос, большие навыкате глаза, а в общем было в его физиономии что-то ястребиное — посмотришь и скажешь: «Лихим, видать, рубакой был мужик!»

— Приуныл че? — вопросом на вопрос отвечает он председателю.— А то, что не ко времю баржа эта прикатила...

— Ничего, Егор Нестерович! — явно не принимая всерьез того, что говорит бригадир, восклицает Звонцов.— Слушай, что скажу. Завтра с утра — все машины и трактора с тележками к реке!

— Трофимыч! А може, вручную все-таки? Совхоз же...

— То — совхоз! —резко перебил бригадира Звонцов.— Совхоз может и вручную: деньги, как говорится, глаз не имеют... А мы не можем. Понял?.. — и отвернулся.— А ну, кто там. Кликните сюда механика.

Лужков явился незамедлительно: его «кабинет», завешанный схемами устройств машин, заваленный

нужными и ненужными деталями, находился здесь же, в левой половине дома.

— Готовь, Герман Арсентьевич, навесной погрузчик. Утром — к реке: будем выгружать удобрения.

Секретарь парткома обеспокоенно:

— А ведь мы с тобой хотели провести завтра совещание животноводов... Если тебя не будет — нет смысла. Да и доярки без тебя не захотят.

— Отложи, Андрюша. Выгрузим удобрения — тогда... И обязательно «сабантуй» небольшой дояркам устроим. Пусть попляшут... Заслужили. Только вот где?.. Клуб, клуб нужен!

— Может быть, в совхозе? Далеко ли — пятнадцать минут на машинах.

— Добро! — и повернулся, чтобы идти. Но дорогу загородил бригадир второй.

— Трофимыч! Как же мне-то? Столько еще льну не околочено... Может, оставить один трактор? Такая погода! Да и студенты пока не уехали...

— Нет, Петин, нет! Надо вырвать удобрения... Так что — распорядись! А я сейчас к речке подскочу: погляжу, где удобней баржи поставить.— И, сильно нагнувшись, нырнул в широко распахнутую дверь.

Имя председателя колхоза «Восход» Звонцова было широко известно не только в районе, но и в области. Он был чуть ли не последним из тридцатитысячников, прибывших сюда из Москвы и Ленинграда в 1955 году. Колхоз, возглавляемый им, действительно набирал высоту, увеличивал производство продукции. О нем писали в газетах, говорили по радио, а издательство выпустило даже брошюру, автор которой отдал должное — и справедливо — личным заслугам Звонцова в подъеме «Восхода», дважды укрупнявшегося за счет слабых, доведенных до развала хозяйств.

Бывший старший мастер одного из подмосковных заводов, Звонцов раньше других и острее других понял, что в таких колхозах, как «Восход», где безлюдье действительно-таки удручающее, надо начинать с механизации всех, и в первую очередь наиболее трудоемких работ. Впрочем, понимание неотложности широкой механизации производства было, конечно, и

у других председателей, но не каждый так знал и так любил технику, как Звонцов,— и в этом было его преимущество. Именно знание техники, творческое отношение к ее применению и сыграли решающую роль в первых успехах колхоза.

Начал Звонцов с механизации подачи воды на фермы. Не ахти какое мудреное дело — автопоилки, а все равно в помощники взять было некого. Засучив рукава, сам принялся нарезать трубы, обучая одновременно этому делу колхозного кузнеца.

Доильные установки на фермах, а затем, один за другим, два зернотока монтировать было уже легче: к этому времени сформировалась хотя и немногочисленная, но своя монтажная бригада во главе с коммунистом Варзиным. Люди, пришедшие в эту бригаду, волей-неволей становились специалистами, так сказать, широкого профиля. Жизнь выдвигала перед ними все новые и новые задачи. Покончив с зерносушилками, они принимались за проводку электросети и монтаж электрооборудования, а после — к сооружению скирдователя соломы, сконструированного самим председателем, специальной волокуши, с помощью которой стог сена или скирда соломы стали переезжать из поля к ферме целиком, в неразобранном виде. Была придумана волокуша и для растаскивания навозных куч на поле, представляющая собой конструкцию из рельсы и старой тракторной гусеницы.

Простейшие сооружения! А сколько человеческих рук заменили они! Например, скирдователь соломы. На прицепе у трактора ДТ косилка Е-0,62, выполняющая здесь роль подборщика соломы (режущий аппарат снят), и скирдообразователь — широкие бревенчатые сани с высокими тесовыми стенами и дном из металлических продольных прутьев. По транспортеру подборщика солома из валков попадает в камеру скирдообразователя. Там двое-трое мужчин с вилами: они солому разравнивают и трамбуют. Готовую скирду трактор оттаскивает на край поля, к дороге. Люди открывают заднюю стенку скирдообразователя, трактор трогается, скирда остается на месте.

Творческая мысль Звонцова не знает покоя. Ему буквально становится не по себе, когда он вдруг увидит, что какую-то работу люди делают, как в старину,

вилами, лопатами, ведрами... Он механизировал даже разгрузку навоза и минеральных удобрений из бортовых машин, сконструировав для этой цели легкую бульдозерную навеску на трактор «Беларусь». И теперь шофер, доставив груз в назначенное место, открывает борта, а трактор с навеской одним толчком освобождает кузов.

С самых первых дней колхозники видели своего председателя чаще не в костюмчике и при галстучке сидящим в конторе, а в неизменном брезентовом плаще с гаечным ключом в замасленных руках на ферме, у трактора, в мастерской... По району, а потом и по области о нем прошла слава как о руководителе, который действительно широко внедряет механизацию на всех участках производства. В душе Звонцов гордился этой славой и не то чтобы зазнавался, а нет-нет да, бывало, и скажет мужикам по поводу какого-нибудь дела: «Черта с два у вас что-либо вышло бы без меня!» Верно, в первые годы так оно и было. Но теперь-то... Теперь в колхозе имеются опытные мастера, которые многое могут сделать самостоятельно. Однако, нетерпеливый и горячий по натуре, Звонцов и теперь во все, что касалось машин, вмешивался лично, вникал во всякие мелочи, и механизаторы, если случалась какая-нибудь поломка, шли прямо к нему, и он тут же принимал решение, подчас неверное, поскольку не все знал, что положено знать механику, непосредственно отвечающему за сбережение и ремонт техники.

Во всем этом сказывалась, конечно, привычка — председательствовать-то он начал в ту пору, когда никаких механизаторов в колхозе не числилось, машины находились в руках МТС, и ему волей-неволей все вопросы, связанные с механизацией, приходилось решать самому. Да и не было в этом греха: колхоз был небольшой, и он без особого труда везде успевал сам.

Впрочем, сказывалась не только привычка — сказывалось укоренившееся с тех пор чувство превосходства, и не только в делах, касающихся машин...

Наступала зима — он сам брался за распределение кормов, составление рациона, не замечая, что подменяет тем самым зоотехника, снимает с него ответст-

венность, ставя его в позицию стороннего наблюдателя. В таком же положении, в общем-то, находилась и агроном Морозова, хотя эта характером была крута, на язык остра и за свои права все-таки боролась.

Бригадиры — а бригад в колхозе три — признавали и побаивались только его, Звонцова. Указания механика, агронома, зоотехника, не подтвержденные «самим», для них ничего не значили и, во всяком случае, не подлежали безусловному и немедленному исполнению. А так как «сам» везде и всюду не успевал — да он и не мог успеть в таком огромном хозяйстве, каким был «Восход», — неудачи, случавшиеся то в одном, то в другом месте, жестоко били по председательскому самолюбию.

Так было, например, с внедрением беспривязного содержания скота. Обычно расчетливый и предусмотрительный, на этот раз, поддавшись уговорам («Кому-кому, а тебе не к лицу быть консерватором!»), Звонцов, очертя голову, начал строительство огромного типового скотного двора для беспривязного содержания коров с доильной установкой «Елочка».

Пока двор строили, выяснилось, что заготовить и особенно высушить торф для глубокой подстилки практически невозможно, а без подстилки вся эта затея пустой звук, и о ней в общем-то никто уже теперь и не вспоминал. Кроме того, для такого типа кормления скота нужно было иметь достаточное количество кормов, а их не было... И пришлось двор перестраивать. Колхоз потерпел убыток. И не малый. А ведь раздавались трезвые голоса: «Потонут коровы в грязи. Да и корму не хватит».

Не прислушался. И отступил... А отступать Звонцов ох как не любил!..

У пристани Борки в Сухону впадает речушка Ветла. В устье этой речушки колхоз «Восход» держит небольшой катерок и железное суденышко, прозванное «галошей», поскольку оно действительно похоже на галошу.

Берег Ветлы, затопляемый в половодье, летом обычно сухой и высокий. «Восход», а также примыкаю-

щие к нему два колхоза и совхоз каждую осень здесь грузят на баржи скот, продаваемый государству. Здесь же они и выгружают все, что привозят из города: машины, кирпич, концентраты... Мучаются, конечно. Никакого причала нет, а баржи к берегу близко не подходят. Надо бы причал построить, да кто будет строить? Свои плотники перевелись, а коли «волки» владимирские забредут — других неотложных работ хватает. И хотя «волки» рвут втридорога, а все-таки в прошлую зиму какой-никакой клубишко собрали, да еще и овчарник поставили. Вот райпромкомбинат рамы сделает, и можно будет в клуб вселяться...

Глянув на баржи, Звонцов понял, что и их для разгрузки придется ввести в Ветлу. На «галошу», соорудив на ней настил, можно загнать «Беларусь» с навесным погрузчиком, и, если «галоша» встанет между баржой и берегом, работать будет можно.

...Утром следующего дня к устью Ветлы двинулись автомашины, покатились трактора с прицепными тележками. Туда же, с лопатами, топорами, поехали все мужики. Деревни опустели. Только у церкви с разваленной колокольней и двумя из пяти куполов, под которыми размещалась мастерская («Восход» купил ее вместе со всеми станками и МТС), возле трактора «Беларусь» с навешенным погрузчиком все еще толклись тракторист Саша Яблоков, механик Лужков, секретарь парткома Климов, сам Звонцов и его шофер. Яблоков уже трижды заводил мотор, двигал по очереди всеми шестью рычагами управления погрузчиком, но никаких признаков жизни последний не обнаруживал. Определить причину было не так-то просто: погрузчик чуть ли не два года стоял вот тут, под открытым небом, и был, как привыкли говорить сами механизаторы, основательно «раскулачен». Самый главный механизм его — распределитель — и тот был снят. Теперь его нашли и вернули на прежнее место, но... в нем-то как раз и была, видимо, «зарыта собака».

«А впрочем, кто его знает!» — ломая голову в догадках, думал Звонцов. Еще не веря в то, что погрузчик закапризничал всерьез, он поначалу только наблюдал за усилиями механика, давая кое-какие советы, но потом, выругавшись, сбросил плащ и принялся орудовать гаечным ключом.

Стрелки часов двигались неимоверно быстро. Двенадцать... Час! Два!!

От баржи прибыли двое нарочных:

— Трофимыч, дак что делать? Будет погрузчик али нет?

— Будет. Кровь из носу, а будет! — вытирая лоб тыльной стороной ладони, с ноткой отчаяния ответил Звонцов.— Делайте пока настил для трактора.

Потом, постояв с минуту в раздумье, схватил пригоршню опилок — рядом была установлена пилорама,— вытер масляные руки, стремительно двинулся в контору. Решил позвонить в отделение «Сельхозтехники»: не найдется ли там распределителя? Но не тут-то было! Чуркин не отвечал. «Девушки, милые! — просил он телефонисток.— Подскажите, где он может быть? На складе? А ну, давайте склад. И склад не отвечает? О, черт бы их побрал! — Бросил трубку.— Все равно найду! Из-под земли достану!»

Выбежал на крыльцо.

— Женя! — крикнул шофера.— Поехали!

— Куда?

— В «Сельхозтехнику».

— Да ведь суббота сегодня, Алексей Трофимович!

— Ну и что?

— Как что? За грибами все ушли наверняка: короткий день!

— Какой еще там «короткий» день... Уборка в разгаре. Поехали!

Вернулись они уже ночью. Чуркин и в самом деле ездил за грибами. Завскладом — тоже. Пришлось ждать. Распределителя свободного не оказалось: откуда-то сняли...

Утром, в воскресенье, опять все собрались у погрузчика. Быстренько сняли свой распределитель, поставили привезенный. Звонцов в приподнятом настроении рассказывал Климову, кивая на распределитель:

— Не хотели, черти, снимать. Чуркина, как девушку, целый час уговаривал.— Председатель верил, что теперь погрузчик наверняка наладится. И, как вчера, сегодня снова отдал распоряжение держать наготове и людей и машины.

Саша завел трактор, шевельнул рычаг, второй... пятый... Стрела чуть-чуть расправилась и замерла. Тронул еще рычаг — на столько же ровно сжалась.

Звонцов, еще не веря своим глазам, подскочил к рычагам, судорожно начал их дергать сам. Но результат был тот же...

— Живой, а не шевелится,— сказал кто-то. Народу вокруг собралось много: сегодня к реке отправляться никто не спешил. И, пожалуй, благоразумно. Саше Яблокову и механику Лужкову пришлось начать все сначала.

Только к вечеру они установили, что в корпусе привезенного распределителя не хватает пустяка — маленького поршенька. Нужно было попытаться выточить его. Но, во-первых, нет образца, а во-вторых, уже и стемнело. Решили оставить до завтра.

У крылечка конторы, прибитые спинками к штакетнику палисада, стоят две скамейки. На вид им не год, конечно, и не два, но и не больше, чем самому дому — двухэтажному, опушенному тесом, принадлежавшему одному справному мужику, высланному куда-то в тридцатом году. В колхозе, пожалуй, не найдется теперь человека, который не сиживал бы хоть раз на одной из этих скамеек — то ли в ожидании председателя, то ли в перерыве заседания правления, то ли перед началом партсобрания — партком занимал верхний этаж.

Чаще занятыми скамейки бывают, конечно, по утрам. Утро — дню начало. А каков будет день — ведренным или дождливым,— только утром можно увидеть и, в зависимости от этого, решить или перерешить, кому и чем следует заняться. И у мужиков, особенно первой бригады, стало привычкой с утра, прежде чем начать дело, привернуть к конторе и выкурить на скамейке одну-две самокрутки.

Каких только разговоров, откровений, жарких споров не слышали эти скамейки! Вот и сегодня ни на которой из них нет даже краешка незанятого, где там! Многие даже стоят, подперев плечом палисадник, на котором сейчас развешаны авоськи с завернутой в газетки снедью, хозяйственные сумки и даже один

ученический портфель, перевязанный веревочкой. Курят большинство махорку. А коли кто-то достанет сигареты — к пачке протягивается сразу до десятка рук. После махорки они, как трава, баловство одно... Но, раз угощают, почему не взять.

Разговор все о том же: о неисправном погрузчике, о пропавших ни за грош-копейку двух днях. Тракторист Саша Яблоков, оправдываясь перед мужиками, хотя те и не винят его, говорит:

— Работал погрузчик... Хорошо работал! Вы и сами помните. Бывало, скажут: бурт силосный закрыть... Так я за полчаса его навешивал, и ехал, и закрывал бурт. А теперь...

Яблокова перебивает шофер Мотков; отрубая каждое слово взмахом руки, кричит:

— Погрузчик работал бы и теперь, и никто бы его не раскулачил, если бы он был прибран!

— А куда?

— На кудыкину гору... Гараж вон стоит — почему удобрениями загадили? А сколько овинов было?! Больше, чем домов! Где они?

— Полно! Овины... — горячо возражает шоферу единственная сейчас среди мужчин Вера Степина — заведующая складом горючего и запчастей.— Да от вас, чтобы уберечь, не овины нужны, а замки пудовые да еще и решетки железные! Вон, Вася Сударкин да еще Алеша Нелаев, мимо не пройдут, чтобы не стащить с машины чего-нибудь.

Дружно захохотали: «ловкость рук» этих шоферов была всем известна.

— Да, что верно — то верно. Уж коли Сударкин возле машины стоял, гляди: что-нибудь да взял. Взаимообразно, конечно... Без отдачи!

Сударкин — чудаковатый мужик, настроенный равнодушно, отшучивается:

— Вот дьяволы, вот дьяволы... Навалились-то как на меня! А при чем тут я? Были бы запасные части на складе, разве бы взял?..

— Видите? Сударкин смеется! — опять решительно вмешался шофер Мотков.— А вот бы взять да взыскать с него — тогда бы не до смеху было! Я попадусь — взыскивайте и с меня! На полную катушку! Честное слово, не обижусь. Но и брать больше не ста-

ну. А то как бывает? Сломалось что-нибудь в машине, говорят: ищи! А где найдешь? Берешь с другой машины. Так ведь тебя не только не спросят, где взял, не только не выругают, а наоборот, по плечу похлопают: «Вот молодец! Нашел!» — И, оглянувшись, добавил: — А с погрузчиком как было?..

Председатель в это время вышел из мастерской вместе с бригадиром монтажников Варзиным. В другой раз он обязательно подошел бы, услышав шумный разговор в «курилке», но сейчас ему было не до «трепотни», как он иногда выражался. Едва включили токарный станок, чтобы попробовать выточить недостающий в распределителе поршенек, в сети произошло замыкание. Колхоз с месяц как подключился к государственной линии, и, видимо, не все еще устоялось, притерлось.

Глянув, как Звонцов с Варзиным мечутся в поисках повреждения, Вася Сударкин сказал:

— Интересно, сколько за простой баржи придется платить? Не мало, поди-ка...

Об этом теперь думали все. И хотя шофер Мотков с деланным безразличием заявил, что его лично это нисколько не беспокоит, так как в общем-то ничего не изменится: в одном кармане убавится, в другом прибавится, а ему, что положено — все равно отдадут, было заметно, что никто всерьез слов его не принял...

— А совхоз уже выгрузил свою долю. Вручную, — сказал многозначительно Журавлев.

Председателя позвали к телефону. Угрюмый, больше обычного ссутулившийся, он крупно прогромыхал огромными сапожищами между двух скамеек и, ни на кого не глянув, вошел в контору. Кассирша вскочила с места, предлагая ему стул, — не сел. Взял трубку, опустился на корточки, спиной к стене.

— Слушаю... — сказал устало.

От дверей, обрадовавшись, что дождалась-таки, прошла и села на стул, освобожденный для председателя, бабка Елена Заботина. Все женщины, а их за столами сидело трое: счетовод, кассир, экономист (бухгалтерша была в отпуске), улыбнулись, так как знали характер бабки Елены. Уж если она что задумает —

не отступится, не сробеет ни перед кем. Елена Алексеевна всю жизнь работала, работала на совесть и цену себе знала! Все председатели боялись в свое время Елены Заботиной и отдавали должное острому, как нож, ее правдивому языку.

Сейчас Заботиной шел семьдесят второй год. И хотя она еще понемногу работала, теребила да расстилала лен, и в хлебе насущном нужды не испытывала, а о будущем все-таки тревожилась: мол, вдруг да совсем занеможется! Ведь годы-то быстро идут...

Она своими ушами слышала постановление о пенсиях и с тех пор спать ложилась и вставала с одной мыслью: а какую дадут пенсию ей?

— Вишь ты, по заработку за последние пятнадцать годов назначать будут,— делилась она своей тревогой с другими старушками.— А как их теперь, эти заработки, узнаешь? Столько раз колхоз укрупнялся — бумаг-то прежних и днем с огнем топереча не сыщешь.... Да и найдешь, так что толку? Велики ли заработки были? Не то что топереча.

И все же справкой о прежней своей работе Елена Заботина решила обзавестись. Пришла она недавно к старику Агапитову — бывшему счетоводу еще того, маленького, колхоза, и, как тот ни оборонялся, заставила-таки его взять перо в руки. Поскольку и раньше счетовод со смыслом писал только цифры, одни цифры, пришлось верховодить самой. Она говорила, а Агапитов записывал.

Вышло следующее:

«Справка для пенсии Заботиной Елене Олексеевне в том, что с первых начала дней работала дояркой 14 годов, 3 года конюхом, 4 года телятницей, год овчаркой, по четыре зимы возила навоз, а летом в полеводстве, а остальное тоже в полеводстве и топерь не покидая рук работаю в колхозе. Работала звеньевой.

Агапитов счетовод».

На другой день Елена Заботина уговорила подписаться еще свою сверстницу, бывшую доярку Рачкову — на всякий случай — ведь одной подписи, может, и мало будет...

Теперь справка бабке Елене нравилась. Главное,

подписи были надежные: и Агапитов, и Рачкова хорошо знали и помнили всю ее жизнь. Но кто-то ей сказал, что справка эта, пока на ней нет круглой печати, полной силы не имеет. Вот Елена Алексеевна и пришла в контору попросить председателя поставить на справку круглую печать.

— Да, да! — кричал в трубку Звонцов.— Делаем... Не получится — на прямую придется соединить. Черт с ним! Операции раздельно будет производить — и только. Что? Если успеем, сегодня начнем...

Бабка совсем не понимает, о чем говорит председатель, да и не пытается понять. Она про свое толкует:

— Первой дояркой по району была... В газетах заметки печатали. На совещаниях рядом с секлетарем не три ли раза сидела, вниз по реке, почитай, во все колхозы ездила, других учила... Теперь-то нешто на дворе работать — все подвезут. А тогда? И корм, и воду, и навоз — все вот этими.— Бабка показала скрюченные, узловатые пальцы.— Ой, поворочали да потаскали!.. И ноне пятьдесят четыре сотки льну выдергала, да шестьдесят разостлала, да околачивать помогала. А ведь у меня вторая группа .. Вот гляньте-ко, милые.— Она отворачивает полу старомодного, неопределенного цвета пальто и показывает на выпирающий живот: — Грыжа. Семнадцать годов картошки не едала. И охота — вот как охота, а как только хоть едну картошину съем — так и капут... Трофимыч! Ты постой, постой.— Взяла за полу пиджака поднявшегося было председателя.— Ведь я тебя жду-то. Убежишь — скоро ли опять тебя увижу... Вот, почитай-ка, милой.— И подала справку. И все глядела из-под нависших век на председателя, пока тот не кончил читать.

— Поставь, милой, печатку. Четыре версты старуха топала... Поставь!

Звонцов улыбнулся, как улыбаются наивности ребенка, сказал:

— Бабушка! Да не нужна пока эта справка. До первого января пенсии все равно не получите. Подождите немножко: будет создана комиссия, она и решит.

— Комиссия — это потом... А ты сейчас, батюшка, поставь...— И со слезами в голосе: — Вон, приехали

из Ленинграда Анна да Овдокия. Как барони, за ягодками да за рыжичками похаживают. Пойдемте, кричу им, лен стлать! А они только ручкой махнут. «Полно тебе, Елена, полно убиваться-то! — скажут.— Все одно пенсия однакая будет, что нам, что тебе». Нет, милые! Вы в Ленинграде по пять годов прогуляли, а я все в колхозе работала. Это разве одинаково? У меня на войне два сына убитые, мне не к кому в Ленинград ехать... Давай, Трофимыч, поставь печать-то...

— Бабушка, я еще раз говорю вам: не нужна эта справка! Да и печать не для того, чтобы шлепать ее на всякую филькину грамоту.

— Эт-то как же, батюшко,— «филькину грамоту»?! — выпрямилась Заботина.— Да ведь тут вся моя жизнь написана, ни единого слова неправильного нету! Да коли надо, вся деревня под справкой подпишется!

— Ну хорошо, хорошо...— поняв, что выразился неосторожно, сдался Звонцов.— Девушки, перепишите справку. Пусть бабушка успокоится.

— И печать поставишь?

— Поставлю...

— Ну и ладно, батюшко. А далеко ли ты побежал-то?

— Не обману, бабушка, не беспокойся.

Около полудня погрузчик наконец ожил. Правда, подъем и поворот стрелы он производил раздельно, но и тем уже все были довольны. Саша Яблоков сделал пробу, подняв пять-шесть ковшей опилок в бортовую машину. Получалось неплохо, хотя не было необходимой плавности: рывок кверху, рывок в сторону... Звонцов от радости — сам не свой. По его распоряжению снова все машины, все тракторы с тележками покатились к реке.

Пошел туда наконец и погрузчик.

Пять километров — не велико расстояние. Тем более что дождей давно не выпадало — нет худа без добра! — и дорога была вполне проезжей, хотя и ухабистой. Через час на берегу Ветлы было шумно и людно. Звонцов, балансируя по бревнышку, перекинутому с берега на

борт катера, пробрался в рубку, завел мотор и бортом причалил к «галоше». Ловко маневрируя, развернул ее поперек реки, кормой к берегу, потом выскочил из рубки и бросил чалку. Перекинув с кормы на берег два бревенчатых трапа, принялся стучать топором, вбивая огромные гвозди в доски настила. «Беларусь» с погрузчиком должен был въехать на настил задом. Звонцов, держа ладонь ребром перед носом, командовал Саше: «Прямо... Стоп! Чуть влево! Хорошо... Стоп! Так...» Он волновался: малейший просчет — и трактор полетит за борт.

Однако все обошлось благополучно: трактор стал точно по центру, а плиты опор погрузчика легли как раз на борта.

Теперь «галошу» надо было поставить вдоль берега, а к ней вплотную подогнать баржу с удобрением. Звонцов снова в рубке катера. Закончив и это дело, он спрыгивает на берег и подходит к мужикам. Те, от нечего делать, покуривают, лежа животами на земле.

— Дайте закурить, хлопцы! Нет, сигарету не хочу. Махры дайте!

Став на колени, он заворачивает огромную цигарку, а глазами все на баржу стреляет. Сейчас Саша Яблоков будет пробовать. Послюнявив цигарку, Звонцов резко приказывает шоферу Моткову:

— Подъезжай!

Машина медленно начинает опускаться кузовом к реке. Битый кирпич, заранее набросанный в колеи, мягко исчезает в жидком грунте под тяжестью колес. А машина опускается все ниже и ниже, до самой воды: иначе погрузчик не достанет до кузова. Становится очевидным, что самостоятельно ей, да еще с грузом, обратно не выехать. И Звонцов приказывает стать напротив машины гусеничному трактору с тросом.

Теперь все. Теперь можно начинать. Ковш широко раздвинул зубастые челюсти и опустился в трюм баржи, медленно откусил верхушку вороха и пошел на подъем... И — о ужас! Удобрение, как вода, потекло из ковша. Над баржой, все увеличиваясь, поднялось огромное облако, скрывшее и трактор с погрузчиком, и людей, стоявших на барже и рядом. Тракторист Яблоков, прикрывая нос рукавом фуфайки, какую-то секунду растерянно глядел на эту картину, потом торопливо передвинул рычаги, и

ковш, продолжая терять груз, поплыл над «галошей» к кузову машины. Дойдя до него, резко дернулся, словно стукнулся о невидимую стену, и разжал челюсти. Тотчас вся машина окуталась белесым облаком: удобрение сыпалось через щели кузова. Шофер Мотков, выкрикивая: «Задушит... дьявольщина!», пулей выскочил из кабины. На воде возле «галоши» образовалась плотная пепельно-серая пленка. В кузов попала едва ли половина зачерпнутого груза.

Звонцов, не докурив цигарку, рванулся прямо в белесое облако. «Неужели все напрасно?» — мелькнула мысль.

— А ну, Саша, давай еще. Не бери много. Так.. Стряхни чуть. Дай закрыться ковшу. Плотнее!

Саша делал все, что требовал Звонцов, но удобрение продолжало сыпаться. И из ковша, и из кузова.

Глазевшие с берега мужики обменивались репликами:

— Мука! Не даром сказано...

— Не мука́, а му́ка, чтоб ее...

— В мешках бы, что ли, присылали. Ведь и половины не попадет на поле.

— А Сашка-то. Отравится, черт! Ей-бо, отравится.. Эй, как ты там, мельник?

Яблоков в самом деле был похож на мельника. Побелела даже замасленная фуфайка. Он что-то ответил, и хотя никто не расслышал, но каждый понял его и посочувствовал... Но что же было делать? Не отступать же теперь, когда... И Саша продолжал ворочать рычагами, и было похоже, что он стал бы делать это даже тогда, когда бы вокруг была не эта едкая пыль, а дым и пламя.

Удобрение оказалось очень тяжелым. Машину еще и на половину не загрузили, а рессоры выпрямились, кузов осел. Подтащили конец троса, зацепили за передний крюк машины.

— Пошел!

Трос натянулся, как струна, передок машины буквально сел на ось от натяжения, а сама машина с места не трогалась. Трактор натужился что было сил. Казалось, сейчас он раздернет машину на две части. Но нет, та наконец стронулась и вылезка-таки на сухой берег.

Теперь, прежде чем подогнать к погрузчику следующую машину, надо было поправить колею, снова завалить ее битым кирпичом. Первым за это дело взялся Климов — надо же было хоть что-то делать. К нему присоединился шофер и еще двое...

В это время, круто развернувшись, у самой кромки берега остановился «газик». Краешком глаза Звонцов видел, что приехал кто-то из управления — один в зеленом костюме и красных туфлях, другой в светлом плаще и начищенных сапогах,— но сделал вид, что не заметил, и продолжал заниматься своим делом. К реке спустилась вторая машина, и погрузка началась. Двое из управления смотрели, качали головами, то и дело показывая рукой в сторону погрузчика. К Звонцову же не подходили: знали, видимо, каким он бывает в подобных обстоятельствах...

Ковш выбрал яму с краешка трюма, а дальше не доставал. Звонцов схватил лопату, спрыгнул вниз и начал подгребать удобрение к ковшу. Климов — тоже: он неловко чувствовал себя без дела. А мужики все в той же позе — животами вниз — лежали на берегу. Захваченный делом, Звонцов даже не замечал, что крутится-вертится, собственно, он один, ну, еще тракторист, а остальные поглядывают только. Не замечали, кажется, этого и люди, оказавшиеся в роли зрителей: привыкли!

Но вдруг, сообразив, видимо, что он не один, что на берегу люди, Звонцов выпрямился, закричал:

— А ну, хватит загорать! Живо сюда с лопатами!

Один за другим, поругиваясь вполголоса, поднялись четыре человека. лезть в этот кромешный ад явно не хотелось. Но никуда не денешься!

Поначалу работали лопатами. Потом поймали занесенный над трюмом ковш и стали подтаскивать его туда, где он мог зачерпнуть фосфоритку сам. Звонцов стоял рядом, нервничал: понимал, что и это не выход из положения. С трудом нагрузили третью машину и заглушили трактор. Надо было удлинять стрелу. В комплекте на этот случай было метровой длины звено. И Звонцов вместе с трактористом и механиком принялся откручивать трубки маслопроводов. В нем все клокотало, но он сдерживался, хотя это стоило ему огромных усилий.

Зеленый костюм и светлый плащ, смешно балансируя по бревнышку, прошмыгнули на «галошу». Поздорова-

лись, стали что-то советовать, размахивая руками. Не глядя на гостей, Звонцов выдавил:

— Ну, что ж, спасибо, что приехали. Теперь, наверное, дело пойдет... Правда, распределитель нужен...

Климов не стал прислушиваться к разговору. Незаметно отошел в сторону, завел мотоцикл и уехал: оставаться дальше не было смысла.

Секретарем парткома в «Восход» Андрея Николаевича Климова рекомендовал партком управления. Для него лично да и для коммунистов «Восхода» эта рекомендация была полной неожиданностью: он, ветеринар по профессии, работал в двадцати километрах отсюда, специальность свою любил и ни о какой другой никогда не помышлял. Наоборот, он уже четвертый год учился заочно в ветеринарном институте! И потому перейти в «Восход» да еще на такое большое и ответственное дело он решился только после того, как секретарь парткома заверил, что посылает его временно, не более, как на год, пока подыскивает другого.

Семью Климов оставил на месте — не перетаскивать же ее на год, или пусть даже и на два, как положено по Уставу, в «Восход». Теперь этот год заканчивался, но о возвращении его на прежнюю работу никто в парткоме и не заикался. Да и сам он не напоминал: неудобно было. Слишком мало успел он за этот год: узнавал людей, приобретал опыт... Теперь только и работать! И он работал. Работал, как подсказывала ему совесть: был все время с людьми, среди людей, и этим завоевал их признание. Со Звонцовым он тоже покуда ладил, хотя... могло быть и иначе. Да, могло быть. Но, считаясь с огромным опытом Звонцова, с его авторитетом в районе и области, он в спорных вопросах, как правило, немного погорячась, уступал ему, а говоря прямо, шел у него на поводу... Плохо это, конечно... Но как иначе? Ведь Звонцов — не кто-нибудь! И все-таки — Климов чувствовал это нутром — неприятный разговор между ними, пусть один на один, рано или поздно все-таки должен, видимо, состояться.

Думая обо всем этом, он незаметно доехал до полей третьей бригады. Еще издали увидел — слева от дороги работала льнотеребилка. Тракторист гонял машину и

вкривь, и вкось, словно озорничал, а не работал. Но стоило подъехать ближе, как все становилось ясным: водитель выбирал. Лен был такой низкий и местами такой необычный, что даже не походил сам на себя — верхушки карликовых стебельков скрючились, завились в разные стороны, словно пламенем их обожгло.

Климов знал: это был участок, площадью около пятнадцати гектаров, наиболее пострадавший от опрыскивания гербицидом...

Четверо пожилых женщин вязали лен в снопы. Увидев секретаря, распрямились, пригласили присесть, предложив ему снопик, и сели напротив сами. Сюда же подошли и тракторист с машинистом льнотеребилки.

— Все-таки решили вытеребить? — спросил Климов.

— Да катаемся, а пожалуй, и зря,— ответил тракторист.— Правда, попадаются островочки вроде бы и ничего, с головками даже, а все равно не то... Стебель, как стеклянный, ломается.

Закурив, продолжил:

— Поздно, видимо, опрыскивали. Особенно этот участок. Ведь посеян он раньше других, числа десятого мая, если не запамятовал, а опрыскивали двадцать пятого июня — вон когда! По инструкции, говорили, лен к этому времени должен быть не выше десяти, самое большое — пятнадцати сантиметров, а у этого, поди-ка, и все двадцать пять были.

— А может, крепкий раствор, кто его знает,— сказала одна из женщин.

— Да и сушь стояла такая!— сообщила другая...— А сколько бы льну тут наросло! Видели, в Клишине какой вымахал? Учетчица там не разрешила опрыскивать: мол, картошка рядом. И правильно сделала: и лен дикой вырос, и картошка цела.

— Да... Вот и угадай!— вздохнул машинист льнотеребилки.— Ведь хотели как лучше, а вышло... В прошлом году лен тоже был хороший, но с сорняками. А в этом, даже в Клишине, сорняков-то и нет. Лето сухое.

— Андрей Николаевич!— обратилась к Климову одна из женщин.— А спишут с нашей бригады этот лен али не спишут? Ведь опять мы план не выполним. Опять те бригады на сто процентов, а нашу на семьдесят рассчитают... А разве мы виноваты?

Климов ждал этого разговора. В самом деле: бригады на хозрасчете, а лен — основная статья дохода. Люди, конечно, не виноваты, что лен у них погублен. Но кто же тогда виноват? Во всяком случае, не зоотехник... Лен, как и все другие культуры,— предмет заботы агронома. Но почему же тогда Звонцов не спросит ответа с Морозовой со всей, присущей ему, строгостью? Была она на месте в тот день, когда самолеты летали, распрыскивая этот самый «декотекс-80». Была! Так куда же она смотрела?

Законный вопрос. Но попробуй с этим «законным» сунься к Морозовой! О-го, такое ответит!

В общем, вывод напрашивался не очень приятный. Особенно теперь, после истории с погрузчиком. Оказывается, распределитель-то с погрузчика был когда-то снят по распоряжению самого Звонцова, без ведома механика... Потому Звонцов и помалкивает: не с кого спросить!

Климов поднялся, сказал, что он лично согласен: списать надо, и что акт на списание составлен — лен погиб не только в третьей бригаде — но решать будет правление. И пошел к мотоциклу, думая, что обо всем этом надо рассказать Звонцову.

На льнище второй бригады работала льномолотилка. Ее обслуживали несколько колхозниц да с десяток студенток из областного центра. Невдалеке по полю продвигался трактор ДТ с санями. Трое стариков складывали на сани снопы. Распоряжался же тут учетчик Еськов — невзрачный мужичишка в пиджачке с протертыми локтями, в коричневом бумажном свитере с высоким воротником, подпирающим давно не бритые обвисшие щеки. В колхозе его знали все, поскольку человек он был видный — с начала коллективизации и до сегодняшнего дня занимал руководящие посты. Правда, хотя он и глядел вверх, ступая по служебной лестнице, а продвигался неотвратимо вниз. Он считал, что ему не везет, а дело было совсем не в везении: просто жизнь шла вперед, а он топтался на месте. И по этой причине скатился от председателя до учетчика. Но и с этой должностью он не ладил. Трудной, ответственной стала эта должность!

Люди теперь работают не за палочку или там полторы, а за рубли и копейки. Проработают день — желают знать, сколько заработали. А считать Еськов не силен — всего две зимы ходил в школу,— писать — тем более: карандаш, как живой, то и дело из руки выскакивает, слова в строчки не помещаются, из-за чего почти каждую приходится сильно загибать вниз. В конторе же теперь строгий порядок заведен: не сдал заполненные наряды до пятого числа — плати штраф! А как же иначе: ведь выдача зарплаты колхозникам задерживается. И все-таки Еськов, как правило, не успевал к пятому числу, так как записи вел неаккуратно, от случая к случаю. А иногда, бывало, просрочит так, что за получкой и не является, а все равно к руководству не в претензии: должность ему всего дороже!

— Что-то, Иван Петрович, многовато у тебя все еще ленку не околочено,— говорит учетчику Климов.

— Так ведь трактор-то на реку был угнан, Андрей Николаевич. Сегодня с трех часов только начали,— возмущенный несправедливой критикой, отвечает Еськов.

— Ну, ну...— заметив это, тянет Климов.— А каков ленок?

— Сам, парень, видишь, каков... Который получше был — возле леса да с краешков — тот уже разостлан. А этот крепко пострадал! Поле-то, вишь, широкое, летали низко... Вчера директор льнозавода приезжал, смотрел. Грит, если хорошо на стлище вылежится, может, номером 0,75 пойдет, а то дак и на паклю. Боюсь и говорить об этом женщинам — разбегутся,— не станут расстилать.

Да, и здесь та же история со льном. Будут говорить: подвела химия! А химия ли? Она всего лишь преподала руководителям колхоза предметный урок: со мною шутить нельзя! Я требую деликатного обращения.

Химические препараты земле, как и порошки человеку, надо преподносить по рецепту да еще и вовремя!

В поле, что примыкает к деревне Засекино — хозяйственному центру колхоза, трактор «Беларусь» таскал туковую сеялку. У края пашни, вдоль дороги, по которой ехал Климов, с промежутками в 20—30 метров грудами

были насыпаны удобрения. Здесь разгружались машины, прибывавшие с Ветлы.

Климов остановился. Три женщины — одна лет тридцати, а две значительно старше, опершись на лопаты, стояли у груды фосфоритной муки, ждали, когда трактор с пустой сеялкой вернется с того конца поля. Разговорились. Одна женщина пожаловалась:

— Беда, а не удобрение. Пылит! В глаза, в нос лезет. Голова вся разболелась, ровно в бане угорела.

Другая добавила:

— Ужасть как охмуряет! Нагрузишь сеялку — и хоть падай. Много ли нам надо-то? А и толку, поди, никакого...

Первая не согласилась:

— Да ты что, Кузьмишна. Уж коли привезли, значит, пользительное.

Подошел «Беларусь» с сеялкой. Женщины ведром и лопатами стали загружать сеялку. Тракторист спрыгнул на землю, подошел к Климову.

— Ну, как дела идут? — спросил Климов.

— Да плохо, Андрей Николаевич. Сеялка, видите, какая. Не сеялка, а колымага! С одного конца густо сыплется, а с другого совсем не сыплется. И отрегулировать нельзя: в ящике и земля, и камни, и обрывки мешков бумажных... Да и нормы высева не знаем. Оно вон какое тяжелое, удобрение-то. Да хотя бы и знали норму — весов нет.

— Ведро можно взвесить,— сказал Климов.

— Это верно... Так хоть бы агрономша пришла. А то видите — специалисты...— и показал на работающих женщин.

Климов понимал, что такую работу надо бы приостановить, отремонтировать сеялку, приставить к делу агронома. Но время не ждет. Сейчас сухо, а ночью, может, пойдет дождь: осень все же... И тогда от этих груд только грязные пятна останутся.

От реки подошла еще одна машина с удобрением. Шофер притормозил, крикнул:

— Сегодня больше не будет!

— Как не будет?

— Лопнула стрела погрузчика...— И с улыбкой:— Еще хорошо, что над кузовом, а то бы в реку плюхнулась.

Пока отсоединили стрелу погрузчика да пока ее погрузили, стало темнеть. Звонцов подошел к машине, грузно упал в сиденье, выдохнув: «Поехали!», и когда машина побежала, а по сторонам смутно и однообразно замелькали кусты, он вдруг почувствовал невероятную усталость. Ехали не проронив ни слова. Напротив конторы шофер чуть притормозил, вопросительно глянув на Звонцова.

— Домой меня, Женя, домой...— проговорил, поняв шофера.

Переступил через порог, сбросил тяжелый плащ, прошел в переднюю и — замертво на диван: ни есть, ни пить не хотелось, хотя целый день во рту не бывало маковой росинки.

Домашние и еще учительница Валентина Сергеевна — его «первый комиссар», первый парторг колхоза, запросто бывавшая в их доме, сидели у телевизора. Супруга поднялась, приглушила звук, сказала, обращаясь к Валентине Сергеевне:

— Ну, вот... И так почти каждый день.

Алексей Трофимович понял, что разговор о нем уже состоялся, и эта фраза подытоживала только сказанное ранее.

Валентина Сергеевна, глянув на его измученный вид, негромко, словно самой себе, сказала:

— Не жалеешь ты себя, Алексей Трофимович... Полыхаешь, как костер на ветру.

Звонцов молчал.

— И вообще, не таким ты стал. Совсем не таким.

Он устало рассмеялся, еще не понимая, к чему клонит учительница:

— Ну, ну... Каким же это я стал?

— Каким?— Она задумалась, подыскивая слова.— А помнишь, как мы с тобой начинали? Ты стариков даже собирал, советовался с ними, в избах бывал... А партийная организация не раз твой отчет о руководстве колхозом ставила. И ты отчитывался, как миленький! А сейчас? Сейчас ты «сам с усам»! С тобой не только в районе, а области считаются. Как же — Звонцов!

Алексей Трофимович тер пальцами нахмуренный лоб, слушал. Когда Валентина Сергеевна замолкла, проговорил:

— Всю жизнь ты режешь мне, Сергеевна, правду в глаза... Ты одна. Остальные льстят.

— А почему льстят? Наверно, потому что боятся. Но не забывай: который льстит, тот первый и обманет, а может быть, и предаст.

— Тоже верно. А в общем-то, устал я... И нервы сдают.

— То-то и оно! Да и как не устать?! Такой колхозище! А ты, как и в том, маленьком, везде и во все — сам, сам, сам! Ни с кем не считаешься, никому не доверяешь. И горячишься при этом, рубишь иногда сплеча. Сказал тебе тракторист поперек какое-то слово — и ты его с трактора долой! А с дояркой Песковой что получилось? Уехала Пескова, а ведь на нее все равнялись, у нее училась даже Маслова — лучшая теперь доярка.

...Потом, когда уже весь дом спал, Алексей Трофимович, обдумывая все, что сказала ему учительница, вспомнил историю и с доякой Песковой. Верно, женщина была старательная. Но строптивая! В тот год она не выработала минимума трудодней, поскольку болела, хотя справки о болезни у нее и не было. При окончательном расчете за год правление решило всем дояркам выдать сто процентов зарплаты, а с Песковой удержать полсотни рублей. Секретарь парткома Климов говорил тогда, что зря это, что Пескова — труженица, каких поискать, а Звонцов молчал, и это молчание правленцами, как всегда, было «правильно понято»... Обидели Пескову. Пришла в контору, пригрозила: уеду! И верно: через неделю дом Песковых стоял заколоченным. Вместе с детишками они махнули в Казахстан, на целину.

Формально в этом случае он, Звонцов, был прав: дисциплина одинакова для всех. А если по-человечески?..

О многом передумал Звонцов в эту ночь. За десять лет чего не было! Поседел он за эти десять лет. Начал-то когда — в пятьдесят четвертом! Кому не известно, до чего были доведены иные колхозы к тому времени? Ему, Звонцову, пришлось строить заново все помещения для скота... А эти укрупнения? Особенно последнее, когда присоединился колхоз «Трудовик». Миллион долгов! Ни на одном дворе нету крыши. Семена не засыпаны. Люди на колхоз махнули рукой. Жили целиком за счет личных

хозяйств, неимоверно раздутых. Колхозные лошади — и те были розданы, по сути дела, в личное пользование.

Алексею Трофимовичу, когда он вспоминал об этом укрупнении, невольно приходило на ум сравнение: в хорошо и ровно крутившиеся жернова вдруг бросили булыжник, да еще необкатанный, и жернова бешено затрясло — казалось, еще один-два оборота, и они разлетятся на куски! Но жернова не разлетелись. Жернова перемололи и этот камень. Теперь третья бригада — бывший колхоз «Трудовик» почти ни в чем не уступает первой и второй бригадам. А каких это стоило усилий — знает только он! «Даже ты, дорогая Валентина Сергеевна, не знаешь...» — вспомнил он опять разговор с учительницей. «Разве этим нельзя гордиться?» Но другой голос, голос совести, отвечал: «Да, конечно... Но ты можешь и должен сделать значительно больше. Пришло время, когда надо думать уже не только о помещениях для скота, но и о новых домах для колхозников — ведь до сих пор живут в избах, доставшихся от прадедов и дедов, правда в свое время добротных, опушенных тесом, украшенных резными карнизами, наличниками, но теперь подгнивших, покосившихся в разные стороны... Надо думать и о сселении многочисленных деревень в один хозяйственный центр, о строительстве в этом центре хорошего, может быть, кирпичного клуба... А почему бы и не кирпичного! У предков на территории нынешнего «Восхода» был не один, а три огромных кирпичных клуба... то бишь — церкви. Да каких! В одной и сейчас мастерские помещаются, а две другие уже тридцать лет мужики долбят ломами, добывая кирпичи для скотных дворов,— и все равно еще от них много осталось! Вот какие хоромины были. И ведь кто строил? Лапотные мужики... Лопата да носилки — вот и вся их механизация. Так неужели мы не сможем построить? Сможем! И должны! Иначе люди, особенно молодежь, все так же будут стремиться уйти из деревни. А без людей — трудно, очень трудно. Кто-кто, а он-то, проработавший столько лет председателем слабого и потому малолюдного колхоза, знал это. Бригадиром некого было поставить! Журавлев и ничего вроде мужик, а образование-то всего два класса. Разве достаточно такого образования для бригадира, когда на повестке дня — интенсификация, внедре-

ние в практику самых передовых методов производства с использованием самой новейшей техники и химии' Трудно Журавлеву, а заменить кем — и теперь найдешь не сразу. Вот если бы вернуть в колхоз хотя бы часть ушедших из него людей. А ведь может такое случиться, может! Земля, придет время, позовет, да так, что уже не откликнуться на этот зов душа хлеборобская не сможет...»

Не впервой думал обо всем этом Звонцов, не впервой не щадя своего самолюбия, припоминал промахи и ошибки и, как бы освобождаясь от них, с верой и надеждой заглядывал вперед. «Ну, уж теперь-то должно, обязательно должно получиться!» — С этой мыслью он начинал сев, с этой мыслью глядел на сильные, обещающие всходы: «Будет хлеб! Будет силос! Вырвемся наконец-то!»

Особенно обнадеживающей была нынешняя весна. Хлеба взошли — гляди да радуйся! И вдруг — на́ тебе! — засуха. Засуха на Вологодчине! Вот уж поистине: чем черт не шутит... И что же? Силосные — горох, вика, бобы — сгорели. Потом и... лен. Да, и лен.

Алексей Трофимович тяжело вздохнул. О льне даже думать не хотелось. Да и надо спать наконец. Завтра все начинать с начала. Стрелу, конечно, мужики сварят. Хорошо бы и распределитель получить: те, двое, обещали... Уже засыпая, вспомнил, как «зеленый костюм» говорил: «Пришлем, Алексей Тромифович, обязательно! — Это о распределителе.— И за простой баржи оплатим... Только выгрузи, ради бога!» То-то...

По привычке проснулся в начале шестого. Знобило. Голова была свинцово тяжелой, тело — как не свое. И все-таки встал. Надо было встать: в шесть, как всегда, к телефонам придут бригадиры второй и третьей и будут ждать его звонка, его распоряжений на день. Такой порядок был установлен им самим.

Жена заметила его медлительность, вялость, спросила:

— Тебе нездоровится?

— Да, немного... Продуло, наверно, на реке.— Про себя же подумал: «А может, фосфоритки чертовой наглотался».

Выпил крепкого чаю. От еды отказался: «Потом».

Накоротке переговорил с бригадирами: велел заниматься своими делами, потому что едва ли удастся быстро сварить стрелу погрузчика, да и распределитель еще неизвестно когда доставят...

Накинул зеленый плащ, вышел. Утро было погожее, но уже по-осеннему знобкое. В пустых проемах колокольни, беспорядочно перелетая, по-ребячьи звонко кричали молодые галки. К правлению только что подъехал Журавлев. Увидев председателя, спешился, привязал лошадь к палисаднику.

Поздоровались.

— Ну, какие у тебя дела, рассказывай.

Дел у Журавлева было много. Он бойко перечислял их, радуясь в душе тому, что погрузчик опять сломался и, значит, есть возможность распорядиться людьми по своему усмотрению: продолжить подъем зяби и скирдование соломы, начать ремонт печей и полов на скотных дворах... Надо было также перевезти из дальней деревни семью доярки Морошкиной, недавно приехавшую из города Шахты. Муж ее, здешний родом, получил там, в забое, увечье и теперь лежал на больничной койке в городе, а она с тремя маленькими ребятишками жила у бабки — матери мужа.

Изба у бабки старая, но жить в ней все же можно, да ферма далеко, четыре с лишним километра. Егор Журавлев дал ей смирного мерина: мол, пока дом подыскиваем...

Домов нежилых в Засекино хватало, но в какой ни зайди — и крыша прохудилась, и печь надо ремонтировать. Да и о цене списаться с хозяевами — тоже надо время: иных черт-те куда занесло!

Звонцов знал, конечно, о доярке Морошкиной, он и сам обещал перевезти ее с ребятишками в Засекино, и, видимо, уже что-то предпринял бы, когда б не эта морока с удобрениями.

— Покажи ей дом, что «волки» зимой перебирали,— сказал бригадиру.

— Так ведь рам нету, в доме-то...

— Ах да — рамы...

Они подошли к крыльцу конторы и сели на скамейку. Впервые за последний месяц, пожалуй, он никуда не спешил, впервые мог сесть вот так и закурить. И он закурил,

закинув ногу на ногу и опершись локтем на колено. Сигарету он держал тремя пальцами, огоньком внутрь ладони — старая фронтовая привычка — затягивался часто, но не глубоко: думал.

Подошел и поздоровался за руки Эдя Самофалов — участковый уполномоченный, прямой и высокий, как кол, в фуражке, сдвинутой на правую бровь, и с неизменным планшетом через плечо. У Эди всегда были хорошие папиросы, потому что все продавцы в округе дорожили его расположением. При хорошем настроении Эдя любил тряхнуть пачкой ленинградского «Беломора». Сейчас настроение было, и он, присев, далеко вытянул ногу и достал из «бутылки» галифе недавно начатую пачку.

— Прошу.

Журавлев не отказался:

— Давай... Все одно — кашель.

Прикурили. И Эдя, словно так, между прочим, сказал:

— Оформил вчера сено у директора маслозавода!

— Ну? И как она?

— Да так, ничего...— Эдя щелчком стряхнул пепел с папироски.— Незаконно, говорю, Павловна. На колхозной, говорю, земле... Ой, говорит, меня и дома не было. Без меня, говорит, и накосили и привезли... Х-хе! — и расхохотался, показав два длинных передних зуба.— Сегодня еще у двоих надо будет оформить.

Егор Журавлев перебил участкового:

— Да, Трофимыч... телят когда будут закупать, не слыхал? Сена-то и у колхозников не густо. Отдать бы поскорее, пока не отощали, да и ладно. Все спрашивают, не знаю, что и говорить.

— Узнавал. Все загружено...

На мотоцикле подъехал Климов — секретарь парткома — как всегда, в резиновых броднях, в черной фуфайке с воротником, из-под которой виднелась овчинная безрукавка: ездил Климов быстро и, если в пиджаке,— пронизывало насквозь. Поздоровался, достал из кармана согнутую вдоль тетрадь и подошел к «Доске показателей», что на двух столбах, врытых в землю, красовалась слева от крыльца. Пошарил в другом кармане — достал мелок. С минуту изучал записи в тетради, сделанные,

наверное, вчера, и, привстав на цыпочки, написал: «Разослано льна».

Эдя Самофалов, глядя на «Доску», сказал:

— Ох, Николаевич, схлопочешь ты себе двойку по русскому, если так относиться будешь!— Эдя знал, что Климов учится заочно в ветеринарном институте.— Гляди, что написал-то: ра-зо-сла-но... Куда разослано? Х-хе!— и рассмеялся с чувством превосходства.

— Фу-ты, черт! — сообразил Климов и стер ладонью написанное. Вывел «разостлано» и сказал:— Русский-то еще ничего — можно выучить. А вот немецкий!.. В тридцать-то семь годов... А сдавать надо. Вызубрил я как-то, значит, и текст немецкий и перевод. Пошел. Взял учебник, читаю, без запинки перевожу. Немка удивлена. «Ну-ка, говорит, переведите вот эту фразу». И тычет пальцем в учебник. А я и на этот случай готов. Перевел! Вижу, глаза у нее округлились, лицо вытянулось: такого пациента она, может, еще и не видала! Перевернула страницу и опять пальцем: р-раз! «Прочитайте!» Тут-то у меня язык и отнялся. Поняла, конечно. Поскучнела... Обыкновенной стала. Все же тройку поставила. До сих пор благодарю!

— Мудреный язык,— понимающе согласился Егор Журавлев.— По-нашему: руки вверх!, а в по-ихнему: хенды хох!— И засмеялся:— Совсем не похоже. Я, пожалуй, только это и запомнил, а ведь до Берлина доскакал!

Звонцов встал, направился к мастерской: решил посмотреть, как там будут стрелу сваривать.

...Часа в три его позвали к телефону. Звонил секретарь парткома, спрашивал, когда будут выгружены удобрения. «Дошло и до секретаря,— подумал Звонцов.— Да и не диво: четвертый день, как начали, а баржи все еще стоят с полными трюмами».

— Как «Сельхозтехника»? Помогает?— спросил секретарь.

— Хорошо...— с иронией ответил Звонцов.— Сегодня наконец новый распределитель дали. Раньше его «не было». Поняли, видно, что за простой баржи придется платить им, а не колхозам.

Звонцов был зол на «Сельхозтехнику», особенно после истории с ремонтом самосвала и трактора. Самосвал, единственный в колхозе, ремонтировался там год и че-

тыре дня, причем за это время был утерян кузов — помятый, полузасыпанный землей, он оказался в куче хлама, и пришлось дойти аж до областного начальства, чтобы заставить мастерскую все же восстановить кузов. Впрочем, самосвалу не хватало не только кузова, в чем механик колхоза и убедился, как только вывел его за ворота.

Имея в виду эти и другие факты, на одном совещании в области Звонцов сказал:

— Наше отделение «Сельхозтехники» хорошо решает две задачи: как можно больше сорвать денег с колхозов за разные услуги и сбыть колхозам всю технику, что поступила на склады, не считаясь с тем, нужна или не нужна эта техника колхозам.

Секретарь знал взаимоотношения Звонцова с управляющим отделением «Сельхозтехники» и не удивился, когда услышал в трубке такие слова:

— А что Чуркину спешить? То, что удобрения эти колхозам влетят в копеечку, его совершенно не касается. Он свою зарплату все равно получит. А вот если бы эта зарплата была поставлена в зависимость от себестоимости продукции в обслуживаемых колхозах, тогда бы он крутился, как белка в колесе!

— Злой ты сегодня, Алексей Трофимыч, ох злой!— ответил секретарь.— Устал, понимаю. Давай-ка заканчивай с удобрениями да бери отпуск. Не бойся: небо на землю не рухнет, если тебя с месяц не будет. В общем, на днях приеду — решим...

— Что ж, приезжайте...

А усталость не проходила. Надо бы пойти домой и лечь, хотя бы на час, и он уже собрался было, но в контору ворвался Женя — шофер.

— Алексей Трофимович! Наладили погрузчик! Работает — в-во! Я только что оттуда...

Звонцов резко поднялся. Усталость как рукой сняло. Вынул сигарету, прикурил, сказал:

— Поехали!

Погрузчик и в самом деле работал теперь исправно. Правда, фосфоритка из ковша текла по-прежнему, но с берега дул ветер, и дышать было легче, потому что пыль относило в сторону.

Одна за другой, поднимаясь с помощью буксира на берег, груженые машины уходили в сторону Засекина. А день между тем угасал. Скоро стемнело совсем, и работу пришлось приостановить.

Наутро снова весь колхозный транспорт был брошен к реке. И на этот раз не напрасно. Погрузчик старался вовсю. В трюмах заметно убывало, хотя и не так быстро, как хотел, как рассчитывал Звонцов. Ведь шел пятый день, как «все это» началось. И он больше всего на свете сейчас жаждал одного: закончить выгрузку сегодня! И потому не уезжал от реки, все приглядываясь да прислушиваясь к работе погрузчика: только бы не остановился, только бы...

Но погрузчик, конечно, останавливался. И потому дня — пятого дня — тоже не хватило, и заканчивать пришлось в темноте, осветив баржу фарами.

Звонцов чувствовал себя победителем. Голос его звенел, движения снова были уверенны и размашисты, словно и не знал он этих пяти дней сплошной нервотрепки. Расхаживая утром по кабинету, рассказывал Климову:

— Кончили вчера, Андрюша! Кончили! Уже в темноте, с фарами, а все-таки кончили! Теперь давай — собирай доярок! Эпопея завершена.

— Слушай, Трофимыч... А ты очень доволен этой «эпопеей»? По-честному, положа руку на сердце,— доволен?

Звонцов погасил улыбку. С минуту молчал, нацелив прищуренные глаза на Климова. Потом негромко проговорил:

— Ты что имеешь в виду?

— Что я имею в виду, я скажу... Прежде я хотел бы знать, научила тебя чему-нибудь эта «эпопея», или...

— Брось, Андрей!— резко перебил его Звонцов. И, сбавив тон, повторил:— Брось, прошу тебя... Не порти мне настроение.

— Извини, конечно, если... Но мне бы хотелось все же кое-что тебе сказать... Не кажется ли тебе, что история с погрузчиком не случайность, а некая закономер-

ность? И тебе стоит над ней подумать! Неудача со льном — тоже...

— Решил меня поучить? — с ноткой пренебрежения и еще — обиды спросил Звонцов.— Ну, давай, давай...

— Да ты не сердись, Трофимыч... Ведь я же добра тебе хочу. Спорь, не соглашайся, но не сердись! Я вот что хочу сказать-то... Вчера, значит, подошел ко мне один из членов бюро... ну, Валентина Сергеевна, учительница. Разговор о тебе завела. Мол, надо помочь Звонцову... Почему бы, дескать, не послушать его как коммуниста, как руководителя на бюро? Не ради проработки, нет... Просто и тебе и всем нам кое в чем надо разобраться. Я считаю, дельное предложение. Пусть народ выскажется.

Звонцов молча глядел в окно. У крыльца, на скамейках, как всегда, было много народу. Напротив крыльца стоял «газик» председателя соседнего колхоза «Заречье». Сам председатель, заметно подвыпивший, засунув руки в карманы галифе, стоял лицом к сидевшим на скамейках мужикам и шумно уговаривал Сашу Яблокова выгрузить из баржи и зареченскую долю удобрений. А Саша ломался:

— Не буду. Я и так наглотался этой химии...

— Да ты говори прямо, сколько хочешь?— наступал председатель.

— Сколько... Звонцов тоже так говорил: «Ну, Саша, выгрузишь сегодня — ничего не пожалею! Вином самым лучшим досыта напою!» А и не напоил, обманул!— настроившись на шутливый тон подвыпившего председателя, ответил Саша.

— Да ведь я-то не обману! — Народ грохнул: видно было, что он не обманет.— Неужели ты мне не веришь? Хочешь, сейчас поднесу?— Председатель рванулся к «газику», открыл дверцу и извлек откуда-то бутылку, уже наполовину распитую.— Ну, хочешь? Говори!

Мужики ржали:

— А может, нас угостишь?

Саша смущенно отказывался:

— Да нет, не надо... Я пошутил.

— Ах, пошутил... Тогда давай, поехали. Не обижу, едрена корень! Все в наших руках: можно так, можно этак... Верно?

Звонцов, кивнув в сторону крыльца, сказал:

— Может быть, такое «руководство» тебе нравится?

— Нет, такое «руководство» — совсем негодное! Такое «руководство» надо бить! И крепко!

Звонцов вдруг весело рассмеялся:

— Ух ты, гроза! А я и не знал...

1964 г.

Дорога не вся позади

Крестьяне наших северных деревень испокон отличались приветливостью и радушием. Заезжего человека и ночевать, бывало, пустят, и за стол посадят, и самого на печке отогреют, и обутку просушат. Гостеприимство в деревне было обычаем.

Теперь же... Но нет, не стану обижать земляков неосторожным словом. Да и ошибиться можно. Ведь и теперь бывает по-разному. Один из председателей рассказывал мне такой случай. Приехал к нему в колхоз очередной «представитель» с целью, как он выразился, «создать напряжение» на уборке. Председатель, хотя и не близко, но знал его (кого в районе не знает председатель!) и потому без обиняков предложил ему:

— Николай Иванович! Человек ты, слышно, работящий. Устал, наверное... А где, как не в деревне, отдохнуть! Поэтому ступай-ка ты, брат, к Тихоновне, в доме у нее чисто, пиво как раз наварено. Пей, дыши деревенским воздухом. Можешь на озеро с удочкой прогуляться, а то в лес, за грибами... Занимайся, чем хочешь! Только, пожалуйста, не «напрягай» меня, не стой над душой. Командировку я тебе и так отмечу.

Николай Иванович, выслушав откровение хозяина, буквально просиял: не ожидал такого гостеприимства с его стороны.

Председатель другого колхоза — о нем рассказала мне кассирша одного из областных учреждений, работавшая в том колхозе счетоводом,— к заезжим людям относился несколько иначе. Общительный, добродушный по природе, он неузнаваемо менялся, когда оказывался лицом к лицу с «представителем». Особенно не любил

он корреспондентов районной газеты, которых по своей наивности называл писателями. Увидит, бывало, такого «писателя», ворвется в контору, крикнет счетоводу:

— Закрывай, Шура, скорей талмуды, писатель опять приехал!

Выскочит во двор и задами, задами — куда глаза глядят, лишь бы подальше от нежданного гостя...

Об этом председателе я вспоминаю всякий раз, когда переступаю порог конторы еще совсем незнакомого мне колхоза. Я почти уверен, что вслед за традиционным обменом двумя-тремя фразами насчет погоды последует не менее традиционное: «Так вы по какому вопросу?»

«Представителям» в данном случае куда проще! Они скажут: «По молоку», «По льну», «По силосу», «По картошке» — и все понятно...

А я — не «по вопросу», а я — сам по себе. Но это как раз и не укладывается в сознании моих собеседников. Как же, мол, так?! Да вот так... Ни строчить справку о выявленных недостатках, ни сочинять разгромную «заметку» в газету, ни «разносить» кого бы то ни было на совещании я не собираюсь, хотя «недостатки» в хозяйстве, конечно же, есть, и не надо обладать особой зоркостью, чтобы «вскрыть» их,— они на поверхности. Я хочу просто пожить бок о бок с хлеборобом, подышать с ним одним воздухом, хочу заглянуть в его душу, понять его заботы о сегодняшнем дне и мечты — о завтрашнем.

С Николаем Андреевичем Снятковым меня познакомил харовский председатель райисполкома на сессии областного Совета в Вологде.

— Вот он...— сказал он, дружески положив руку на плечо невысокого в черном костюме человека.— Маленький председатель большого колхоза.

Да, Снятков был невысок, худощав, но крепко сбит. Движения резки, взгляд — из-под бровей, оценивающий и настороженный. На вид ему около пятидесяти. Чуть заметная сутулость подчеркивает в нем не годы, а, я бы сказал, собранность, целеустремленность, готовность к немедленному действию. Мы договорились о встрече в его колхозе и расстались.

И вот уже вторую неделю я живу в колхозе «Путь Ленина». С Николаем Андреевичем мы видимся почти каждый день, много знаем друг о друге, причем я его — не только со слов: за это время мне довелось видеть его не раз и «в деле», поскольку жизнь колхоза шла своим чередом.

Да, жизнь шла своим чередом. Обычная жизнь обычного вологодского колхоза. В бухгалтерии целыми днями гремели костяшками счетов экономист Михаил Анатольевич Рыбаков и бухгалтер Нина Сергеевна Иванова, прикидывая, какого дохода можно ожидать от животноводства в связи с повышением закупочных цен, с особенной дотошностью заполняли графы «рентабельность» и «чистый доход». Их нетерпение, увлеченность делом были вполне понятны. За прошлой год каждый рубль, затраченный на производство говядины уже дал 40 копеек прибыли, но зато рубль, затраченный на производство молока, дал... 9 копеек убытка. С убытком была реализована и баранина (30 копеек на затраченный рубль), и зерно (4 рубля 57 копеек на затраченный рубль). От льнотресты на затраченный рубль получили 69 копеек прибыли. А можно бы получить значительно больше. Но лен в прошлом году не удался: было засушливым лето. Да и кроме того, не хватило рук вовремя разостлать его и отсортировать...

В общем, было над чем подумать экономисту колхоза. И он думал. И делал очень толковые выводы, хотя закончил всего четыре класса. Михаил Анатольевич то и дело забегал в комнату председателя, и тот, склонясь над цифрами, подолгу изучал их, барабаня пальцами по столу, и зрели в голове его какие-то решения...

На следующий день в правлении собрались механизаторы — их в колхозе 25 человек,— и председатель говорил о бережливости (себестоимость гектара мягкой пахоты за прошлый год составила 5 рублей 90 копеек — это очень много!), учил беречь технику. «Запомните, что вы не летчики,— говорил он трактористам.— У вас бортмехаников нет. Вы сами должны готовить машины к работе, вовремя проводить техуходы, предупреждать поломки, не гонять тракторы вхолостую».

А назавтра в конторе заседало уже правление. Здесь разговор шел о подготовке к пастбищному содержанию скота: формировались гурты, отводились пастбища, ут-

верждались пастухи. За лето надо получить как можно больше молока и мяса, потому что теперь на этой продукции можно хорошо заработать.

Об этом же говорили на своем собрании и коммунисты.

А тракторы бороздили снежную целину, подтягивали к фермам дальние стога сена: когда растает — будет поздно. Да и пора было машины ставить на прикол: через полмесяца — весенняя страда, и надо их надежно отремонтировать.

В избах по вечерам зажигались лампы. Люди ели, пили, ругали пекарню за непропеченный и кислый хлеб, заходили на огонек друг к другу, разговаривали о пенсиях, читали письма от сыновей да дочерей, письма из дальних, зачастую неведомых им городов... А прочитав, снова толковали о своем житье-бытье, вспоминали прошлое, сравнивали его с настоящим, и сравнение это было не в пользу прошлого: у каждого теперь полон двор скотины, есть заработок, есть пенсия, и налог небольшой, и деньжонки водятся, и в магазинах все есть (одежда, обутка, хлеб, сахар, керосин),— так как же теперь не лучше?! Только вот в кино не часто бывать приходится — далеко до клуба. А по радио мало спектаклей передают, все больше симфонии да «увентюры», которых они не понимают. Потом говорили о ценах на телевизоры и снова... вспоминали. И нет ничего в этом удивительного: позади довольно-таки длинная дорога, причем никем ранее не хоженная. Протаптывали эту дорогу они сами. И, случалось, сбивались, уходили в сторону, застревали в ухабах, но воз не бросали, но воз, напрягая все силы, тянули...

Пройденная дорога — приобретенный опыт. И судить об этом опыте, вспоминать дорогу может лишь тот, кто сам ее протопал всю от самого начала. А в деревне сейчас большинство именно таких людей.

Случалось в дороге всякое: было и светлое, радостное, было и горькое, печальное. Наверное, кое-что из горького можно было и избежать, наверное... И поскольку дорога еще не вся позади, над этим «наверное» люди невольно задумываются, желая понять, осознать прошлое, уложить на воз самое необходимое, не раз испытанное и проверенное в дороге, и сбросить все ошибочное, отжившее, обветшалое, как лишний груз. Вполне

понятное желание: хорошо уложенный воз покатится вперед и быстрее, и ровнее!

Не смог уйти от воспоминаний и Николай Андреевич: слишком свежо в памяти прошлое, слишком отозвалось оно на судьбе колхоза, на его личной судьбе.

В 1946 году, хлебнув полной мерой военного лиха, приехал он в родную деревню. Офицер-фронтовик, он тогда еще не очень представлял, как устроится его гражданская жизнь, да не особенно и задумывался об этом. Пока он просто хотел отдохнуть, побродить по родным полям, которые снились, бывало, на фронте, немного помочь старикам,— а там видно будет. Но бродить было невесело. Сверстников — никого: в каждом доме оплакивали погибших. Деревня бедовала. Даже больше, чем он догадывался по скупым письмам отца на фронт.

От нечего делать пошел однажды на колхозное собрание. Глянул: одни-то бабы да старики... И у всех нужда, бесхлебье. Люди отдали для Победы все, что могли и не могли. Все! Голодно было — терпели, тяжело — рук не опускали, знали: идет война. И вот она кончилась. Пережили. Перестрадали. О жизни стали думать. А жизнь не налаживалась, дела шли не так, как хотелось.

Затянулось собрание. Женщины то кричали, перебивая друг друга, то плакали... И вдруг кто-то к нему: «Николай Андреевич, батюшко! Поработал бы ты председателем-то, а?.. Хоть годик, один годик! Ведь пропадем мы с этим-то, пропадем!» — кивали в сторону председателя.

И Николай Андреевич неожиданно для самого себя согласился. Уже потом, дома, когда отец сказал, что он сунулся в такое пекло зря, нашлось то единственное слово, которым только и можно было объяснить самому себе случившееся: «Пожалел». Да, пожалел женщин, стариков, детей, решив вдруг почему-то, что он сможет им помочь. Сможет, черт возьми! На фронте было потруднее, и то смог, а тут...

Всю ночь после собрания он не спал. Курил папиросу за папиросой. В полутьме избы тускло поблескивали на кителе, висевшем на спинке стула, погоны, которые завтра предстояло ему снять, и прийти в контору, и что-то сказать... женщинам, старикам — не солдатам.

А страну, измученную войной, в тот год постигла за-

суха. Поистине: беда в одиночку не ходит... И помнится ему такое.

...Входит он в дом к бригадиру. Еще в сенях слышит: кто-то в доме стонет. Распахнул дверь и увидел: хватаясь за вздувшийся живот, бригадир корчится на полу... Наелся картофельной ботвы.

И еще. Оповещенный кем-то, он прибегает в другой дом: при смерти и сам хозяин, и ребятишки. Отравились. Наелись травы, известной в деревне под названием «слезка». Вызвав фельдшера (хорошо, что тот оказался на месте!), он идет по домам и всем говорит одно: «Не ешьте «слезку», ешьте щавель». А людям от этого не легче. А людям хочется клеверных маковок. И он знает, что они посылают своих ребятишек на клеверный загон, и те, крадучись, ползком подбираются к нему, а сторож гоняет их обратно, потому что загон единственный — оставлен на семена. Жалко, конечно, ребятишек, но ведь ему-то надо думать о завтрашнем дне...

...Пришла осень сорок седьмого. Налились, вызрели хлеба. Изголодавшиеся люди ждали первого обмолота. Ждали, как большого праздника. И он настал. Посветлели лица хлеборобов. Счастливые, черпали они пригоршнями зерна, отливавшие бронзой, пересыпали с ладони на ладонь, пробовали на зуб.

В полдень к молотилке приехал уполномоченный — начальник милиции района. Потом подошла машина, и мешки с зерном прямо от веялки стали грузить в кузов... 15 процентов от сданного государству, как распорядился уполномоченный, он, председатель, мог раздать людям, не больше. Прикусил губу Снятков, решил: сделаю по-своему. Будь что будет! И сделал.

По четыреста граммов зерна пришлось на трудодень в ту осень. Немного, конечно, но и этим уже люди были довольны. А в следующем году трудодень весил уже в два раза больше. Радовался Николай Андреевич: смог все-таки, смог! А уж так трудно было... Перед тем, что пережил он за эти два года, поблекли, отступили куда-то самые горькие, самые страшные события совсем еще недавней фронтовой жизни...

* * *

В полдень началось заседание правления. Разговор шел о подготовке к пастбищному содержанию скота.

Молодой зоотехник колхоза Зоя Тихомирова доложила свои соображения по поводу выбраковки непродуктивных коров, держать которых не было никакого расчета. Вслед за нею выступил прибывший специально по этому «вопросу» из района ветеринарный врач Златоустов. Как специалист, он дал ряд дельных советов, а насчет выбраковки коров заявил:

— Никто вам столько коров выбраковать не позволит.

Снятков, человек обычно сдержанный, на этот раз не стерпел, перебил оратора:

— А мы, Лев Алексеевич, чьего-то позволения и спрашивать теперь не будем! Государству нужно молоко, колхозу — деньги, а не «хвосты» для отчета. И если кто-то этого не понимает, мы знаем теперь куда обращаться...— И многозначительно спросил: — Надеюсь, доклад товарища Брежнева вы читали?

Златоустов замялся. Понял, что дал маху.

После заседания Николай Андреевич снова вспомнил об этом разговоре.

— Видите, как велика сила привычки! Не позволим — и точка! Дорого обошлось нам такое руководство. Мы, председатели, в глазах колхозников дураками круглыми выглядели, теряли всякий авторитет как руководители.

Запомнился Николаю Андреевичу маленький эпизод из тех лет, когда в руководстве колхозами, как сказано в докладе Л. И. Брежнева, «...все более и более брали верх действия чисто волевого характера...».

— Сажали, значит, наши женщины кукурузу,— рассказывал он.— Вручную, конечно. Лунку палкой сделают, семена в нее из корзинки бросят и снова па палку давят... Мимо человек шел. По обличию — городской, один из тех, видно, кто на старости лет вздумал навестить родные края. Остановился и долго-долго глядел на приближавшихся женщин. А когда они подошли, поздоровался и спросил: «Чем это вы заняты, добрые люди?» — «Кукурузу сажаем, разве не видите»,— ответили ему женщины. «Кукурузу?! — человек покачал головой и в сердцах добавил: — Ой вы — пустые головы!»

Обидно было женщинам услышать такое. Крикнули вслед прохожему: «Ты у председателя спроси, чего у него в голове!» И они были правы, потому что...

Николай Андреевич не стал договаривать. Да этого и не требовалось: я и без того знал, в какой обстановке приходилось работать в те годы руководителям и специалистам колхозов. Многим памятен случай, когда агроном одного колхоза, с сознанием долга относившийся к своему делу, в ответ на требование распахать клевера и посадить кукурузу сразу на двухстах с лишним гектарах в запальчивости заявил: «Ни за что! Только через мой труп!» Фраза эта донеслась до Вологды, и на очередном совещании специалистов сельского хозяйства ответственный товарищ, рассказав с трибуны о «строптивом» агрономе, не менее выразительно ответил ему: «Что ж, будем шагать через трупы, но кукурузу посадим!»

Мы рассмеялись, вспомнив об этом случае. Чертовски весело было сознавать, что теперь все это безвозвратно кануло в Лету. Николай Андреевич вынул из стола газету и сразу, не разыскивая, прочитал очень важные, видимо, для него строчки из доклада Л. И. Брежнева на мартовском Пленуме ЦК КПСС (1965 года): *«Как это сделать* (речь идет о создании прочной кормовой базы), *пусть решают сами колхозники, работники совхозов, специалисты сельского хозяйства. Они лучше знают местные условия, им виднее, что сеять на своих землях, чем кормить свой скот».*

* * *

И все-таки в душе Николая Андреевича и теперь живет тревога. Да, меры по оказанию помощи колхозам выработаны замечательные. Но, как руководитель, он понимает, что в конечном итоге все будут решать люди. А у некоторых далеко еще не выветрившееся равнодушие, безразличие ко всему, что делается в колхозе. На собрания собираются неохотно — один придет, двое дома останутся,— а некоторые и придут, так ни о чем, кроме как о сене для своей коровы, не говорят, ни о чем не спорят и ничего не предлагают, а дойдет дело до принятия решения — извольте!— поднимают руки... И на работе так же. Пашет тракторист, к примеру, поле, пашет неглубоко, с огрехами, и каждый, кто проходит мимо, видит это, но ни один не скажет трактористу, что, мол, так работать не годится. В лучшем случае сообщит председателю: пойди, мол, полюбуйся...

Равнодушие? Да. Но все-таки равнодушие внешнее. В душе каждый наверняка глубоко переживает все эти непорядки, потому что крестьянин без его извечной заботы о земле, без предприимчивости и инициативы, без хозяйской деловитости и смекалки — не крестьянин. Разве люди в колхозе сразу стали такими? Нет, не сразу, а только лишь тогда, когда они еще и еще раз убедились, что их мнение по тому или иному вопросу, в общем-то, ничего не значит. Не так ли было, например, при укрупнении колхозов? Да, укрупняться, объединять ослабевшие за время войны силы, конечно, надо было. Но не росчерком же пера, не командой. Пусть бы мужики сами подумали, с кем объединяться, исходя из соображений выгоды и целесообразности, пусть бы они поспорили на собраниях — сами, без нажима со стороны руководства,— и, можно не сомневаться, нашли бы наилучшее решение данного вопроса. На деле же получилось все наоборот. Создавались прямо-таки колхозы-гиганты. Колхозники не соглашались: «Неладно делаете!» — говорили. А им твердили одно: так будет лучше, сократятся расходы на управленческий аппарат... Неотразимый довод — ничего не скажешь. И вот укрупнили: по сорок, пятьдесят, восемьдесят деревень в одном колхозе! В районе, насчитывавшем несколько десятков колхозов, стало всего шесть. Жизнь скоро показала, что сделано действительно было «неладно». Колхозы пришлось разукрупнить: теперь их в районе двенадцать. Но люди и до сих пор помнят частушки того времени — тогда они еще пелись в северных деревнях:

Укрупнили мы бригады,
Намудрили — красота!
Бригадиры раз в декаду
Выезжают на места.

До правленья волок долог —
Три болота, два ручья.
Едет по полю телега —
Хоть убей, не знаю чья!

Люди не поверили, что в таком огромном, практически неуправляемом хозяйстве можно ждать чего-то хорошего, и, кто мог, подались «на производство». А податься было куда: в области огромная стройка — Череповецкий металлургический завод, и более сорока лес-

промхозов. Сейчас в колхозе 15 тракторов, 6 комбайнов, 6 автомашин, но и при этой технике колхоз остро ощущает недостаток рабочей силы.

Не посчитались с желанием колхозников, рассказывает Николай Андреевич, и в таком деле, как закупка, контрактация телят. Идея была такая: за счет частного сектора пополнить поголовье общественного стада. Но, во-первых, в результате этого колхозников оставляли без мяса, а во-вторых, и колхозы не были готовы к такому шагу. Закупить-то телят закупили, а кормить чем — не знали, телята дохли.

Рассказывая обо всем этом, Н. А. Снятков, словно душу очищал, вспоминал, чтобы уже забыть навсегда и работать отныне не за страх, а за совесть, подчиняя все общественной выгоде и расчету. Он отлично понимает, что полагаться в этом деле только на самого себя нельзя. Надо советоваться с людьми, и как можно чаще, чтобы разбить их равнодушие, дав почувствовать, что *хозяева колхоза—они, а он, председатель,— лишь исполнитель их воли.* И в том, что поступать нужно именно так, его убеждают очень точные, идущие от глубокого знания дел на местах, слова Л. И. Брежнева:

«Мы не можем пройти мимо того, что во многих случаях грубо нарушаются демократические основы колхозного строя. В ряде колхозов основная масса членов артели фактически оказывается в стороне от обсуждения и решения коренных вопросов артельного хозяйства».

В связи с этим Н. А. Снятков решил отказаться от малоэффективных и не пользующихся популярностью у колхозников собраний уполномоченных. Формально тут вроде все в порядке: собрание состоялось, протокол написан, решение принято. А между тем основная-то масса колхозников в выработке этого решения все-таки не участвовала. Значит, поскольку всех колхозников из тридцати восьми деревень не собрать, надо проводить собрания по бригадам. И обязательно присутствовать самому: если его, председателя, на собрании нет, люди или не приходят, или, собравшись, отмалчиваются. Что, мол, говорить впустую: начальства-то нет...

* * *

Недавно колхоз «Путь Ленина» разукрупнился: чуть ли не треть его территории — все Понизовье с деревнями,

расположенными вниз по реке Кубене,— отошло к вновь созданному откормочному совхозу. Теперь в колхозе осталось 38 деревень. Матвеиха, в которой я жил, одна из тридцати восьми. К началу коллективизации в ней было 28 хозяйств, сейчас — 12, да и то не хозяйств, а жилых домов, поскольку в половине из них живут одинокие старики.

Виктор Михайлович и Серафима Павловна Комаровы, у которых я квартировал, тоже не молоды — обоим под шестьдесят. Когда-то в их доме, как, разумеется, и в других, было людно и шумно: трех сыновей и трех дочерей вырастили супруги Комаровы. С ними живет теперь только самый младший, Коля — ученик шестого класса. Двое старших — в Москве, средний сын — рабочий металлургического завода в Череповце, дочь — санитарка в сельской больнице и еще дочь — студентка педагогического института в Вологде.

В войну Виктор Михайлович служил рядовым в артиллерии. В 1941 году осколком бомбы ему раздробило правую руку, в госпитале ее отняли до плеча. За двадцать с лишним лет левая рука Виктора Михайловича научилась делать многое из того, что хорошо умела правая, но правую все-таки не заменила. Я видел, как Виктор Михайлович пилит и колет дрова, с трудом, но все же представил, как он без правой стреляет, охотясь на зайцев и глухарей, но вот как он косит,— а косит, косит, как и все, «за проценты», потому что держит корову и овец,— представить не мог. Знаю только, что конец косьевища он закрепляет ремнем, перекинув его через шею...

Прошлое лето Виктор Михайлович пас коров и хорошо заработал, так как платили ему «с надоенного литра». В среднем вышло по двести рублей за каждый месяц пастьбы, и Виктор Михайлович говорит, что теперь не то что раньше — в пастухи просится каждый.

Сейчас В. М. Комаров — колхозный лесник и по совместительству — пожарник: следит за исправностью печей на скотных дворах и в избах.

В приветливом доме Комаровых, по воскресеньям — днем, а в будни — вечером, любят собираться однодеревенцы. Послушать, что делается на свете, приходит сюда и восьмидесятидвухлетний старик Беляков. Живет он, как и его младший братан (тому еще только семьдесят восемь лет), один-одинешенек в доме и, понятно, скуча-

ет. Садится он ближе к дверям и говорит совсем мало. Говоруном слывет И. М. Остроумов — тоже одинокий старик из соседней деревни Маньково. Он — отец четверых детей; по возрасту он значительно моложе братанов Беляковых, но, в отличие от них, носит бороду.

Увидев, что Остроумов протопал к Комаровым, один за другим подтягиваются туда же и пенсионер А. М. Котомин — у этого восемь сыновей и дочек — и все в городах!— и Б. А. Белорусов — у него с войны не сгибается в локте рука,— и тракторист Иван Проворов — здоровый мужик лет тридцати двух, и, наконец, самый молодой, но тоже инвалид по зрению Саша Окунев — ему двадцать один год. Саша играет на гармошке и, если в воскресенье выпьет, на беседу приходит со своей музыкой.

В этот раз Иван Михайлович Остроумов, едва переступив порог, накинулся на Проворова, а в его лице — и на всех механизаторов: что вы, мол, такие-растакие, камней с поля не убираете! Не стыдно — машин, плугов сколько переломали! Оказывается, вчера старик вместе с механизаторами смотрел какой-то научный фильм и до сих пор живет под его впечатлением.

— Мы раньше,— горячится Иван Михайлович,— большие-то камни закапывали... Во какие ямищи рыли на полосе! А которые помельче, с шапку, все на межу вывозили.

Иван Проворов, редкобай, отвечает, не глядя на деда:

— Даст бригадир наряд — и мы будем это делать. Только такого наряда он не даст: других работ хватает. И за каждую с него спрашивают! Да и как убирать камни — без людей?.. Была бы специальная машина — другое дело...

Виктор Михайлович, хозяин дома, перебивает:

— Камни, верно, надо убирать. Но надо и с кустарниками что-то делать... Прямо за горло берут! Сколько сенокосов заросло! Да и пашни... Я ведь хожу по лесам, так вижу.

В связи с этим мужики начинают вспоминать, что раньше, до колхозов, когда народу в деревнях было много, луга все выкашивались, и потому кустарнику такой воли не было. А сейчас... Сейчас, что ни деревня — работнички: «пальцем ткни — и повалятся».

— В прошлом году,— припомнил Виктор Михайлович,— к молотилке народ собирали. Все девять деревень обежал бригадир, а команду собрать так и не мог. Пришлось из другой бригады занять...

Потом старики, перебивая друг друга, говорят о том, что государство за последнее время очень много дало колхозам: «Чего теперь не жить!» И они, старики, проживут, конечно. Проживут безбедно. Да вот горе — государству-то в ответ на заботу дать ничего уже не могут: устарели.

— Эх, в нашу бригаду бы да десятка три хороших мужиков!— поглаживая левой облысевшую голову, мечтательно произносит Виктор Михайлович.— Пошло бы теперь дело!

И, помолчав, раздумчиво:

— Диво дивное!.. У нас тут, хоть разорвись,— такое безлюдье, а во владимирских да горьковских колхозах, сказывают, наоборот,— народу делать нечего.

О том, что это действительно так, здешние мужики узнали из рассказов самих же владимирцев да горьковчан. Владимирцы двумя бригадами по восемь человек плотничали в колхозе по договору всю зиму. В начале апреля они уехали, пообещав вернуться, как только посадят в своих огородах картошку, а через неделю в контору колхоза нагрянула артель горьковчан. Этих и картошка не удержала! При мне они рассказывали председателю, что работы у них в колхозе для всех не хватает, потому что село большое — четыреста дворов,— а земли мало: через пять километров — другое село, а в нем людей еще больше.

Зная безвыходное положение здешних колхозов, пришлые плотники заламывают баснословные цены — по двадцать рублей на брата в день, и председатель вынужден соглашаться.

— Не дай им, что просят,— рассказывал Н. А. Снятков,— они уйдут в другой колхоз. Ведь единых, установленных законом, цен нет. А установить бы надо. Или завести такой порядок, чтобы артельщики могли брать подряды на плотницкие работы в колхозах только через «Межколхозстрой» — такая организация в районе теперь есть, и она очень нуждается в кадрах. Строительных же работ в колхозах — делать не переделать.

Слушал я все это и вспоминал кубанские колхозы,

в которых довелось мне побывать весной прошлого года во время работы писательского пленума в Краснодаре. Вспоминал огромные станицы с населением до пяти, десяти тысяч. Вспоминал встречи с земляками, которых в этих станицах за послевоенные годы прижилось довольно-таки порядочно.

По рассказам моих друзей-писателей много народу и в колхозах Узбекистана, Молдавии, Закавказских республик. В большинстве же наших — вологодских,— да и не только вологодских, видимо,— многих колхозов северо-западных областей,— удручающее безлюдье, и даже самые что ни на есть оптимисты, до сих пор смотревшие на отлив рабочей силы из наших деревень как на естественный процесс, теперь о нем говорят с тревогой. Тревога эта прозвучала и с трибуны последнего областного партийного актива.

Вот каково положение с рабочей силой, например, в колхозе, о котором я пишу, «Путь Ленина», имеющем 5161 гектар сельхозугодий, в том числе — 1702 гектара пашни и 1228 голов крупного рогатого скота.

Всего членов колхоза — 376 человек. Из них трудоспособных — 170 (мужчин — 67, женщин — 103), престарелых — 206 человек.

Трудоспособных в возрасте до 20 лет — 6 человек, от 21 до 30—20, от 31 до 40—48, от 41 до 50—53, старше 50 лет — 43 человека.

Цифры говорят сами за себя: в колхозе нет молодежи. Не буду повторять, почему и как ушла молодежь из северных деревень — об этом уже много написано, да и я об этом писал не раз... Остановлюсь на том, что, по мнению людей, оставшихся в колхозе и душой болеющих за настоящее его и будущее, следовало бы предпринять, чтобы закрепить в артели хотя бы часть из тех, кто сейчас сидит еще за партами, или вернуть тех, которые ушли из деревни недавно, еще не очень хорошо устроились «на производстве», как здесь говорят, и по этой причине тоскуют — не могут они не тосковать! — по оставленным полям, с детства шумевшим им колосьями, по лугам, необыкновенно цветастым и пахучим в пору сенокоса...

Что касается школьников, заканчивающих восьмой класс, председатель и секретарь парткома колхоза «Путь Ленина» с грустью рассказали мне следующее. Недавно они побывали в школе и побеседовали с каждым из два-

дцати восьми выпускников с целью выяснить их намерения на будущее. И что же? Только один пообещал остаться в колхозе — все остальные собираются поехать в города, к родным и знакомым, и там уже устраивать свою судьбу. Почему ребята не хотят остаться в колхозе? Потому, что в деревнях скучно, нет молодежи, нет хорошего клуба. И еще потому, что *так советуют им родители.*

Председатель, конечно, еще не сдался. Он еще будет разговаривать и с ребятами, и с родителями, тем более что теперь, после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, козырей в руках у него больше: в колхозе строятся два клуба — к осени можно будет вселяться, фермы в следующем году будут электрифицированы, заработки повысятся уже теперь...

С теми же, кто уже вернулся в колхоз «с производства» или всерьез задумывается об этом, дело обстоит так. За последние два года в «Путь Ленина» из разных мест приехали двенадцать человек. Они без труда устроились с жильем — в любой деревне теперь найдутся заколоченные дома,— и попросили у председателя работы. Но работы по соглашению, по договору, с определенным ежемесячным окладом. В колхоз же они вступить не захотели. В лучшем случае на такое предложение отвечали так: «Поживем, увидим... Дело пойдет, может, вступим и в колхоз».

Что же пугает этих людей? Неуверенность в достаточно высоком и гарантированном заработке? Да, отчасти и это. Хотя механизаторы и животноводы уже и сейчас в колхозе зарабатывают неплохо. Да и не только они. Александр Окунев, например, работавший до недавнего времени ездовым-конюхом в Ивачинской сельской больнице за 30 рублей, сейчас, вступив в колхоз, только за подвозку воды к телятнику да вывозку навоза со двора получает по 45 рублей в месяц, да в свободное время еще столько же зарабатывает на заготовке дров для нужд колхоза. Причем перспектива у него еще более радужная: в связи с новыми, более высокими, закупочными ценами на молоко, мясо, зерно, а также в связи с уменьшением суммы налога, годовой доход колхозника по предварительным подсчетам экономиста увеличится на 35—40 тысяч рублей. Всю эту прибавку правление решило употребить на повышение оплаты труда колхозни-

ков, увеличив расценки по всем видам работ на 30 процентов.

Это обстоятельство, видимо, подтолкнет тех, кто, случайно оказавшись вне колхоза, до сих пор выжидал, колебался. Когда мы заговорили об этом с Н. А. Снятковым, он вспомнил, как к нему с полгода назад приходил один из рабочих ближайшего лесопункта. «Надоело, сказал, с бревнами бороться... Руки уже тоскуют». И спросил, сколько они с женой могут заработать в колхозе. Николай Андреевич ответил: жена, если она пойдет на ферму,— 70 рублей, он, если без специальности, на разных работах,— рублей тридцать. Лесоруб поскреб в затылке, сказал: «Маловато...»

Интересно, что бы сказал он теперь?

О повышении расценок в колхозе старики рассказали как-то жене тракториста Ивана Проворова — Але, работающей то ли техничкой, то ли санитаркой в доме отдыха «Бережок», расположенном в восьми километрах от Матвеихи на реке Кубене. «Что ты бегаешь экую даль! — говорили ей.— Вступай в колхоз. Не меньше заработаешь — больше». Аля соглашалась: верно, в колхозе она заработает больше. Да и удобней было бы: как-никак трое детей, скоро появится четвертый... Присмотр за ребятишками нужен. Хорошо, пока бабка помогает. А ну как она не сможет?! И все же бросить «Бережок» Аля пока не решается. «Там-то я,— сказала она,— на пять лет раньше пенсию получу. Да и побольше, наверное, чем в колхозе».

Старики, выругавшись, отступились. А после долго рассуждали по поводу того, что для колхозов нечерноземной зоны, где земледелие оказалось в особенно «тяжелом состоянии», как отмечалось на мартовском Пленуме ЦК КПСС, следовало бы в отношении пенсий создать равные условия с городом. «А то, посмотрите, что получается,— рассуждал Виктор Михайлович Комаров.— Хотим поднять колхозы, а людей, теми же пенсиями, от колхозов отпугиваем. Хотя бы механизаторам да дояркам, как и в городе, дать пенсии: женщинам — с пятидесяти пяти, мужчинам — с шестидесяти лет, поскольку главное — в руках этих людей».

Все согласились с Виктором Михайловичем.

И в самом деле, механизатор или доярка — чем не «производственники»? Чем их труд легче труда хотя бы

и каменщика, не говоря уже о кассире кинотеатра или продавце пивного ларька? Не легче, а тяжелей! С этим согласится каждый, кто бывал в деревне. Рабочий день доярки в колхозе «Путь Ленина», в связи с тем, что он пока не механизирован, продолжается десять с половиной часов. Доит она 12—13 коров. В апреле каждая корова давала по десять литров молока в день. Значит, ежедневно доярка выдаивает руками 120—130 литров молока. Не удивительно, что к сорока — пятидесяти годам, после двадцати — двадцати пяти лет работы, у нее сильно болят руки. А до пенсии ей по существующему положению надо работать еще десять — пятнадцать лет.

Некоторые думают, что, поскольку на фермы скоро придет электричество, будет налажено механическое доение,— труд доярок значительно облегчится, и проблема, таким образом, решится сама собой. Да, все это будет. Но будет завтра, а молоко и мясо стране нужны сегодня. Доить же коров сегодня во многих колхозах Вологодчины просто некому. Не имея доярок, некоторые колхозы, как мне известно, сдерживают рост поголовья коров, хотя кормовая база их не ограничивает.

Да и механизаторов в колхозах не лишка. Машины требуют молодых рук, а молодежи в колхозе, как это было показано выше, нет. Н. А. Снятков сказал мне, что при наличии кадров механизаторов он купил бы еще минимум пять тракторов и пять автомашин-самосвалов. Были бы в колхозе эти машины, он не так бы остро ощущал недостаток рабочей силы.

* * *

— Молодец, Александр Федорович! Ах, какой молодец!— разглядывая сводку о надоях молока за пятидневку, сказал председатель.

Александр Федорович Курочкин — бригадир четвертой — смутился, закинул ногу на ногу, принялся зачем-то мять на колене шапку: такая у него привычка.

А Николай Андреевич Снятков, обращаясь уже ко всем бригадирам и членам правления, сидевшим вдоль стен председательского кабинета, продолжил:

— А ведь премию-то за квартал опять Курочкину придется вручить. Посмотрите: молока у него надоено больше всех — за последнюю пятидневку...— председа-

тель глянул в сводку,— почти по десять килограммов от коровы! Это очень хорошо! Дальше... Сено к фермам у него подвезено. И навозу он вывез больше других.

Курочкин, продолжая терзать шапку, взглядывал на председателя, слушал.

— Так есть другие предложения?

— Заслужил, чего там...— сказал сосед Курочкина и дружески толкнул его плечом.

Когда заседание правления закончилось и все разошлись, я спросил Н. А. Сняткова:

— Хороший бригадир Курочкин?

— Да! — словно обрадовавшись, что я обратил внимание на бригадира, ответил председатель.— Ему что скажешь — сделает! Не подведет! А ведь в колхозе, да еще в таком большом,— это главное. С хозяйской жилкой мужик. Подучить — не то что с бригадой — и с колхозом справится. Только я никому не говорю об этом: живо заберут...— И Николай Андреевич рассказал, как он проговорился вот так в райкоме насчет секретаря парткома колхоза Соболева — и тот вот уже несколько месяцев председательствует в отстающем колхозе.

Я заинтересовался бригадиром четвертой. Захотелось узнать, как работает Курочкин, как добивается успеха?

Не секрет, что в крупном колхозе многое, очень многое зависит от бригадиров: они в большинстве своем действуют вдалеке от глаз председателя и должны поэтому проявлять и самостоятельность, и предприимчивость, и инициативу. Неплохо бы, конечно, вдобавок ко всему этому бригадирам иметь и знания, если не специальные (агрономические, зоотехнические), то хотя бы общеобразовательные. Но, к сожалению, о таких бригадирах в Харовском районе пока можно только мечтать. Несомненно, *есть в районе немало хороших бригадиров, но нет среди них ни одного со специальным сельскохозяйственным образованием, ни одного—со средним,* только 52 с незаконченным средним, 80 — с начальным и... 4 совсем без образования. Последняя цифра красноречиво говорит сама за себя: выбирать, видимо, не из кого... Этим я не хочу сказать, что бригадиры без образования совершенно негодные бригадиры, они, наверное, опытные хлеборобы-практики, с малых лет научившиеся понимать землю, и все-таки, думаю, им в нынешних условиях работать нелегко.

Мало довелось поучиться и Саше Курочкину. И нет в этом его вины: школьные годы совпали с войной. А тут еще разлад в семье: перед войной отец бросил троих ребятишек. А в войну, от тяжких невзгод, умерла и мать. Ребята стали жить с дедом. Закончив четвертый класс, Саша в школу больше не пошел. Надо было зарабатывать и на себя, и на младших. Подростком уже пахал. И не считал это геройством: шла война... По 30 гектаров вспахивал за год. А зимой колхоз посылал его с лошадкой в лес, позже — с багром на сплав... В общем, Саша делал всякую мужицкую работу. «Прямо из борозды и в армию взяли»,— вспоминает сейчас Александр Федорович.

Трудолюбие, стремление всякую работу сделать хорошо и до конца живет в нем и теперь. Встает он в пять часов, когда над деревенскими крышами еще ни одного дымка. Не перекусив ничего — да и есть в это время не хочется — он отправляется по деревням. Их в бригаде девять. Когда-то все они были большими, многолюдными, а теперь... А теперь в иной и всего-то два-три трудоспособных, а все равно забежать надо, надо дать наряд. Ох уж эта мука — наряд. Было бы людей-то больше да здоровых — полдела распорядиться. А тут — берешься за дверное кольцо и думаешь: «Болеет, наверное, не сможет». А дело кому-то надо делать: крестьянское дело не ждет. И он начинает упрашивать: мол, помоги, Петрович (Петровна), сколько можешь... А сколько может, например, А. Н. Синягин — человек живет с одной почкой, да и немолодой — шестьдесят лет. Впрочем, молодых-то в бригаде и нет, поэтому кивать не на кого. Из двух десятков трудоспособных, занятых в полеводстве, только троим меньше тридцати лет, зато одиннадцати давно на шестой и даже седьмой десяток. Да больных среди них сколько. Петрова, например, хоть и не старая еще, а, почитай, из больницы не выходит: сердечница. Давно болеют также Котомина и Синягина — этим уже за пятьдесят. «Худые» работники в полеводстве, ненадежные. Угробили здоровье в войну. Потому он и не дает им нарядов вечером, накануне: вечером-то, бывает, иной вроде бы и ничего себя чувствует, а утром совсем не может. Ты будешь думать — наряд дан, дело делается, а оно на месте стоит. Нет уж, лучше все решить с утра, убедиться, что все, кто может, на работу вышли, и

тогда уж пойти домой и нагреть самовар... Иногда самому приходится и печь растопить: хозяйка не засиживается дома, на всякую работу бежит первая, и он требует от нее этого — жена бригадира должна подавать пример. А когда сильно разболятся руки у доярки Е. А. Колесовой — двадцать лет она работает на ферме!— заменить ее он опять же посылает свою жену. Больше послать некого.

Доярки в его бригаде все не молодые: семерым из девяти уже за сорок, троим — по пятьдесят. А как работают! В прошлом году они надоили по 2345 килограммов молока от коровы. Нынче надоят больше — минимум по 2500 килограммов. Вручную это нелегко. Да ведь у каждой своя корова, свои овцы, теленок. У каждой — своя семья. Надо и скотину обрядить, и обед приготовить, и постирать... А работают они без выходных, потому что подменную доярку опять-таки подобрать не из кого. Правление приняло недавно решение платить дояркам за неиспользованные дни отдыха в полуторном размере. Это хорошо, зарабатывать они будут больше, но все равно проблема выходных остается проблемой. И решится она, видимо, только в следующем году, когда в колхоз придет электричество — от Сокола до Харовска, слышал он от председателя, уже протянута государственная электролиния. Теперь дело за тем, чтобы подвести провода к колхозам и, в первую очередь, к фермам.

В нелегких условиях работает бригадир четвертой Курочкин. И все-таки добивается лучших, чем в других бригадах, результатов.

В чем же «секрет» успехов А. Ф. Курочкина?

Б. А. Белорусов — инвалид войны, распорядитель горюче-смазочными в бригаде, считает, что «секрет» в характере Курочкина.

— Я ведь тоже работал бригадиром,— размышляя по этому поводу, рассказывал В. А. Белорусов,— но так, как он, не мог: слишком я горячий... Нервы-то на войне потрепаны. Чуть что, не выдержу, на горло нажимаю, а это — обида людям... Курочкин же к каждому имеет подход. Любую старушку, которая хоть что-то может, уговорит выйти и помочь бригаде.

Когда я передал эти слова самому А. Ф. Курочкину, он засмеялся и сказал:

— Да нет... И я, бывает, погорячусь. Не без этого...

Летом особенно, когда ягоды да грибы поспеют. Городские тогда на машинах толпами прямо в наши леса приезжают. Ну, наши увидят, раззадорятся — и тоже в лес. Я, конечно, браню их... Да что толку! У баб языки-то поострее моего. «Ах, мол, за ягодами не даешь сбегать. Так я возьму да пойду в больницу и бюллетень на неделю принесу»... Маши тогда руками. Тут я и остываю...

Большой опыт А. Ф. Курочкина — он работает бригадиром восемь лет,— умение «подойти» к людям, а иногда увлечь их личным примером — вот и вчера он рубил в лесу жерди для загона наравне со всеми,— положительно сказывается на делах бригады. Но главное все же в другом: в хорошо налаженном учете труда. Листы нарядов Александр Федорович заполняет ежедневно. Причем в них он указывает не только какую работу выполнил колхозник, но и сколько он заработал в течение дня. Сообщить о заработке он старается сразу же, приняв у человека работу. Вязала, к примеру, Марья лен. Придет, сосчитает снопы (учетчика в бригаде нет), с похвалой скажет: «Молодец, Марья, три рубля сегодня заработала». На следующий день эта Марья работает еще азартнее.

Кончится месяц — бригадир идет с заполненными листами нарядов по домам. Войдет, сядет к столу, развернет бумагу, скажет: «Давай, девка, сверим, все ли тут записано». Обычно, никаких недоразумений не бывает.

Сам же он разносит по домам и заработанные колхозниками за месяц деньги. Которому много принесет, похвалит— хорошо работал, а которому мало,— растолкует почему.

С особым удовольствием рассказывал он в эти дни колхозникам о том, что после повышения закупочных цен на молоко и мясо колхоз получит около 35 тысяч рублей дохода дополнительно и правление за счет этого повысит расценки за все виды работ на тридцать процентов. Узнали об этом люди, работать стали еще охотнее. Веселее на душе стало и у бригадира.

* * *

Перевалило за половину апреля, а за деревней — зима зимой. Проталинки только на высоком солнечном

берегу реки. На них, как на островках среди моря снегов, бродят чибисы. Не очень им уютно, да и не улетать же обратно. Перекликаются, перелетая с проталинки на проталинку, словно подбадривают друг друга: ничего, мол, весна возьмет свое... Об этом же, наверное, поют и скворцы на темной черемухе, возле скворечни. Снег, мол, что... Когда-никогда растает, главное жилплощадь! А жилплощади — не то что в прежние года — маловато. Три-четыре скворечника на всю деревню, да и на те воробьи нацеливаются. Вот они, на той же черемухе, только на другом суку. «Чик-чирик! Чик-чирик!» — костят на чем свет стоит залетных гостей. А сами все на домик поглядывают. Уж больно он хорош! Словно мальчишка в кепчонке, сбитой на затылок... И скворцы начеку. Знают: чуть зазевайся, снова с боем придется выкуривать серых забияк.

Черемуха, на которой переругиваются воробьи со скворцами, стоит в палисаднике приземистой избы с необыкновенно красивыми резными наличниками, с крашенной когда-то в голубой цвет обшивкой. Мы с Николаем Александровичем Кузнецовым — секретарем парткома, избранным после Соболева, сидим напротив, на другой стороне улицы, на бревнах возле крыльца старой избы-зимовки, в которой временно живет семья тракториста Николая Синягина. В деревне Митинское мы оказались не случайно, позавчера здесь сгорела электростанция — избушка с дизельным мотором и генератором, обслуживавшим летом зерносушилку, а зимой — скотный двор. Электростанция загорелась, по слухам, когда тракторист Петров работал сварочным аппаратом. И Кузнецов хотел расспросить Петрова, как все случилось, а его не было. И мы решили подождать.

Вышел из зимовки и, поздоровавшись, сел на бревна Николай Синягин — мужик лет тридцати пяти в замасленном автолом пиджаке, спереди припорошенном мучной пылью: с утра молол зерно на корм скоту.

— Скоро в свой-то дом переберешься? — спрашивал Синягина парторг.

— Надо бы... Да теперь уж тепла дождусь. А так все готово.

Кузнецов, кивнув на избу под черемухой, продолжает:

— Тебе бы красоту такую, на окна-то...

— Хорошо бы,— отвечает Синягин.— Да где ее взять. Нет теперь таких мастеров. Обшить бы тесом — и добро.

Я спросил Синягина, почему он из своей деревни переехал в Митинское.

— Чтобы к народу поближе,— ответил он.— В своей деревне два дома всего и осталось.— И, улыбнувшись, добавил:— А пока переезжал да строился — и в этой деревне никого не стало.

Из зимовки на крыльцо вышла еще не старая женщина с девочкой на руках — мать тракториста Сергея Торопилова, два месяца назад вернувшегося с целины из Омской области. Вернулся Сергей не один — с женой-омичкой, за что председатель похвалил его особо, и маленькой дочуркой, которую и держала сейчас на руках женщина.

Кузнецов в полушутливом тоне сказал Синягину:

— Никого, говоришь, в деревне не стало... А вон каки барони гуляют.

«Барони» относилось не к бабке, а к внучке, наряженной в яркое голубое пальто, в голубые же сапожки и белую шапочку.

— Ишь как нарядилась!— улыбнулся девочке Кузнецов.

— Просто теперь наряжать,— довольная тем, что наряд внучки похвалили, ответила Торопилова.— И шить ничего не надо — все готовое в магазине. А наши-то, наши-то девки росли, ой!.. Ничего-то не было. Юбки свои, помню, перешивала... А теперь — что...

— Погоди, не то еще увидишь,— по-простецки говорит ей Кузнецов.— Скоро телевизоры заводить будем, лежа на печке, картины смотреть...

— Когда, Александрович, скоро-то? — с явным интересом спрашивает Торопилова.

— Да хоть завтра. Покупай телевизор и *заводи.* В Харовске, в райцентре, уже показывают... Вышку-то видела? А далеко ли от нас Харовск?!

— Так ведь Харовск-то, Николай Александрович, я и без телевизора видала...

Кузнецов смеется, приговаривая: «Вот какая история»... Это его любимая поговорка. Правда, есть у него еще и другая: «По закону Архимеда». Прикурив папиросу от спички Синягина, он говорит ему:

— По закону Архимеда, тебе, Николай, переезжать

бы надо не сюда, а уж наразу в Сорожино или в Ивачино.

Я догадываюсь, что имеет в виду Кузнецов, и соглашаюсь с ним. Сорожино и Ивачино — два будущих хозяйственных центра колхоза, в которые должны будут сселиться, согласно проекту, жители всех остальных деревень. С расчетом на это уже нынешней зимой в обеих этих деревнях владимирскими плотниками срублены клубы. А как только оттает земля, в Сорожине начнется строительство новой колхозной конторы, лес для которой уже заготовлен и вывезен. Здесь же «Межколхозстроем» в прошлом году поставлен новый кирпичный коровник. Летом в нем будет монтироваться автопоилки и доильная установка.

Однако сселение жителей деревень пока не началось. Все понимают, что дело это надо начинать, причем не откладывая, потому что существующая разбросанность усложняет не только организацию производства, но и тормозит строительство новой культуры и быта. Н. А. Снятков прямо говорит, что колхозу своими силами эту задачу не решить: нет людей. Даже небольшую плотничью бригаду собрать не из кого. Правда, он пробовал ее собрать, но бригада развалилась, как только началось силосование. Силос ведь тоже нужен...

В общем, в этом деле у председателя надежда только на «Межколхозстрой». Да и верно, другого выхода нет. Но «Межколхозстрой» еще только-только встает на ноги.

Жизнь требует, чтобы эта строительная организация стала в районе мощным строительным комбинатом, имеющим в достатке не только передвижную технику, но и домостроительные цеха. Для начала, думается, следовало бы наладить производство хотя бы рам, дверей, вагонки и прочих деталей для новых домов.

...Гляжу я на беспорядочно разбросанные избы, поставленные то окнами на улицу, то, наоборот, двором, и мечтаю о новой деревне. Конечно же, она будет совсем не такой... Только вот скоро ли будет? Должно быть, скоро, потому что старая деревня отжила свой век по всем статьям — и физически, и морально.

Размечтался. Очнулся, когда Кузнецов сказал:

— Жаворонок пост, слышите?

Я прислушался. Действительно, где-то рядом, за избами, серебряным колокольчиком звенела знакомая мне с детства песня жаворонка.

«Прилетел и этот! — с восхищением подумал я.— Не стал ждать, когда снег совсем растает...»

1965 г.

Главное — заслужить доверие

Знал я разбитного деревенского мальчишку Колю К. В ту весну, когда я жил в его доме, он закончил шесть классов и, надо сказать, не блестяще — так, серединка на половинку, с троечками в основном, кроме математики да физкультуры, по которым он получил четыре и пять. Помню, как отец Коли, уже немолодой инвалид войны, огорченный оценками сына, сказал:

— Ой, Колька, Колька! Спохватишься ужо, да поздно будет. Все ребята в город уедут, а ты, дурачок, так и останешься в деревне.

— И пусть!— дерзко ответил Коля. И не было в его ответе ни страха за себя, ни раскаяния, ни зависти к тем ребятам, которые поедут в город. Ему, как мне показалось, было даже радостно от того, что он и после седьмого класса останется дома и будет также лихо гонять мерина Люшку, упершись широко расставленными ногами в одер телеги, левой рукой натягивая вожжи, а правой, пугая Люшку, бешено, как пропеллер, крутить конец вожжей, чтобы Люшка слышал, а если скосит глаз, и видел, чья берет, и побаивался... А то как же! На Люшке Коля готов был делать любую работу: возить навоз со двора, боронить, трамбовать силосную массу в яме, сгребать сено, усевшись на высоком, пружинящем сиденье конных грабель.

Нравились ему и тракторы. И он не раз уже сиживал рядом с трактористом и прекрасно знал, как переключать скорости.

Да мало ли интересных дел в деревне! Одна рыбалка на Светлом чего стоит! А сколько радости, когда грибы пойдут!» Особенно белые! Или рыжики... Ничего он,

батька, не понимает. И учительница — тоже. Чуть что: «Не выйдет из тебя, Николай, путного человека. Прямая тебе дорога в колхоз!»

Коля без особенной горечи рассказывал об упреках учительницы: пугает, мол, тоже, а ему ни капельки не страшно. Да и чего ему было бояться! Он, в отличие от учительницы и отца, совершенно не знал тех трудных лет, которые хорошо помнили они, и память эта не давала им, видимо, от души порадоваться переменам, происшедшим на их глазах, поверить в будущее. Отсюда и советы такие Коле: мол, хочешь себе добра — учись хорошенько и уматывай отсюда куда-нибудь подальше...

Коля, как я уже сказал, всерьез этих советов не принимал, кое-кто из его дружков — тоже, но многие другие ребята и в самом деле после таких разговоров побаивались родной деревни и думали только о том, как бы уехать из нее. Куда — все равно, лишь бы уехать.

И захотелось мне для всех этих ребят, а заодно и для их родителей, рассказать об одной вологодской деревне, в облике которой, мне кажется, уже теперь проглядывает будущее наших деревень. А они, наши деревни, будут совсем не такими, какими оставались до сих пор. Маленькие, сплошь деревянные, с беспорядочно разбросанными избушками, эти деревни — наследие старой прадедовской Руси — исчезнут. Вместо них вырастут деревни новые, и будут они отличаться не только внешним обликом, но и новым, современным укладом жизни.

* * *

Называется эта деревня Огарково. Старое-престарое название. И до тех пор, пока деревня и сама оставалась старой, с редкими, подгнившими и покосившимися избами, название это не вызывало никаких возражений. Огарково — Огарково и есть. Тем более что в километре от него еще и Погорелово стоит... Теперь же... Впрочем, судите сами.

Вы приехали сюда на автобусе. Кондуктор сказал: «Огарково», и вы спрыгнули на асфальт шоссе. Автобус отошел, и перед вами слева открылось огромное белое здание, а за ним — крыши многоквартирных жилых домов. Первое здание — это клуб. Здесь же, на втором этаже, и правление колхоза «Родина» с малым залом для

заседаний, с кабинетами-лабораториями для специалистов, с комнатами для бухгалтерии и прочих служб. Здесь же библиотека с читальным залом, комната бытового обслуживания и парикмахерская.

Не будем ходить по всему зданию. Заглянем только в нижний этаж, в клуб. В зале — аккуратные ряды откидных кресел, красивый занавес, а в вестибюле — просторном и светлом — вдоль всей внутренней стены — яркое красочное панно, искусно выполненное по народным мотивам профессиональными художниками областного города.

Недавно мне довелось увидеть только что построенный кирпичный клуб в колхозе «Заря» Шекснинского района. Хороший клуб. Но такого настроения праздничности, как клуб колхоза «Родина», он не создавал, потому что кисть художника здесь не положила еще ни одного мазка. Секретарь райкома, осматривавший вместе с нами тот клуб, сказал, обращаясь к председателю колхоза:

— Хорошо! Хотя и не дешево. И тем не менее надо не пожалеть последней тысячи на оформление. Церкви, между прочим, расписывались лучшими мастерами кисти... Отсюда делайте вывод.

Михаил Григорьевич Лобытов — председатель колхоза «Родина» «последней» тысячи не пожалел, хотя в общем-то и слывет человеком прижимистым. Он, видимо, понимал, что красота, уют, а значит, и хорошее настроение — дороже денег.

Новая деревня Огарково начинается в трехстах метрах от шоссе, и к ней тоже проложен асфальт. Начинается она четырьмя многоквартирными домами. В них живут пятьдесят шесть семей. В прежнее время тут двумя посадами вытянулась бы немаленькая улица в пятьдесят шесть бревенчатых изб, подобных тем, что стоят чуть подальше. Кстати, с этих бревенчатых изб и началось лет десять тому назад новое Огарково.

Тогда колхоз «Родина» был, как и многие другие, еще не богат, и у его председателя М. Г. Лобытова — вчерашнего председателя Вологодского райисполкома — в достатке было только энтузиазма да еще мечты, фантазии. Мечты он решил приберечь для лучших времен, а энтузиазм направил на строительство вот этих изб, в надежде, что пустовать они не будут. Так оно и вышло.

Сейчас два конца одной и той же улицы — один избяной, одноэтажный, и другой — кирпичный, двухэтажный — являют собой как бы наглядную диаграмму роста экономики колхоза. Но самое отрадное в том, что кирпичный конец улицы еще далеко не завершен: к четырем его домам скоро пристроятся еще четыре таких же, а чуть в сторонке — встанут школа-десятилетка, детсад и даже больница на 25 коек!

Ближе к клубу стоит еще один кирпичный двухэтажный дом, вернее, коттедж на две квартиры. Построен он был, как пробный, раньше, чем эти многоквартирные дома. Одну из квартир в коттедже занимает семья лучшего в колхозе комбайнера Владимира Петрова. Квартира неплохая: внизу — кухня, столовая, вверху — три комнаты, и Петрову она нравится. Но М. Г. Лобытов считает, что выгодней все же строить многоквартирные дома в два этажа. Двухэтажные дома (не выше!) наиболее подходящи для нового поселка: в этом случае вполне достаточно подвального помещения, чтобы каждой семье выделить не очень тесную кладовую. Далее, со второго этажа не так уж трудно спуститься вниз с пойлом для коровы. Кстати, для скота и хранения сена на приличном расстоянии от домов построено «особое помещение» — все шестнадцать коров под одной крышей.

Огород — тоже недалеко, и тоже коллективный, за одним забором. Чтобы он не был слишком большим, картошку в огороде не садят: для нее выделено поле, общее для всех. В огородах только овощи и ягодные кусты.

Но давайте заглянем хотя бы в одну квартиру в новом доме. Вот в эту, например, на втором этаже.

Дверь нам открывает хозяйка Надежда Витальевна Корягина. Сама она работает в животноводстве, а муж Валентин Павлович — шофером. Мы еще не знаем, сколько они зарабатывают, но, окинув взглядом одну из двух комнат, догадываемся: зарабатывают неплохо. В комнате вполне современная мебель: буфет, шифоньер, диван-кровать, стулья... В переднем углу — телевизор «Рубин», на стене большой ковер. Как это не похоже на обстановку прежних крестьянских изб! Да что прежних! Такую обстановку нельзя было представить в избе колхозника еще и десять лет назад!

М. Г. Лобытов по этому поводу рассказал мне:

— Если раньше, когда я сюда пришел, люди свою бедность напоказ выставляли — вот-де, мол, до чего дожили! — то теперь наоборот, бедности стыдятся. И в самом деле, теперь только у самого беспутного нет в доме приличной обстановки. Почти каждый, переезжая в новую квартиру, выбрасывает весь старый хлам и покупает новую мебель, минимум на семьсот и даже на тысячу рублей. Сбережения на этот случай есть у всех. Да и не только на этот случай. Володя Петров вон даже «Волгу» купил!

Да, Владимир Петров стал первым в «Родине» владельцем личной машины. Машины — не какого-нибудь тарантаса, на котором ездил в этих местах до революции барин!

Володя еще молод, ему около тридцати, у него веселый характер. На мой вопрос, для чего он купил «Волгу», ответил:

— Для того, чтобы и все остальные думали о «Волге», а не о водке.

Это была, конечно, шутка, однако шутка не без смысла. Дело в том, что кое-кто буквально ахнул от удивления, узнав, что Петров купил «Волгу», а кое-кто, наверно, и позавидовал... А Владимир своей шуткой хотел сказать, что ни для удивления, ни для зависти причин нет. И в самом деле, чему удивляться? Разве он плохо работал? Много гулял?

Ни единой поломки за весь сезон, ни одного часа простоя из-за неисправности комбайна — вот как он работал! Владимир Петров может сидеть и за рулем трактора, но больше всего он любит комбайн. Не потому, что на нем легче работать — скорей наоборот, — а потому, что очень уж веселую и очень уж весомую работу он выполняет: убирает хлеб! А к хлебу у В. Петрова — особое уважение: хлеб — это жизнь! Вот и выходит, что убирать хлеб — это творить жизнь! Сколько уж лет подряд занят он этой работой, а она все равно не буднем к нему, а праздником!

— Привык уж, казалось бы, — рассказывал сам Владимир. — Чего волноваться? А все равно — как тронусь в поле, волнуюсь. Как-то пойдет дело? Не подведет ли машина? И чем гуще хлеба — тем больше азарта. И никакой усталости не чувствую тогда! Жаль, что площадей в бригаде маловато: шестьсот гектаров на три ком-

байна. Успел только двести пятьдесят смахнуть — и убирать больше нечего.

«Только двести пятьдесят...» — сказал Владимир. А я представил себе это полюшко-поле и женщин с серпами на нем... Ах, сколько пришлось бы им понагибаться, чтобы сжать, связать хлеб в снопы, уложить в суслоны! Нет, не маленькую работу сделал ты, Владимир, и в это лето! А потому — катайся на «Волге» — ты это заслужил, как заслужил и вполне комфортабельную квартиру, которую тебе построил колхоз.

Первое мое знакомство с М. Г. Лобытовым состоялось ранней весной 1964 года. Клуб тогда еще строился, и правление колхоза размещалось в обычной избе в деревне Погорелово. До начала партийного собрания, на которое мы приехали тогда с секретарем Вологодского райкома партии В. А. Грибановым, оставалось еще более часа, и между нами сама собой завязалась беседа.

Михаил Григорьевич, посетовав на то, что строительство клуба затянулось («подрядчики — городские строители: чуть что — снимаются, и на свои объекты»), тем не менее, с уверенностью, сказал:

— Здесь, между Огарковым и Погореловым, мы построим новое село — хозяйственный центр колхоза, селим сюда более двадцати деревень. Жить так, как мы жили до сих пор — мелкими деревушками и хуторами — значит никогда не выбраться из нищеты и темноты. А о стирании граней между городом и деревней в этом случае и говорить нечего. В новом поселке, или, точнее, в агрогороде, люди будут чувствовать себя именно как в городе: в квартирах — все удобства, рядом — прекрасный клуб, столовая, баня. Разбросанность деревень — это наследие старины, старого уклада жизни, соответствовавшего единоличному владению землей. Теперь мы землю обрабатываем сообща, а значит, и жить должны вместе. Это выгодно со всех точек зрения, в том числе и с точки зрения организации производства. Как мы работаем сейчас? Вот пример. Есть у нас сенокос на Присухонской низине. Наступает время — надо косить. Говорю бригадирам: выделить от каждой бригады по столько-то человек. Медлят. Друг на друга оглядываются: люди-то нужны и дома... Пока соберутся, уедут — гля-

дишь, лучшее время и упустили: дожди начались. А жили бы все в одном месте — раз! Машины подал — и двинул туда человек полсотни.

Я перебил:

— Но, говорят, что у вас нет недостатка в рабочей силе?

— Да, людей у нас хватает,— ответил Михаил Григорьевич.— В три, четыре раза больше, чем их было в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году...

— Интересно, откуда пришли к вам люди?

— Отовсюду. В том числе и из города. Недавно приняли, например, шофера с автобазы... А почему бы и не прийти людям из города? Ведь иной приткнулся там, а у него, бедного, ни квартиры, ни заработка. И хоть числится он городским, а душа-то его в деревне. Ему и сны деревенские снятся: то сенокос, то жатва. Да и труд деревенский — в городе колхозник это поймет сразу — более здоровый, более интересный и, я бы сказал, более творческий, поскольку он разнообразный.

— Ну...— возразил я.— Скажите-ка это рабочему — он будет спорить: твори, мол, сколько влезет, и на заводе. Похвалят да еще и премию дадут!

— Да, это так. Но рабочий все же у станка. А крестьянин — в поле. Станок — он всегда станок, серый, гудящий. А поле каждый день выглядит по-новому. Особенно весной. Вчера оно пластами дымилось, а сегодня зеленеет проклюнувшимися всходами. Вчера луг только-только зеленеть начинал, а сегодня весь в цветах. Все это радует человека, наполняет душу здоровым ощущением жизни: он ведь и сам частица природы... И вот, когда ему, ушедшему из деревни во времена всем нам памятные и не очень-то устроившему свою жизнь в городе, вдруг становится известно, что в «Родине» можно неплохо заработать да еще и квартиру получить, он, не задумываясь, приходит к нам да еще и просится: возьмите! А мы уже не берем... Правда, прораба-строителя взяли бы... Уверены, что и такой человек к нам придет.

Я сказал, что это происходит, видимо, потому, что колхоз расположен недалеко от города, да притом еще и шоссейной дорогой связан с ним.

— Нет, не только поэтому,— ответил Михаил Григорьевич.— Ведь и раньше город стоял на том же месте, и дорога была, а люди в колхоз не только не приходили,

а и местные почти все убежали. Когда я пришел сюда, тут было всего сорок мужчин, да и те не о работе думали, а о том, где бы на чекушку добыть, чтобы опохмелиться...— И с уверенностью заключил:— Главное — в условиях жизни! Ну, и, конечно, ближе к городу — не хуже.

Прошло три года после этого разговора. Многое из того, о чем М. Г. Лобытов только мечтал, стало явью. Рядом с пятью-, двухэтажными домами поднялись кирпичные здания столовой, бани, котельной. У клуба разбит парк, высажены деревья. Началось строительство многоквартирных домов и на втором участке, в Харычево.

Построен наконец и механизированный скотный двор, в котором в четыре ряда разместились двести коров, и все работы — доение, раздача кормов, уборка навоза — механизированы. С начала нового года доярки перейдут на двухсменную работу.

К новому двору, как впрочем, и ко всем другим хозяйственным постройкам, проложены бетонированные подъездные пути.

Сейчас часто в «Родину» приезжают делегации из районов поучиться опыту жилищно-бытового и хозяйственного строительства. Едут и по предварительной договоренности, и стихийно. Побывали здесь и бригадиры, обучающиеся на трехмесячных и шестимесячных курсах в учхозе «Молочное». Вслед за ними нагрянули председатели колхозов — участники областного семинара, а потом и секретари райкомов с начальниками производственных управлений. И всем Михаил Григорьевич говорит одно:

— Смелее беритесь за строительство. Не беспокойтесь: хорошие квартиры пустовать не будут. Я, по крайней мере, такого случая не знаю. И это вполне понятно. Даже скворцы в первую очередь думают о скворечнях, а потом уж о песнях.

И вслед за этим он предупреждает, что с бухты-барахты начинать строительство и сселение нельзя. Нужно все обдумать, взвесить, а потом уж решать, куда сселяться, какие дома строить. Тут все будет зависеть от местных условий и возможностей. Надо не забывать, что в крупных хозяйственных центрах сосредоточатся не только люди, но и скот. Значит, необходимо подсчитать,

хватит ли пастбищ. Если нет, то надо заложить культурные пастбища. Так именно поступили они. В Огарково, например, сформировалось три крупных стада. Одних коров только четыреста. Много травы надо, чтобы их прокормить. Естественных пастбищ, конечно, не хватит. И колхоз в прошлое лето заложил три культурных пастбища общей площадью около 400 гектаров, включив в них 60 гектаров пашни. Пастбища подкормили минеральными удобрениями, подсеяли травы, в том числе овсяницу луговую, семена которой завезли из Рязани.

— Надо учесть и расположение полей вокруг хозяйственного центра,— советует далее Михаил Григорьевич.— Возить навоз за десять километров, конечно, будет невыгодно. Мы эту проблему решаем так. Дальние поля клеверим, подкармливаем их минеральными удобрениями. Зато ближние поля хорошо заправляем навозом, торфо-навозными компостами с таким расчетом, чтобы с этих полей получать не по шесть-семь центнеров с гектара — это средний урожай по области, а по двадцать и более центнеров. Недавно я читал, что Польша планирует уже в среднем по стране собрать урожай в двадцать центнеров с гектара. А что — разве наши земли хуже? Нисколько! Даже лучше.

Должен сообщить читателям, что в колхозе «Родина» я, что называется, свой человек. Приезжаю я сюда и на собрания, и просто так, чтобы подышать деревенским воздухом, захватив на всякий случай с собой записную книжку. Конечно же, не мог я не приехать сюда и на празднование Дня работников сельского хозяйства. Скажу сразу: по душе пришелся колхозникам этот праздник! И не потому, что для них это был еще один повод для отдыха, нет. Праздник этот они восприняли как дань уважения хлеборобам от всего народа, от всей страны. И приняли ее с гордостью, я бы сказал, с достоинством, как должное: давно, мол, следовало! Чать, не веревки вьем, хлеб растим! А хлеб — всему голова!

В клуб заявлялись в самолучших одеждах,— а теперь, слава богу, у каждого есть что надеть!— приветливо пожимали друг другу руки: «С праздником!» — «И вас тоже!»

Четыреста мест в клубе — и ни одного свободного, хотя подростков всех вытурили на улицу. Уселись — плечо возле плеча, руки на коленях, цветастые платки на

плечи откинуты. Залюбуешься! Сила-то какая! Вот бы во все колхозы такую... А в президиуме лучшие из лучших. На отворотах пиджаков, на кофточках — ордена да медали сверкают. У доярки Фелицаты Александровны Румянцевой даже орден Ленина. У самого председателя — Золотая Звезда Героя Социалистического Труда.

Вот он вышел на трибуну. Праздник праздником, а о делах потолковать надо: поблагодарить людей за сделанное,— а сделано много, очень много!— рассказать, что предстоит сделать впереди. А уж тут не упомянуть доярок да льноводов никак нельзя.

— Хороший мы ленок вырастили в этом году! Давайте же и продадим его хорошо. А для этого надо любовно его отсортировать, не так, как это сделала новая наша колхозница Дьякова. Кое-как навязала снопиков, напутала: «У меня все готово!» А на завод свезли — номер-то вышел один двадцать пять... Тогда как все остальные ленок с этого поля сдают вторым номером. Вот тебе и «все готово!» И сама себя обидела, и колхозу недодала. Прошу вас запомнить, товарищи, что если мы ленок наш сдадим не вторым номером, а только полуторным, уже недополучим восемьдесят четыре тысячи рублей!

Цифр он называет много, и все они у него в памяти. Без цифр председателю нельзя никак: не видно, как оно дело-то движется — вверх, вниз или по прямой.

Напоследок приберег самое приятное, праздничное.

— Товарищи! Правление колхоза и партком, в связи с таким большим праздником, решили отметить лучших людей нашего колхоза — присвоить им звание «Почетный колхозник». Кому именно? Рядовым колхозникам И. Д. Ворукину, А. И. Маничеву, А. Ф. Капралову, бригадиру Н. И. Никитину, доярке Ф. А. Румянцевой, трактористам Л. А. Кустову и А. И. Дугинову, льноводке А. А. Варталовой и старейшему колхознику А. Д. Седунову.

Рассказывать об этих людях нет надобности: вы хорошо их знаете.— И зал подтвердил это согласным рукоплесканием.

А потом они, почетные колхозники, чьими трудами и заботами колхоз становился на ноги, первые из первых на своих участках работы, один за другим поднимались на сцену и под одобрительные хлопки всего зала прини-

мали из рук председателя грамоты, свидетельствующие о столь радостном событии в их жизни.

Да, они, эти самоотверженные труженики и сотни других, сидящих в зале, сделали свой колхоз таким, каков он есть сегодня. Но скажи им об этом, они тут же добавят: «И наш председатель!»

На состоявшемся недавно отчетном собрании колхозной парторганизации пожилая колхозница Павла Аполлоновна Смирнова сказала:

— Знаю, что Михаил Григорьевич не любит, когда его хвалят: «Что, мол, вы меня одного... Все вместе работали». Верно, все вместе. И все-таки спасибо ему! Много руководителей мы перевидели. А толку что? Все под гору да под гору. Беда, как снежный ком, прибывала.

Прочитав эти слова, иные, наверное, скажут: что ж, мол, тогда времена другие были. Тогда, мол, будь хоть семи пядей во лбу, а все равно поднять колхоз не смог бы... Лобытов же пришел в колхоз в 1953 году, после сентябрьского Пленума ЦК КПСС. Большая разница!

Что верно, то верно. После памятного всем сентябрьского Пленума ЦК КПСС многие ошибки в руководстве колхозами были устранены. Многие... Но это не значит, что пришедшим тогда председателям все давалось легко. Инерция старого стиля руководства, основанного на диктате и нажиме, все еще давала себя знать.

Запомнилось Михаилу Григорьевичу, как уполномоченный с высоким мандатом «выколачивал» из него картошку. Вошел он в контору в сопровождении свиты местных работников, сел за председательский стол, положил перед собой тяжелые кулаки и, глядя исподлобья на Лобытова, проговорил:

— Когда ты будешь сдавать картошку?

А сам между тем знал, не мог не знать, что картошка в тот год не уродилась, потому что почти не было дождей: вырвешь гнездо, а там горсточка гороха... Об этом и рассказал Михаил Григорьевич уполномоченному. Но едва он замолк, снова, как удары молота:

— Когда ты будешь сдавать картошку?

— Я же вам сказал: картошка не уродилась. Картошки нет. Коли не верите, можем пойти и посмотреть.

— Я спрашиваю: когда ты будешь сдавать картошку?— еще более грозно повторил уполномоченный.

Лобытова трудно вывести из равновесия. Но когда

это случается, он собой уже не владеет. Так было и на сей раз. Невысокий, сухощавый и бледный как полотно, он вскочил со стула и, шагнув к столу, закричал:

— Вы что, глухой? Или русского языка не понимаете? Картошки не наросло! Слышите, не наросло!!! И я вам не мальчишка, чтоб со мной так разговаривать!

И что бы вы думали? Услышал... Переменил пластинку. Да и тон сбавил.

Нет, не легко было работать председателям колхозов в те годы, особенно если учесть, что очень бедны еще были колхозы-то, а люди — точнее, наиболее трудоспособная часть людей — из деревень ушли, а у тех, что остались, вера в успех дела была основательно поколеблена. Этим председателям, думается мне, было отнюдь не легче, чем тем, самым первым, избранным при организации колхозов. Не многие из них выстояли, но тем большая им хвала!

Я далек от мысли приписывать успехи колхоза «Родина» только одному М. Г. Лобытову, и все-таки в этих успехах огромная роль принадлежит ему. В колхозе, как и в семье, всему делу голова — хозяин. Без хозяина — дом сирота,— это народом подмечено давно. Колхоза без председателя, как такового, не бывает. Но опыт (теперь уже не маленький) подсказывает, что иметь штатную единицу во главе колхоза — это еще не значит иметь хозяина в колхозном доме.

Как-то по этому поводу довелось мне разговаривать с В. А. Грибановым. Он, немало лет проработавший в сельских райкомах и поэтому хорошо знающий суть председательской работы, сказал:

— Более трудной должности, чем должность председателя, я не знаю.

Между прочим, понимают это и сами колхозники и потому, наверное, все строже, все придирчивее относятся к каждой новой кандидатуре на этот пост. На одном колхозном собрании, которое решало — быть или не быть председателем некоему Николаю Алексеевичу, из зала вдруг донеслось:

— Николай Алексеевич!— говорила пожилая колхозница.— А не велик хомут-то надеваешь? Ведь если велик окажется, живо шею натрешь...

Колхозница очень образно и точно определила значение председательской должности. И в самом деле, ко-

ли хомут натрет шею, воз далеко не увезешь, тем более что дорога еще не такая уж ровная, а воз, как правило, большой и не очень хорошо уложенный.

М. Г. Лобытов свой воз везет. Везет уже тринадцать лет. И, можно сказать, что ухабистую дорогу он уже миновал, под колесами его воза если не асфальт, то хорошая грейдерная дорога.

Желая понять «секрет» успехов Михаила Григорьевича, я как-то спросил его: что, мол, все-таки главное в работе председателя?

— Главное,— не задумываясь ответил он,— заслужить у народа доверие. Что пообещал — сделай. Стоит раз обмануть — и все твои призывы, все обещания потеряют силу...— Помолчал и в раздумье добавил:— И еще надо иметь трезвую голову. У многих дело не пошло только из-за пьянства. А там, где пьянство,— там и кумовство: собутыльники руки потирают, а остальные бедуют и, конечно, злятся... Я за все эти годы ни в одном доме рюмки не выпил. Это знают все.

Для меня, признаюсь, все это не было открытием: мне и раньше доводилось убеждаться, что нового председателя народ принимает отнюдь не сразу, во всяком случае, не тотчас после голосования и его заверений «отдать все силы» на благо колхоза, чтобы оправдать оказанное ему доверие.

Да, подняв руки за нового председателя, люди доверие ему оказали. Но это еще совсем не то доверие, с которым можно «брать города». То, настоящее, доверие просто так, «за красивые глазки», не выдается, оно оплачивается, что называется, потом и кровью, трудом, бескорыстием.

В. А. Грибанов по этому поводу сказал так:

— Если люди убедятся, что избранный ими председатель принялся за дело всерьез, что у него нет других интересов, кроме интересов колхоза, что он не пропьет колхозных денег и попусту не растранжирит — они сделают все!

В Лобытове колхозники видят именно такого председателя.

Есть у М. Г. Лобытова и еще ряд заповедей, обязательных, по его мнению, для руководителя хозяйства. Одна из них состоит в следующем. Руководитель современного крупного колхоза не должен все брать на себя.

Если бы даже он все знал и все мог, он, понятно, всего сделать сам не в состоянии: слишком велико хозяйство. Поэтому он должен доверять каждому на своем участке работы, никого не подменять, ничью инициативу не сковывать, особенно — бригадиров и специалистов.

— Агрономы и зоотехники,— говорит Михаил Григорьевич,— это наши инженеры. Их расчеты и рекомендации, основанные на последних достижениях науки и практики, закон для всех, в том числе и для председателя. Руководитель колхоза должен прислушиваться к советам специалистов и создавать все необходимые условия для претворения их рекомендаций в жизнь.

Сам М. Г. Лобытов так и поступает — в этом я не раз убеждался на деле. И, может быть, «секрет» успехов колхоза «Родина» как раз в том и состоит, что здесь, как в сложном агрегате, все валы и валики приводит и движение не одна рабочая шестеренка, а в равной мере,— десять, двадцать, а может быть, и тридцать рабочих шестеренок.

Наблюдал я и еще одну особенность в стиле работы Михаила Григорьевича. В решении производственных проблем он из многих возможных вариантов всегда стремится выбрать наиболее выгодный, хотя он, может быть, и противоречит установившейся традиции, ломает ее. Впрочем, выбор этот М. Г. Лобытов делает даже не сам, его делают люди — непосредственные участники производства, он же, считающий своей обязанностью прислушиваться к предложениям, идущим снизу, только узаконивает этот выбор.

На одном бригадном собрании женщины, работавшие в льноводческих звеньях, сильно расшумелись по поводу того, что они, по сравнению со звеньевыми, за свой труд получили значительно меньше.

— Подумаешь, звеньевые! Что они — больше нашего спины гнули? Поту больше пролили?— кричали они, перебивая друг друга.

— Но ведь и без звеньевых нельзя,— пытался возразить Михаил Григорьевич.— Они все же отвечают...

— А мы разве не отвечаем? Лен-то в наших руках!

Трудно унять женщин, когда их что-нибудь волнует. И Михаил Григорьевич, уловив, к чему дело клонится, сказал:

— Ну, что же... Давайте тогда посоветуемся, как быть. Без звеньевых будем работать, что ли?

— Зачем без звеньевых...— ответила самая бойкая.— Пусть каждая себе звеньевой будет. Что сделала — то и получи.

— Правильно!— согласились женщины. И он понял, что это у них было решено уже давно.

После, послушав мнение льноводок других бригад, затем специалистов, Михаил Григорьевич пришел к выводу, что попробовать новый метод, что ли, пожалуй, можно, и вопрос этот вынес на обсуждение правления, а потом и общего собрания.

С тех пор лен в колхозе сеют механизаторы. Они же вместе с агрономами отвечают за качество сева. Одним словом, их забота — вырастить хороший лен. Когда же он поспевает, в свои права вступают льноводки. Каждой из них отмеривается на поле гектар или полтора — ровно столько, сколько попросила она еще зимой, во время составления плана сева. С начала теребления льна и до того, как отсортированные снопики будут отвезены на завод и проданы (теперь все говорят «проданы», а не «сданы»), заботятся обо льне целиком сами льноводки — каждая о «своем», со «своего» гектара. Бригадирам остается одно: приехать на поле и выдать зарплату. Никого подгонять не нужно: работают все на совесть. Каждая знает: чем выше будет номер ее ленка, тем больше она получит.

Шоферы тоже заинтересованы в высоких номерах доставляемой ими на льнозавод тресты, потому что они получают не с тонно-километра, а с тонно-номера. При такой оплате они, естественно, стараются увезти в первую очередь ленок, который получше.

И вот результат: каждый гектар льна (а колхоз сеял его тогда 315 гектаров) дал 1300 рублей дохода. Чтобы читателю стало понятно, много это или мало, скажу, что иные колхозы не получают и половины этой суммы.

Л. М. Белов — главный агроном колхоза, вернувшись только что с льнозавода, помню, рассказывал:

— Лучше нашего ленка нет ни у кого — без хвастовства! Вчера у Гали Смирновой, а сегодня у Шуры Лукичевой треста двойкой пошла! Галя целый день бегала за мной: «Покажите квитанцию!» Самой не верится... А по-

глядели бы вы, что из «Рассвета» привезли! Ноль пять им дали... Позор! Я бы с такой трестой и не поехал, и на люди не показался.

— Да, если сдавать лен таким номером, то и сеять его не стоит,— сказал Михаил Григорьевич.

Районные работники по поводу «лобытовского метода» обработки льна особенно не шумят: дескать, старый, бабушкин метод дергать лен руками. Ведь есть же льнотеребилки! Да и его не сообща, а индивидуально — тоже не в духе времени: противоречит принципу коллективизма.

Однако у М. Г. Лобытова на все эти скептические доводы есть свои, вполне обоснованные, на мой взгляд, возражения. Он считает, что для теребления льна совершенной машины еще не создано. Далее, лен, по мнению Михаила Григорьевича, культура особенная, она и при самой совершенной технике будет требовать человеческих рук, человеческого глаза. На стлище, например, перележит лен один день или день не долежит, и он уже многое потеряет в качестве. Поэтому человек ко льну должен спешить не по наряду бригадира, а по велению озабоченного и заинтересованного сердца. И если колхоз добился этого — можно не беспокоиться: лен будет и разостлан вовремя и вовремя поднят со стлищ. А насколько это важно, говорит пословица: «На стлище лен родится второй раз».

Важно еще и то, что при индивидуальной обработке льна в бригадах совершенно неожиданно прибавляется рабочей силы, потому что на свой гектар женщины-льноводки тянут всех, кого можно — и школьников, и отпускников, и даже знакомых, не говоря уже о том, что сами они со временем не считаются.

— Еду однажды мимо «Родины»,— рассказывал мне секретарь райкома.— Темень. Дождь моросит. И вдруг вижу: в стороне от дороги с фонарем кто-то блуждает. Что за диво?! Подошел — и вдруг ахнул: мужчина в плаще лен расстилает!

— Что так поздно?

— Да вот... баба заставила,— смущаясь, ответил колхозник. А я подумал: был бы обезличен лен — его и сам председатель в такую погоду не вытолкал бы... А мы говорим: рук не хватает! Надо заинтересовать людей — руки найдутся.

* * *

В колхозе «Родина» пошли против традиции и в другом, весьма важном, а в недавнее время очень больном для крестьян вопросе — в заготовке сена для личного скота. Читатели знают: чего только не изобреталось колхозами в этом деле, а запасти сена для своих коров законным путем люди не могли. Колхозный сенокос они справляли, как правило, за десять, а кое-где за пятнадцать процентов от заготовленного для колхоза сена. Но этих «процентов» хватало далеко не всем, особенно одиноким женщинам, инвалидам и престарелым. Косить же «по себе» разрешалось обычно уже тогда, когда трава становилась жухлой, высохшей, пригодной разве что на подстилку. И все равно косили. А сколько ее, травы-то, невыкошенной оставалось! А отсюда суды-пересуды, нескрываемое недовольство. Иные, чтобы не остаться без сена, а значит, и без коровы, косили воровским путем, но правленцы, отыскав эти спрятанные в глухих уголках стожки (их в шутку называли «спутниками»), обобществляли их.

На мартовском Пленуме ЦК КПСС 1965 года этому произволу был положен конец. В решении Пленума черным по белому было записано, что личный скот колхозников должен обеспечиваться кормами. Основываясь на указаниях Пленума, правление колхоза «Родина» вместе с парткомом решили выделить каждому хозяйству, в котором есть корова, по гектару сенокоса, а тем, у кого есть и овцы, добавить еще 0,25 гектара. Для этой цели использовать в первую очередь площади, на которые с косилками ни на тракторе, ни на лошади заехать нельзя: ложбины, балки, луга, заросшие кустарниками. Косить на личных участках разрешить в любое время, только не в рабочее, чтобы это не было в ущерб общественному сенокосу. За участие в общественном сенокосе платить деньгами, натурой же считать сено, заготовленное на личном участке. Тех, кто будет уклоняться от работы на колхозном лугу, личного участка лишать.

Обосновывая целесообразность такого шага, председатель говорил:

— Как мы ни запрещали косить для своих коров, люди все равно косили, кто где мог и когда мог. Они будут поступать так же и впредь, если мы оставим все по-ста-

рому. И мы не сможем остановить эту стихию, особенно теперь, когда закон на ее стороне. Своими запрещениями мы только вызываем недовольство у людей, волей-неволей ставим их в унизительное положение, заставляем ловчить, изворачиваться. При выдаче сена «на проценты» многие стремятся прихватить лишнего, и прихватывают, потому что сено выдается на глазок, никем не взвешивается. Много его разбрасывается под видом овершья.

— И все-таки...— чесали затылки маловеры.— Как бы нам не оставить колхоз без сена! За проценты-то вон как люди бились. Посмотришь — все на лугу: и стар, и мал.

— Не бойтесь,— спокойно отвечал председатель.— Люди поймут нас правильно. Да и вообще, если рассуждать так, то надо бояться и за хлеб: его, мол, тоже не уберут вовремя, поскольку «процентов» за уборку урожая не выдается. Однако хлеб, как известно, мы и выращиваем хорошо, и убираем вовремя.

Сейчас сенокос уже позади и можно с удовлетворением сказать, что опасения некоторых товарищей оказались напрасными. Колхоз не только не проиграл от новой «системы» заготовки кормов, а кое в чем даже и выиграл. Во-первых, оказались выкошенными даже те участки, которые не выкашивались уже много лет, и значит, общий баланс кормов увеличился, во-вторых, заросшие участки в значительной степени оказались расчищенными от кустарников, и, в-третьих, за счет личных сенокосов расширились площади для расстила льна — а тот, кто занимается льном, знает, насколько это важно.

Ну, а если учесть еще и моральный выигрыш, то станет совершенно ясно, что решение правления колхоза «Родина» было правильным и на этот раз.

* * *

Я рассказал о колхозе «Родина» и его председателе М. Г. Лобытове только наиболее важное, представляющее, на мой взгляд, интерес для других хозяйств с точки зрения опыта. Очень хочется, чтобы рассказ этот услышали и старый мой знакомый Коля К., и его отец, и учительница, пугавшая Колю перспективой остаться в колхозе. Конечно, их колхоз еще совсем не такой, но и он может стать вровень с «Родиной», и обязательно

станет — для этого теперь созданы все условия — надо лишь, чтобы сами они сильно захотели этого и не бежали куда-то в поисках «рая земного», а строили его у себя дома. Впрочем, в «Родину», пожалуй, съездить можно, чтобы поучиться кой-чему, а заодно увидеть своими глазами, что я ничего к тому, что есть, не прибавил.

1966 г.

Профессия — бригадир

Помню, сразу после организации колхоза в нашей деревушке батьку моего избрали бригадиром. Был он не ахти каким грамотеем, а с должностью все же справлялся, и, кажется, не худо. Главная его забота состояла в том, чтобы утром не проспать, вовремя разбудить мужиков да баб и дать наиболее подходящий, в соответствии с погодой, наряд на работу, а вечером обмерять «саженью» выкошенные луга или там сжатые полосы и проставить в трудовых книжках «палочки». И организация труда, и учет — все было в ту пору в колхозе элементарным. Одним словом, бригадиру не так важно было иметь знания, как подлинней да порезвей ноги, чтобы везде поспеть самому, а еще — позычней голос, чтобы от одних «отбрехаться», а других, как говорится, «взять на бога», пристрожить. Эти качества и ставились превыше всего, когда решался вопрос, кому быть бригадиром.

Теперь иное дело. Теперь для бригадира этих качеств совершенно недостаточно, хотя бы уже потому, что нынешнюю бригаду, имей хоть того длинней ноги, за день не обежишь, а руганью трактор или комбайн все равно с места не сдвинешь. Да и дел у нынешних бригадиров неизмеримо больше. А заботы у них порой такие, какие первым бригадирам даже и не снились! Они и слышать не слышали, например, о самоходном комбайне, о молокопроводе, о минеральных удобрениях, о гербицидах, о хозрасчете.

Наши колхозы давно уже не те наивные приготовишки, какими были в тридцатых годах, — у них сейчас минимум среднее, а у некоторых, пожалуй, и высшее образо-

вание. Значительно меньше стало людей в колхозах, и это в общем-то закономерно, но зато какая техника пришла на помощь! Роль каждого человека в связи с этим неизмеримо выросла. Раньше, бывало, загуляет пахарь Иванов — простаивает всего лишь одна «лошадиная сила», а теперь, если на работу не выйдет тракторист Петров, — простаивают уже полсотни, а то и больше «лошадиных сил». Выходит, что у тракториста Петрова сознание должно быть в пятьдесят раз выше, чем у того Иванова, что пахал на лошадке. А кто должен воспитывать в Петрове это сознание, эту ответственность? В числе других и бригадир. А может быть, даже в первую очередь бригадир, потому что он с этим Петровым с глазу на глаз каждый день!

Механизаторы — главная сила в бригаде, сердце бригады, ее мотор. И заводят этот «мотор», как правило, сами бригадиры, поручив остальные дела помощникам (в некоторых колхозах их называют учетчиками). Да и невозможно одному человеку доглядеть за всем, что делается в бригаде, когда в ней десяток, а то и полтора десятка деревень и до 1500 гектаров пашни (для наших, северных, колхозов это очень много!). Такие именно бригады, например, у Г. А. Кадыкова (колхоз «Шексна»), первым среди вологодских бригадиров удостоенного звания Героя Социалистического Труда, и у В. И. Смирнова (колхоз им. Кирова). До 1950 года на земле, занимаемой сейчас бригадой Смирнова, было шесть колхозов!

Могут сказать: ну и что с того, что во главе иных бригад стоят пока что люди не очень грамотные? Зато как они знают землю! Зато какие они практики!

Все это верно. Но я должен сказать, что есть практики и практики! Иной «практик» в своем огороде ничего, кроме лопухов, не может вырастить, а ему тысяча гектаров колхозной земли доверена. Он у себя в избе не толкует прибрать-распорядиться, а ему надо наводить порядок в целой бригаде.

Довелось мне однажды вместе с кассиром колхоза «Родина» Белозерского района приехать в одну из бригад для выдачи месячной зарплаты колхозникам. Простое, казалось бы, дело: подходи по одному, расписывайся, получай. И все-таки, совершенно неожиданно для меня, простое дело это закончилось криками,

бранью, слезами. Колхозницы, не пропустившие ни одного рабочего дня, вдруг увидели, что заработали меньше, чем какая-то гостеприимная для бригадира кумушка, явно отлынивавшая от работы. Как тут было не возмутиться!

Председатель потом объяснял мне, вздыхая:

— Все дело в бригадире. Плохо ведет учет. Запишет цифры на какой-нибудь бумажке, а она ребятишкам под руку попадется, они на ней картинку нарисуют, а может, и разорвут. Бригадир хвать-похвать в конце месяца, а ее и след простыл! Что ему делать? Приходится списывать с потолка...

Читатель удивится: «Но почему не заменить такого бригадира?» В том-то и дело, что заменить его зачастую некем. Может быть, это явление чисто местное, вологодское, но председатель колхоза «Заря» Шекснинского района Д. М. Кузовлев рассказал мне, что он одного бригадира снимал с должности пять раз и пять раз кланялся ему в ноги, потому что те, кого ставил вместо него, были вообще не способны к руководству. Все, кто хоть мало-мальски казался подходящим, были испробованы на этой должности и сняты. А впрочем, все ли?

Мне рассказывали недавно, что в совхозе «Биряковский» Сокольского района директор совхоза решительно отказался от «услуг» бригадиров, подобных тем, о которых речь шла выше, и смело выдвинул вместо них женщин. И что бы вы думали? Эксперимент удался на славу! Дела в совхозе пошли заметно лучше уже только из-за того, что был положен конец пьянству, припискам, разболтанности. Думаю, что над этим фактом стоит задуматься и другим руководителям хозяйств.

Главное, и, пожалуй, не только для Вологды очевидно: настало время бригадиров не просто «подбирать», но специально готовить. По всем предметам, как специалистов-профессионалов.

Конечно, было бы куда как хорошо видеть на бригадирских должностях расторопных специалистов — агрономов, зоотехников, экономистов, механизаторов со средним образованием. Но, во-первых, в колхозах пока их не лишек, специалистов-то, а во-вторых, не всякий специалист, как и не всякий практик, может быть бригади-

ром. Тут, кроме знаний, нужны еще и незаурядные организаторские способности. Это несомненно.

И все-таки бригадиров-специалистов в колхозах и совхозах Вологодской области пока удручающе мало: всего лишь 75 из 2485. А между тем, кроме молочного института, готовящего агрономов и зоотехников высшей квалификации, в области имеется четыре техникума, выпускающих ежегодно около 600 специалистов. Спрашивается: где же они, выпускники этих техникумов?

Многие из них не закрепились в деревне из-за низкой заработной платы (она действительно была низка) и плохих культурно-бытовых условий. Но, видимо, сыграли тут свою роль и другие обстоятельства. С одной стороны, хозяйства сами мало еще посылают людей в техникумы, институты вот так целенаправленно: иди, учись на бригадира. А у людей, планирующих учебный процесс, крепко засело в голове старое представление о бригадирах, которых-де нет необходимости воспитывать специально, поскольку они, как грибы, родятся сами. Здесь готовят только технологов, мало дают учащимся знаний по экономике и организации производства, без чего бригадиру не обойтись.

Бригадиров из молодежи у нас вообще мало. В Вологодском районе, примыкающем непосредственно к областному центру, только пять бригадиров из 186 моложе 25 лет. Ребята, закончившие школу и оставшиеся в родных колхозах, как мне рассказали в райкоме, работать бригадирами не хотят. Да и не удивительно: примеров, достойных подражания, в жизни они зачастую не видят, а подлинную суть бригадирской работы, нелегкой, но зато разнообразной, увлекательной, почетной, никто перед ними не раскрывает. Многое в этом направлении могла бы сделать школа. Но и она ничего пока не делает. Стоило бы, право же, выделить какое-то время в учебных программах для ознакомления ребят с обязанностями бригадира и его ролью в крупном коллективном хозяйстве.

Но в основном колхозам в ближайшие годы придется работать с имеющимися кадрами. Не собираюсь утверждать, что среди них нет хороших организаторов, но в массе своей этих людей для пользы дела все же неплохо бы поучить, да по-настоящему. Интересен, по-моему, опыт Шекснинского района. Здесь решили предо-

ставить в распоряжение бригадиров на время учебы межколхозный дом отдыха, расположенный в райцентре. В прошлом году за два потока прошли курсы почти все руководители крупных комплексных бригад, в эту зиму тут будут учиться и отдыхать еще более шестидесяти бригадиров и учетчиков.

Бригадиры — это звено в руководстве колхозами, которому, в отличие от всех других инстанций, никаких бумаг «спускать вниз» уже не дано. Им при всех обстоятельствах остается одно: действовать, организовывать действия людей. От того, насколько умело это делается, почти целиком зависит выполнение коллективных замыслов, любых решений. Поэтому, думается, стоит заняться проблемой «среднего звена» и в местном, и в государственном масштабе.

1970 г.

Чего на землю не падет,
того земля не подымет.
Без хозяина земля круглая сирота.

III

Доброе время

Из майской записной книжки

I. Новости деревенские

Мне повезло. Пароход, видимо по причине праздника полупустой, стоял у пристани Устье Угольское в ожидании пассажиров с нашего поезда. Я взял каюту, внес чемодан и, радуясь тому, что путешествие началось так удачно, вышел в салон-столовую. Там, потягивая из кружек пиво, сидели двое. Я сел рядом и тоже заказал себе пива. Здоровенная деваха, в которой легко угадывалась вчерашняя колхозница, охотно исполнила мою просьбу.

Один из моих попутчиков — тот, что был помоложе,— рассказывал о чем-то своему соседу. Я прислушался. Речь шла о мончегорских рудниках. Рассказчик, как я понял, там и работает, родом же он из здешних мест и сейчас с женой и сыном едет в родную деревню провести отпуск, отдохнуть. Собеседником его был мужчина лет пятидесяти — земляк, однодеревенец. Встретились они, конечно, случайно. И вот горняку не терпится узнать деревенские новости, а мужику интересно порасспросить, каково живется на руднике, да велики ли заработки, да есть ли сахар в магазинах...

Горняк поначалу с сознанием явного превосходства и, конечно, не без хвастовства рассказывает о том, как живет он — «рабочий класс».

— Денег? Фатает...— говорит он и, как бы в подтверждение этого, небрежно сует руку в потайной карман, достает в горсти скомканные бумажки и кладет на стол. — Землячка... еще по кружечке, — щурясь от дыма папиросы, бросает он девахе-официантке. — Наших, спрашиваешь, много ли там?.. А полно. Все наши... не вологодских так, верно, и не вспомню.

— Э-хе, ребята! — вздыхает мужик. — А мы-то думаем, где да где наша молодяжка?.. Понятно.

— Что понятно? — настороженно спрашивает «рабочий класс».— Ты думаешь, мы даром деньгу гребем? Не-е, дядя Саша. Ты бы побывал в руднике... Пыль — не продохнуть. В противогазах работаем...

— Да я ничего не говорю, — соглашается мужик. — Знамо, и там люди требуются. А все-таки обидно — стариков одних оставили в деревне.

— Ну уж — так и одних! А Ванюшка наш? А Федька Сундуков? А девок сколько?

— Федор-то бригадиром нынче, — вставляет мужик. — Парень с умом, грамотный. Теперь ведь колхоз-то у нас что те государство какое. Тридцать семь деревень!

— Тридцать семь?! — удивляется горняк. Но тут же со вздохом замечает: — Все равно толку не будет. В маленьком колхозе не шло дело, а уж в этаком и подавно.

— Да нет, ничего — выходит... Технику купили. Одних тракторов тринадцать штук. На денежную оплату с нового года перешли. Вроде как тоже рабочим классом стали. Месяц прошел — получка. Совсем иное дело, парень. Теперь бригадиру не надо бегать да уговаривать колхозников: иди на работу. Сами за бригадиром бегают! А не даст наряда — к председателю жаловаться идут. А шуму сколько у кассы! И опять же бригадира ругают: вишь ли, он такой-рассякой — Марье так каждый день давал работу, а ей, Анне, через день, да и то кое-какую, где много не заработаешь. Марья за месяц пятьсот рублей получила, а Анна — триста... Как же тут не пошуметь?

Официантка, прислушивавшаяся к этому разговору, вдруг как-то задумчиво и тяжело вздохнула. А потом сказала: «Давайте рассчитаемся». Достала из кармана фартучка бумажку и долго, морща лоб и мусоля карандаш, складывала трехзначные цифры...

Мужик степенно вынул потрепанный кошелек, достал из него новенький червонец и положил на стол.

— Ты что? — с недоумением посмотрел на него горняк. — Сказано, я плачу!..

— Да ведь и у нас деньжонки водятся, слава богу. Не нищие.— И, не собираясь уступать «рабочему

классу», решительно пододвинул бумажку официантке.

А та чему-то весело и радостно заулыбалась...

2. Только ли погода?

Пароход, возвещая Белозерску о своем прибытии, свистел долго и, как мне показалось, с удовольствием. И понятно: навигация только началась, не надоело.

Город выглядел празднично. У пристани множество народу. И я невольно подумал, что приехал, пожалуй, рано и этот день придется, видимо, провести в вынужденном безделье. Однако, устроившись на ночлег, решил все же заглянуть в райком. У подъезда стоял «газик». За рулем сидел знакомый мне шофер, которого все в районе зовут Васей. Я спросил, не знает ли он, где находится секретарь райкома, и Вася ответил, что только сейчас он привез его из колхоза. «Значит, не все празднуют»,— подумал я и поспешил в райком. Макаровский, в пропыленных сапогах, в кителе и галифе цвета хаки, стоя в приемной разговаривал по телефону.

— Ты зря оправдываешься, Николай Александрович. Я только что проезжал по твоим полям. Не пробовать надо, а сеять! Сеять широким фронтом! У тебя семнадцать тракторов, а у «России» семь. Однако у них на сегодня сто семьдесят гектаров засеяно, а у тебя только сто. Все дело в том, что ты неправильно сориентировал народ в смысле сроков сева. Двадцать два дня!.. Да еще и премия бригадиру, уложившемуся в этот срок! Чепуха! Не премировать такого бригадира надо, а наказывать. Этого требую не я — обстановка требует. Дни-то какие стоят! А у вас благодушие. Народ с гармошками по улицам расхаживает. Толпами целыми... Да почему бы и не ходить? Двадцать два дня впереди — успеем, мол... Завтра радиосовещание. Пересмотрите сроки, иначе перед всем районом краснеть придется.

...Итак, думал я, страда началась. Но с кем же разговаривает Макаровский? Ага, с Варламовым, председателем «Авангарда». Хозяйство это крупное и, как мне было известно, не из последних в районе. На «Авангард» равнялись многие колхозы, а тут впереди него не-

ожиданно оказались даже такие, хронически отстававшие ранее, как «Путь к коммунизму», имени XXI съезда КПСС, «Смычка» и другие. Впрочем, неожиданно ли? Ведь времена-то сейчас иные...

Кончив разговор по телефону, секретарь райкома с радостью рассказал мне, что в целом по району весенний сев нынче колхозы начали несравненно дружнее, чем в прошлые годы. Но чем объяснить это? Неужели только благоприятными погодными условиями? Конечно, нет. Было ясно, что назрел крутой перелом в жизни колхозов нашего северо-запада. Он был подготовлен всей суммой мероприятий партии и правительства, мероприятий, шедших от глубокого знания и понимания реальной обстановки в колхозах и потому весьма действенных, находивших единодушную поддержку в сердцах людей — тружеников полей, животноводческих ферм, механизаторов.

Чтобы убедиться в этом, я на другой же день поехал в деревню, туда, где решалась судьба первого года колхозной семилетки.

3. Колхозное — свое

Что такое весенняя страда? Это время, до предела насыщенное трудом землепашца, сеятеля. Время... Цену ему только и можно узнать по-настоящему в страду, весной. Если, как говорит старинная народная пословица, «у бога дней не решето», то у весны их — только горсточка. Не успел оглянуться — и горсточка просыпалась. Весна позади. И люди, понимая это, торопятся. Отдых — накоротке, сон — до первых петухов. Зато соленого поту вдоволь. Усталость порой валит землероба с ног. Но усталость эта добрая, усталость тела, но не души!

В самый разгар страды я побывал в четырех колхозах Белозерского района. И если бы меня спросили, что наиболее характерно было для нынешней весны, я бы ответил: небывалый трудовой подъем.

— Люди работают как никогда,— говорили мне всюду, куда бы я ни приезжал. Да я и сам видел это.

В колхозе «Путь к коммунизму» отличилась молодежь. Юрий Субботин с товарищем боронили поля.

Неожиданно друг Юрия заболел и слег. Заменить его было некем: людей в колхозе мало. Тогда Юрий, без чьей-либо подсказки, чтобы лошади товарища не простаивали, подпряг их к своим, прицепил пять борон, быстро освоил новый «агрегат» и стал выполнять работу за двоих. Так продолжалось до тех пор, пока товарищ Юрия не поправился.

Добрая слава в дни сева прошла и о трактористе-коммунисте Сергее Чуфикове. Интересна его трудовая биография. Два года назад, когда был брошен клич поставить пастухами лучших людей, Чуфиков стал пастухом. Нелегко было сломить себя, но чувство долга взяло верх. А потом работа понравилась, и когда ему снова предложили сесть на трактор, он поначалу упрямо отказывался. Но положение было безвыходным, и он, пастух, снова стал трактористом.

С первых же дней на тракторе С. Чуфикова затрепетал красный флажок.

— Поля в колхозе тяжелые,— рассказывал председатель колхоза.— В прошлые годы, бывало, лемехов не напасешься. Четыре-пять гектаров — и подавай новые. А Чуфиков нынче пятьдесят гектаров перевернул одними лемехами!

— Как же это объяснить? — спросил я.

— Очень просто. Трактора теперь стали нашими! И плуги тоже. Так как же их не поберечь?! Даже старые лемеха, что раньше разбросаны были, и те подобрали. Да что лемеха! Болт понадобилось сменить. Подхожу, вижу: бьются ребята над этим болтом целый час — не могут вывернуть, погнулся. Да сломайте вы его, говорю, и новый поставьте. «А за него ведь деньги плачены»,— услышал я в ответ. И, знаете, покраснел даже: сознание-то у ребят выше оказалось!

И, вздохнув, добавил с чувством:

— Если бы все-то поняли наконец, что колхозное — это свое. Намного бы легче стало и жить, и работать. Поймут, конечно. Я в этом не сомневаюсь. Вот и у доярок бережливости стало больше. Стекло для фонаря — мелочь, казалось бы. А ведь раньше по сто штук покупали на зиму, и не хватало. Теперь только двадцать купили и все почти лежат на складе: не понадобились. Люди считать начали — и это уже хорошо.

Позже, когда в этом колхозе было засеяно уже бо-

лее половины всех площадей, председатель колхоза пожаловался мне:

— Эх, если бы «Беларусь» нас не подвел... Понимаете, ничего не получается с этим навесным плугом. И тракторист вроде не плохой — старательный, умный парень, а толку нет. Поля неровные — то бугорок, то ямка. Ну и плуг — то воздух пашет, то вдруг земли грабанет, да так, что того и гляди, отломится. Мужики посмотрят-посмотрят на такую пахоту, да и скажут, бывает: «Лучше плуга не вспашешь, лучше серпа не выжнешь». В здешних местах эта фраза пословицей стала. Люди понимают, конечно, что к плугу и серпу возврата не может быть, а все-таки говорят.

После я вспомнил эту пословицу и невольно задумался. Что в ней? Закоренелый крестьянский консерватизм? Нет, не то. Пословица эта — суровый и горький упрек конструкторам сельскохозяйственных машин, заводам, выпускающим эти машины.

Не станем закрывать глаза на правду: ведь, в самом деле, трактор «Беларусь» с навесным плугом — для наших северных условий машина все-таки неподходящая. А самоходный комбайн? Попробуйте-ка покрутиться на нем хотя бы по полям Белозерского района, где что ни полоса — то холм с крутыми скатами во все четыре стороны. Это почти невозможно. А если возможно, то только в сухую погоду, какая у нас бывает не очень часто. И в результате самоходные комбайны — эти дорогостоящие и сложные машины — у нас в большинстве своем используются только лишь как молотилки. Но ведь молотилку-то можно сделать значительно дешевле — без хедера, соломокопнителя и других приспособлений. Кстати, молотилку сейчас приобрести труднее, чем комбайн. Кто-то, видимо, считает, что при наличии комбайнов они не нужны. На самом деле это не так.

4. Романтика? Да!

Если бы нам сказали лет этак девять-десять назад, что в Н-ском районе председателями колхозов пошли второй секретарь райкома, председатель райисполкома,— мы бы, по меньшей мере, удивились, а может быть, даже и не поверили. Мы не поверили бы и тому, что 15—20 колхозов объединились, и теперь в одном,

укрупненном, колхозе насчитывается полсотни деревень (!), а пахотная площадь этого колхоза составляет десятую (!) часть района.

Да, тогда поверить в это было трудно. Зато сейчас подобные примеры никому не в диво.

Колхоз имени Ленина Белозерского района таким как раз и является. Это сюда по путевке районной партийной организации в марте нынешнего года пришел на должность председателя вновь укрупнившегося и ставшего гигантом колхоза второй секретарь райкома КПСС Виктор Николаевич Демичев. Это здесь уже около года секретарем парторганизации колхоза работает бывший инструктор райкома партии Константин Ильич Белов. И, право, кой-кому не мешало бы поучиться у них умению работать весело, дерзко и наступательно. Если говорить о романтике партийной работы, то здесь она проявляется в полной мере.

Еще не познакомившись с ними, еще побывав только в правлении колхоза да на некоторых фермах, я почувствовал это.

Вот на стене «Молния», написанная крупным броским шрифтом:

«Товарищи колхозники! На 30 апреля сего года наш колхоз занимал первое место по весеннему севу. По состоянию на 5 мая мы оказались на третьем месте. Впереди нас идут колхозы «Красная Сосновка» и «Стахановец». Мы отстаем.

Партком и правление колхоза призывают всех колхозников и механизаторов с 5 по 10 мая трудиться с утроенной энергией и вывести колхоз на первое место!»

А над воротами молочной фермы кумач, на котором короткая, но о многом говорящая фраза:

«Колхоз, носящий имя великого Ленина, должен быть передовым в районе!»

Лозунг этот, как я убедился потом,— везде: в конторе колхоза, в клубе, на каждом производственном помещении... Даже на районное совещание пастухов ленинцы приехали на машине, на борту которой алел все тот же лозунг.

Колхоз, носящий имя великого Ленина... В самом деле, ко многому это обязывает. Разве можно плестись в хвосте, когда носишь такое высокое звание: ленинец! Нет, нельзя. Ленинцам подобает быть только впереди!

И этот лозунг, ставший девизом, помнят все, начиная от председателя и секретаря парткома и кончая рядовым колхозником.

Земли колхоза имени Ленина растянулись на добрых десятка три километров вдоль живописного берега Лозско-Азатского озера. Мы почти полдня, что называется, гонялись за председателем колхоза по его следам, но так и не смогли настигнуть его в этот день: стало темно, а деревенька, куда он «только что уехал» на верховой лошади, находилась за болотом, которое на машине, как нам сказали, не переехать.

Лишь на другой день мы отыскали наконец Демичева. Приехал из другой бригады и Белов. Оба уставшие, но радостные, возбужденные. Лица обветренные, в молодом весеннем загаре.

— Понимаете, с поля уходить не хочется,— говорит секретарь парткома. Он особенно подвижен и весел — это в его характере.— Люди работают — душа радуется! — продолжает Белов.— Спросишь иного: «Да ты хоть ел ли чего-нибудь сегодня?» Отвечает: «Нет еще... некогда было». А время — вечер уже. «Ступай домой, хватит». Так ведь нет, не идет! «Вот доборонию,— отвечает,— тогда уж и домой».

— А в Рыбнице случай какой был,— вступает в разговор В. Н. Демичев.— Вышел бригадир раненько этак из дому — видит: Василий Абрамов, тракторист, идет с поля. Идет и, понимаете, этакие «кренделя» ногами выписывает. «Неужели пьян?» — удивился бригадир. Пошел навстречу. «Ты что, парень, из гостей, что ли?» — крикнул. Тракторист остановился, посмотрел недоуменно на бригадира и проговорил: «Ох, задремал я, видно, Иван Степанович». Оказывается, парень-то всю ночь пахал за своего дружка, по делам отлучившегося из бригады. Двое суток не слезал с трактора! Ну вот и заснул на ходу, не дойдя до кровати. Рассказывают об этом — смеются, черти... А парень-то подвиг совершил!

— Сколько дней колхоз уже сеет? — спросили мы.

— Сеем мы, по сути дела, с начала апреля...

Я подумал: Демичев шутит. Но, оказалось, нет. В самом деле, для ленинцев началом сева был один из первых дней апреля, наполненный журчанием снежных ручейков, ржанием лошадей, лязганьем стали и железа.

В этот день во всех бригадах состоялся смотр готовности к севу. Для равнодушных людей это — пустая затея, детская игра. Но не так смотрели на эту «игру» два коммуниста-вожака Демичев и Белов. Они были уверены, что смотр будет стоить нескольких собраний с обычными речами и перекурами. Слова словами и останутся. А вот как на деле все это будет выглядеть?!

Смотр необходим был еще и потому, что колхоз только что укрупнился и Демичеву — новому председателю предоставлялась возможность увидеть хозяйство, что называется, в лицо. Так и получилось на деле.

Председатель проходил перед строем бригады, знакомился с людьми, заносил в свою книжицу все, что требовало срочного вмешательства с его стороны. Люди тут же (момент-то какой!) брали обязательства. Вот Демичев остановился перед бородачом О. И. Богдановым.

— Чем вы сможете нам помочь, Осип Иванович?

— Сеяльщик я... Коли вмоготу будет, гектаров тридцать посею.

— Что ж, спасибо и на этом,— улыбаясь, отвечает председатель и пишет в книжицу против фамилии старика цифру «30».

Забегая вперед, скажем: О. И. Богданов посеял 40 гектаров! За первую пятидневку ему был присужден переходящий красный флажок и денежная премия. Но здоровье все же подвело: старик слег. Вручить премию секретарь парткома Белов пришел к нему на дом. Старик принял флажок, лежа в кровати. Взволнованный, не удержал скупой слезы, спросил: «Как сеют-то?» Белов сказал, что сев идет дружно, как никогда, что люди работают от зари до зари. «Пошло, значит, дело!— вздохнул старик. — Давно бы так-то надо». И пожалел, что не может встать.

...Итоги смотра в этот же день были обсуждены на бригадных собраниях. Разговор был коротким: обнаруженные недостатки надо устранять. Было признано, что лучше других подготовилась к севу бригада деревни Ершово, где бригадиром В. Д. Костромин. Ей и вручили переходящее Красное знамя.

Весна наступала стремительно. К середине апреля начали оттаивать взгорки. 19 апреля пахари сделали пробный выезд, а к 1 мая пахать начали все бригады.

Но... праздник есть праздник. Правление и партком решили — давно этого не было в деревне, пожалуй, с первых лет Советской власти — провести митинг с участием всех колхозников.

И сейчас еще колхозники вспоминают этот замечательный и по-настоящему праздничный день! Помнят все, до мельчайших подробностей. Помнят, как одна за другой подходили к месту митинга колонны, под красными флагами, с песнями, с гармошками. И когда все почти были в сборе, прибыла краснознаменная бригада деревни Ершово во главе с В. Д. Костроминым.

— Слава передовой бригаде! — кричали ершовцам и нещадно били в ладоши.

Трибуну заменял кузов машины, обитый кумачом. Речи были короткими. В. Д. Костромин взобрался на трибуну со знаменем в руках. Еще не успел сказать слова, как кто-то крикнул из толпы:

— Отберем знамя-то, все равно отберем!

Костромин слышал это. Сняв кепку, он сказал:

— Я говорить хорошо не умею, вот... Но знамени мы не отдадим!

— Не отдадим, не отдадим!— поддержала дружно его бригада.

Больше ничего не было сказано. А людям по сердцу пришлась такая речь. Бригадиров же она крепко задела. Демичев и Белов эту речь поняли по-своему: спичка в костер соревнования брошена! Теперь только «дрова» подкладывай. И они подкладывали. Особенно старался, как и положено ему, секретарь парткома. Ежедневно, уточнив цифры и факты, он составлял «Молнию» и по телефону передавал ее во все бригады. Там «Молнию» подхватывала армия агитаторов, они добавляли свои бригадные цифры и примеры и, размножив ее в нескольких экземплярах, несли к народу. Каждый пахарь, сеяльщик, бороновальщик ежедневно знал не только то, что делается в бригаде, но — и во всем колхозе и даже в районе, так как Белов передавал в бригады информацию, шедшую и из райкома.

Душой соревнования были коммунисты. И в первую очередь — их вожаки К. И. Белов и В. Н. Демичев. В дни сева их невозможно было застать дома. Один где-то вручает переходящий флажок пахарю, другой проводит в бригаде летучее партсобрание, с которого

коммунисты уходят прямо в поле — к плугам и сеялкам. Авторитет коммунистов неизмеримо вырос. Десять человек в эти дни подали заявления в партию. И это были действительно лучшие люди! Об одном из них — пахаре Е. К. Угарове — колхозники так заявили секретарю парткома:

— Принимайте смело, не подведет. Все за него ручаемся.

Хорошая, веская рекомендация вступающему в партию!

А между тем сев близился к завершению. Бригады работали ровно, шли, как говорят, плечо в плечо. Кому отдать предпочтение? Кому передать знамя? Сказать, что все работали хорошо, — значит обезличить соревнование. И Демичев с Беловым, посоветовавшись, объявили:

— Красное знамя будет вручено той бригаде, которая первой представит в правление рапорт о завершении сева.

Соревнование вспыхнуло с новой силой. Это условие заставляло считать уже не только дни, но и часы. В одной бригаде Белов слышал такой разговор:

— Ты меня, бригадир, пошли с рапортом, раньше всех доскачу... Только лошадь припаси хорошую.

И вот 9 мая, в День Победы, первый рапорт был доставлен. Рапортовала бригада коммуниста, бывшего фронтовика И. С. Голубева. Ей и было передано Красное знамя.

А 17 мая секретарь райкома Макаровский получил следующую телефонограмму:

«Рапорт

Докладываем вам, что сегодня, 17 мая 1959 г., сельскохозяйственная артель имени В. И. Ленина выполнила план сева зерновых, льна, картофеля и кормовых культур. Демичев. Белов. 17.V.1959 г. 12 час.».

В этот же день завершила сев и артель «Зеленая роща». Эти два колхоза и были признаны победителями в социалистическом соревновании на весеннем севе.

5. О пастухах и одном вредном предрассудке...

Поначалу я не придал никакого значения этому разговору. Но история, о которой пойдет речь ниже, началась именно с него.

Дело было так. Секретарь парторганизации колхоза Николай Степанович, зоотехник Сергей Николаевич и я, усталые, только что вернулись с полей и сидели в конторе колхоза. Разговор крутился вокруг цифр засеянных и незасеянных гектаров, об успехах одних бригад и об отставании других...

В раскрытое окно было видно, как к крылечку конторы подъехал верховой, спешился, привязал меринка к перилам и, похлестывая ивовым прутиком по голенищу сапога, поднялся по ступенькам крыльца в сени.

Дверь распахнулась резко, и гость тяжело ступил через порог. Это был бригадир А. П. Меньков, коренастый, еще совсем не старый мужчина с типично русским лицом, успевшим густо потемнеть на солнце. Не выпуская прутика, подал руку секретарю, счетоводу... Здороваясь с зоотехником, сказал:

— Вот тебя-то мне и надо... Ты что не заходишь ко мне в бригаду, Сергей Николаевич? Выходит, так: я должен и пахать, и сеять, и коров пасти? Как почему?! Пастуха-то нет! И ты, Николай Степанович,— повернулся Меньков к секретарю,— тоже не помогаешь. Коли на то пошло — собрать партсобрание, назначить коммунистов, и делу конец.

Секретарь, желая, видимо, сбить пыл бригадира, спокойно спросил:

— Сколько еще пахать у тебя?

— А что? — в том же запальчивом духе спросил Меньков.— Трактор хотите забрать? Не отдам. Пастуха не подберете — коров на тракторе пасти буду!

— Да ты перестань горячиться,— перебил его зоотехник.— Лучше скажи, кого поставить?

— А ты приезжай — увидишь... — и уже более мирно сказал:— Есть у меня на примете один... Да самому мне не совладать с ним.

— Завтра приеду, проведем собрание,— сказал секретарь.

— Нет, завтра не приезжай. Мужик сеет, устал очень. А усталый он злой бывает. Вот кончит завтра, я ему денек отдыху дам — тогда и приезжай, сговорчивей будет.

...Но время не ждало. Секретарь парторганизации и зоотехник поехали в бригаду Менькова все же на следующий день: пастуха надо было найти, хотя и нелегкое это было дело. Колхоз большой, и что ни деревня — то животноводческая ферма, а значит, и стадо. Полтора десятка пастухов уже подобраны. Где взять еще одного?

На утлой лодочке, не смея ворохнуться, мы переплыли озеро. Потом долго шли из деревни в деревню и наконец снова вышли к озеру, но уже к другому. На берегу, веселом и сухом, стояла деревня Жидково — цель нашего путешествия. Бригадира не было и здесь: мотался где-то в полях.

Решили начинать дело без него.

Федор Васильевич, тот самый, кого бригадир прочил в пастухи, встретил нас по-русски просто и радушно. Усадил за стол, накормил богатой ухой из свежей рыбы. Потом хозяйка поставила на стол самовар, подала сахар... Только что вернувшийся с поля, хозяин с устатку пил много, то и дело утирая обильный пот. Пришел и Меньков. Он тоже не отказался от чашки чаю. Пили, разговаривали о чем попало: о севе, о курах, за которыми ухаживает жена хозяина, о погоде... А о деле — ни слова. Знали, что разговор будет тяжелым, и не хотели начинать его за столом. Но вот Федор перевернул чашку кверху дном, еще раз вытер лицо и шею полотенцем и стал собираться в поле. Перекинул через плечо старый солдатский ремень (лукошко поддерживать: сеет он вручную, потому что поля маленькие) и, сказав: «Ну, я пошел», ногою толкнул дверь.

— Да ты покури, куда спешишь-то? — испугавшись, что Федор уйдет, окликнул его зоотехник.

— Покурить можно... Да на крылечке прохладнее.

Вышли, сели на ступеньки, закурили.

— Федор Васильевич, у нас к тебе разговор серьезный... — начал Сергей Николаевич.

— Это о чем же?

— Не догадываешься?

— Нет... Вроде ничего такого худого я не сделал.

— Мы хотим тебя... заведующим стадом поставить.— Зоотехник намеренно сказал «заведующим стадом».

— Ой, нет, не пойду,— спокойно, но решительно отказался Федор.

— Ну, а кого бы ты порекомендовал? Тетку Анну? Не идет. Рада бы, говорит, да ноги не ходят и нутро болит.

— Да, Анна не пойдет,— согласился Федор.— Я сам ее уговаривал...

— Ну, так вот, — считая Федора припертым к стене, развел руками Сергей Николаевич.— Некому больше, кроме тебя. И чего ты отказываешься, не понимаю. Тысячи четыре за лето заработаешь — разве помешают?

— Нет, не пойду,— снова решительно сказал Федор.— Людей смешить? Не-ет... — и встал.

— Да ты чего побежал-то?

— Как побежал? Я пошел... Сеять надо. А об этом так и говорить нечего. Время зря терять...

Жена Федора, видимо услышав через открытые окна, что на крылечке у мужиков серьезный разговор о чем-то, вышла.

— Это куда тебя, Федя, уговаривают?

— Полковником,— улыбнувшись, ответил Федор жене.

— Каким полковником? — не поняла сразу хозяйка.

— Ну, заведующим стадом... Понятно?

— Пастухом?! Да вы в уме ли? — набросилась на гостей жена Федора.— Еще чего не выдумаете... Пастухом. Что он — полудурок какой-нибудь?

— Да что ты, Татьяна, говоришь-то? — возразил зоотехник.— Теперь пастухами идут лучшие люди, а ты — «полудурок»...

— Знаю, не рассказывай. А народ смешить не станем! Зимой навоз возить взялся — вся деревня смеялась: «Г...оз!» А теперь еще и пастух! И не говорите лучше. У меня и так сердце уже почернело. Летось зерно сушил — так я места себе не находила. Где крикнут, брякнут, а я уж и замру: ой, пожар, наверно, у Федора! А ну-ка теперь коров дадут ему. То ли потеряется какая, то ли волки задерут, а я все и переживай. Нет уж, хватит с меня одних куриц. Я и с ними нервы-то донельзя довела, больная вся стала. Председатель поругал как-то, так я целый месяц спать не могла. Вот я какая...

И не говорите, не пойдет. А коли назначите, так я в озеро брошусь!

— Ну полно... Мы ведь по-хорошему хотели,— примирительно сказал секретарь.

И все смолкли. Да и Федору надо было идти в поле...

...Через несколько дней в Белозерске состоялось совещание пастухов всего района. Я внимательно всматривался в лица заполнивших зал людей, надеясь увидеть среди них Федора из деревни Жидково, но тщетно — его среди пастухов не было. Значит, он остался при своем мнении, «честь» свою оборонил, в пастухи не пошел. Он — коммунист — не смог в этом важном и принципиальном деле встать выше пересудов своих однодеревенцев, по традиции считающих, что пастух — это последний человек... Да, когда-то действительно так и было. В пастухи шел тот, кто не имел ни кола, ни двора — и другого выхода у него не было. «Пастух!» — звучало оскорбительно, как ругань. Непутевому, непослушному ребенку родители грозили: «В пастухи отдадим!» И отдавали. За мизерную мзду он нанимался в какую-нибудь деревню и гонял коров, лишенный собственного крова и человеческого уважения.

Теперь стадо стало достоянием общественным, и колхозникам далеко не безразлично, в чьих руках оно находится. Если раньше от пастуха требовалось только то, чтобы коровы не пропали да потравы не случилось, то теперь, вдобавок к этому, пастух должен приложить максимум старания и смекалки, дабы как можно сытнее накормить скот, вовремя напоить его, — от этого будет зависеть удой, а значит, и доход колхоза.

Совещание пастухов в Белозерске проходило под лозунгом: получить в пастбищный период в среднем по району по 1300, а в передовых колхозах по 1500 килограммов молока от коровы!

Задача не легкая, особенно если вспомнить, что еще всего несколько лет назад и за целый год от коровы надаивалось во многих колхозах по 600—700 килограммов. А теперь за один пастбищный период надо получить в два раза больше!

Иные времена, иные дела! И главное — цифры эти никого теперь не пугают, они воспринимаются как реальность, как высота, которую хотя и трудно, но взять можно. Но тут-то и выступают на первый план пастухи.

Если это люди равнодушные, ленивые — толку не будет. Потому-то теперь все чаще и чаще в пастухи идут люди самые достойные — комсомольцы, коммунисты и даже бригадиры колхозов. Повсеместно народ стал отказываться от наемных, бродячих пастухов, заинтересованных только в личном заработке и не несущих никакой моральной ответственности перед коллективом.

Много и хорошо говорили обо всем этом лучшие пастухи на совещании. Гордость своим нелегким делом, ясное понимание важности этого дела, желание поделиться полезным опытом, коли он есть, и научиться у товарища тому, чего еще сам не постиг,— все это делало разговор, начавшийся в зале районного клуба, интересным и поучительным.

Вот на трибуне старый пастух из колхоза имени Ленина товарищ Васильев. Рассказывая о своей работе, он вдруг вспомнил «прежние времена».

— Как же не постараться,— говорил Васильев,— коли такой почет нам оказывают! Раньше в этом доме помещики только заседали, а теперь мы — пастухи — тут сидим, да не просто сидим, а важные разговоры разговариваем... Начал пасти я еще до революции, у помещика. Теперь денег кучу получаю, одет, обут, а тогда — ничего. Рубашку сшили мне — вот и вся плата. А потом случилось так, что я корову одну не пригнал, и так меня отпороли, что от этой рубашки одни клочья остались. А за стол сел, помещица еще табаку нюхательного в блюдо горсть бросила: ешь!.. Вот как нас уважали прежде-то...

Пастух из колхоза «Победа» тов. Добряков начал свою речь так:

— Я работал бригадиром колхоза, а теперь тоже пасу скот. Сказали, нужно молоко — ну и пошел. Тем более что дело это мне знакомо: десяти лет я уже был подпаском. Пастухов видел всяких. Иной сам себя уломает, подпаска замучает, а скот голодный. Я пасу иначе. Сам иду впереди стада, подпасок — сзади. К коровам подхожу с лаской, и они меня слушаются. Только голос подам — бегут ко мне. Пастбище стравливаю загонами. Три дня попасу в загоне — и на новое место. Да и нельзя иначе: коровы сами убегут... Некоторые, наверно, подумают: как это я из бригадиров да в пастухи пошел. Неудобно вроде. Верно, было такое, стеснялся понача-

лу. Пойдешь барабанить — неловко как-то... Да ничего, привык. И люди привыкли. И уважают так же, как раньше...

Я слушал выступления пастухов и жалел, что в этом зале не было Федора из деревни Жидково.

1959 г.

Крестьянский характер

Мое знакомство с Виктором Никитичем Федосовым началось задолго до того, как мы встретились. Чем ближе к концу приближалась жатва, тем чаще газеты и радио сообщали: Виктор Федосов убрал хлеб с 320 гектаров... С 385... С 400!! И, наконец, с 440 гектаров! Это — немало, если учесть, в каких условиях приходится работать комбайнам на наших северных полях. Малые размеры их — еще полбеды. Беда в том, что они, как правило, неровны, расположены то на буграх, то в низинах, после дождей — вязки, а в колхозе «Андога», где работает Виктор,— еще и каменисты. Настолько каменисты, что, коли посмотришь на них весной, пока не появились всходы, кажется, гуляет на поле отара белых овец...

Во время жатвы, скрытые спелой рожью, коварные эти «овечки» то и дело норовят подставить свой каменный бок под режущий аппарат комбайна. Ой, каким зорким надо быть да предусмотрительным, чтобы избежать этой встречи! Полоротому комбайнеру на таких полях делать нечего. Угробит он комбайн!

Читатель спросит: а не проще ли убрать эти камни?

— В том-то и дело, что не проще. Ведь руками такой «камушек» не подымешь да и на тележке не отвезешь, а машин специальных в колхозах нет. И в отделении «Сельхозтехники» их мало. Правда, «Андоге» «Сельхозтехника» в этом все же помогла: за нынешний год здесь расчищено 120 гектаров — убрано 8 тысяч кубометров камня! В «копеечку влетают» эти «камушки» колхозу, но убирать их надо!

Так вот, непросто работать комбайнеру на таких

полях. Если он убрал за сезон 200—300 гектаров и не поломал машину, — считай, что с делом справился. А Виктор Федосов сжал 440 гектаров! И вообще, за одиннадцать лет работы на комбайне — а года были разные, чаще ненастные, чем погожие, — он менее 300 гектаров за сезон не убирал.

В чем тут дело? В упорстве, в трудолюбии, в мастерстве? А может, просто в «везении»? Обо всем этом я думал, сидя в вагоне поезда, мчавшего меня к городу Бабаево.

* * *

Иван Григорьевич Соколов — секретарь парткома Бабаевского управления, когда я рассказал ему о цели приезда, воскликнул:

— О нашем Федосове хотите написать!.. Правильно. Хороший мужик!

Обычные слова: хороший мужик. Но я-то знаю, что уж если у нас на Севере о ком-то скажут: «Хороший мужик», то будьте уверены — в словах этих подлинный смысл.

— Был я в августе в «Андоге»,— продолжал Иван Григорьевич,— и видел, как работает Виктор Никитич. Камней, камней на поле! А он ухитряется как-то... Попросил остановиться... Выключил скорость. Спустился с мостика. Я было расспрашивать его: что да как?.. Вижу, неохотно отвечает и все на машину поглядывает. Минуты две, наверное, и поговорили-то, а он мне: «Извините, мне надо работать...». Я, конечно, не обиделся,— наоборот, радостно мне даже стало: минутой человек дорожит!

Я тоже порадовался такой черте в характере Виктора Федосова, а про себя отметил, что если он такой «разговорчивый» всегда, то мне придется ой как тяжеленько. При этом вспомнил рассказы журналистов военных лет о том, как нелегко им бывало вытянуть из солдата, совершившего подвиг, хотя бы несколько подробностей о ходе боя, о чувствах, владевших им тогда. Как ни бился корреспондент, а герой отвечал все одно: «Ну, они, значит, полезли, а я их и давай, и давай!»... Таков уж русский человек.

А Иван Григорьевич продолжал свое, сокровенное:

— Если бы все комбайнеры так научились работать! Четыреста сорок гектаров за сезон! Два комбайнера, в среднем, на колхоз — и хлеб убран. А на все управление потребовалось бы всего сорок пять комбайнов... Мы же их имеем в три раза больше... Вот они — резервы!

Да, это огромные резервы. Но они не на поверхности, они в сердцах человеческих. И чтобы привести их в действие,— нужны не капиталовложения, не резолюции и решения, нет... Нужно суметь зажечь эти сердца энтузиазмом. Неправда, что советский человек, наш современник, во всяком деле ищет, в первую очередь, материальной выгоды — нет, ему присуще и чувство чести, и до конца исполненного долга!

Через день мы с секретарем парткома управления договорились выехать в колхоз «Андога». Там должно было состояться отчетно-выборное партийное собрание, и Соколов решил воспользоваться случаем поговорить по душам со всеми коммунистами колхоза «Андога» — хозяйства крупного, объединяющего 63 деревни — 670 дворов.

* * *

Вышли мы на станции Кудай, проехав поездом почти два часа. Здесь нас ждал «газик». Уселись — и в путь. Кроме нас, в машине еще два человека: инспектор производственного управления по Кадуйской зоне и...— везет же мне! — инженер колхоза «Андога» Анатолий Григорьевич Черкесов. Кто, как не он, может рассказать о комбайнере Федосове!

Машину чертовски подбрасывает, и она оглушительно тарахтит. «Одна рама семь раз сварена»,— сказал по этому поводу шофер Саня, бывший матрос Северного флота. Он, оказывается, сверстник и дружок Виктора Федосова и тоже может многое поведать о нем. Но разговаривать трудно: дорога не из худших, а все же забывать о себе не дает. Однако Саня ухитряется сообщить нам и о том, что вот из этого болота по утрам на дорогу вылетают поклевать камушков глухари, и что их обязательно увидишь, «когда едешь без ружья», и что на этом болоте в прошлом году было очень много «красного товару» — клюквы, и некоторые хорошо подзаработали на «красном товаре», да еще на грибах, по-

тому что цены «не то что в колхозе»: 70 копеек килограмм белых грибов, 40 копеек — груздей. А долго ли корзину-две наломать, когда они растут. Раз вышел в лес — и 10 рублей, а то и все 15!

— Ну, ты, Саня, заговорился что-то,— с улыбкой подзадориваю я шофера.— А дружок твой Виктор меньше разве зарабатывает?

Я еще не знаю, сколько зарабатывает Федосов, но почему-то верю, что он зарабатывает не меньше... Не должен он меньше зарабатывать! Иначе где же логика, справедливость! Ведь труд комбайнера — основа основ благополучия всего колхоза, всего государства, наконец, а труд ягодника и грибника...

— Виктор сколько зарабатывает? — отозвался шофер.— Виктор хорошо зарабатывает... Так то ж Виктор!

Я порадовался такому ответу, хотя точных цифр и не было названо. Значит, подумал я, комбайнер-механизатор — человек, олицетворяющий в современных условиях понятие «рабочие руки», если он трудится добросовестно, зарабатывает хорошо.

И как бы в подтверждение моих мыслей, колхозный инженер говорит:

— Зарабатывает хорошо, но зато и работает! Причем не так, как иные: выжать из машины сегодня все, а завтра — хоть трава не расти. Нет, он машину бережет. Бережет, как свою. Девять с половиной сезонов работал на одном комбайне. Уже на стареньком, изрядно изношенном, убирал больше, чем другие на новом.

— Вы говорите: бережет. В чем это выражается?

— Во многом. Ведь машина — она, что человек, даже требовательней! Запомнились мне стихи земляка — поэта Сергея Орлова о танкистах: бой кончен, марш завершен, можно, казалось бы, вылезть из танка и, растянувшись, насладиться отдыхом на зеленом лужку, но нет, надо прежде машину осмотреть, почистить, смазать... Потому что,— говорит поэт,—

«Мы — люди, а она — стальная».

Вот так и Федосов. Как бы ни поздно закончил работу — не уйдет, не смазав машину — теплую-то ее лучше смазывать, масло хорошо поступает во все узлы. А утром придет раненько, еще роса не обсохла, возьмет гаечные ключи — и давай ползать по всему комбайну. Проверит все гайки, все крепления, там подтянет, тут

подкрутит. Ну-ка, дай расхлябаться хоть одному болту — полетит к черту все!

...Но вот он, кажется, и конец нашего путешествия. Машина подошла к конторе колхоза.

* * *

Председателя «Андоги» Виктора Игнатьевича Турикова мы застали на месте. Он сидел за столом, заваленным бумагами, в своей комнате, отделенной от бухгалтерии тесовой перегородкой. Невысокий, плотный, лет сорока — сорока двух, с еще непоблекшим загаром на свежем лице, он производил впечатление бодрого человека, уверенного в своих силах и пребывающего в хорошем настроении.

Иван Григорьевич коротко познакомил нас и сразу к делу:

— Сколько хлеба сдали?

— С хлебом у нас, Иван Григорьевич, хорошо. Сдали тысячу двести сорок семь центнеров. Обязательство выполнили... Так.— И он сбросил костяшку на счетах.— Сверх обязательства решили продать пятьсот центнеров. Так... — и снова щелкнула костяшка.— Всего сдадим тысячу семьсот пятьдесят центнеров. Семена засыпали...

Дальше разговор пошел о предстоящем партийном собрании, а мне, поскольку машина до вечера свободна, было предложено поехать к Виктору Федосову.

И вот уже мы с Саней мчимся на «газике» по полевой дороге.

— Что ж, поедем, посмотрим, как живет мой дружок,— не оборачиваясь ко мне, говорит Саня.— А живет добро, увидите. Домик покрашен, крылечко... и все такое...

Дорога недальняя — шесть километров. Но Саня успел мне рассказать, что Виктор у матери был не один, что «жили они худо» — шла война,— «матушка его» горшечницей работала, и они, ребятишки, по сути дела, росли беспризорными.

Дом Виктора Федосова на самом краю небольшой деревушки Калинниково. Поле начинается сразу от дома. Метрах в тридцати, на лужайке, — комбайн. Его комбайн!

Он стоит у самой кромки жнивья — большой на фоне разбросанных по жнивью стогов соломы — немых свидетелей его расторопности и силы.

Входим в дом. На крылечке, похожем на застекленную веранду, — грудой только что срезанные кочаны капусты.

А вот он и сам — хозяин дома. Невысокий, ладный, чисто выбритый, улыбающийся: рад гостям. Улыбка у него удивительно светлая, располагающая, и белые-белые плотные зубы. Говорит, что побеседовать рад — времени теперь достаточно: хлеб убран, комбайн почищен, смазан («Мотор вот осталось толем закрыть да досками заколотить — и все»). А сейчас он собирается в сельмаг соли купить — капусту жена приказала засолить, но это не к спеху. Однако мы говорим, что с женой надо считаться, и предлагаем на нашей машине сейчас же съездить за солью... Он улыбается и вместе с Саней выходит в сени: взять мешок.

Я остаюсь в его доме. Оглядываюсь. За столом над раскрытыми тетрадками две девочки-школьницы. Знакомлюсь. Вот эта, с царапинкой на носу, — четвероклассница Геля — дочь Виктора, а эта — пятиклассница — ее подружка. Как они учатся? Хорошо. В тетради у Гели только одна тройка, а что нос поцарапан, так в этом она не виновата: «Ребята, вредные, пристают...»

В избе чисто, уютно. У порога — старенькая клеенка (на улице — осень, грязь) и по всему полу домотканые половички; на дверях, ведущих из прихожей в комнату, ситцевая крупноцветастая занавеска, а там — этажерка, заваленная газетами, журналами и книгами, платяной шкаф, белые новые стулья вологодской фабрики, диван, русская печь; стены оклеены синими обоями: на стенах яркие плакаты «Сельхозгиза», цветные репродукции картин, семейные фотокарточки в рамках под стеклом, а в красном углу, где раньше ставились иконы, на гвоздике, вбитом в потолок, подвешен ярко-красный вымпел с золотой бахромой и с надписью на нем: «Передовому комбайнеру». Что еще? Ах, да... Радио и электричество. Я, городской житель, эту «мелочь» не сразу и углядел.

В общем, дом как дом. Все обычно и все-таки както радостно: я отлично помню, какими они были, вологодские избы, этак десять — тринадцать лет назад. Что

и говорить: лучше, значительно лучше стали жить колхозники за эти годы! Тогда ведь на трудодни-то в иных колхозах почти ничего не причиталось. Теперь — все наоборот. И крестьянин понимает, насколько своевременны и мудры были меры, принятые партией, начиная с исторического сентябрьского Пленума ЦК КПСС и до наших дней.

Вернулись они уже втроем, с женой Виктора. Тоня стала собирать на стол. Прислушавшись к нашему разговору и, видимо поняв, зачем я сижу в их доме, сказала так, между прочим:

— А про тебя, Витя, опять в газете статейка. И портрет... — Тут она рассмеялась.— Такой смешной: старый, некрасивый. Сейчас покажу.

И она достала из сумки газету. Это был свежий номер районной газеты «Ленинский путь». На первой странице, на месте передовой, в три колонки, набранная жирным шрифтом, была помещена статья «Трудовой подвиг В. Н. Федосова». В центре ее — портрет комбайнера. Мы все вместе, в том числе и маленькая Геля, рассматриваем снимок.

— Нет, не похож!— решаем единогласно, но без возмущений в адрес типографии: знаем ее возможности.

Жена Виктора сказала:

— А ты найди-ка старые-то газеты. Там снимки лучше были...

Виктор ушел в горницу, порылся там и, вернувшись, выложил на стол целую кучу вырезок из газет.

Перебираю, читаю заголовки: «Пятидневка комбайнера В. Федосова», «Комбайн ведет Виктор Федосов», «Всегда впереди» и еще несколько в этом же роде. Снимки тут действительно были лучше.

Потом стали обедать. На стол были поданы и наваристые деревенские щи, и селянка, и молоко.

Саня-шофер, ломая черными шоферскими руками хлеб, вдруг спрашивает дружка:

— А помнишь, Витя, какой «хлебушек» ели, когда маленькими были? А? Не забыл?

— Ну, что ты, разве забудешь...

— Да, парень. Лепешки из липового листа... Пока теплые — ничего, можно в руки взять, а остынут — рассыпаются в порошок, да и только! Клеверные маков-

ки — это уже хорошо. А вот лист, липовый лист!..

Незаметно друзья увлеклись воспоминаниями детства. Грустные это были воспоминания. Шла война, а им 11, 12, 13 лет... И учились только четыре года: надо было работать. Снова и снова Саня повторяет: «А помнишь, Витя, когда еще матушка твоя была жива?..»

Я слушаю их и не спешу задать главный вопрос: «А как ты, Виктор, работаешь?» Больше того, боюсь даже задать этот вопрос. Боюсь нарушить, прервать этот хороший разговор, так непринужденно начавшийся. Да и это ли мне нужно? Не важнее ли понять душу человека — ведь отсюда берет начало все доброе, что он совершил и совершает не ради собственной корысти, а просто потому, что иначе не может. Выбрав удобную минуту, я спрашиваю: давно ли вручен ему тот, шитый золотом, вымпел?

— Уже девять лет висит. Когда вручали, я сказал, что не отдам и в следующем году. И не отдал. Потом еще и еще год... А теперь уж, наверное, все и позабыли, что он у меня хранится,— блестя зубами, охотно отвечает Виктор. И, кстати, сообщает, что у него и другие знаки почета есть — два значка «Отличник социалистического соревнования сельского хозяйства РСФСР», много Почетных грамот...

— А орден? — в шутку спрашиваю я.

— Ордена нет. Я на войне не был,— тоже шутя, отвечает Виктор. А я думаю: был ты на войне, парень, и сейчас в бою, в бою за хлеб, за расцвет родного колхоза, всей страны. И говорю ему что-то в этом роде. А он — ох и улыбка же у черта! — отвечает:

— Мне не орден — мотоцикл с коляской нужен. Уже год, как сделал заказ через наш магазин — не шлют! Вот об этом бы вы написали — добро было бы.

Саня-шофер пошутил:

— А заказывай-ка машину — скорее пришлют. Али денег не хватит?!

— Да денег, может, и хватит, но машина мне не нужна: дороги плохие,— ответил Виктор.

— А, кстати, сколько вы заработали за время жатвы? — воспользовавшись представившимся случаем, спросил я комбайнера.

— Сколько?.. Можно подсчитать: у меня все запи-

сано...— И он опять ушел в горницу и вернулся с записной книжкой в руках.— Вот тут... И за время жатвы, и за каждый месяц,— добавил, листая странички книжицы с черными — писал-то в поле — отпечатками пальцев.

Получалось следующее. На комбайне он работал в эту осень сорок пять дней. В первые 25—30 дней ежедневно убирал 15—17—19 и даже 20 гектаров. Потом, к концу, на подборке остатков «наскребал» по 5—6 гектаров. За эти 45 дней заработал 300 с лишним рублей, да почти на 200 рублей продал хлеба государству. Несколько центнеров зерна оставил и себе — пригодятся в хозяйстве.

Чем он занимается зимой?

О, зимой ему работы тоже хватает. Одну зиму работал механиком участка, оборудовал автопоение на фермах, другую — машинистом на сложном льноагрегате, потом ремонтировал свой комбайн, участвовал в ремонте прочей техники — в колхозе, хоть и неразженькая, но своя мастерская, оборудованная стареньким токарным станком (чудом «достали» в Ленинграде) и еще сверлильным. «Достать бы сварочный, да зарядный агрегаты, да стенд топливной аппаратуры — и можно жить»,— сказал мне по этому поводу инженер колхоза А. Г. Черкесов.

Листаем страницы записной книжицы, подсчитываем, прикидываем. Получается, что и в зимние месяцы Виктор Никитич меньше 70—80 рублей не зарабатывал, а то и все 110—120 рублей. Ну, а весной, в мае, например? «В мае тоже работы хватает,— говорит он.— В мае самая пахота... сев!»

— Так, значит, вы и на тракторе работаете?

— А как же? Вот у меня права тракториста. А вот — механика, шофера... — Он разворачивает передо мной одну за другой маленькие книжечки. И, между прочим, рассказывает об одном случае...

Однажды, в разгар весенней страды, заболел тракторист — сменщик Виктора. Что делать? Решил отработать подряд и вторую смену: может, отлежится, придет. Нет, тракторист не пришел. А тут день наступил. Да такой солнечный, теплый: пахать да пахать! И Виктор остается еще на одну смену... Жена догадалась, в чем дело, прибежала в поле, выругала: «Совсем с ума со-

шел!», но все-таки поесть ему принесла. А подкрепившись, Виктор остался снова на ночь. Спать, конечно, хотелось и боялся он одного: не заснуть бы за рулем...

Весной ночи короткие. Снова наступил рассвет и снова прибежала жена, теперь уже по-настоящему встревоженная, но он шутил, что ему совсем не хочется спать, и продолжал пахать.

Трое суток работал Виктор, не уходя с поля! Проезжал мимо председатель колхоза Туриков, остановился, как всегда, подошел к трактору и с удивлением заметил, что на человеке, как говорят, лица нет.

— Что с тобой, парень? Заболел, что ли?

— Да нет,— постарался улыбнуться Виктор,— я здоров... Просто спать хочется.

И Туриков, узнав, в чем дело, с присущей ему решительностью буквально прогнал Виктора от трактора:

— Садись в машину! Сейчас же!

Пришлось послушаться: председатель колхоза — не кто-нибудь!

Рассказал Виктор об этом случае так, между прочим, поскольку разговор зашел о том, что он делает весной, в мае. А не случись такого разговора — он и не вспомнил бы. «Что ж, мол, тут такого! Надо было — и работал». Да, да! Он точно так бы и ответил, если бы я начал восхищаться этим его подвигом. Да и один ли такой случай был у него? Наверно, не один. Такая уж у него душа, такой характер. Он и сам сказал об этом, когда мы заговорили, кто какое обязательство брал и как его выполнил. Он, например, обязался убрать 320 гектаров. А убрал 440!

— Я люблю по-честному: сказал — сделал! — пояснил Виктор.— Триста двадцать — это твердо! При любых обстоятельствах. А сделал больше — тем лучше. А то у нас привыкли некоторые много обещать и мало делать. Лучше наоборот.

Мы с Саней вполне были согласны с этими словами Виктора.

...Не заметили, как начало темнеть. Я предложил поехать сейчас же, не откладывая, к помощнику Виктора М. И. Яблочкову в деревню Ижкобой. Но Виктор сказал, что его дома нет, уехал по делам в город.

— Можно съездить к Юрию Забелину, если хотите. Тоже хороший комбайнер! — предложил он.

К Забелину — так к Забелину!

Вышли. Снова в глаза бросился комбайн.

— Почему,— спросил я Виктора,— вы его здесь, под открытым небом, на зиму оставляете?

— А надежнее здесь: на глазах все-таки. Прошлую зиму и под навесом некоторые стояли — да что толку? Все растащили...

— Но и с вашим это может случиться. Ребятишки, например...

— Нет, у нас в деревне ребята не такие. Понимают. Поначалу, правда, было... Пришлось повоевать. А теперь не то что с комбайна или трактора что-нибудь взять — так даже наоборот — найдут какую гайку или там железяку — несут: «Возьми, дядя Витя». Правда, и школа стала вбивать им в голову, что машины надо беречь.— И, глянув на комбайн, добавил:— Ничего, перезимуем. Я его хорошо укутаю. Машина почти новая — полтора сезона проработала. Думаю, что не меньше того «старичка» послужит.

Выехали в поле. Саня, ворочая рулем, кричит мне:

— Взгляните на поля-то... Вон сколько камней-то! Вот тут Виктор и работал!

Гордился Саня своим другом. И не зря!

Разговор в доме Юрия Забелина начался опять с того же: сколько гектаров сжал, сколько намолотил да сколько продал государству.

Добродушный, по-ребячески наивный и простоватый, Юрий ответил:

— А и не знаю, парень, сколько.

— Да ты что? — удивился Виктор Федосов. — Неужели и в самом деле не знаешь?

— Не знаю. А как узнать-то? Закончишь участок — учетчика нет, замерить некому... Так же и с зерном. Иной раз за каждый бункер поставят восемь центнеров, а иной — десять. А я слыхал, что и двенадцать центнеров бывает. Бог его знает.

— Да, тут у нас явный непорядок. Учетчики все время занижают... А что получилось? Прибегает на днях ко мне кладовщица: «Выручай, Виктор! Хлеба лишка

оказалось. Еще не все и пересушили, а уже получилось столько, сколько числится по бункерному весу. Давай, мол, оформим задним числом еще одну бумагу на зерно». Видишь, что получается. Лишнее зерно. А это — простор для воров и жуликов.

— Да, есть еще такие... Только и ждут, когда стемнеет,— согласился с этим выводом Саня-шофер.— Вон в этой самой (он назвал деревушку) такой хапуга живет. В колхозе он только числится. А жаден до чего! Приехали в тот угол охотники — медведя на овсах хотели подкараулить, так ведь что придумал? Керосином обрызгал все медвежьи тропки, чтобы не пришел медведь! Сам не гам и людям не дам.

— Уберег мишку — правильно! — бросил Виктор...

Друзья еще долго толкуют по поводу учета и решают, что в следующем году они «такими дурнями» не будут. «Без взвешивания бункера не станем сдавать зерно — и баста!» А Виктор еще наставлял Юрия, чтобы тот обязательно записывал, сколько сжал, намолотил, как это делает он. Пригодится!

И спросил, пожимая Юрию левую руку (правая у него была забинтована):

— Что, все еще не зажила?

— Да вот, парень, не заживает. Как солидол попадет — опять хуже. Тут, — он показал на другие царапины,— и тут, и тут — уже зажило, а эта — никак...

— Ох, у меня на ноге тоже долго не заживало...— И пояснил мне:— У нас ведь не бывает без этого. Сломается что-нибудь, начнешь исправлять, заспешишь, а ведь кругом железо — то стукнешься, то кожу сдерешь.

— Понятно, в общем,— шучу я. — Бойцы считают раны!..

И в самом деле, передо мной были бойцы! Солдаты северных полей.

* * *

На следующий день, с утра, к правлению одна за другой стали подходить машины: коммунисты колхоза съезжались на собрание.

К двум часам все были в сборе. В небольшом, но уютном помещении, в колхозном «конференц-зале», под который была отведена вторая половина дома, занима-

емого правлением, собралось около девяноста человек. Я отыскал глазами Виктора Никитича и издали поприветствовал его. Было радостно от того, что он здесь — среди коммунистов, в рядах коммунистов.

Внимательно слушаю отчетный доклад секретаря парткома колхоза В. И. Шамшина. Он много и подробно говорит о результатах хозяйственной деятельности колхоза, называет цифры (пожалуй, даже слишком много цифр), перечисляет лучших тружеников и, в противоположность им, худших, но не раскрывает, что стоит за этими цифрами, фамилиями.

Не нашлось горячих, взволнованных слов у секретаря парткома и тогда, когда он говорил о Викторе Федосове. Нет, Федосову славословие не нужно. Он человек не тщеславный. Яркие слова нужны были бы для того, чтобы, раскрыв суть трудового подвига и патриотического поступка этого коммуниста, всколыхнуть, зажечь сердца других, вызвать желание подражать ему, вселить веру, что так работать могут и они.

К сожалению, как, впрочем, мне приходилось наблюдать и в других колхозных парторганизациях, здесь, по крайней мере в докладе секретаря парткома, воспитательная сторона была забыта.

Потом, после перерыва, когда начались выступления, эту ошибку В. И. Шамшина отлично исправили секретарь парткома районного сельхозуправления И. Г. Соколов и председатель колхоза В. И. Туриков.

Говорил Туриков горячо, заинтересованно, полной мерой воздавая должное лучшим людям колхоза — и особенно бригадирам и механизаторам, от которых — он-то знает!— зависит успех дела, будущее колхоза.

Да, будущее деревни — в этом я целиком согласен с Виктором Игнатьевичем Туриковым — будущее деревни принадлежит Федосовым. Они, овладевшие всем комплексом сельскохозяйственных машин, которых в колхозе с каждым годом становится все больше, будут решать судьбу производства! И не о недостатке рабочих рук сейчас должен вздыхать руководитель колхоза,— такой многолюдной, как она была раньше, деревня уже не будет никогда — не то время: страна наша из аграрной превратилась в индустриальную,— руководитель колхоза должен думать о том, чтобы на полную мощь использовать имеющуюся технику, суметь при-

влечь в колхоз молодежь и воспитать своих Федосовых!

Кто он — Виктор Никитич Федосов? Крестьянин? Да, крестьянин! Но не тот, лапотный, который знал соху да борону, спал на печке да кланялся иконам, моля об урожае, нет.

Виктор Федосов — новый тип крестьянина, рожденного нашим временем, колхозным строем.

Правда, и он использует далеко не все свои возможности. Секретарь парткома Бабаевского управления И. Г. Соколов не случайно сказал ему после собрания:

— Виктор Никитич! А что, если бы вы возглавили механизированное звено — и сами, силами этого звена, на определенной площади провели весь цикл работ — от удобрения и вспашки до уборки урожая? Есть у нас такое звено в колхозе «Путь к коммунизму», возглавляет его Хорев. И представьте, получается отлично. Съездите к Хореву, поучитесь у него!

Но вернусь к выступлению на собрании В. И. Турикова. Между прочим, он рассказал, что в прошлом году из колхоза «Андога» из многочисленной армии механизаторов, возглавляемой скромным, но деловым и опытным инженером А. Г. Черкесовым, из армии, насчитывающей сейчас 60 человек, ушли, а если говорить прямо, — сбежали в погоне за длинным рублем куда-то на юг страны несколько человек. Недавно они, дабы доказать председателю, что поступили правильно, прислали коллективную фотокарточку и не в меру хвастливое письмо.

— Они нам: «Вот-де, мол, мы какие! Глядите!» — взволнованно говорил по этому поводу председатель.— А что же мы? Мы им ответили:

— А вот мы какие! Мы без потерь и быстро убрали весь урожай, собрали по девять центнеров с гектара вкруговую, вспахали тысячу гектаров зяби — значительно больше, чем в прошлые годы, засыпали семена, продали государству пятьсот центнеров хлеба сверх обязательства. Во всем этом заслуга инженера Черкесова, механизаторов — патриотов колхоза — таких, как Виктор Федосов, научившихся на полную мощь использовать имеющуюся в колхозе технику!

Достойный ответ!

1964 г.

Весна работает

Я люблю глядеть, как работает весна. Да, она работает. Сама, помимо человека. И как работает! Залюбуешься. Она не разрушает — созидает. Впрочем, и разрушает кое-что... Но опять-таки ради созидания. Она сжигает белые терема — сугробы, ломает льды на реках, дабы могли они набрать силу и вытащить на своих плечах весь мусор, все отходы зимы.

Я спешу на берег, как только услышу: река тронулась! Прислонюсь к березке плечом и гляжу, гляжу... Картина настолько величественна, что никаких слов говорить не хочется. Хочется молчать и глядеть, глядеть и молчать. Весна вдруг покажется этакой разбитной молодайкой с подоткнутым подолом, с русой прядкой над запотевшим лбом — и не диво: она занята уборкой в доме.

Вот она протерла до синевы окна... простите, небо, дабы пуще сияло и грело солнышко. А солнышку то и надо. Чуть свет — выкатывается из-за горизонта, нет, не выкатывается, а вкатывается в небо, да все норовит покруче взять, повыше влезть. И это ему удается. И хотя я не могу взглянуть ему в лицо, но чувствую, почти наверняка знаю, что на лице его улыбка — от удовольствия светить людям.

А весне и этого мало. Управилась с небом — теперь за полы... За поля то есть, за луга и пашни. Ой-ой! Сколько воды весна-хозяйка расплескала по всем углам! Лужи, ручейки, речушки, реки! Мыть так мыть, прибирать так прибирать! И по реке, раздавшейся так, что берегов мало, плывут и плывут льдины, а на них то свежие щепки (бревна в дело пошли!), то отрезок зимней дороги (ненадежной стала дорога и потому —

вон ее, туда же, на свалку!), то поломанные дровни, то соломы груда... Вода в реке мутная и — что весьма и весьма печально — уже с нефтяными разводами: примета нашего века. А ведь ни один еще пароход не тронулся с места. С полей да с дорог, наверно, смыло нефть эту.

Но вот уже проплыли последние льдины, и сегодня, 22 апреля, неожиданно звонко и молодо ударил первый гром. День-то какой — двадцать второе апреля! В этот день Ленин родился. Родился новый век в истории человечества.

Я раздумываю об этом, а за окном вовсю полыщет прямой весенний дождь. Мало талой воды весне, подхватила где-то тучку, приволокла на семи ветрах сюда, перекинула с ладони на ладонь — оттого и громыхнуло! — крутанула и выжала ее на землю. Пусть озимые умоются, плесень подснежную сбросят. Им зеленеть пора, сил набираться.

А дождик льет. Первый дождик. И гром тоже первый. Может быть, потому так лихо, так раскатисто и просторно прогуливается он над городом. Не так ли было и в тот день, когда родился он — Володя Ульянов?.. В том, что случилось это весной, на берегу великой реки русской — да еще во время половодья! — во всем этом для меня есть что-то символичное. Не Волга ли внушила юному Ульянову веру в силу народа, в силу, которая дремала до поры, но — он это понял потом, — будучи разбужена революционным сознанием, способна взломать лед самодержавия, смыть, стереть всю грязь, весь хлам старого уклада жизни и утвердить самый справедливый строй, о котором пока лишь мечтали лучшие умы человечества.

Поистине велик, беспримерен жизненный подвиг Ильича!

Сегодня город празднует годовщину со дня его рождения. У памятника, недавно воздвигнутого на центральной площади, живые цветы. Областная газета посвящает знаменательной дате целую полосу. Там рассказы о трудовых победах коллективов, о коммунистах — ударниках коммунистического труда, и стихи моего друга поэта Александра Романова. Нет, не изменилась наша суть, говорит поэт, не поколебалась наша вера в великое дело, завещанное Лениным, несмотря на

недоброй памяти время, когда образ его, имя его подчас заслонялись другим. Мы снова, как и тогда, когда нам бывает трудно, выверяем свои думы, свои дела по нему:

Лукавить в разговоре с ним нельзя.
Сфальшивишь в чем-то —
и в мгновенье это
Прищуренные, умные глаза
Перед тобой. Глядят и ждут ответа.
Они глядят пытливо, ищут суть
В тебе самом...

Но самое главное в том, говорит поэт что сейчас, когда созданная им и верная ему партия навсегда покончила с культом личности, совсем иначе дышится, работается. И не потому ли сейчас «...в глазах у миллионов то искорка, то ленинский прищур!».

Очень верно и точно сказано.

Я только вчера вернулся из поездки в один из районов нашей области. Каждую весну меня неудержимо тянет в деревню. И не только потому, что в эти дни пробуждается природа и увидеть ее пробуждение своими глазами — уже праздник, но больше еще и потому, что весной каждый раз по-новому раскрываются сердца хлеборобов. Причем раскрываются до сокровенных глубин, до предела возможностей. Все лучшее, что таит в себе крестьянин, на что он способен, проявляется в полной мере весной. И это понятно: весна — пора надежд и дерзаний. А дерзание — всякое — требует всех сил человеческих! Короче, весна — это страда, как метко определил эту пору сам народ, страда, когда пахарь все начинает заново, уповая только на веру да на свои руки.

В этом смысле можно сказать, что весна работает не только на полях да лугах, а и в сердцах человеческих. О, там она разжигает такой огонь, гремит такими громами, что не услышит только глухой.

Это я понял уже из первой встречи с секретарем парткома Харовского района, моим старым знакомым Борисом Зиновьевичем Веселовым. Здесь он всего лишь два года — до этого работал первым секретарем обкома комсомола, потом закончил двухгодичную партийную школу в Москве и вот теперь стал вожаком сельских

коммунистов. Повзрослел, но комсомольский задор не растерял. Едва произнес я обычное при встрече: «Ну, как дела?», он воскликнул:

— Ах, приехать бы тебе вчера! У нас такой пленум состоялся, такой разговор шел! — И начал выкладывать.

Оказывается, на пленуме (доклад делал он — секретарь парткома) впервые был поставлен вопрос о широком внедрении в колхозах хозрасчета. До сих пор председатели тянули с этим делом под тем предлогом, что для хозрасчетной организации производства в колхозах недостает техники. Но опыт одного-двух колхозов, внедривших не хозрасчет даже, а всего лишь элементы хозрасчета, показал, что с помощью его можно творить чудеса. Веселов понял это сам, убедил товарищей и вынес на обсуждение пленума вопрос о хозрасчете, дабы убедить в силе его и, главное, в возможности и необходимости его внедрения всех сельских коммунистов и, в первую очередь, самих председателей колхозов.

— Мы не можем ждать, когда у нас будет техники в достатке. Мясо, молоко, лен государству нужны сегодня! — повторил он выстраданные, по-видимому, слова.— Пусть этот год мы помучаемся, но зато многому научимся. Научимся считать, черт побери! А это значит — разбудим инициативу всех колхозников, все будут думать, все будут участвовать в управлении хозяйством. Понимаешь, какая это сила — хозрасчет?! Да если на то пошло, хозрасчет — это заместитель председателя колхоза! Впрочем, выше! Я уверен, что заместителя председателя, как штатную единицу, при хорошо налаженном хозрасчете можно будет сократить. В колхозе, в котором были применены элементы хозрасчета, люди сейчас буквально за горло берут бригадира, требуют: «Ты нас теперь каждый месяц созывай на собрание и докладывай, что в бригаде не получается, нажмем, вытянем!» Во как! А когда мы доведем суть хозрасчета до сознания всех колхозников — так будет везде! Народ примет хозрасчет, как он принял в эту зиму кружки по изучению техники. Потому что в этом деле мы, что называется, в точку попали. Двадцатый век — век машин! И все рвутся к рычагам и штурвалам. Особенно, конечно, молодежь. В колхозе «Большевик», например, где руководил кружком механик колхоза — коммунист Козлов, ребята сейчас ждут не дождутся последнего экза-

мена — он будет накануне Первомая, — чтобы сесть на трактор, за руль автомашины, комбайна...

Рассказывал все это Борис Зиновьевич радостно, и в голове его звучала уверенность. Он то и дело повторял: народ думает, народ ждет, народ принял... Скажу по совести, мне были по душе такие сочетания слов. Не голые цифры, хотя мы много говорили и о цифрах, занимали секретаря парткома, а люди. Цифры — производное от людей — он это отлично понимает! Встряхнуть человека, разбудить его инициативу, его совесть, его человеческое достоинство и поверить в него — вот в чем видит главную задачу партийный руководитель — Веселов.

Мне вспомнилось, в связи с этим, не очень давнее заседание бюро, которое вел Борис Зиновьевич. Рассматривалось персональное дело коммуниста — бригадира колхоза. Суть дела была проста: в деревню на отдых приехал кто-то из родственников бригадира, и он, во время сенокоса, загулял. Парторганизация колхоза пожурила бригадира, этим и ограничилась. Но через некоторое время пьянка повторилась. Потом еще раз и еще...

На бюро выяснилось, что вообще-то бригадир этот, когда он не пьет, серьезный, деловой человек. И сам горит на работе, и людей зажечь умеет. Бригада его лучше других и быстрее других справляется с делами. Но вот... свихнулся человек. А ведь он коммунист. И партсобрание колхоза принимает решение: исключить его из партии, поскольку своим поведением он кладет пятно на парторганизацию.

Высокий, плечистый, с крупными чертами лица, он стоял перед членами бюро и обреченно, но честно и прямо, отвечал на вопросы. Он не удивился, когда кто-то, вздохнув, сказал: «Ну, все ясно!» Мнение, как он, видимо, и ожидал, складывалось одно: утвердить решение парторганизации колхоза. Борис Зиновьевич все это время внимательно, не зло, а скорее с любопытством, оценивающе, глядел на стоявшего посреди комнаты человека. И когда высказались все, он негромко, почти по-домашнему, словно сам себе, сказал: «А я все-таки не верю, что это потерянный человек... Не верю! Вы поглядите на него: ведь это же орел! Фронтовик!» В комнате стало тихо до звона. С минуту длилось это молчание. Человек, стоявший посреди комнаты, казалось, окаменел. А секретарь райкома продолжал: «Давайте-ка

мы еще раз поверим в него. Если он до конца не растерял свою совесть, свою гордость,— он нам докажет, что мы поступили правильно. А гордость, я вижу, у него есть».

Человек не дрогнул ни единым мускулом, не переступил ногой, не шевельнул рукой... Только по щекам его, крупные, мужские, предательски одна за другой медленно скатились слезы. Нет, он не вытирал их, больше того, он о них, кажется, даже не подозревал. Так он потрясен был словами секретаря. А тот добавил: «Возражений нет?» Возражений не было. «Идите, товарищ. Вы свободны». Человек какое-то мгновение помедлил, словно не веря еще в случившееся, хотел что-то сказать, но так и не нашел нужного слова, устало повернулся и вышел.

Финал был неожиданен и для него, и для членов бюро. Было ли решение, предложенное Веселовым, ошибочным? Нет! Теперь я знаю об этом.

На другой день — это была суббота — Борис Зиновьевич позвонил в Дом крестьянина:

— Поедем-ка, поглядим, как земля оттаивает... Заодно косачей послушаем. Говорят, вовсю уже токуют.

Поехали по дороге на Сяжму — чуть ли не по единственной проезжей в это время дороге, ведущей от железнодорожной станции до центра бывшего Сяжменского района, ныне присоединенного к Харовскому. День был удивительно солнечный и теплый. По голубой красавице Кубене плыли льдины — река была слева, внизу: местность здесь холмистая. Поля, жмущиеся к лесам, буквально тонули в талой воде: земля еще не оттаяла и не принимала влагу. А над просохшими бугорками, знакомыми до щемящей боли сердцу северянина, на невидимых ниточках, как игрушечные, покачивались жаворонки.

Остановили машину. Явственно услышали и жаворонков, и бульканье косачей. Весна... А Борис Зиновьевич о своем: как-то перезимовали озимые? Сеяли поздно. Осень была — дождь и дождь. Хочется, так хочется ему удачи в этом году! Из областной газеты звонили: напиши статью, у тебя же столько хороших замыслов, дел... Отказался. Цыплят, мол, по осени считают. Вот

соберем урожай, подведем итоги — тогда и статью можно будет написать. А пока надо работать. И не просто лбом об стену биться, пороть горячку, а с умом, с расчетом работать. Лозунг: любой ценой! — сейчас неприемлем. Успех, достигнутый таким способом,— ложный успех, ведущий в конце концов к подрыву колхозов.

Он смотрит на озимое поле и спрашивает меня:

— Чье оно — это поле? Ты скажешь: колхоза, бригады. Верно. Но коммунисты наши, сами, снизу, предлагают внести в этот ответ уточнение. Недавно в нашей газете выступил тракторист Артюшев и во весь голос заявил: надо кончать с обезличкой в выращивании зерновых! Каждому полю — хозяина, заботливого, совестливого.— Он достал газету.— А потом... вот, читай... на этот призыв откликнулся другой коммунист — И. Налиухин, тракторист с двадцатипятилетним стажем. Стоит прислушаться к его голосу? Стоит! Посмотри, что он пишет: «Я полностью согласен с механизаторами, которые поднимают важный жизненный вопрос: «Каждому полю — своего хозяина»... В самом деле, если бы за мной была закреплена определенная площадь, я бы не оглядывался на кого-то, не ждал указаний, а делал бы сам, что надо, и, конечно, не допустил бы плохой обработки земли».

— Правильно пишет. Ведь это и есть хозрасчет! Понимаешь? — И обратился к шоферу: — А что, Володя, недельки через полторы, пожалуй, пробовать можно будет? Земля при такой погоде живо подсохнет.

— Да, выборочно можно будет начинать, — согласился Володя. Ехали обратно опять вдоль Кубены. Шофер рассказывал какую-то рыбацкую байку — в Кубене водится редчайшая рыба нельма, и разговор шел о ней, а я раздумывал о безвестных пока мне коммунистах Артюшове и Налиухине и жалел, что не смогу их скоро увидеть, хотя бы ради того, чтобы пожать им руки. Жалел, что не знаю сотен других Налиухиных и Артюшовых — живущих в тихих деревнях и селах моей Вологодчины. Далеко они порой друг от друга, но у них есть ощущение локтя товарища, соратника, и все вместе они делают ту же работу, какой сейчас занята в моем краю весна.

1965 г.

Любовь к земле? Да!

Экономист В. Чупеев, выступивший со статьей «Зачем крестьянина в сермягу рядить?» («Литературная газета» от 28 августа 1968 г.), задался целью опровергнуть двух авторов (И. Копысова и А. Янова), выступивших в той же газете с мнением, которое в его изложении выглядит так: «надо вернуть (?)... крестьянину любовь к земле; единственный путь к этому — безнарядные самостоятельные звенья с оплатой только «за урожай»; все нормы — побоку; пусть крестьянин хозяйствует по-своему, пусть будет сам себе агрономом».

Мы еще не услышали ни одного контрдовода В. Чупеева, но уже по тому, как он озаглавил статью и изложил точку зрения оппонентов, почувствовали, насколько раздражает его подобная «ересь». Что стоит хотя бы только один вопросительный знак после слова «вернуть» и многозначительное отточие после него! Подумайте-ка, дескать, чего захотели эти И. Копысов и А. Янов: вернуть крестьянину любовь к земле! Это ли не анахронизм? Это ли не «поиски сермяжной правды»? Да, да, так он и пишет. Притом еще и добавляет саркастически-уничижительно: «Любовь к землице у «мужика», видите ли, отняли, нормами заели, в рабочего хотят оборотить».

И, желая посрамить проповедников мужицкой «любви к землице», с высоты «научного подхода» разит их такими словами: «...кричать «мое», судорожно прижимая свой клочок к груди, — это не любовь к земле, а скорее рвачество».

Хотелось бы спросить уважаемого автора: где и кто ратовал за *такую* «любовь»? Зачем ему понадобилось оглуплять своих оппонентов? Ведь никому, кто

хоть мало-мальски знает психологию современного крестьянина-колхозника, даже и в голову не придет такое. Да и те, кто в деревне бывали проездом, знают, что не о «своем клочке» мечтает сейчас колхозник — наваливай ему этот клочок — не возьмет, — он мечтает о возможности работать с полной отдачей, творчески, на колхозной земле, чтобы можно было, как говорится, показать себя, получить моральное удовлетворение от работы — не только деньги!

Нынешний колхозник на основании многолетнего (теперь уже можно так сказать!) опыта знает: обезличенная, ничейная земля — это плохо. Кто-то, предвижу, возразит: «Как так ничейная? Колхозная же!» Да, колхозная. И все же, сказать так — еще не значит исчерпать полностью проблему взаимоотношений между землей и человеком при коллективном ею владении.

Принадлежит людям, колхозникам... Ну, а колхозники, как известно, работают по нарядам. Получит, скажем, Иванов наряд — выедет в поле, вспашет или там прокультивирует, а не получит — даже и не почешется. «Начальству виднее», — скажет. Нет у него в душе извечной хлеборобской озабоченности подоспевшими делами («успеть бы, не прозевать»), той самой озабоченности, которая и перед сном толкала крестьянина за ворота — еще раз взглянуть на небо: чего ожидать завтра — ведро ли, мороси... Не зовет его земля, не торопит, спокойно спит он, когда по нарядам-то...

Зов земли... Мне думается, это не только поэтический образ. Это понятие вполне реальное, я бы сказал даже — материальное! Худо земле, сиротливо, если человек не слышит ее зова. Да и человеку нехорошо — сквозняк у него в душе... Ведь живая она, земля-то. Она столь же чутка и отзывчива на доброту, на заботу человека, сколь и мстительна, когда он охладевает к ней. Она не любит поденщиков, как честный человек не любит лицемеров; не любит, несмотря на то, что они, поденщики, «выгоняют» не одну, а даже две нормы в день; не любит за то, что они не ждут от нее ничего в трепете и тревоге и ничего не требуют взамен; не любит за то, что они не способны разделить с нею радость, когда она разрешится плодами...

Я убежден — хлеборобы чувствуют это. Лет пять назад, приехав в Харовский район Вологодской области,

я стал просматривать районную газету и вдруг увидел: «Каждому полю — хозяина». Писал механизатор одного колхоза. Прочитал я то письмо — словно крик души человеческой услышал. Невмоготу человеку было и дальше видеть запущенные, обездоленные поля. «Не выросло ничего, — писал механизатор, — одни сорняки, а спроси, кто в этом виноват, — виноватого не найдешь».

Взволновала меня та заметка. И не случайно: доводилось мне слышать подобные разговоры и раньше. Особенно запомнилось, как выкладывали наболевшее колхозники очередному председателю, принявшему их отстающий колхоз.

Я потом воспроизвел эту беседу в одной из своих поэм. И вот там один из колхозников говорил:

За деревню выйдешь летом —
Рожь, к примеру, у ручья.
Рожь... А ржи-то, брат, и нету...
Чья работа? А ничья.
Наша! Некого похаять:
Миколай навоз возил.
Ванька с Филькою пахали,
Митрий вроде боронил.
Ковыряли землю в меру
Все, и всем была она,
Как кому-нибудь, к примеру,
Нелюбимая жена.
И живет он с нею рядом,
Тянет лямку — обручен!
Но не сердцем, как бы надо,
Ощущает, а плечом...

Убежден до сих пор, что колхозника не удовлетворяет и не может удовлетворить роль поденщика на земле. Ему, как и всякому человеку, хочется, ну хотя бы раз в году, взглянуть на д е л о с в о и х р у к, и если оно вышло не хуже, чем у других, порадоваться, а может быть, даже и погордиться, а коли хуже — закусить губу, понять свои просчеты и снова засучить рукава.

В этом, и только в этом, а не в наклонности крестьянина к «рвачеству», надо искать причину массового возникновения звеньев. И никакой не «нажим», как это пишет в статье «На тех ли дорогах ищем?» («Литературная газета», 25 сентября 1968 г.) Леонид Иванов, сыграл тут свою роль. Просто люди увидели возможность поработать в звеньях от души, поверили в них,

А то, что звенья кое-где разваливались, это еще ни о чем не говорит. На первых порах, позволю напомнить товарищам Чупееву и Иванову, разваливались и колхозы. И тоже как раз те, которые создавались в спешке или в обстановке «головокружения от успехов».

Вологодская областная газета «Красный север» в передовой статье, озаглавленной «Каждому гектару — хозяина», писала, что кое-где «...звенья создаются наспех — в канун сева, а то и в разгар его. Технологические карты разрабатываются без учета конкретных особенностей каждого поля, меры поощрения не обеспечивают большой заинтересованности у механизаторов. И неудивительно, такие скороспелые звенья распадаются (разрядка моя. — *С. В.*), не выполнив полного цикла работ... Опыт показывает, что наиболее работоспособными, крепкими являются те звенья, при создании которых учитывается мнение самих механизаторов, кого включить в состав их коллектива. Полное доверие друг к другу, готовность прийти к товарищу на помощь в любое время, деловая требовательность и принципиальность, единство цели — все это цементирует коллектив...».

В. Чупеев, задавшись целью развенчать идею звеньев, прибегает, на мой взгляд, к довольно-таки сомнительным аргументам. Звенья виноваты, как он пишет, даже и в том, что в колхозах в определенный период были сломаны севообороты.

Простачки, может быть, и поверят этому. Люди же, связанные с деревней, знают, что эта беда (как и низкие урожаи) пришла на поля некоторых колхозов совсем от другого — оттого что колхозники утратили в тот период ту самую любовь к землице, по поводу которой позволяет себе иронизировать В. Чупеев, утратили чувство хозяина земли, стали безразличными и равнодушными к ней, махнули на все рукой — делайте, дескать, что хотите! — не в силах противостоять распространившемуся тогда стилю волевого руководства колхозами. В тот период колхозникам не дороги были подчас не только севообороты, но и сам урожай, уже выращенный и созревший (я видывал, и не раз, как уходили под снег поля отменной ржи)...

Впрочем, В. Чупееву, пожалуй, и не доводилось слы-

хать об этом. Иначе как же можно было сказать: «Звенья виноваты»? Наоборот, те руководители, которые создавали звенья и в ту пору, получали хоть какую-то возможность заинтересовать колхозников в труде, пробудить в них если не любовь к земле, то хотя бы совесть прирожденного землепашца, не предававшего землю ни при какой беде. Я бы мог привести не один пример (из опыта колхозов Вологодской области), когда той поры звенья — еще небольшие и слабо механизированные — буквально-таки творили чудеса. И не потому, что в людях просыпалось творческое отношение к труду, самолюбие просыпалось наконец. Они как бы говорили самим себе: «Вот земля — вот мы. И мы покажем, на что способны!» И показывали.

Потом развенчали те звенья — экономист В. Чупеев не может не знать об этом — под тем предлогом, что они противоречили принципу коллективизма в обработке земли... А жаль.

В. Чупеев пытается представить нам звено, как некую артель шабашников: «У звеньев в конечном счете все сводится к тому, чтобы получить участок на год, «сорвать» на нем куш — и на следующий...»

Но, во-первых, если, допустим даже, звено и «сорвало куш», то есть хорошо заработало, — кто от этого проиграл? Никто. Ни сами члены звена, ни колхоз, потому что главная задача колхоза в том и состоит, чтобы люди хорошо жили, а колхозные закрома (а значит, и государственные) не пустовали.

Во-вторых, нельзя землю (участок, закрепленный за звеном) представлять в виде пивного ларька — навалились, опустошили, и к другому... Земля, если с нее удалось «сорвать куш», — это знает каждый крестьянин, — не проиграла от этого. Она многое получила, раз выдала урожай. На неудобренной земле «куш» не сорвешь. Это не требует доказательств. Каждому крестьянину известно также и то, что, будучи однажды хорошо заправленной, особенно органическими удобрениями, земля щедро вознаграждает хлебороба несколько лет подряд. И, значит, другое звено, которое придет растить на ней, согласно севообороту, не рожь уже, к примеру, а картофель, тоже не останется внакладе, внеся, естественно, свою долю удобрений.

Отсюда правомерно ли ставить вопрос так, как ста-

вит его В. Чупеев: «А кто будет думать о восполнении плодородия этой земли ради будущих урожаев? После нас — хоть потоп? А интересы колхоза?..»

Риторика все это — не больше. Задаваться такими вопросами — значит начисто забывать о том, что звено — это производственная единица бригады, что о восполнении плодородия земли (о распределении удобрений, о сроках их внесения) в колхозе думают все, и в первую очередь главный агроном и сам председатель. Думает, разумеется, и само звено, но оно ничего не придумает, пока правление колхоза не закупит этих удобрений и не выделит необходимую часть и для него.

К моему удивлению, забывает об этом и Леонид Иванов — признанный знаток положения дел в деревне. Рассказав о том, что в хозяйстве, где работает знаменитый Т. С. Мальцев, давно «внедрена высокая культура земледелия» и потому урожаи там лучше, чем у других, он восклицает: «И внедрили эту культуру не звеньевые, а агрономы». Разумеется, роль агрономов в этом деле велика. Но разве Леонид Иванов не знает, что агрономы были и есть в каждом колхозе и совхозе, а вот «высокой культуры земледелия», увы, во многих из них все еще нет. Что же получается? Агрономы не знают дела? Едва ли. Не все из них, конечно, Терентии Мальцевы, но дело свое знают. И однако же...

Живя в Вологде и бывая на различных совещаниях и областного, и районного масштабов, я слышал все тот же нестареющий призыв: надо повышать культуру земледелия, надо, надо, надо!.. А урожай до 1967 года все оставался в пределах 6—7 процентов с гектара (в 1967—68-х гг. Вологодская область собрала около 12 центнеров с гектара). В чем дело? Агрономы были глухи к этим призывам? Да нет же, просто они, агрономы, бессильны что-либо сделать без людей или, в случае, рассматриваемом Леонидом Ивановым, без звеньевых.

Все упирается в людей — в непосредственных исполнителей указаний агрономов. И нельзя, повторяю, звено (или бригаду) рассматривать изолированно от агронома, как это делает критик И. Мотяшов, задавшись в своей статье вопросом «Любовь к земле или власть земли?» (журнал «Москва», № 8, 1968 г.). Любуясь персонажем разбираемой им повести, молодым человеком, по его мнению, совершенно освободившимся от

собственнической любви к земле, И. Мотяшов с неумеренным восторгом резюмирует: «...он видит землю глазами тракториста, а определять ее важность и намечать сроки сева — дело агронома». Что это, как не проповедь равнодушия, — я бы даже сказал, бездушия — в отношении к труду! Может ли такой труд доставить радость человеку? А ведь одна из целей нашего общества в том и состоит, чтобы сделать труд человека сознательным, доставляющим радость ему. А тут: паши, и все! Рано ли, поздно ли, вспашешь, вырастет или не вырастет что-нибудь на поле — какое твое дело! Пусть агроном об этом думает, у него голова большая. И вообще «хозяйское отношение» к земле, по мнению автора журнала «Москва», — пережиток прошлого. Послушайте, до чего он договорился: «Ведь не по злому какому-то умыслу, не по глупости подрывалось в былые годы хозяйское отношение крестьянина к земле...» Подрывалось, оказывается. А мы-то думали, что все эти годы в колхозниках воспитывалось хозяйское отношение к земле, потому что без него, без хозяйского-то отношения, не только с землей, а и с курицей не сладишь.

Да и сам И. Мотяшов, вчитавшись в рецензируемую им повесть, кажется, тоже понял это: «Пока, к сожалению, нельзя сказать,— пишет он,— что несобственническая любовь к земле у Брыкина—чувство столь же сильное, неодолимое, как у Морковина. И что оно так же побуждает человека к труду и рачительности...»

Спрашивается, что это за любовь, если она *не побуждает к труду и рачительности?*.. И вообще — любовь ли это? Есть над чем подумать И. Мотяшову...

Леонид Иванов признает: «Надо честно сказать... не потеряла остроты проблема, как лучше прививать людям села любовь к земле, на которой они работают...» Честно сказал, верно. Однако те, кто прочитал статью Л. Иванова, не могли не заметить, что у него, как и у И. Мотяшова, есть сильное желание отмахнуться от этой надоевшей, как зубная боль, проблемы, тем более что, как пишет Леонид Иванов, «...уже испытываются тракторы, управляемые по радио... И программировать задания будут агрономы, специалисты». И. Мотяшов приводит еще более «основательный» довод: «Между землей и человеком оказалась машина».

И потому, дескать, о любви и говорить нечего. Как ее, землю-то, через машину полюбишь — она ведь железная... А в будущем тем более: «... вполне допустимо, — пишет И. Мотяшов, — что уже в обозримые годы, как ныне оператор на прокатном стане, тракторист вообще не будет выходить в поле (!), а будет сидеть в высокой стеклянной будке и оттуда направлять работу целой армады машин, нажимая то одни, то другие кнопки».

Да, из стеклянной будки, да еще из высокой, вешних запахов земли не различишь, и солнечного звона спелых колосьев не услышишь...

А будет, наверно, такое... Будет! — не хочу прослыть ретроградом. Однако будет все-таки завтра, а хлеб стране нужен сегодня — вот в чем дело! И потому я предпочитаю быть с теми, кто не хочет сидеть сложа руки и ждать, когда, например, на вологодских полях (а на те поля в сырую осень, к слову сказать, и на гусеничном тракторе не заедешь) встанут, сверкая, высокие стеклянные будки с кнопками. Я думаю, что, когда они появятся, люди найдут соответствующую форму организации труда, мы же должны найти свою, учитывая нынешний уровень механизации, нынешнюю психологию крестьянина.

Еще один из «убийственных» доводов против звеньев В. Чупеев формулирует так: «Звено не создает конечного продукта самостоятельно — участие чужого труда неизбежно», и поэтому оно не может быть «хозрасчетной единицей». Того, кто называет звено хозрасчетным, автор уличает в «несерьезном подходе к экономике сельского хозяйства».

Веские доводы, ничего не скажешь.

Конечного продукта иные звенья, видимо, и в самом деле не создают. Но ведь важно, в конце концов, не то — самостоятельно или с участием чужого труда звено создает конечный продукт, а то — сколько создается этого продукта. Важно, что оно, звено, несет полную ответственность — и материальную, и моральную — за конечный продукт на данном поле, что это поле имеет хозяина, что все, в чем оно нуждалось, оно получило, благодаря заботам звена, в возможно выгодные сроки и возможно полной мерой.

Имея в виду эту — сильную — сторону звена, почему бы и не пойти на сочетание постоянной работы звена на

своем участке с разовой, «чужой» работой колхозников, не входящих в звенья? Причем опять-таки под строгим, придирчивым, заинтересованным контролем членов звена!

А кроме того, я хотел бы сообщить тов. Чупееву, что без «чужого» труда не обходятся и многие колхозы, например, на Вологодчине. На их полях, особенно в уборочную страду, встретишь «чужаков» и из цехов заводов, и из областных и районных контор, и из учебных заведений... Иногда это шефы, а иногда и просто «брошенные на прорыв». Так что же, и эти колхозы не могут быть «хозрасчетными единицами»?

Теперь о нормах, об оплате труда колхозника.

«Как и за что платить в деревне — это суть моего спора с Яновым и Копысовым», — пишет В. Чупеев. Доказав с помощью цифр несостоятельность доводов оппонентов, заключает: «Мне кажется, тут и вопроса возникать не может — как платить до урожая. По труду платить! Это и есть основной принцип социализма — каждому по труду. Что заработал, то и получай. Для этого и существуют нормы выработки. Кто до получения урожая лучше работал, сделал больше норм...»

В общем, понятно: по труду... за сделанные нормы. Просто и ясно, как дважды два. Но мы добавим: на бумаге! Да еще при полном игнорировании особенностей крестьянского труда, а значит, и психологии крестьянина.

Крестьянский труд — особый труд. Он отличается и будет вечно отличаться от труда заводского тем, что его надо выполнить вовремя. Деталь выточить — ночью ли, днем, в солнечную погоду или в дождь — все равно, а посеять надо — сегодня, завтра уже будет поздно, если ты даже и не одну норму сделаешь, а три!

Отличается крестьянский труд еще и тем, что его невозможно оценить немедленно, тут же. Высококачественная вспашка сама по себе еще отнюдь не гарантирует получение конечного продукта в желаемом размере. За ней должны последовать высококачественное внесение удобрений, высококачественный сев, высо-

кокачественная обработка посевов гербицидами, высококачественная уборка...

Вот тут-то снова и всплывает «архаичное», старое как мир понятие — любовь к земле, а в связи с ним и звенья, как одна из возможностей, или как одна из попыток возрождения этой любви в условиях колхозов и совхозов.

Да, звенья. (А впрочем, может быть, и более крупные производительные единицы, как это утверждает Л. Иванов, не спорю. Важен принцип.) Звенья, в которых люди сплочены в единый коллектив круговой порукой, ясностью цели, творческим отношением к труду, законным ожиданием заслуженного вознаграждения в конце года.

В. Чупеев все это сбрасывает со счетов. По его мнению, звено неизбежно будут раздирать склоки, вроде такой: «Я работал, а Сидоров покуривал, — а платить поровну? Ну, уж извините...»

Не отрицаю, такие Сидоровы есть еще в деревнях. Но ведь звеньевой волен и не взять заведомого лодыря в звено. Да наверняка и не возьмет. Не возьмет по той же причине, по какой командир разведывательного отряда, отправляющегося в глубокий тыл противника, не возьмет солдата ленивого, рассеянного, трусливого. Дело звена, как и дело разведчиков, сопряжено с риском: можно и не получить ожидаемого заработка в конце года... Поэтому звеньевой сделает все, чтобы этот риск, по крайней мере по причинам, зависящим от него, свести до минимума.

Вполне логично допустить, что Сидорова не возьмет и другой звеньевой, и третий — и он вынужден будет подобрать себе работу вне звена, ну, например, сторожем. Но если обстоятельства вынудят звеньевого взять все же Сидорова в звено, — можно не сомневаться, покуривать ему будет некогда: в звене, как нигде, люди сознают, что покуривающий Сидоров крадет не только из своего кармана, но и из их тоже. Поэтому они или выгонят его с треском из своего коллектива, или сделают из него человека! А это тоже выигрыш — и не малый — для колхоза.

Короче говоря, в звене исчезает равнодушие к покуривающему Сидорову, к тому, как он выполняет — хо-

рошо или плохо — свою работу. И в этом еще одна положительная сторона звена.

В конце своей статьи В. Чупеев совершенно неожиданно — пыл, что ли, поистратил или шаткость своих рассуждений понял, — как бы мимоходом, роняет: «В заключение и я хочу сказать о любви к земле. Без нее нельзя, безусловно...»

Мы порадовались: осознал-таки человек! Правда, и удивились немало: зачем тогда надо было «изничтожать» А. Янова и И. Копысова, которые как раз это и утверждали: без нее нельзя, безусловно!

Но радость наша была преждевременной: любовь к земле, без которой «нельзя, безусловно», В. Чупеев с организацией производства не связывал. Это мы увидели из следующих его слов: «Благоустроенные дома в деревне, клубы, кинотеатры, хорошие магазины, хорошие дороги — вот что прибавит землепашцу любви к земле».

Спору нет: прибавит. Но было бы к чему прибавлять! Прежде надо любовь-то *эту возродить, вызвать к жизни,* а потом уж и прибавлять ее, наращивать всеми способами, в том числе и благоустройством сел. Жаль только вот, что В. Чупеев не сказал, на какие средства должны строиться «благоустроенные дома, хорошие магазины, хорошие дороги». Кому-кому, а экономисту надо бы задуматься над этим, прежде чем делать такое «оригинальное» открытие. Надо, видите ли, строить, а они, черти, не строят. Ну, а раз так, то нечего и о возвращении любви к земле рассуждать. Разговоры любви этой не прибавят.

Каждому очевидно, что здесь автор ставит все с ног на голову. В самом деле, разве не ясно, что для строительства хороших домов и хороших дорог колхозам нужны деньги, а взять их колхозы могут только от земли. А земля их не дает. За прохладное отношение к ней. За нелюбовь.

Круг замкнулся!

Нельзя не обратить внимание и еще на одно высказывание В. Чупеева: «...сам я работал в совхозе и теперь имею дело в основном с совхозами. Однако «восходящая волна» (выражение А. Янова) создания безнарядных звеньев в совхозах достигла еще больших масштабов...»

Мы не могли не обратить внимания на это «однако». Уж не означает ли оно то, что, как ни старался уважаемый экономист, имея дело с совхозами, поставить плотину «восходящей волне» безнарядных звеньев, ничего у него не вышло. Во всяком случае, автор дает нам повод подумать именно так. Но тогда нам интересно было бы услышать от него не только слова возмущения сим явлением, а и объяснение его. Ведь едва ли можно убедить в своей правоте сторонников «безнарядных звеньев», высокомерно бросив: «Ну, а все цивилизованное человечество до сих пор валяло дурака?»

С точки зрения представителя «цивилизованного человечества», конечно же, трудно вообразить, чтобы что-то дельное могло родиться там, в деревне, в низах. В. Чупеев с явной иронией пишет о тех авторах, в статьях которых «...мудрый тракторист, звеньевой поучает растерявшегося глуповатого директора совхоза или председателя колхоза». Хотя слово м у д р ы й им и не поставлено в кавычки, все равно в контексте оно читается закавыченно, уничижительно по отношению к трактористу.

Не этим ли объясняется тот факт, что, усиленно атакуя «безнарядные звенья», В. Чупеев ни словом не обмолвился, а что думают на этот счет сами звеньевые? Игнорирует их мнение и Л. Иванов. Главный свой вывод насчет звеньев он формулирует коротко и ясно — «битые козыри», основываясь на свидетельствах одного совхозного агронома.

Я ничьи козыри битыми называть не хочу. Это сделает сама жизнь. Однако для объективности считаю необходимым привести здесь мнение хотя бы одного звеньевого, механизатора совхоза «Волковский» Амурской области, Героя Социалистического Труда А. Дугинцева: «Что бы там ни говорили противники звеньев, меня они убедить не смогут. Сколько лет существует совхоз «Волковский», столько лет механизаторы работают звеньями. И не было такого, чтобы хозяйство затягивало ту или иную работу на полях. Сроки сева, ухода за посевами и уборки урожая сокращаются, урожайность растет, повышается рентабельность земледелия.

Сила и жизненность звеньев в том, что механизатор не на словах, а на деле становится хозяином земли. Что будет с трактором, если сегодня на нем работает

один, завтра — другой, послезавтра — третий? За самый короткий срок он превратится в инвалида. То же самое и с землей. Если у нее есть постоянный хозяин — звено, то такая земля не оскудеет, плодородие ее будет повышаться...

Говорят, что звенья не в состоянии выполнить весь комплекс работ своими силами. Ничего подобного! Нынче у нас никто не обращался за помощью.

Преимущества звеньевой организации труда еще и в том, что каждый земледелец хорошо видит результаты своего труда, материально заинтересован в высоком урожае».

А вот что по поводу звеньев говорит главный агроном совхозе «Красавино» Вологодской области: «Решающим фактором в повышении урожайности и развитии производства картофеля служит звеньевая система организации труда. Теперь картофелеводческие звенья выполняют своими силами весь комплекс работ, начиная от посадки и кончая уборкой клубней. Выгода такой системы просто неоценима. Нет обезлички, каждый в ответе за дела своего звена, и звено — за работу каждого механизатора... Звеньевая система выгодна и для хозяйства, и для самих механизаторов. Когда у нас не было звеньев, мы о таких урожаях картофеля и не мечтали, хотя имели те же самые возможности».

Я мог бы продолжить подобные высказывания, но ясно уже и без того, что у сторонников безнарядных звеньев не только одни «битые козыри» на руках. Да оно и понятно: не так-то просто те козыри побить, потому что в самой идее безнарядных звеньев заключено как раз то, без чего невозможно представить крестьянина — без любви к земле. Мысль о том, что понятие это устарело для нашего времени, могла прийти в голову людям, имеющим дело с хлебом лишь через прилавок городской булочной. Я же склонен думать, что любовь к земле будет окрылять и облагораживать душу землероба даже и в те «обозримые» годы, когда агрономы запрограммируют его труд, а самого посадят в стеклянную банку... то бишь будку с кнопками... Потому что хлеборобская любовь к земле — рядом, плечом к плечу с высокой любовью к Родине, а может быть, и составляет самую сердцевину ее!

Любовь к земле испокон веков оборачивалась для

крестьянина не только моральными ценностями, но и духовными. Она вдохновляла его на поэтическое восприятие мира, диктовала ему слова былин и песен (вспомните Микулу Селяниновича хотя бы!), сказок и преданий, она формировала обычаи и обряды, а в конечном счете формировала нравственный, духовный облик всего народа.

И об этом нельзя забывать!

Ведь никто не станет отрицать, что нравственные устои народа, его истинные духовные ценности неразрывно связаны с трудом, прорастающим из глубины веков, и столь же своеобразны и неповторимы, сколь своеобразны и неповторимы были и есть условия его труда и жизни (в том числе климатические и географические). А поскольку труд поначалу был целиком земляным деревенским, то там и истоки тех духовных ценностей.

Называть те истоки «высохшими», а заодно петь заупокойную деревне — значит глубоко ошибаться. В самом деле, если высыхают истоки — высыхает река, само море, наконец, высыхает... А оно — море народной жизни — глубинно и широко дышит в своих берегах.

И тем, кто пророчит «размывание истоков», объявляя сие явление «историческим фактом», надо сказать: истоки, то есть истинные духовные ценности народа, его национальное своеобразие нельзя ни размыть, ни перекроить по чьему-то вкусу, как нельзя на месте березовой рощи вырастить кокосовые пальмы.

1969 г.

Живет в селе такой «чудак»...

I

Иван Алексеевич просыпается и встает сразу — без потягиваний, обычных для людей праздных, несобранных, в такую минуту еще и не знающих, что приготовил им день грядущий — дело ли неотложное, безделье ли...

Опустив одну ногу на пол, он тянется к стоящему рядом сундучку, достает длинный, до самого паха, заводской протез, морщась от боли,— лишка таки походил вчера! — приспосабливает его к культе, закидывает на жилистое, суховатое плечо широкий поддерживающий ремень и встает, пробуя: ладно ли, терпимо ли...

В сенях, у двери чуланчика, в котором он спит не только летом, но и зимой — любит свежий воздух,— услышав, что хозяин встал, нетерпеливо перебирает лапами огромный густошерстый кобель Гай, смешно, по-мальчишечьи зевает Абу — полуторагодовалый отрок Гая, вполне сошедший бы за овчарку, если бы не эти предательски висящие, как и у родителя, уши. Характер у Абу еще не устоявшийся, легкомысленный — этакого шалопая, готового в любую минуту выскочить на крылечко, в сад и яростно облаять хоть старого, хоть малого, скаля белые клыки в щели между досками высокого забора. Гай в таких случаях лает, не сходя с места, не столько по обязанности, сколько по привычке.

Две собаки да еще кот Мурик — вот и все живые души в доме Ивана Алексеевича. Он так и не обзавелся семьей, прожив уже 59 лет. И не то чтобы не хотел, а так уж получилось. До войны учительствовал — своего угла не было, по квартирам скитался, а после вой-

ны... И поздновато казалось, да к тому же и инвалидность сильно смущала: кому он, без ноги-то, нужен, работничек...

В общем, зря ли, нет ли, а не женился, остался бобылем. Скучно? Да, наверное, было бы скучно, если б... Если б не эта увлеченность любимым делом, страсть, которую он пронес через всю жизнь. Название ей — цветы. А если шире — любовь к природе, облагораживание ее — для людей, на радость людям.

Все это очень схоже с творчеством. А творчество и скука — понятия несовместимые.

Ну и, конечно, для него много значат Гай и Абу — его друзья, преданные и бескорыстные, его «мальчики» (так он их зовет), с которыми он научился разговаривать, понимать их, как те — по жесту, по взгляду, по тону голоса — научились понимать его.

— Ма-альчики, ма-альчики! — подает голос Иван Алексеевич, берясь за скобу двери.— Гулять мальчикам надо... — и открывает дверь, тяжело перекидывает деревянную ногу через порог. Абу подпрыгивает, белые клыки наружу — улыбается, норовя положить лапы ему на плечи.

— Ну! Давно не виделись... — отворачивает Иван Алексеевич лицо от «невежи» и, придерживаясь за стенку, идет к воротам, снимает запор.

— Ступайте!

Теперь бы в избу, умыться, загреть самовар, да нет, сердечко постукивает: в сад, в сад... Не расцвели ли, взглянуть, георгины — такие бутоны налились ко вчерашнему дню!

И он выходит на крыльцо, берет в руку костыль. Утро солнечное, но ветреное. И ветер холодный — с востока, с Урала: там, передавало радио, ночами даже заморозки. Вот так август нынче!

Ветер ерошит волосы, отливающие серебром, Иван Алексеевич поправляет их, а глазами — туда, на грядки, где, подвязанные к палочкам, ровными рядами его любимцы — георгины. Мало еще красоты, очень мало. И тем больше радости, если за ночь расцвел еще хотя бы один куст.

Ах, какое это волнующее мгновение — первая встреча с незнакомцем, взлелеянным, выпестованным то-

бой! Каков он, цветок твоего творения? По цвету, по форме? Как держит голову? Имя какое ему будет кстати?

Не зря-таки сердце колотилось: георгины не подвели — и этот расцвел, и тот.. А флоксы-то флоксы!.. И дельфиниумы... Ну, молодцы! А вот гладиолусы попрежнему спят, хотя уж им-то, кажется, одно из лучших мест отведено: и тень от яблонь не достает, и воды всегда им вдоволь — прямо из шланга, рассеивающей струей поливает он гладиолусы...

Какое это облегчение — поливка из шланга. Столько лет доставал он воду из колодца ведром. А вода глубоко — вспотеешь, пока намотаешь веревку на вал ворота. А ведь еще и до грядок с лейкой дотащиться надо. Это на одной-то ноге...

Когда же пришло в село электричество, он, прежде чем купить телевизор, с помощью племянника Коли Ожерелкова — мастера на все руки — установил в колодце электронасос. До ближайших бочек рабочие проложили металлические трубы, а дальше нарастили их длинным синтетическим шлангом, и теперь бочки ни дня не бывают пустыми. Без лейки, разумеется, не обойтись и теперь, но ведь не от колодца уже тащиться с нею, а от бочки: большая разница.

Он обошел все грядки георгинов, мельком глянул на картошку, сиротливо зеленевшую вдоль живой стены тополей да берез — лучшего места для картошки не нашлось,— приподнял костылем притулившийся к яблоневому стволу помидорный стебель, костылем же поразбирал землянику: «Эх, полоть бы надо, да когда?..» — и снова окинул взглядом сад.

Цветы, цветы — всюду цветы. Они потеснили даже ульи под яблони, под тополя, поближе к кустам смородины, густо усеянным уже наполовину коричневыми ягодами(а все жалуются: неурожайный год!), к малиннику, светлым островком возвышавшемуся в дальнем углу сада.

Старик Гай то и дело подбегает к хозяину, едва он остановится перед распустившимся георгином, и тоже, перехватив его взгляд, смотрит на цветок, словно понимает что-то, дурашка...

— Гляди-ка, красавец-то какой! — то ли ему, то ли сам себе говорит Иван Алексеевич.— Махровость-

то — прелесть! — и, весь светясь радостью, бредет к крылечку.

И вдруг:

— Ай-ай-ай! Бедненькая!— восклицает Иван Алексеевич и наклоняется над цинковой детской ванночкой, до краев наполненной водой, и поддевает на ладонь плавающую там пчелку: — Труженица ты моя! — Он прячет пчелу в сложенные лодочкой ладони и дует в них, помогая пчеле обсушиться. Через минуту она расправляет крылышки и взлетает.— Вот и хорошо, вот и ладно! — провожает пчелу счастливой улыбкой Иван Алексеевич.

Абу и Гай путаются в ногах, заглядывают ему в глаза, и он понимает их:

— Есть мои мальчики хотят... Ну, пошли, пошли.

Абу первым взлетает на крыльцо и лапами сильно толкает дверь.

II

В войну, то ли в окопах, залитых до колен водой, окруженных лунным, в воронках, ландшафтом, то ли среди бескрайних степей, где ни единого деревца — только остовы сгоревших танков да машин, в часы затишья, лейтенанта Ожерелкова — да и его ли одного! — одолевали сладостные и далекие-далекие, почти нереальные воспоминания о мирных днях, о милой родине — старинном, с двумя церквами селе Заднем, расположенном километрах в двадцати от озера Кубенского на Вологодчине.

Вспоминались праздничные дни — улочки и заулки подметены, еловые палисадники стоят ровно, а за ними — аккуратные грядки картофеля, капусты, моркови, лука, свеклы... И нигде ни единого цветочка! Лишь перед домом торговца Савичева — это были годы нэпа — маленькая клумбочка, и на ней несколько штук цветочков сиреневой окраски. Позже он узнал, что это были полевые скабиозы — скромные, неброские цветы северного края.

Но и они необыкновенно радовали глаз мальчишки, и он всякий раз, проходя мимо, прилипал к изгороди и разглядывал, разглядывал ту небольшую клумбу.

Вспоминались еще ярмарки в селе — многолюд-

ные, шумные и очень пестрые. Вот уж где было цветов-то! Фантастически ярких, невиданных... Но цветы эти были лишь на платках, да сарафанах, да кофточках девок и баб, надевавших на ярмарку самые веселые — береженые — наряды.

А он, мальчишка, думал: «Неужто в самом деле бывают такие цветы? Вот бы посмотреть!» И появлялось неодолимое желание вырастить перед окнами своей избы... ну если не такие же цветы, то хотя бы яблоньку или, на худой конец, черемушку, рябинку, елочку. И он взрыхлял мальчишескими ладонями землю, сажал в нее семечки или маленькие елочки, похожие на ежиков.

Батька, ничего не знавший о его стараниях, когда приходила пора сенокоса, смахивал косой вместе с травою его питомцев, даже и не подозревая, какое горе причинял тем самым своему сынишке...

Трудные потом были годы...

Заднесельцы — почти сплошь — потомственные сапожники-отходники. Не минул этого ремесла и Ваня Ожерелков: уже с двенадцати лет пошел подмастерьем по деревням округи. Потом каким-то чудом вырвался на учебу, завершившуюся полугодичными учительскими курсами. Учителей не хватало. И вскоре он оказался на Псковщине, принял совсем беспризорную, без единого учителя школу.

С новой силой разгорелась мечта о цветах. Сумел увлечь ею и ребятишек. И, несмотря на то, что земля возле школы была песчаная, добился своего: по всему участку запестрели цветы, зашумели молодой листвой березки и тополя... Как радовались ребятишки красоте, взлелеянной своими руками, как ревниво охраняли ее! Каким возмущением звенели их голоса, когда они прибегали к нему, чтобы рассказать об очередном «нарушителе», сорвавшем в их саду один-другой цветок без всякого на то дозволения! Доходило до того, что губителей красоты по настоянию ребят приглашал для объяснения в сельсовет сам председатель.

«Каков-то он сейчас, тот пришкольный садик?» — думалось не раз на фронте Ивану Алексеевичу.

В 1944 году, когда мстительный вал войны катился уже по Германии, лейтенанта Ожерелкова снова

ранило — на этот раз тяжело. Сознание возвращалось медленно, рывками. Сразу понял: «Не па земле лежу... на кровати... Подобрали, значит...» Но вместе с этой мыслью пришло ощущение страшной, нестерпимой боли. Он тогда еще не знал, что ему предстояла ампутация ноги... Попробовал пошевелиться — и снова провалился в бездну небытия, мысль оборвалась, как лента в киноаппарате. А когда опять пришло ощущение боли — думалось лишь об одном: умереть, скорее бы умереть, только бы избавиться от этой пытки, от этой казни!

И вдруг перед глазами распустились цветы, совсем незнакомые, ярко-красные. Он подумал: «Снится». Но нет, огромный букет стоял на столе, покрытом белой простыней. Такие же цветы благоухали и на тумбочке, и на подоконнике. «Боже мой! Какая красота! Откуда это чудо?! Сестра, дайте мне веточку...» И вдруг цветы стали расплываться, блекнуть, потеряли прежние очертания. Это слезы хлынули... Неужели на земле, черной от пороха и крови, все еще могут расти цветы? Неужели он никогда больше не увидит такой красоты?! Нет, жить... Жить во что бы то ни стало!

И тут же горечь сожаления: «Но зачем столько красоты сгубили?.. Так мало ее на земле осталось. Так мало».

— Сестра, я буду жить?

— Будешь, лейтенант.

III

Кому из солдат в боях да походах не мечталось: «Вот кончится война, приеду я на родимую сторонушку, подновлю избушку свою, а может быть, и новую срублю — где-нибудь возле речки, на высоком бережку, огорожу ее палисадником, а в огороде яблонек насажу, черемушку для веселья, рябинку для красоты, цветочков там разных — и заживу, как душе хочется-любится. Пусть ребятишки цветы поливают, яблоки с веток сколачивают, а женка морковь да капусту полет...»

Наивными были мечты солдат, но нельзя не понять их: оглохших от грома пушек, скрежета танков, рева самолетов, шакальего завывания бомб, постоянной перебранки пулеметов и автоматов, им так хотелось ти-

шины, покоя, по своему разумению устроенного быта...

Лейтенанту Ожерелкову послевоенное счастье виделось именно таким: дом, крылечко, увитое плющом, яблони и цветы, цветы... Но цветов, когда он вернулся, в селе не было. Даже семечко какое-то добыть было невозможно. Не цвели, как обычно, даже яблони в огородах: поистине жгучими были морозы в зиму 40-го и 42-го годов, выжгли подчистую все яблоньки, хотя они — по преимуществу дички — и не были неженками.

Хмурый, с трудом вытаскивая костыли из грязи и даже падая — протеза тогда у него не было,— Иван Алексеевич брел ранними утрами в школу, находившуюся на отшибе, почти в километре от околицы, останавливался, чтобы перевести дух, окидывал взглядом луга и косогоры, озера, холодно поблескивавшие за недалеким лесом — багряный лес на фоне озер был особенно красив,— потом оборачивался назад, лицом к селу, и сокрушенно вздыхал. Фронтовые мечты пока оставались мечтами; над черными крышами изб лишь кое-где неярко желтели уже почти облетевшие тополя да березки. Да и не слышно было, чтобы кто-то очень хотел вместо них посадить яблони, не говоря уж о цветах. Война научила думать о хлебе насущном, научила дорожить землей — каждый клочок, даже заулки, перекапывались под картошку: она была вторым хлебом...

А Ожерелков продолжал мечтать о своем. Вот этот косогор, что между околицей села и школой,— чем не место для сада? «Лицом» — весь на юг, а для здешних краев это не мало.

Пришел он как-то в контору колхоза, начал уговаривать председателя: такую, мол, войну закончили, столько крови пролили — пора душу отогреть. Давайте сад заложим. Ведь как они цветут — яблони-то, залюбуешься. Берусь вырастить, купите только саженцы. С яблоками будем. А там, глядишь, и пчел заведем.

И председатель вроде бы согласился, хотя и не преминул пожаловаться: не до яблок.

Оставалось подождать весны... Но не тут-то было: к весне председателя того сняли. Пока приглядывался к другому да пока «агитировал» его — прошло еще два года. А вскорости и второй председатель «погорел». И договоренность о саде опять потеряла силу. А

ему-то уже сны снились — тревожные, правда, сны: будто бы по всему косогору яблоньки — взрослые уже — ровными рядками выстроились. Идет, спешит он к саду, оглядывает одну, вторую, десятую яблоню — ни единого плода... Ах ты господи! Что ж ему теперь председатель-то скажет? «Прохвастался!» Больше всего в жизни боялся Иван Алексеевич обмануть чьи-то надежды, пообещать — и не сделать. Тревога эта, видно, и в снах тех сказалась.

Как ни жаль, но с колхозным садом на косогоре не получилось. Вернее, не получилось отчасти: нижний край косогора, примыкающий к школе, веснами все-таки полыхал яблоневым цветом! Молочно-розовое облако пенилось тут и в этом году, и не вина Ивана Алексеевича, что оно растаяло тогда же бесследно, не обернувшись плодами: заморозки побили цвет.

Сейчас Иван Алексеевич уже не работает в школе. Однако школа помнит его добрые дела: на стенде, оформленном старшеклассниками и озаглавленном «История Заднесельской школы», есть уголок, посвященный и Ивану Алексеевичу Ожерелкову. «Сад, который сейчас окружает школу,— написано ученическим почерком,— заложен бывшим учителем русского языка и литературы И. А. Ожерелковым». Тут же помещен и фотоснимок: Иван Алексеевич с учениками на весенних работах в саду.

Но школьного сада ему все-таки было мало. Хотелось, чтобы красота перекинулась и в село, заняла и там подобающее ей место. А место это — центральная площадь, на которой в давние годы шумели пестрые ярмарки, бухали колокола, ржали кони, звонко кричали галки... Ярмарок давно уже не было, и площадь пустовала, вдоль и поперек изрезанная гусеницами тракторов и колесами автомашин.

Сейчас в центре села Заднего — красивейший парк; впрочем, его можно назвать и садом, потому что там не только березы, но и яблони, и густые заросли черной смородины. Кто-то из местных руководителей, с неудовольствием глядя, как сельские ребятишки «пасутся» в парке, нередко даже с корзиночками, сказал:

— Надо выбросить смородину из парка!

Иван Алексеевич запротестовал:

— Зачем лишать детишек радости? Щиплют ягоды — и пусть. Для того и посажены.

Нет, он не позволит обидеть ребятишек: они первые его помощники, а сказать по правде, и единственные.

Разве успел бы он приглядеть и за этим парком, и за школьным в свое время, не будь у него маленьких добровольных помощников? Может быть, они вдохновили его и на новый подвиг — да, я называю это подвигом! — заложить в селе и второй общественный сад — на сей раз возле мастерской «Сельхозтехники», занимающей с пятидесятых годов здание одной из двух сельских церквей. Церковь была не старая, и здание выглядело совсем неплохо, но то, что творилось возле него, трудно даже вообразить. А впрочем, кто видел сельские машинно-тракторные мастерские, тот сможет представить: перепаханная, вздыбленная гусеницами тракторов земля с непременными лужами, ржавеющие тут и там остовы списанных машин и комбайнов, торчащие из земли тросы, огромные шестерни, порванные гусеницы, бревна, помятые бочки... И не единой травинки — земля мертвая, пропиталась автолом и керосином... Садик Ивана Алексеевича, одной стороной примыкавший к двору мастерской, казался сущим раем.

И вот что примечательно: никого в селе столь очевидное бескультурье не возмущало: дескать, мастерская — так мастерская и есть. Равнодушно смотрели на этот хаос и работники сельсовета: привыкли, пригляделись. Да и не диво: двор-то мастерской находится как раз перед окнами.

Когда Иван Алексеевич в первый раз высказал мысль о том, что надо бы возле мастерской заложить общественный садик, никто даже и к разговору не пристал: нашел, дескать, место для сада!

И в самом деле, трудно было, даже обладая изрядной фантазией, представить на этом месте цветочные клумбы и грядки.

Но Ожерелков представлял. А главное, твердо верил, что цветы тут он сумеет вырастить, требовалось лишь перенести двор мастерской на противоположную сторону — там и просторнее, и удобнее будет: с противоположной стороны поле. А тут надо убрать хлам (заодно выполнить план по сдаче металлолома), участок выровнять бульдозером, привезти несколько машин

торфа... А уж остальное он берет на себя: увлечет новым делом ребятишек — он это умеет! — а там, глядишь, и старичков-пенсионеров расшевелит: полезно, дескать, на свежем воздухе...

И он настоял-таки на своем: на очередном исполкоме сельсовета решение о закладке второго общественного сада было принято.

Летом старый двор мастерской «Сельхозтехники» был весь в цвету. Вдоль забора густо запестрели легкомысленные космеи, по обеим сторонам центральной аллейки выстроились высокие мальвы, выставив во все стороны разнообразнейших оттенков «граммофонные трубы»; на отдельном участке, где земля была получше, красным, оранжевым, розовым, белым пламенем, по форме напоминающим пламя газовой горелки, заполыхали георгины. Чуть позже зацвели гладиолусы. Декоративные маки в самом центре своими соцветиями образовали пятиконечную звезду, а рядом другие цветы — дорогое для всех имя: «Ленин». За каждой буквой-грядкой ухаживали двое-трое школьников: сажали, поливали, пропалывали... Конечно, не без направляющей руки Ивана Алексеевича.

IV

В последние годы уже не только в общественных садах села Заднего цветут невиданные и незнакомые ранее здесь цветы. Их можно увидеть и на личных участках, под окнами изб, обнесенных штакетником или традиционной для здешних мест изгородью из еловых колышков. Правда, предпочтение пока все-таки не цветам: почти во всех огородах буйствуют смородина и малина — сортовые, крупноплодные. И завез их в село опять-таки Ожерелков! Он снабжает черенками всех, кто пожелает, но при этом обязательно напомнит о цветах и — хочешь не хочешь — наделит семенами или клубеньками георгинов, гладиолусов. Берите, сейте, высаживайте... Не надо ни денег, ни благодарностей — он будет доволен уже тем, что еще перед одним домом исчезнут лопухи и крапива, а улица родного села улыбнется прохожему еще одним цветком и, кто знает, может быть, смягчит его душу, подымет настроение...

В саду Ивана Алексеевича много разных цветов —

есть там и тюльпаны, и пионы, и лилии, и примулы, и нарциссы, и флоксы, и гвоздики, и дельфиниумы... Но непреходящая страсть его — георгины. Это из-за них он поехал через пять лет после войны в Мичуринск, желая наконец увидеть их своими глазами и во что бы то ни стало обзавестись клубеньками. Сотни цветущих георгинов в саду тамошнего селекционера-цветовода Федорова буквально потрясли его. «Такой красоты я никогда еще не видел!» — рассказывал он землякам, вернувшись домой.

С тех пор в саду Ивана Алексеевича перебывало более 800 сортов георгинов, выведенных советскими и зарубежными селекционерами, более 600 из них он вывел сам. С ним делились чем могли многие цветоводы страны. Завязалась сначала заочная, а потом и личная дружба со знаменитой георгинисткой-селекционером из Подмосковья Марией Федоровной Шароновой. Ее статьи в журнале «Цветоводство», ее добрые советы и щедрые посылки помогли ему добиться замечательных успехов в селекции георгинов... А главное — в распространении созданной им красоты по белу свету.

Да, именно в распространении! В этом жизненная цель Ивана Алексеевича Ожерелкова. Не страсть к цветам сама по себе и уж, конечно, не корысть — он не выручил на цветах ни одной копейки! — движет им в этом красивом, но требующем огромных физических усилий деле. Ну-ка посадите весной 800—900 георгинов (только георгинов!) и добейтесь, чтобы к концу недолгого северного лета все они зацвели! При этом не забудьте, что в жаркие летние дни каждый куст требует... почти ведро воды!

Иван Алексеевич высаживает — и все 900 к концу августа у него цветут!

Ни в одном саду в Вологодской области нет столько цветов, сколько их в маленьком садике Ожерелкова.

А самое главное — в области нет и села такого, в котором было бы столько цветов, сколько в Заднем. В этом смысле Заднее совсем не «заднее». Уже четыре года подряд здесь проводятся свои, сельские, выставки цветов. В прошлом году, например, в ней приняли участие 70 хозяйств и организаций, в нынешнем чуть меньше. Это не мало, если учесть, что на районной вы-

ставке в Усть-Кубенском выставили свои цветы лишь 12 участников. Иван Алексеевич показал 42 букета и композиции. И, конечно, занял первое место.

Минувший год был особым годом. Благоустройство, озеленение сел и деревень проходило под знаком подготовки к празднованию 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Областным исполнительным комитетом были разработаны условия соревнования на лучшее по благоустройству село, поселок, город, созданы предъюбилейные комиссии. Многого ждал от этого года Иван Алексеевич. Думал: ну уж теперь-то ему будет полегче воевать за порядок, за красоту в родном селе — побольше будет добровольных помощников, а значит, поубавится неухоженных, неприбранных палисадников, а они ведь — лицо улицы. Надеялся, что будет наведен порядок возле общественных зданий — сельсовета, конторы совхоза, клуба, почты, больницы, кружевной артели, детского садика, магазина.

Нельзя сказать, что ожидания его совсем не оправдались. Однако сделано было значительно меньше, чем ему хотелось: общественные сады, верно, благоухали, и в палисадниках возле изб цветов поприбавилось, но у общественных зданий мало что изменилось. А главное, не произошло коренного перелома в сознании людей, в понимании важности дела, которому он посвятил всю жизнь: по-прежнему его помощниками были те же 7—10 девочек младшего школьного возраста, по-прежнему здоровые и молодые люди считали зазорным возиться с «цветочками» и снисходительно поглядывали на «чудака»-инвалида, от зари до зари копошащегося то в своем, то в общественном садах.

Но вот в середине сентября в Заднее приехала комиссия из райцентра, обошла, в сопровождении местных руководителей, село — Иван Алексеевич хотя и через силу, но тоже ковылял вместе со всеми,— а на другой день из края в край разнеслась весть: сельсовету присуждены первое место по благоустройству и премия 500 рублей. Сад же И. А. Ожерелкова, сказал председатель комиссии, решением облисполкома объявлен памятником природы и взят под охрану и на особый учет.

Передавали вместе с тем, разводя руками, что Ожерелков («вот чудак!») выступил на сессии против при-

суждения сельсовету премии: не премировать, дескать, нас надо, а крепко поругать. Сколько праздного люда в селе! А попробуй позвать на субботник по благоустройству — не дозовешься. Лучше на диване поваляются... Слишком много, мол, говорим о материальной заинтересованности и совсем не говорим о коммунистической сознательности, о совести, в конце концов. Школу тоже надо покритиковать: не прививает она детям любви к природе, не учит создавать и беречь красоту. Классные руководители не удосужились даже привести ребят на выставку цветов, хотя он приходил в школу, просил их об этом. В результате больше половины школьников выставку не видели. А ведь нынешние школьники — будущие папы и мамы. Чему они научат своих детей?

«Да, чудно́й человек!» — качали головами сельчане. Но было в этих словах уже не столько снисхождение, хотя и доброжелательное, как всегда, сколько восхищение «чудаком», уважение к нему.

V

Познакомился я с Иваном Алексеевичем летом — целый месяц жил в селе Заднем. Все, о чем было поведано выше, я видел своими глазами или слышал из его уст.

Мы крепко подружились с Иваном Алексеевичем и теперь часто пишем друг другу: я о своих делах и заботах, он — о своих. А забот у него, раздумий о жизни — полна голова. Думаю, что он не посетует на меня, если кое-что из его писаний я сейчас обнародую.

Постоянная забота Ивана Алексеевича — дети.

«Очень хочется,— читаю в одном из писем,—чтобы выведению новых сортов цветов и плодово-ягодных культур ребят обучали учителя-биологи. Эти занятия принесли бы большую пользу будущим строителям коммунизма. Коммунизм — немыслим без цветов, без садов...

Привитие любви к родной природе, а следовательно и к Родине, должно значиться одним из первых пунктов в кодексе поведения работников народного просвещения и родителей».

Далее он развивает эту мысль так:

«Проблему эстетического воспитания, нравственного

совершенствования человека трудно решить без привлечения такого союзника, как природа».

А вот что он рассказывает о своих повседневных делах:

«Георгины с 7 на 8 октября подмерзли. Выкапываю клубни. Дня на три дел осталось. А потом примусь за гладиолусы. Дней десять копать буду. Ведь и в новом саду опять все одному приходится убирать. В пионерский день приходила учительница со школьниками. Собирали семена, копали целину, две грядки сделали. Молодцы ребятишки!

В своем саду я тоже всю целину перекопал. Если здоровье не подведет, то цветов на будущее лето будет больше. Семян нынче много собрал. Дал статейку в районную газету, и сейчас каждый день — письма. Уже 63-м просителям отправил по 4—6 пакетиков с семенами... Жаль, что пока мало желающих».

Позже он писал, что «желающих» заметно прибавилось, особенно после того, как я по всесоюзному радио рассказал однажды о нем и его увлечении. За две недели он получил более 300 писем. Запас семян иссяк за несколько дней, а клубеньки георгинов, к сожалению, он выслать не может: ни осенью, ни весной почта посылок не принимает... Бездорожье.

Весной, летом, осенью Иван Алексеевич работает по 13—15 часов в сутки. Устает, конечно. И частенько недомогает. Но, ложась в постель, глотать лекарства не спешит. Он твердо уверовал, что труд, особенно если он по душе, лучшее лекарство против всяких болезней.

И совершенно не понимает и даже злится на тех людей, которые жалеют его.

Вот характерный в этом смысле штришок из его письма:

«Сердце стало пошаливать в последние дни, устаю быстро... А время не ждет, дел так много! И так интересно, мило работать. Если бы довоенное здоровье!.. Соседка сегодня говорит мне: «Опять мучишься?» Вот чудачка! Считает, что для меня труд — мученье. Как она ошибается! Ведь делать то, что по душе — большое счастье. И дай бог, чтобы у каждого человека лежала душа хотя б к одному какому-нибудь полезному себе и людям делу!»

Летом он снова приезжал в Москву, к М. Ф. Шаро-

новой. Не легкое для него путешествие. Но уж очень хотелось посмотреть, что нового в саду у Марии Федоровны, наговориться с нею досыта, радостями и горестями поделиться, доброго опыта позанять.

Уезжал он в приподнятом настроении, восхищенный, набив рюкзак до отказа черенками да саженцами.

Теперь он пишет мне:

«От М. Ф. Шароновой получил большое письмо. Все в своем саду переделала. Даже сирень и пионы на новое место пересадила. Удивительной энергии человек! Ведь такое и сильный мужчина не каждый сумеет! А ей-то за восемьдесят!.. Рацвели у нее под осень два клематиса. Это победа! Получить хорошие клематисы в Подмосковье из семян — большая победа! Ай да Мария Федоровна!»

О планах на будущее:

«У меня были гости из Вологды. Снова агитировали (особенно главный агроном плодоводческого совхоза А. И. Киселев) переехать в совхоз в Барское. У них там будут строить большущие теплицы. А цветоводов в Вологде нет... Второй раз меня туда сватают. Соблазняют квартирой со всеми удобствами... Но разве я расстанусь с Задним! С Гаем и Абу! Мне и здесь хватит дел. Надо еще сельский сад вдвое расширить, питомник сделать, вырастить в нем что-то и все выращенное к месту пристроить. Много впереди дел. Только бы силенок достало».

VI

«Только бы силенок достало...» Задумываюсь над этой строкой, и в памяти всплывает картина: Иван Алексеевич копается в своем садике, на участке, где уже отцвели ранние цветы — тюльпаны и еще какие-то, не припомню... В наклон ему работать нельзя — сильно ломит глаза, да и неудобно — одна нога у него все-таки не своя. Поэтому работает он и передвигается по участку, сидя на фанерном листе. Сейчас это не так уж плохо: день солнечный, земля сухая. Но ведь и ранней весной, когда надо и землю приготовить, и посадить в нее семена, и поздней осенью, когда приходит пора уборки клубеньков георгинов и гладиолусов, он все делает таким же способом! Я удивляюсь и говорю ему об этом. «А что же делать-

то?— улыбчиво отвечает Иван Алексеевич.— В окошко выглядывать? Нет, это не интересно. Это не жизнь!»

Бездельничавший тут же Абу вдруг вскакивает и с лаем несется к калитке.

— Абу, не ругайся. Ах какой безобразник!— не глядя в сторону собаки, спокойно, как человеку, говорит Иван Алексеевич и для меня добавляет:— Помощницы мои пришли, наверное.

И действительно, от калитки донеслось:

— Иван Алексеевич...— Голосок тоненький, как звоночек.

Абу, узнав «своих», возвращается, разочарованно ложится рядом с хозяином, позевывает как ни в чем не бывало.

— Краса-авицы мои хорошие пришли,— таким же тоном отвечает Иван Алексеевич, весь светясь от радости.— Ай, какие они у меня умницы... Что делать-то? — повторяет он вопрос девочек.— А давайте-ка прополкой сегодня займемся в новом садике... Только внимательней, девочки, цветочки не выдерните... Ладно? А потом приходите сюда — смородину кушать будем.

Девочки, понимающе переглянувшись, разбегаются по садику. А мы продолжаем разговор — все о том же: о благоустройстве сел и деревень. Верно, говорю я, пришла пора со всем размахом взяться за это дело. И избы новые строить надо — хватит, пожили в дедовских,— и клубы, и магазины, и, что особенно важно, дороги. Но для этого нужны средства, и немалые...

— Согласен с вами,— твердо произносит Иван Алексеевич.— Нужны средства, а их пока на все не хватает... Добавлю еще — не хватает и рабочих рук. Но ведь для того, чтобы посадить деревья и цветы, скосить крапиву и репейник возле стен и заборов, перестать выбрасывать на дорогу мусор — для всего этого ведь никаких средств не надо.— Иван Алексеевич победно глядит на меня, и я не могу с ним не согласиться.

Продолжая рыхлить маленькой лопаточкой землю, отбрасывая в сторону разные корешки, он говорит:

— Не скажу, что о культуре деревни в наше время не проявляется забота. И в газетах, и по радио то и дело слышно: все колхозы радиофицированы, столько-то в деревне радиоприемников, столько-то телевизоров (вот и в нашем небольшом селе их уже больше сорока), через

день, а то и каждый день — кино, лампочки электрические даже в сенях и во дворах светятся... Это хорошо, конечно, и кино, и радио, и телевидение. Но ведь они совсем вытеснили песни, хороводы, игры, пляски, без которых деревню просто и представить невозможно... У нас в селе, например, перед войной был чудесный хор, оркестр струнный, хороший драмколлектив... А гармонисты какие были — и не хочешь, да плясать пойдешь. А как плясали — ух! Русского-то... Знаете?

— Ну, еще бы...— коротко отвечаю я, боюсь перебить Ивана Алексеевича.

— А теперь — все готовое. Теперь и у деревенских жителей отношение к культуре иждивенческое, потребительское. Бывало, девчата только на улицу выйдут — и тут же песня полетела в другой край села или частушки... А теперь песню — готовую в руках несут. Транзисторов понакупили. Гундит чего-то и все не по-нашему. А и по-нашему, так все равно ни уму, ни сердцу. А рты-то, смотришь, запечатаны... По инерции, я думаю, и на благоустройство люди стали смотреть вот так же, потребительски: кто-то деревья посадит, цветы разведет, лужу на дороге гравием засыплет... Эх, если б напустить какую-нибудь холеру на лень нашу, насколько красивей была бы жизнь! Вы поглядите...— Иван Алексеевич обвел взглядом свой сад,— поглядите, как щедра и добра земля, если к ней с любовью относиться.

Он на минуту замолкает, берется одной рукой за краешек фанерки, другой упирается в землю и рывком передвигается на новое место.

— Вот съезд колхозников осенью будет,— продолжает он выкладывать наболевшее.— Неужели о благоустройстве да озеленении сел в Устав ничего не запишут? Как вы думаете?

Я говорю, что, наверное, запишут, но Иван Алексеевич чувствует мою неуверенность и — в который раз!— просит меня:

— Эх, написали бы вы статейку об этом!.. Чтоб поняли люди, что «цветочки»...— Он потряс рукой, не находя подходящего слова.— Ну, не забава они, не прихоть «чудаков». Цветы, деревья — это чистый воздух, это, наконец, хорошее настроение... А с хорошим настроением и сделаешь больше. Разве это так уж мало?! Гадают, послушаешь, почему молодежь из деревень уходит.

Много причин называют. А я думаю: были бы наши деревни более благоустроенными, чистыми, утопающими в зелени садов, не всякий бы так это, с легким сердцем, вспорхнул, да и полетел от родного гнезда. Жалковато было бы...

От калитки снова донеслось:

— Иван Алексе-евич... Мы пропололи.

— Вот и хорошо, девочки, вот и молодцы!— И собаке: —Абу, а ну-ка ступай на место, гости к нам идут!

Он поднялся и пошел навстречу улыбающимся в предвкушении удовольствия девочкам.

1969 г.

Так вот ты какая, Кубань...

Пшеница не сегодня-завтра готовилась выбросить колос. Тоненький, молочно-зеленоватый, он уже таился в верхнем колене высокого стебля, заканчивавшегося откинутым на сторону саблевидным листом, похожим на лист осоки. Колос толкался плечиками в стенки зеленой трубки, ему не терпелось увидеть белый свет, синее небо Кубани, под которым ему суждено было раскачиваться, цвести, наливаться соком земли и солнца и прозвенеть, наконец, тяжелой бронзой, радуя хлебороба.

Однако до этого звона было еще далеко, и поле, огражденное геометрически ровной рамкой лесопосадок, сейчас вовсю зеленело, стоявшие густо стебли, толкаясь, как мальчишки, дружно и радостно тянулись вверх...

Видывал я пшеничные поля в такую пору, но поле, которое было перед моими глазами сейчас, нельзя было сравнить ни с одним из них. Радость, восторг, удивление буквально распирали грудь, и с языка сами собой срывались слова: «Кубань!.. Так вот ты какая, Кубань!»

Хотелось стать великаном, наклониться и доброй ладонью погладить это зеленое, это мягкое и чистое-чистое, без единой сорной травинки поле. Но я не был великаном, размахнуться ладонью от одной лесопосадки до другой не мог, я мог лишь потрепать зеленя за вихры, нагнувшись, запустить ладонь в прохладную их глубину, зачерпнуть горсточку знаменитого кубанского чернозема, мягкого после дождя, только что отшумевшего над Кубанью.

Каким долгожданным, каким желанным, оказывается, был этот дождь для землеробов Кубани!

— Теперь все!— широко улыбались они, рассказы-

вая о дожде.— Теперь будем с урожаем! А ведь уже о самом худом подумывали... У нас ведь это запросто...

— Что запросто?

— Засуха!.. Э-э, если бы нам, под нашим-то солнышком, на нашей-то земле, да еще водички вдоволь...

Первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Григорий Сергеевич Золотухин об этом же сказал так:

— Сводок о выпавших осадках мы ждем с таким же чувством тревоги и надежды, как в военные годы ждали сообщений Совинформбюро.

Однако вскоре выяснилось, что, кроме воды, кубанским полям нужна еще и защита в виде лесополос. Да и как еще нужна! В памяти у всех черная буря, свирепствовавшая над Кубанью осенью 1968 года.

Андрей Петрович Хомяков, председатель колхоза «Кавказ», когда мы подъезжали к хутору Красное Поле, сказал:

— Одну бабусю здесь пришлось из хатенки через крышу вытаскивать. Черными сугробами буквально засыпало многие хаты.

Впрочем, сугробы были всюду, где только ветер встречал хотя бы малейшее препятствие.

Печальную, трагическую картину являла собой Кубань в ту осень. Черная пыль — мельчайшие частицы верхнего, самого плодородного слоя — тучей неслась над землей, закрывая солнце. На зубах скрипело, пыль набивалась в глаза, в нос, в уши... Испуганно ревел скот во дворах — необычно долго продолжалась ночь,— реки текли, окрашенные в бурый цвет, обнаженные корни еще не окрепшей озимой пшеницы рвались, как гнилые нитки, и растения поднимались в воздух... Особенно пострадали те массивы, на которых защитные лесополосы были посажены без учета основного направления ветров, чреватых черными бурями. И совсем плохо кончилось дело там, где размеры полей были слишком велики или не защищены вовсе.

Огромные площади погибшей пшеницы весной пришлось пересевать. Центнеров по 20 собрали с этих пересеянных участков, но радости хлеборобам они не принесли. Разве это урожай — 20 центнеров, когда многие бригады и колхозы собирали уже по 40—45 и даже по 50 центнеров с гектара.

Так вот ты какая, Кубань... И у тебя, оказывается,

есть оборотная сторона. И ты, оказывается, уязвима. И можешь наказать беспечного или нерадивого землепашца, пожалуй, жестче и беспощадней, чем иные менее благодатные и щедрые земли.

Тучны, жирны твои черноземы, Кубань. Но сколько раз напоминала ты людям, что и они требуют уважительного к себе отношения, смысл которого не только в усердии, в количестве пролитого пота, нет — пота здесь всегда проливалось достаточно,— смысл этого уважения теперь еще и в упрочении союза труда с наукой, союза, обеспечивающего высокую культуру земледелия.

В колхозе имени Ленина (станица Михайловская) нам довелось побывать в доме звеньевой Евдокии Ивановны Таранухиной. Она, чтобы смелее было за разговором, позвала еще к себе подружек: Александру Ивановну Хорошилову и Александру Александровну Проскурину — почетных колхозниц, Героев Социалистического Труда, теперь уже пенсионерок.

— Когда же и за что удостоены вы столь высокой награды?— спросили мы героинь.

— В сорок седьмом...

— ?

— Да, в сорок седьмом, почти сразу после войны,— подтвердила А. И. Хорошилова.

— И какой же вы тогда урожай собрали?

— По тридцать шесть центнеров с гектара...

Заметив наше недоумение, обе старенькие женщины, перебивая друг друга, стали рассказывать нам, что означали для Кубани в те годы 36 центнеров с гектара. Во-первых, это действительно был невиданный по тем временам урожай; во-вторых, самим им, звеньевым и членам звеньев, стоил он, конечно же, дороже, чем нынешний урожай в 50 центнеров. Чтобы понять это, достаточно сказать, что в ту пору вся Кубань собирала в среднем 12—13 центнеров с гектара...

Сейчас это кажется смешным, но Кубань тогда всерьез боролась за стопудовый урожай. (Это 16 цетнеров с гектара.) Для сравнения скажу, что в 1970 году Краснодарский край собрал вкруговую по 35 центнеров с гектара, то есть примерно 215 пудов.

Наши собеседницы вспоминали, как они, не зная ни дня, ни ночи, собирали для своих участков золу и куриный помет по дворам, как приготавливали раствор и по-

ливали им поля, как до кровавых мозолей на руках косили пшеницу, подбирая каждый упавший колосок. Вспоминали и не скрывали зависти к тем, кому выпало счастье работать на полях теперь...

— Господи! — вспоминала Александра Ивановна Хорошилова.— Гляну, бывало, в зеркало — худющая! Аж мохом обросла. Да не до красоты. В поле, в поле! Бегом! Теперь-то — куда с добром. На машине отвезут, на машине привезут, да еще и горячим обедом на полевом стане почти бесплатно накормят.

Опоздавший к началу разговора супруг хозяйки дома — высокий мужчина с общительным, видать, характером, сразу поняв, о чем разговор, вклинился в нашу беседу:

— Да что с прежним сравнивать! Я вот бригадиром тракторной бригады работал. Четыре тракторишка было в бригаде... Это в МТС! А сейчас колхозная бригада восемнадцать тракторов имеет. Ну... Тяжело было трактористам. Помню, фуфайку и ту не каждому выдадут — не хватало... А питались как? Привезут это галушек, сыпанут в чашку, а присесть-спрятаться некуда; не успел оглянуться — земли уже надуло в галушки-то... Трактора старые... То и дело подшипники подтягивай. В борозде прямо этим делом занимались. Ляжешь на спину — и давай ключом брякать. Течет на тебя, ну, этот... автол. А тут еще ключ вырвется из рук — и бах по башке... Во — шрам видите? — он показал на висок. И, помолчав, закончил: — Теперь, конешно, все по науке. Теперь тракторист сто лет проживет...

Слушал я старого механизатора и вспоминал, как первый секретарь Курганинского райкома Иван Васильевич Кулинченко в беседе с нами сказал:

— Кое-кто из вашего брата любит повторять о Кубани известную побасенку: дескать, земля тут такая, что воткнешь оглоблю — вырастет тарантас. Ерунда это!

Тогда я как-то не придал особого значения этим словам, но теперь понял, что секретарь райкома был прав. Тарантас, может быть, и вырастет, но для этого ой сколько надо поплясать вокруг «оглобли».

Иными словами, и к кубанской земле, бесспорно плодородной, нужно приложить и силу, и ум, и отдать ей сердце, чтобы взять от нее сполна то, что она может дать.

Силу кубанский хлебороб обрел теперь небывалую: на каждого четвертого колхозника здесь приходится один механизм (не коса, не борона — трактор, комбайн, сеялка, жатка, автомашина!).

Как никогда, здорово помогает сейчас кубанским хлеборобам и наука (ум!). Достаточно назвать три имени ученых-селекционеров, известных теперь не только на Кубани, не только в нашей стране, но и во всем мире, чтобы убедиться в этом.

Первый из них, создавший знаменитейший сорт пшеницы «Безостая-1»,— Павел Пантелеймонович Лукьяненко. Только за счет этого сорта Кубань прибавила в урожае на 15—20 центнеров с каждого гектара. Однако академик Лукьяненко не остановился на достигнутом и за последние годы вывел новые сорта пшеницы — «Аврора» и «Кавказ», внедрение которых поднимает урожайность кубанских полей еще на 5—6 центнеров с гектара!

Второй — Василий Степанович Пустовойт. Семена выведенных им сортов подсолнечника более чем наполовину состоят из масла. Иными словами, он повысил масличность семян подсолнечника с 25 до 52 процентов, чем привел в изумление селекционеров всего мира.

Подсолнечник на Кубани стал самой рентабельной культурой.

Третий — Михаил Иванович Хаджинов, прославившийся высокоурожайными сортами гибрида кукурузы, позволившими увеличить сбор зерна кукурузы на 20—30 процентов.

Выведены кубанскими селекционерами также высокоурожайные сорта риса и сахарной свеклы.

Короче говоря, техника и наука — два слагаемых успеха, которыми знаменита сейчас в стране земледельческая Кубань. Сюда же я бы отнес еще и минеральные удобрения, которыми страна щедро снабжает землеробов Кубани, потому что наибольший эффект они дают здесь.

И все же главной, решающей силой на Кубани, как и везде, являются люди, начиная от рядовых тружеников — тут я имею в виду в первую очередь женщин, работающих на прореживании подсолнечника и свеклы с тяпками в руках, далее механизаторов, звеньевых, бригадиров — до председателей колхозов включительно.

Даже при довольно беглом знакомстве с Кубанью

бросается в глаза такая закономерность: растет урожайность — растут люди; и наоборот, растут люди — растет урожайность. Земля, отзывчивая на человеческую доброту и ласку, как бы подстегивает людей, как бы учит каждого, причем на весьма убедительных примерах: подойдешь, дескать, ко мне с умом да с душевным расположением, не пожалеешь сил — и я в долгу не останусь.

В том, что это так, мы убедились воочию: всюду, где мы были, перед нашими глазами вставали убедительно мощные, обещающие большой урожай хлеба.

Темно-зеленый разлив пшеницы и более светлый, желтовато-шелковистый — ячменя сейчас безмолвствовал — поверху шаловливо пробегал ветер, и стебельки тихо шелестели,— но того грома, который был тут во время сева, не было...

И невольно приходила мысль: кто он, тот человек, тот богатырь, тот Микула Селянинович, что вспахал это поле и засеял? Как ему дышалось, пилось и елось в те страдные дни?

Я высказал свое желание познакомиться поближе с кем-нибудь из механизаторов (решающая же фигура колхозного производства!) председателю колхоза «Кавказ» Андрею Петровичу Хомякову, и он ответил:

— Пожалуйста. Предоставим вам такую возможность!

И вечером мы оказались гостями семьи тракториста Николая Николаевича Медведева, а если точнее — большой семьи Медведевых, собравшейся ради такого случая в «хате» Николая Николаевича — старшего из девяти сыновей и дочерей «стариков» Медведевых — Зои Никитичны и ее мужа Николая Ивановича. По случайному совпадению Медведевы оказались моими земляками — переехали сюда из Вологодской области зимой 1947 года. Андрей Петрович Хомяков, возможно, этого и не знал (почти 25 лет прошло), а если и знал, то все равно значения никакого этому факту не придавал — для него Медведевы были настоящими кубанцами и, что самое главное,— замечательными тружениками, но для меня, как догадывается читатель, встреча с земляками была и радостной, и волнующей: вспомнилась суровая,

но милая сердцу родина с ее неширокими и, увы, пока не столь щедрыми, по сравнению с Кубанью, полями...

Зоя Никитична, невысокая, коренастая и отнюдь не старая еще бабушка, раскачивая и подшлепывая при этом годовалую внучку — представительницу третьего поколения Медведевых, — рассказывала:

— Сорок шестой год знаете какой был... Война только кончилась... А тут еще засуха. Заработали мы с Николаем Ивановичем тысячу семьсот трудодней, а дошло дело до расчетов — матушки мои! — и получать нечего... Хуже того — два центнера хлеба еще и должны мы колхозу... А у нас пятеро ребятишек. Как ни держал председатель, как ни противился — мол, пусть мужик пока один едет, а ты оставайся, некому за коровой ходить,— а я: нет уж, батюшка, нет, куда иголка — туда и нитка. Четыре года жила без мужика — хватит. Он на фронте был... Продали избу, корову и — всем табором в Череповец на вокзал. Какой-то хороший человек рассказал, что проезжал станицу Курганинскую, и так она ему приглянулась, так приглянулась... Ну, на Курганинской мы и вылезли, и не ошиблись, слава те господи. Трудно, конешно, поначалу-то было: ни кола, ни двора... Да ведь работать-то мы умеем. Николай-то Иванович у меня тракторист ведь... И ребята в его пошли: оба на тракторах, ну...

Тут нас позвали к столу. Андрей Петрович, явно довольный гостеприимством хозяев, вызвался провозгласить первый тост. Ему, как я заметил, не терпелось представить нам, гостям, братьев Медведевых — Николая Николаевича и Олега Николаевича, олицетворявших решающую силу колхозного производства,— механизаторов.

— Это замечательные труженики!— говорил председатель колхоза.— Их тракторы всегда в идеальном порядке. Они в совершенстве знают и механизмы, на которых работают, и агротехнику: высокая культура земледелия невозможна без высокой культуры земледельца. Неграмотному, невежественному человеку теперь в сельском хозяйстве делать нечего.— И с гордостью добавил:— Николай Николаевич — вот он, перед вами!— лучший тракторист нашего района... Это звание он завоевал на соревнованиях пахарей. Такие соревнования

мы проводим теперь ежегодно. Ездили мы с Николаем Николаевичем и на краевое соревнование, и там он не подкачал, но... судьи, на мой взгляд, там были не очень внимательные...

— Из тех, которых болельщики обычно требуют отправить на мыло?— пошутил кто-то из нас.

— Да, хотя там таких намерений и не было... Зато мы с Николаем Николаевичем видели, как возмущался, почти плакал один из трактористов — этакий вот детина!— когда ему сказали, что лучше вспахал свой участок его сосед: «Нет, вы посмотрите, вы посмотрите!— хватал он за руки всех проходивших мимо.— Я не уйду, не уйду отсюда, пока по справедливости не решат...» Во как задевает самолюбие людей это соревнование! Трактористы готовятся к нему, как к сражению. И зрителей оно захватывает. Правда, судейство пока хромает, над ним надо думать.

Михаил Герасимович, главный инженер колхоза, то и дело поддакивал председателю, пока тот рассказывал, порывался дополнить его и успел-таки вставить фразу, когда речь шла о старшем из братьев, Николае: «Восьмой год на ДТ работает, а трактор и сейчас у него как новенький!» — и это прозвучало весьма убедительно и подняло на крыло вдохновения, что называется, самого Николая Николаевича:

— Поначалу я на «Беларуси» все катался. Ну что? Расторопный, увертливый тракторишко, но... как бы это вам сказать?.. Пропылишь на нем — и следа нету: затоптали, заездили. Вроде как бесплотным духом над землей порхнул. А на гусеничном — о-о! Выедешь вечером в поле — перед тобой одна стерня, а утром глянешь — черное море! Аж не верится, что ты это сделал... Не-е, я свои рычаги ни на какую баранку не поменяю! Через рычаг, понимаете, зацеп с землей чувствуешь, притяжение... А это — ух как здорово!

Младший Медведев, Олег, невысокий, крепыш, пышущий здоровьем, с льняным чубом, нависающим над совсем еще молодым, крепким, как августовское яблоко, лицом, еще более восторженно продолжил:

— А вы знаете, как свежая борозда пахнет?!— Голос у него грудной, замешанный на улыбке, что ли, и не слушать его невозможно.— Особенно на рассвете!.. Ух! Лучше всяких роз, честное слово! Я два года в армии

служил — и не забыл этот запах! Едем, бывало, по полю или через деревню на машинах, пыль из-под колес... А мне и пыль эта запах борозды напоминает. А знаете, как хорошо петь под мотор? Какую музыку задумаешь — такая тебе и слышится...

— И я пою, когда пашу,— признался, может быть, впервые, более сдержанный старший брат.

Николай Иванович — отец трактористов и сам бывший тракторист — до сих пор молчаливо, но с гордостью за сынов слушавший похвалы, тоже не утерпел, выдал свое сокровенное:

— И я пел... стариком уже пел!

Признался и смутился, потупил глаза, зашевелил смешливо губами...

— Сам себе поешь, конешно, для души. Земля да небо — больше никого...

Леонид Иванов, мой товарищ из Омска, подмигнув мне, сказал:

— А земляки-то твои — поэты!

— Поэты!— ответил я, пораженный не менее, чем он, сделанным открытием. А суть открытия была не только в том, что Медведевы в душе действительно поэты, тонко чувствуют красоту природы, музыку земли и неба, нет... Открытием для меня было то, что труд, которым они заняты, для них не только необходимость, но и потребность, что он им приятен, доставляет огромную радость, и без него жизнь для них потеряла бы смысл.

«Не в этом ли высшая цель коммунистического общества, которое мы строим?»— подумал я.

Да, в этом: чтобы труд из необходимости превратился в потребность и доставлял человеку радость!

— Так вот ты какая, Кубань!— с восторгом и с радостью узнавания произношу я снова и вижу не только плодородную землю, но и людей Кубани, красивых в своем трудолюбии, в своем постоянном поиске, цель которого — взять от кубанской земли все, что она может дать. А дать она может много! Новые сорта пшеницы «Аврора» и «Кавказ», например, на поливных участках могут отвалить по 80—100 центнеров с гектара! Вдумайся, читатель, 80—100 центнеров! Мне, выходцу из Вологодской области, которая в 1969—1970 годах добилась рекордного за последние 70 лет урожая — четырнадцати

центнеров с гектара, мне эта цифра кажется фантастической!

Однако сами кубанцы приглядываются к ней без особого трепета, с присущей им деловитостью и практичностью. Уже строится Кубанское водохранилище. К нынешним 200 тысячам гектаров орошаемых земель в новой пятилетке прибавятся еще 150 тысяч гектаров... Но главный резерв все же не в этом, а в повышении культуры земледелия.

В дни нашего пребывания на Кубани в Краснодаре состоялся третий съезд бригадиров и управляющих отделениями колхозов и совхозов.

Так вот, пафос постоянного поиска, о котором я говорил выше, буквально пронизывал выступления всех участников съезда.

Все сходились в одном: нужно повышать культуру земледелия.

Но как?

Два слова из истории этого движения.

Инициатором соревнования бригад за высокую культуру земледелия выступила в 1966 году комплексная бригада колхоза «Кубань» Усть-Лабинского района, возглавляемая М. И. Клепиковым. За пять лет звания «Бригада (отделение) высокой культуры земледелия» удостоились 480 коллективов.

Звание это присваивается не за красивую вспашку и не за ровные всходы — только за высокий урожай! То есть за конечный результат, который красноречивее всего свидетельствует о высокой культуре земледелия.

Много это или мало — 480 бригад, получивших с каждого гектара больше, чем в среднем по краю, зерна — на 5,4 центнера, сахарной свеклы — на 4,6 и подсолнечника — на 3,3 центнера?

Мало!

Четыреста восемьдесят бригад — это всего лишь 20 процентов от общего количества бригад и отделений.

Вот он где, резерв!

Понимая это, в прошлом году бригада Клепикова выступила с новой инициативой, смысл которой укладывается в следующие четыре слова: «Умеешь сам — научи другого». Вскоре к этим замечательным словам кто-то добавил не менее крылатые: «Земля соседа — не чу-

жая земля», и соревнование за высокую культуру земледелия как бы обрело второе дыхание.

Под такими девизами оно должно принести и обязательно принесет замечательные плоды!

Ведь как порой распространялся у нас передовой опыт? Ну, рассказывали о нем газеты... Ну, издавались брошюры, написанные, как правило, сухим канцелярским языком. Лично мне довелось видеть горы этих брошюр на этажерках в конторах колхозов и в председательских кабинетах, в красных уголках и избах-читальнях — ни разу не раскрытых, запыленных... Потерял как-то крестьянин интерес к подобным брошюрам. Сколько их было, брошюр таких, например, о выгодности кукурузы перед клевером в условиях Вологодской и соседних с нею областей!

Да и, кроме того, как гласит народная мудрость, лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать...

Я не знаю, учитывали ли все это клепиковцы, а вместе с ними партийное и советское руководство края, одобрившее их инициативу, но уверен, что путь они нашли правильный. Да, собственно, они его и не искали: сама жизнь подсказала. А в жизни было так, что М. И. Клепикову и его ближайшим помощникам то и дело приходилось выезжать в колхозы и совхозы края и показывать свои агротехнические приемы...

Теперь показывать будут 480 бригадиров, агрономов, механиков.

Это уже сила!

Кроме того, в крае уже 34 колхоза и совхоза высокой культуры земледелия. Надо думать, что руководители этих хозяйств тоже не будут сидеть сложа руки. А опыт у них огромный. Взять хотя бы тех же председателей колхозов «Маяк революции», «Кавказ» и имени Ленина, Героев Социалистического Труда Б. В. Филатова, А. П. Хомякова и М. Е. Анненко, в чьих хозяйствах мы побывали. Каждый из них сочетает в себе и агронома, и зоотехника, и экономиста, и опытного руководителя, и государственного деятеля.

Но посмотрим, как на деле выглядит заповедь передовых: «Умеешь сам — научи другого». Бригадир из колхоза «Красный Октябрь» Усть-Лабинского района В. Е. Нечаев рассказывал на упомянутом уже съезде бригадиров края:

«Учителя, наставники наши, своих сил не жалели. Провели совместное собрание механизаторов, партийное собрание. Агроном Тищенко, механик Вихрев, а также сам Клепиков провели с нашими колхозниками до десяти занятий по агротехнике возделывания основных культур, рассказали о приемах обработки почвы, сева, ухода за посевами, которые позволяют им собирать неизменно высокие урожаи.

Их механизаторы были у нас в мастерских, а затем на полях продемонстрировали свое высокое мастерство регулировки механизмов, пахоты, сева...

Наши механизаторы в короткий срок переоборудовали или дооборудовали бороны, культиваторы, сеялки по методу клепиковцев...

А главное — мы увидели и глубоко поняли, что клепиковцы — это мастера высокого класса и великие труженики, что в их бригаде нет места разгильдяйству, что там — высокая сознательная дисциплина, строгий контроль и спрос за порученное дело...

Теперь у нас ни один механизм без точнейшей регулировки в поле не выходит. Малейший брак в работе — чрезвычайное происшествие...»

По-моему, рассказ этот — достаточно убедительное свидетельство в пользу движения «Умеешь сам — научи другого».

Нам, к сожалению, не удалось познакомиться с М. И. Клепиковым лично, но зато мы были в бригаде — не менее знаменитой на Кубани — Анны Васильевны Череповой. А знаменита эта бригада тем, что вот уже восьмой год работает на аккордно-премиальной оплате. Председатель колхоза А. П. Хомяков об организации труда в этой бригаде рассказал так:

— Людям сказали: вы будете работать по-коммунистически — один за всех, все за одного. Всякие нормы — побоку... Учитываться будут только выхододни. Уравниловка? Нет. Более квалифицированный труд будет оплачиваться лучше за счет начисления дополнительной оплаты за классность и за стаж...

И что же? Оказывается, коммунистический труд намного производительнее! Прибыль увеличилась в два с половиной раза, а число членов бригады сократилось

с девяноста шести до сорока восьми. На следующий год мы перевели на такую систему еще три бригады — в двух не получилось. И сами коллективы не были готовы к такому шагу, и руководители не сумели стать их душой. О-о, талант руководителя при такой системе, его авторитет имеют решающее значение! Познакомитесь с Анной Васильевной Череповой — убедитесь в этом. Одним словом, то, как работает и живет бригада Череповой, вполне можно назвать прообразом будущего.

Естественно, нам захотелось, хотя бы одним глазом, взглянуть на это будущее.

Анну Васильевну мы нашли на полевом стане, хотя был выходной день. Немолодая уже — мне показалось, что ей за сорок,— среднего роста, скорее полная, чем худая, с сосредоточенным, я бы сказал, проникающим в душу взглядом,— чувствовалось, что Анна Васильевна умеет быть строгой,— и в то же время с готовой всегда улыбкой, она сразу располагала к разговору, естественному и ненатянутому. Сели в тени деревьев за круглые столы, сооруженные на бревенчатых тумбах, вкопанных в землю. Нам захотелось услышать о бригаде от нее самой. И вот что она нам рассказала (понятно, что я приведу лишь те слова, которые успел записать, но они, на мой взгляд, передают самое главное):

— Поначалу очень трудно было. Хотя и верили мне люди, но... ждали, что покажет год. А год показал, что заработки у нас не только не ниже, а даже выше, чем в других бригадах.

Выросла производительность труда. У людей появилась вера, а вместе с ней — озабоченность, заинтересованность. Все стали думать, как выполнить ту или иную работу быстрее, лучше, с меньшими затратами. И вот оказалось, что можно обойтись без прицепщиков. Что на севе выгодно применить агрегатирование — выполнять сразу несколько операций: высевать семена, вносить удобрения, шлифовать посев и т. д.

Были переоборудованы и комбайны. К ним приспособили дополнительные бункеры и протравочные аппараты, что позволило использовать их для подвозки семян к сеялкам. На уборке применили групповой метод, на пять комбайнов оставили всего лишь шесть человек — шестой подменный,— от помощников отказались. Отка-

зались также и от услуг кузнеца, стекольщика: нехитрое, мол, дело — сами справимся.

Коллективизм — не на словах, а на деле — стал нормой наших взаимоотношений. И это, может быть, самое главное, самое ценное наше достижение. Например, остановился трактор чей-то или комбайн. Раньше как было? Остановился — ну и стой, жди летучку. Теперь нет. Теперь сразу же кто-нибудь бежит к остановившейся машине, выясняет, в чем дело, и, если надо, зовет остальных, и все вместе приступают к ремонту. Или на уборке урожая. Все — вплоть до сдачи зерна на элеватор — мы делаем сами. В наших интересах сдать зерно кондиционным, поэтому каждый делает свое дело на совесть. Если надо — мы не считаемся с временем, работаем и в выходные дни.

Восьмой год работаем мы по-новому. И кажется нам, что наша аккордно-премиальная система — это лучшее, что можно придумать. Спросите сейчас наших людей, кто хочет по-старому работать,— ни один не согласится. Не найдется у нас и такого, кто пожаловался бы, что его неправильно рассчитали. Да оно и понятно! Заработки у нас выше, чем в других бригадах. И те, кто поначалу откровенно посмеивался над нами, не верил в наш успех, теперь просятся к нам в бригаду, а мы не берем, потому что если взять, то вместо кого-то, а у нас никакой текучки нет. Правда, одного пришлось взять — председатель настоял. На перевоспитание. И что бы вы думали? Этот любитель выпить и лентяй, как говорится, шелковым у нас стал! Из других бригад, случается, в вытрезвитель попадают, из нашей — нет... Потому что мы и в праздники — вместе. Как одна семья. Овощи, фрукты — все у нас свое. Излишки бывают — реализуем. Деньги — в общую копилку. Недавно взяли да сшили всем женщинам платья. Одинаковые! Так нам захотелось. А если кто строиться надумал — тоже всей оравой приходим помочь. А уж фундамент заложить — обязательно! Ну, а мне как бригадиру приходится и жен с мужьями, и мужей с женами мирить. Ежели человек не в настроении — какой же он работник, у него же из рук все валится...

Слушал я Анну Васильевну и думал: «Да, это действительно прообраз будущего». Но в чем все-таки «секрет» ее успеха? Может быть, в особом внимании к ней

со стороны правления? Но Анна Васильевна, словно предвидя такие подозрения, сказала: «Никаких особых, парниковых условий у нас не было и нет». Яснее ясного! И все-таки в других-то бригадах аккордно-премиальная система не привилась.

Леонид Иванов на это заметил мне:

— Просто Анна Васильевна умный, талантливый человек. Она при любой системе добьется хороших результатов.

Что же, возможно, это и так.

Но если это так, если от бригадира, от его ума, его организаторских способностей, его общей культуры и образованности, его характера, наконец, так много зависит, то вывод напрашивается сам собой: надо укреплять это звено колхозного руководства. Решающее звено — так признано всеми.

Думается, что у кубанских колхозников имеются для этого неплохие возможности: грамотной молодежи со средним образованием и специальным высшим (я имею в виду агрономов, зоотехников, инженеров) здесь несравненно больше, чем, например, в колхозах Северо-Запада или Центра России.

Больше-то больше... Но зато и поля здесь пошире. И поэтому сказать, что для руководителей кубанских колхозов совершенно не существует проблемы миграции сельской молодежи, было бы неправдой.

Г. С. Золотухин, первый секретарь Краснодарского крайкома, рассказывая нам о росте экономики и культуры кубанских колхозов, между прочим, выразил уверенность, что лет через 10—15 молодые люди будут стремиться не из деревни в город, а наоборот... И главную роль тут, по его мнению, сыграют не клубы — их на Кубани и сейчас уже достаточно,— главную роль сыграет характер труда, уровень его механизации. Особенно в животноводстве.

И привел пример. Еще совсем недавно в колхозах были свинари и свинарки. Всем известно, как они работали. Теперь такой профессии во многих колхозах нет, теперь есть операторы специализированных откормочных цехов, откармливающие по 1500—2000 свиней сразу. Труд их стал более привлекательным, соответствующим

уровню их образования, и проблема кадров для свиноводства перестала существовать.

Итак, механизация! Она должна сыграть главную роль в привлечении в сельскохозяйственное производство молодых, грамотных людей. Разумеется, никто не сбрасывает со счетов уровень заработной платы (на Кубани средний заработок колхозника уже приблизился к среднему заработку рабочего — 90 рублей в месяц), квартирные и бытовые удобства и те же клубы, наконец, с их библиотеками, кинозалами, помещениями для занятий кружков и т. п. ,

Но главное — Г. С. Золотухин прав — в характере труда, в уровне его механизации.

Однако надо не забывать, что механизмы сами собой к молодым рукам не прилипнут. Надо побеспокоиться — и вовремя! — чтобы ребята не только изучили их, но и привыкли к ним буквально с детства, полюбили их.

И тут решающее слово — за школой.

Я не могу не рассказать, хотя бы в общих чертах, об опыте воспитания у ребят любви к технике, к сельскохозяйственному труду вообще, об опыте, который накопила родниковская школа, где директором Щербаков Александр Алексеевич (колхоз «Маяк революции»).

Ну, во-первых, А. А. Щербаков сообщил нам, что когда решением министерства было ликвидировано «производственное обучение», его школа и еще две другие в районе решению этому, мягко говоря, не подчинились, потому что убедились в перспективности начатого дела, а главное — в его необходимости.

Убеждены в этом были и руководители колхоза, и, в отличие от многих других, проявивших недальновидность, не отмахнулись от нужд школы, а помогли ей создать соответствующую базу, выделили тракторы и машины, оборудовали мастерские, поскольку понимали, что, объясняя на пальцах, любви к технике ребятам не привьешь.

Школа понимает психологию мальчишек и потому уже в пятом — восьмом классах (мальчишкам в это время 11—15 лет) разрешают им сесть за руль МТЗ-50 или ДТ-20, а в девятом классе — уже за рычаги гусеничного трактора, за штурвал комбайна и автомобиля. Да не на полигоне только, а на поле. Звено из

шести учеников 9—10-х классов (4 мальчика и 2 девочки) под руководством опытного бригадира обрабатывает 30 гектаров земли, пашет, сеет, убирает выращенный на этом участке урожай кукурузы.

Интересно отметить, что это самое «производственное обучение», суть которого — общение с техникой и землей, самым положительным образом повлияло на успеваемость учеников по остальным школьным дисциплинам. Особенно преображаются, по словам директора, так называемые «трудновоспитуемые» ребята, наделенные, как правило, от природы живым характером, инициативой, потребностью что-то делать. Они с удовольствием садятся за руль и быстрее других овладевают машиной.

Идя навстречу неуемному мальчишескому желанию работать на тракторах и других машинах, колхоз на летние месяцы посылает их в лагерь труда и отдыха, где на выделенном специально поле ребята все делают сами. Разбитые на звенья, они одновременно учатся быть бухгалтерами и экономистами. Самым радостным, даже торжественным днем для них является день сбора урожая, выращенного своими руками. По этому случаю проводится и «Праздник первого хлеба», ритуал которого торжественен и по-настоящему волнующ.

Даже из этого беглого рассказа об опыте «производственного обучения», накопленного школой в станице Родниковской и колхозом «Маяк революции», видно, насколько оно целесообразно и жизненно необходимо. Замечу, что родниковцы — за раннее овладение ребятами техникой, с 5-го класса, а не с 9-го, как рекомендовалось.

Председатель сельсовета в станице Михайловской В. М. Кривочуров, когда я поделился с ним своими мыслями по этому поводу, сказал мне:

— Так же вот теперь с лошадями: десятилетних мальчишек не отобьешь от лошадей, а семнадцатилетним говоришь: садитесь! — они не хотят!

Любопытное наблюдение, не правда ли?

И как тут не пожалеть, что ребятам до 17 лет не везде разрешают работать на тракторе, до 17 с половиной — на автомашине. Кого мы хотим растить из них — белоручек или настоящих мужчин?

Теперь несколько мыслей, навеянных уже не землей, не пшеницей, а кубанской станицей, вернее, бытом сельских жителей Кубани, их культурой.

Что такое кубанская станица?

Жители Севера и Центра России, не говоря уже о Сибири, даже те, кто видел кино «Кубанские казаки», едва ли имеют более или менее точное представление о ней.

Окинуть взглядом станицу, оказывается, нельзя (если, конечно, исключить самолет): она слишком велика для взгляда и, кроме того, утопает в садах, а те, в свою очередь, скрыты за зелеными шторами пирамидальных тополей.

А сколько же, по-вашему, уважаемый читатель, жителей в станице? Пятьсот? Семьсот? Тысяча? Нет, не угадали! Для северо-русских деревень это вполне приличные цифры, для кубанских же станиц — совершенно неподходящие. Кубанская станица — это 8—12 тысяч населения! Ну-ка, прикиньте, сколько это дворов (или «хат», по-здешнему)? Да прибавьте к ним десятки общественных построек в центре станицы — Дворец культуры, школу, правление колхоза, магазины, больницу, детсады, гаражи, животноводческие помещения — и вы представите, насколько она широка, станица. При этом надо учесть, что улицы, особенно старые, ширины необыкновенной — казаки селились просторно, потому как земли хватало.

Станица Михайловская (колхоз имени Ленина), в которой мы побывали, раскинулась на 1960 гектарах! Улицы ее настолько длинны, что жителей окраин не очень-то и тянет по вечерам во Дворец культуры — далековато...

Как и по всей стране, на Кубани сейчас вовсю говорят о сселении, вернее, о перепланировке станиц. Разбросанность неудобна во всех отношениях: она является главным препятствием на пути «подключения» сельских жителей к благам цивилизации. В самом деле, попробуйте обеспечить такие станицы и водопроводом, и газом, и канализацией... Слишком накладно будет.

После перестройки станица Михайловская, как нам сообщил председатель колхоза М. Е. Анненко, будет занимать всего лишь 650 гектаров (вместо 1960 сейчас). В три раза меньше! Ясно, что многим станичникам волей-неволей придется тогда залезать под общую крышу,

а может быть, и на второй этаж. И тут неизбежно встает вопрос: сколь широки должны быть те, общие крыши, сколь высоки этажи? Михаил Ефимович Анненко по этому поводу имеет твердое мнение: дома должны быть не более чем на восемь квартир.

— Почему именно на восемь, а не двенадцать?— спросили мы.

— Потому что каждый хочет,— ответил председатель,— чтобы возле дома, в котором он получит квартиру, у него был хотя бы небольшой, но свой участок земли. Подчеркиваю: возле дома! За чертой станицы он ему не нужен. Горожанин, естественно, не может этого требовать. Но в этом и состоит главное преимущество сельского жителя перед жителем городским: он живет на земле, и лишать себя удовольствия поковыряться в земле, когда выпадет свободная минута, он не хочет. Причем не ради дохода — именно ради удовольствия, а если хотите, и отдыха.

Я вот о себе скажу. Измотаюсь иногда до невозможности, дойду, что называется, до белого каления. А покопаюсь на участке двадцать—тридцать минут — только чтобы никто мне не мешал,— и усталость как рукой снимет, и настроение поднимается, и опять могу делать что угодно. Поэтому крестьянин, повторяю, не настаивает, чтобы участок был таким же, как сейчас (двадцать пять — пятьдесят соток), он будет вполне удовлетворен и десятью сотками. А десять соток как раз и можно ему выделить, если в доме будет не более восьми квартир.

Сейчас, когда едешь по станичной улице, видишь: возле каждой хаты, буквально под окнами, оборудована зеленая беседка — по сооруженным в виде навеса жердочкам вьются густо зеленеющие виноградные лозы. Приятно отдохнуть в такой беседке. Приятно. И, я думаю, едва ли кубанский колхозник согласится отказаться от нее, переселившись в новые, многоквартирные дома, как и от садика, дарящего ему весной радостные дни цветения, а осенью налитые соком плоды. Да и зачем отказываться от всего этого, если оно дано самой природой,— столь благодатной здесь и щедрой. В вологодских или архангельских деревнях ни этого винограда, ни этих садов при всем желании не выходишь, но и там, я думаю, небольшой участок возле дома крестьянину не помешает. Да не так уж и скупа, безответна северная

земля, чтобы ей нечем было порадовать человека, который захочет приложить к ней руки. Посмотрите, какие возле иных изб заросли малины, смородины, крыжовника... Наконец, могут на ней расти и просто цветы.

Центры кубанских станиц, можно сказать, уже сформировались. Украшением их являются построенные в недавние годы замечательные колхозные Дворцы культуры на 1000—1500 мест. Сразу скажу, что таких дворцов, по крайней мере на Вологодчине, нет да, видимо, и не будет. И не потому, что вологодские колхозы беднее, хотя и этот факт сбрасывать со счетов нельзя — затратить на строительство дворца 600—700 тысяч может далеко не каждый вологодский колхоз,— а потому, что тамошние села, даже после сселения в них мелких деревень (на Вологодчине еще недавно было более 12 тысяч населенных пунктов против 2200 в Краснодарском крае), все равно не будут столь многолюдными, как станицы, и такие огромные залы им будут просто не нужны.

А вообще меня лично очень порадовало, что кубанские колхозы не пожалели денег на строительство дворцов — этих современных храмов культуры. Кроме прекрасных зрительных залов с лепными потолками и фресками, они располагают просторными фойе для танцев, помещениями для библиотек, читальных залов, колхозных музеев, различных кружков самодеятельности и т. д. Рассказывали, что председатель колхоза «Маяк революции» побывал во Дворце культуры автозавода имени Лихачева в Москве, попригляделся к нему — уж больно хорош!— и построил в колхозе такой же.

Но и эти дворцы — не предел желаний кубанских колхозников. Аппетит, как говорится, приходит с едой. Михаил Ефремович Анненко, Герой Социалистического Труда, много лет уже стоящий во главе колхоза имени Ленина, сказал нам на этот счет следующее:

— У нас сейчас два миллиона свободных денег. Да, лишка,— согласился он с замечанием Леонида Иванова.— Миллиончик мы могли бы пустить сейчас в дело. На очереди строительство стадиона и плавательного бассейна, гостиницы... Да и жилые дома надо бы побыстрее строить. Но... некому сдать подряд! Существующие строительные организации и в малой мере не обеспечивают наших потребностей. Короче говоря, за пять предстоящих лет мы готовы вложить на благоустройство пять

миллионов, но едва ли сможем это сделать: подрядчиков нет.

А строительство жилых домов — преимущественно индивидуальных — тем временем продолжается. Ветеран колхоза «Маяк революции» Кузьма Филиппович Еремышко рассказал нам, что до колхоза в станице Родниковской было всего шесть кирпичных домов, а сейчас, как он выразился, есть целые «кирпичные улицы», благо, что кирпичи колхоз производит сам и всех желающих строиться обеспечивает ими полностью.

Хорошо это, конечно. Но невольно напрашивается вопрос: а как быть с этими домами, если станицу придется перепланировывать?

Вместе с изменением облика станицы изменились внешне и сами колхозники. Тот же К. Ф. Еремышко по этому поводу сказал:

— В отношении одежды — не различишь, где руководитель, где рядовой колхозник.

Впрочем, как мы убедились, не только в отношении одежды. Идет, к примеру, легковая автомашина по улице. Кто в ней едет? Не скажешь. Может быть, главный агроном, может, бригадир, а может, и рядовой механизатор. Кто-то из райкомовцев сказал:

— Дай нам сейчас 500 легковых машин на район — и завтра же все будут распроданы.

Приятно было отметить, что вместе с изменением быта, ростом благосостояния и культуры постепенно меняются, а точнее — складываются, формируются и новые обряды и обычаи, соответствующие современному, коллективному укладу жизни. И наиболее живучи, по-настоящему красивы, подлинно народны те из них, которые не придумываются заново, а продолжают, развивают то лучшее в смысле духовности и нравственности, что выработано народной мудростью на протяжении веков.

Именно этим привлекателен и в высшей степени действен новый обряд проводов в армию призывников, который, можно сказать, уже утвердился в колхозных станицах Курганинского района. К сожалению, мы этого праздника не видели, опоздали всего на четыре дня, но и в пересказе — довольно лаконичном и сдержанном — секретаря райкома КПСС В. А. Сурженко он предстал перед нами полным особого смысла и значения, с явно

выраженным патриотическим звучанием, что, собственно, от такого обряда и требуется.

Все действо происходило на площади, буквально запруженной народом, хотя никто никого специально сюда и не зазывал.

Да и нет ничего удивительного в том, что люди пришли на площадь. Ведь действо-то, происходящее там, в своей глубинной сути касалось каждого: в армию уходили не просто ребята «из нашей станицы»,— в армию уходили защитники Родины, а значит, защитники их жизни, их счастья и благополучия. Кому-то эти парни были сыновьями и братьями, кому-то племянниками, кому-то любимыми, а большинству — просто знакомыми...

Вот они, еще по-юношески нескладные, но уже с солдатской отрешенностью во взглядах, стоят ровным строем перед земляками. За спиной у них трибуна, знамена, завоеванные колхозом в социалистическом соревновании. Звучат напутственные речи отцов и матерей, потом ветеранов войны и руководителей колхозов. Девчонки, стайкой стоящие неподалеку от трибуны, с явной грустинкой, вполне сейчас простительной, поют: «Вы служите, мы вас подождем...»

Председатель выходит перед строем новобранцев с саблей, зажатой в руках, и протягивает ее правофланговому. Тот принимает саблю, целует ее и передает стоящему слева товарищу. Ритуал повторяется... И так — до крайнего, стоящего слева. И хотя никто ребятам не говорил, зачем это надо — целовать саблю, оружие, теперь безнадежно устаревшее, однако все видели, как бледнели лица ребят от сознания значимости этого момента, его торжественности. Целуя саблю, ребята как бы клялись быть достойными славы русского оружия, славы прадедов и отцов, гарцевавших с этими саблями в ореоле победителей на улицах Парижа, Берлина и других городов Европы в ту — 1812 года — и в эту — Великую Отечественную войну.

Потом к строю новобранцев подходят матери и передают им из рук в руки небольшие мешочки. В них земля, которая их вскормила и взрастила, которую им отныне защищать, а если потребуется, положить жизнь за нее. Забегая вперед, скажу, что солдаты хранят эти мешочки с родимой землей до последнего дня службы.

Любопытная деталь последнего праздника. Вскоре

после его начала пошел дождь. С громом и молнией! «Ну, думаем, испортит нам праздник... Разбегутся люди!»— рассказывал Василий Алексеевич Сурженко. Кое-кто из старичков, конечно, погрустил. А новобранцы даже с ноги на ногу не переступили. Они, кажется, не шелохнулись бы — начни даже камни падать с неба.

Не знаю, как кому, а мне обряд проводов новобранцев, нарисованный В. А. Сурженко, понравился. В нем, на мой взгляд, естественно и органично переплетается старое и новое, вызывает в душе будущего солдата самые возвышенные чувства — патриотизм, верность Родине и долгу, преданность отцам.

Не меньшей значительностью и торжественностью обставлено сейчас на Кубани и рождение человека.

А вот свадьба еще не всегда и не везде проходит так торжественно. Когда мы были, например, в гостях у звеньевой Е. И. Таранухиной, она сказала нам, что недавно выдала замуж дочку. Мы поинтересовались, как проходила свадьба, и, к сожалению, ничего, кроме того, что со стороны жениха гостей было 80 человек и столько же со стороны невесты, не услышали. Правда, сам хозяин добавил, что гуляли несколько дней, что ему пришлось зарезать столько-то уток и еще поросенка в придачу, купить несколько ящиков водки, ну и, конечно, запастись самогонкой...

Богатая свадьба была, ничего не скажешь. И, наверное, веселая... А вот торжественности ей, как видно, не хватало. Той самой торжественности, которая заставила бы молодоженов почувствовать значительность момента, проникнуться моральной ответственностью друг перед другом и перед обществом за будущую семью.

Я не случайно так много говорю об этом. Кубань, занимающая первое место в Союзе по урожайности, должна, мне думается, идти на несколько шагов впереди и в области культуры. Ее сегодняшний опыт — это завтрашний день всех колхозов страны. И нужно многое предусмотреть, чтобы, как выразилась одна из женщин из звена, работавшего на «расстановке» подсолнечника, «богатство не заколготило» людей, чтобы они не зарывались каждый в свою нору, жили полнокровной духовной жизнью, какую открывает им социалистический строй.

1970 г.

Кто был на фронте

1

Во время войны о мужчинах не говорили: «Он на войне». Говорили: «Он на фронте». Это было точнее. Потому что война была везде: в городе и в деревне, на заводе и в поле, в каждом доме и в каждом сердце... Фронт же был только на фронте, где броня на броню, огонь на огонь, грудь на грудь. И похож он был, этот фронт, на извивающееся чудовище, одним концом упиравшееся в горы южные, другим — в горы северные. И на всем его протяжении не было ни километра, стволами не загороженного...

А ведь каждый ствол — это солдат. Мужчина. Чей-то сын. Муж. Отец. Брат.

Не каждый час и не на каждом километре фронта постоянно шли бои. Бывало, обессилев вконец, фронт замирал. Оставшиеся в живых рыли поглубже окопы, сооружали блиндажи и землянки...

И завладевала всем этим притихшим, лишь время от времени погромыхивавшим пространством тоска по дому, по земле... И ничего удивительного в этом не было: у миллионов солдат под серой шинелью билось крестьянское сердце.

А что такое солдатская, или, как ее еще называли, окопная тоска?

Это — память... И вспоминалась солдату тропинка во ржи. И видел он на этой тропинке себя — не в шинели, а в белой, с расстегнутым воротом рубахе. Летний ветерок играет с рожью, раскачивает ее, не дает застаиваться: рожь цветет... Тонюсенькие-тонюсенькие сережки на колосках ее, кажется, позванивают...

А то вдруг вспомнится солдату весенняя пахота. Податливая, как масло, земля под лемехами, и грачи, с

граем перелетающие вслед за ними, и солнце, и просторное небо, и распустившаяся вербушка над зеркальцем лужи-снеговицы...

Потом вспомнится (а может, приснится) солдату день и даже час, когда он услышал ударивший, как молния, чей-то вскрик: «Война!» Что он тогда делал? Ах да, готовил косилку к назначенному дню, побрякивал гаечным ключом... Возле кузницы это было, за которой сразу же начиналось клеверное поле. Клевер — ну прямо дурел от распиравшей его силы, распускались фиолетово-розовые маковки, и с каждым дуновением ветерка до кузницы доносился запах меда: недаром вились над клевером пчелы...

Интересно, кто скосил его потом? И вовремя ли? Наверное, нет: кузнеца Ивана тоже ведь взяли в армию. И Федора-соседа, и Митьку-сродственника. Эти умели управляться с косилкой, не говоря уж про него. И любо же было выехать в луга росным утром! Стрекочет косилка, мотают головами еще не уставшие кони, звездочками в траве посверкивают капли росы...

Ох, вернуться теперь бы домой — неделю не слезал бы с сиденья!.. И в жару бы косил, и в ночь-полночь... И не устал бы!

А над окопом, в котором, обняв винтовку, солдат предавался воспоминаниям, моросил дождь, по спине пробегали мурашки. Но на душе у него было тепло. Тепло от этой сладкой тоски по земле, по работе.

И выводила его тоска эта к горестной мысли о том, что нет для человека ничего несправедливей, противоестественней и трагичней минуты, чем та, когда он, оставив плуг в борозде или косу в траве, вынужден бежать к деревне, где уже до неба стоит бабий плач, бабий вопль: «Война!»

...Летят годы. Стареют солдаты Великой Отечественной... Уже самым молодым из них теперь под пятьдесят, а иным давно уже на шестой десяток, а то и поболе. Хватившие военного лиха полной мерой, со шрамами на теле, они, как никто другой, знают цену жизни, умеют радоваться и солнцу, и дождю, и первым листочкам, и первому снегу, а уж земле, а уж работе на ней — и говорить нечего. Не случайно, наверное, почти у всех у них теперь рядом с боевыми наградами на груди звенят награды за труд.

В праздники ли, в будни ли проходят они мимо памятников односельчанам, не пришедшим с войны (все больше таких памятников в наших селах!), останавливаются невольно и вспоминают... Нет, не только вспоминают — отдают дань уважения побратимам, павшим за освобождение... Боже, сколько пришлось освобождать им городов!

И не только своих...

Оставшимся в живых пришлось взвалить на свои плечи тяжеленную ношу, и они сдюжили под нею!.. Снова отстроены наши города, заводы и фабрики, мосты и электростанции, шумят колосьями хлеба, плодоносят сады...

Но не только добросовестность в отношении к делу характерна для ветеранов Великой Отечественной войны. Их отличают еще принципиальность и, если хотите, смелость, когда дело идет о справедливости и чести. Они непримиримы к злу и, чтобы торжествовало добро, готовы и теперь, что называется, броситься на амбразуру! Настоящих фронтовиков я знаю именно такими! Об одном из них как-то написалось у меня: «Не добром богат он — честью! И какой бы ни был сход, если он, Иван, на месте — веселей глядит народ».

Веселей, потому что знает: этот не промолчит, не спрячется за чью-то спину, если надо будет кого следует вывести на чистую воду.

А еще ветеранов можно узнать по тому, как сторожко замирают они, когда разговор заходит о войне — где бы она ни была, как бы далеко ни мелькнула тень ее вóронова крыла... Они, в отличие от молодых, не из книг и не из кинофильмов знают, что такое война, потому что видели ее в лицо...

Страшное оно, лицо войны. Страшнее самых страшных слов, если даже произнести их все разом.

Поэтому ветераны, как и весь народ, полностью одобряют мирные усилия нашей партии и правительства, лично Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, так много сделавшего для установления доверия между народами и правительствами. И, значит, для дела мира во всем мире!

Кому, как не им, ветеранам, знать, как дорого обошлись нам, земле нашей многострадальной те четыре черных года... Казалось, разверзлась великая прорва — и

день за днем четыре года подряд сыпались в нее с грохотом и ревом, с огнем и дымом, с плачем и стонами и человеческие жизни — миллионами!— и города со всеми улицами и площадями, и села, и деревни, и лом — стальной и железный — в виде автоматов и пушек, танков и самолетов...

И все это было нашей платой за свободу, за право остаться людьми.

Высокой ценой платили мы за нашу Победу. Но тем более дорога она нам теперь! И мы хотим одного — чтобы свет ее вечно сиял над нами!

Мы умеем строить города и плотины, заводы и космические корабли... Но у нас много дел и на пашне. Сейчас мы сосредоточиваем свои силы на зоне Нечерноземья. Партия и правительство разработали грандиозную, глубоко выверенную программу преобразования, облагораживания земель этой зоны. И не только земель — сел тоже. Всего уклада жизни. И программа эта будет выполнена! Потому что она опирается на нашу окрепшую силу.

Война у нас украла значительно больше, чем четыре раза по 365... Она вырвала из наших рядов миллионы наших братьев и сестер. Стерла с лица земли сотни наших городов, тысячи сел...

Не так-то просто заделать подобную брешь даже такому большому кораблю, как наша страна — Союз Советских Социалистических Республик. Для этого нам нужно время. То есть нам нужен мир! Пусть война останется для нас, ветеранов, навсегда воспоминанием, а для наших детей и внуков — историей.

2

С первых послевоенных лет в каждом сельском Совете ведется горестная статистика понесенных утрат, вечной скорби по убиенным — дедам и отцам нынешних пахарей и животноводов, мужьям и сыновьям — совсем уже состарившихся вдов и матерей...

Но, вместе с тем, это и статистика мужества, статистика героизма односельчан, их бесстрашия в боях: Победа добывалась самой дорогой ценой — ценой жизни.

Цифры потерь для жителей сел говорят очень и очень много, потому что они для них не безлики: память сохра-

нила не только имена и фамилии убитых, родных и близких, но облик их, и говор, и походку... Здесь то и дело можно услышать: «Весь в отца». Это про сына. Или: «Вылитый дед!» Это про внука. И неудивительно, что и внуки здесь знают дедов в лицо: в избах по установившейся издавна традиции висят на стенах поблекшие фотокарточки погибших солдат, в одной рамке и под одним стеклом с фотографиями живых. И не надо особо приглядываться, чтобы заметить на тех фотокарточках печать времени — тревожного и грозного — дух сплоченности и патриотизма, готовности к самопожертвованию — ведь вопрос стоял так: быть или не быть молодому советскому государству?

Недавно, в последних числах марта, я снова побывал у себя на родине, в лесном и озерном Белозерском краю Вологодской области.

Деревушка, в которой я родился, хотя и стоит, как у нас издавна говорят, на «большой» дороге, и до войны была центром сельского Совета, теперь сильно ужалась, как и многие другие деревни, и по той причине утратила свое былое значение, стала окраиной другого, Артюшинского, сельского Совета.

В селе Артюшино теперь и центр совхоза, названного по имени района — «Белозерский». Лет пятнадцать назад, когда создавался этот специализированный совхоз по откорму крупного рогатого скота, в нем насчитывалось 33 деревни. Сейчас их осталось 17, а трудоспособных — 236 человек (вместе с управленческим аппаратом). Запомним эту цифру.

В центре Артюшино — не новый, но достаточно вместительный бревенчатый клуб, а перед его фасадом, в заснеженном в ту пору еще скверике, памятник воинам-землякам, погибшим на фронтах в годы Великой Отечественной войны. Памятник этот пока не завершен: стоят каменные плиты с высеченными на них именами погибших, а перед ними площадка Вечного огня... Ну и, конечно, клумбы, деревья... Но тогда кругом лежал снег и все выглядело будничней, чем летом. Мы подошли к памятнику с секретарем парткома совхоза Анатолием Иосифовичем Карпиковым. Я глянул на списки убитых и невольно снял шапку.

— Сколько же их? — спросил не столько голосом, сколько взглядом.

— Пятьсот...— также коротко ответил Карпиков.

500... А сейчас на весь совхоз 236 человек трудоспособных — мужчин и женщин. Мало. Даже если учесть, что заметно поприбавилось техники. Но механизаторов-то как раз и не хватает. Да и не диво. 500 убитых мужиков — это, считай, 250—300 несостоявшихся семей и, бог знает, сколько неродившихся детей, которым сегодня было бы 30—35 лет. Самый цветущий возраст! Тридцать два года прошло, как кончилась война, а народ, а страна до сих пор ощущает последствия ее тяжелых ударов, ее кровавую жатву, после которой пусто и безголосо стало во многих деревнях.

Тем более дорога́ моим землякам память о тех, кто защитил эти деревни, и леса, и поля вокруг них, все еще не очень ухоженные — опять-таки по причине нехватки молодых и сильных мужских рук...

Возле крылечка конторы совхоза, еще в упаковке, стоит недавно привезенная из Череповца скульптурная фигура солдата — главная часть памятника землякам, не пришедшим с войны. Высота фигуры — почти два человеческих роста.

«Ну, что ж,— порадовался я.— Хорошо». Порадовался, но не подивился, потому что такие памятники или подобные им устанавливаются сейчас повсеместно, а уж в центре больших сел — обязательно.

Но этот солдат, который летом должен был встать перед совхозным клубом, оказался совсем необычным...

Ушел на войну в сорок первом Ваня Малоземов — парень из тихой деревушки Пестово, что в нескольких километрах от Артюшино. Приземистый, широкоплечий, а главное — грамотный, был он определен в танковые войска. И здесь нашел свое призвание, машину в бою водил расчетливо и смекалисто, в самых сложных обстоятельствах действовал смело, метко разил цели и был удостоен самой высокой воинской награды — Золотой Звезды Героя. Но выпал последний бой и для Вани Малоземова, и выпал за много дней до окончания войны.

В битве за Сталинград — это была именно битва, а не бой и даже не сражение, битва, какой не знала от рождения своего старая наша планета,— в этой битве на Волге, у подножия легендарного Мамаева кургана, Иван Малоземов, расстреляв все снаряды, сокрушив броню нескольких немецких машин, бросил свой танк на та-

ран и опрокинул, смял еще одну «пантеру». Но при этом погиб и сам...

На Мамаевом кургане, слева от той тропы, которая ведет к величественному монументу Матери-Родины, взметнувшей в синее небо свой карающий меч, в ряду других гранитных плит, уложенных над могилами героев, есть плита, на которой высечено: «Герой Советского Союза лейтенант Иван Малоземов».

И вот теперь, через 32 года после Победы, земляки решили увековечить имя и подвиг своего героя и поставить ему на Родине памятник. Собрали деньги, заказали его скульптурный портрет череповецкому монументалисту Шепелкину, оформили заказ на литье из чугуна в одном из цехов Череповецкого металлургического комбината. Но металлурги, узнав, что памятник этот — вологодскому парню Ивану Малоземову, сказали:

— Из стали отольем! Из нержавеющей!

И вот стальной солдат-танкист, в котором старые люди легко угадывают знакомые черты земляка Вани Малоземова, доставлен в село. Скоро он взойдет на пьедестал перед совхозным клубом, и люди будут приносить к его ногам полевые цветы с тех лугов, по которым когда-то он бегал босиком.

Парторг Карпиков радуется предстоящему торжеству больше всех. «Вы бы посмотрели,— рассказывал он мне,— с каким благоговением приходят люди к памятнику. Особенно в День Победы. Приходят безо всяких объявлений, по зову сердца, приходят, чтобы почтить память погибших, пожать руку ветеранам, пережившим войну — все равно где: на фронте ли, в тылу ли... Еще не известно, где было труднее,— словно что-то припомнив, добавляет Анатолий Иосифович. Но тут же, вдруг просветлев лицом, говорит: — Ну, а теперь, когда перед Вечным огнем встанет еще и наш Ваня Малоземов, место это станет самым священным в селе. Да и сейчас оно всеми почитаемо. В День Победы наши комсомольцы с утра до вечера несут здесь почетный караул. Какая выправка у ребят, какие серьезные лица! Уверен, что эти торжественные минуты почетного караула оставят в их душах значительно более глубокий след, чем десятикратное упоминание о том, что совхоз или отделение за истекший год добились рекордного увеличения привесов... Я как-то поспорил на эту тему с одним из хозяй-

ственников. Ничего, кроме привесов, он не знает и знать не хочет. Но ведь мы должны растить не только мастеров своего дела, но и патриотов, верных сынов своей Родины... Подвиг отцов и дедов в годы Великой Отечественной войны — прекрасный материал для воспитания патриотических и гражданственных чувств у молодежи!

Мне очень понравились эти слова Карпикова. Да и не только слова — дела. Ведь один из главных уроков Великой Отечественной войны состоит как раз в том, что без патриотизма, уходящего своими корнями в самые глубинные слои народной истории, выиграть такую войну было нельзя. Дух великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского и других народных героев и полководцев витал над красными знаменами, под которыми мы шли в бой. Это я утверждаю, как ветеран Великой Отечественной войны, участник обороны Москвы и Сталинграда. Не одни бомбы и снаряды крушили вражеские укрепления, крушил наш патриотизм, наша любовь к Отечеству, наше свободолюбие, переданные нам в наследство предшествующими поколениями.

Парторг совхоза «Белозерский» А. И. Карпиков хорошо понимает это и не упускает случая напомнить молодым об их патриотическом долге — не забывать, какой ценой добыта Победа, знать имя каждого, кто отдал жизнь за Родину в годы Великой Отечественной войны.

Долго и терпеливо составлял Карпиков вместе с работниками сельского Совета список земляков, погибших на войне. И все-таки он оказался неполным. Да и не диво: жителей в деревнях за послевоенные годы заметно поубавилось, где только сейчас их нет — выходцев из Артюшинского сельсовета. Приедут иные навестить родину, подойдут к памятнику и... среди 500 имен погибших не найдут имени своего отца, или брата, или дядьки...

С обидой — вполне справедливой — идут в партком... «Спасибо, что сказали,— благодарит Карпиков.— Обязательно дополним список...»

Долго была неизвестна судьба одного из участников войны, Никандрова Александра Михайловича из деревни Устье. И вдруг — весть: Никандров жив, живет в Омске, работает на авиазаводе... А воевал он в морской пе-

хоте, участвовал, в качестве разведчика, в самых рискованных десантных операциях и... удостоен звания Героя Советского Союза!

Еще один Герой-земляк!

О его подвигах, ставших легендой, оказывается, уже рассказано в книге. И автор этой книги — его фронтовой друг и побратим мичман Бабиков...

И вот Герой приехал в Артюшино, побывал в своей деревне Устье, встретился со школьниками, односельчанами. А. И. Карпиков в эти дни не скрывал ликования. Он снова и снова подчеркивал в своих выступлениях на этих встречах, что их сельсовет (один только сельсовет!) вырастил двух Героев Советского Союза и что этим земляки могут и должны гордиться.

Чего-то, значит, сто́ят они, артюховцы, если из их среды, из этих вот рубленных в лапу изб, с этих вот полей и проселков вышли такие герои, такие богатыри, как Малоземов и Никандров. Правильной, значит, жизнью они жили, хорошо трудились и крепко любили свою молодую советскую Родину, потому такими и выросли у них сыновья. А ведь сыновья, как известно, в главном всегда похожи на отцов.

Память о них священна для нас. Утратив ее, мы не станем сильнее — ни каждый в отдельности, ни все вместе. Долг живущих — передать эту память и своим детям, и детям детей, а через них — далеким и благодарным потомкам...

1972—1977 г.

Поклонись земле

В полях снова осень... Сегодня она в той лучшей своей поре, когда ее называют «золотая». Одевшиеся в багрянец, лиственные леса стали необыкновенно яркими и, кажется, заметно придвинулись к околицам сел и деревень, словно бы желая показаться людям в новых своих нарядах; а иные даже забрели на улицы и, как дородные девки в праздничных сарафанах, стоят у калиток, шушукаются о чем-то, швыряют под ноги прохожим пригоршнями медные, еще не успевшие потускнеть, пятаки. А рябины — те и вовсе модницы: платья на них самые яркие да еще и серьги в ушах... Залюбуешься! А ведь летом и не видно было скромниц этих в зеленой толпе берез да черемух, осин да елок.

В прозрачном воздухе — запахи опустевших огородов и бань: вчера бани дымились вовсю, полыхали жаром раскаленных камней, а в том жару, по полкам, буйствовали березовые веники, крякали мужики, плескались над тазиками девки и бабы. Нет ничего сладостнее этого самоистязания для русского деревенского человека. Одна мысль о бане и березовом венике утешает его, какую бы тяжелую работу он ни ломил. А осенью, зачастую в ненастье, да еще накануне праздника — тем более.

И праздник этот настал. Официальное его название «День работников сельского хозяйства». Честно скажем, немного в названии этом поэзии. Но не в том, в конце концов, дело. Дело в сути. И если иметь в виду ее, то можно бы назвать праздник, например, «Днем благодарения». И это как нельзя лучше отвечало бы смыслу взаимоотношений человека с землей: худо ли, хорошо ли, а осенью земля чем-нибудь да одаривает селянина,

оплачивает его труды. Не всегда, конечно, в полной мере, но это уж от погоды зависит...

И потому мы, люди, особенно благодарны ей, земле, когда она за нашу любовь к ней и ласку платит нам сторицей. А впрочем-то, мы не «дуемся» на нее, как дети, и тогда, когда она бывает чересчур строга к нам. «Земля-матушка», «Земля-кормилица» повторяем мы и тогда, и, может быть, даже чаще и уважительнее, чем в урожайный год. Ну, а на «матушку», на «кормилицу» разве можно сердиться? Нельзя. Можно лишь желать всем сердцем быть достойным ее, накрепко усвоив ее нрав, ее уроки.

Вот и выходит, что в любом случае осенний праздник на селе — праздник благодарения земле. И, если хотите,— поклонения ей!

Он еще очень молод, этот праздник, только-только утверждается, постепенно обретая свое лицо, отсеивая все лишнее, бездушное, казенное и запоминая, возводя в традицию, в обычай все, что радует, возвышает душу человека, только что завершившего очередной круг многотрудных дел и забот на земле.

Я знаю, что во многих хозяйствах праздник этот выливается в красочное народное гулянне, в котором все подчинено главному—чествованию землепашца, человека самой древней профессии на земле, не менее почетной и в наше время, чем другие профессии, пусть даже архисовременные. Ну, и особая честь воздается, конечно, тому, чья доля в общем ворохе урожая наиболее весома. И это правильно. Потому что доброе слово о тебе при всем честном народе стократ дороже самой звонкой монеты!

Думаю, что со временем этот праздник выплеснется на самые широкие площади городов, как это уже делается в наших прибалтийских республиках, в Польше, Болгарии и других социалистических странах. И мы, горожане, будем рады разделить с селянами столь понятные и нам чувства, связанные с завершением уборки урожая; в душе-то ведь все мы немножко крестьяне... Да и, кроме того, слово «урожай» — отнюдь не менее популярно в городе, чем в селе. Город никогда не был счастлив и благополучен отдельно от деревни, особенно в нашем, социалистическом, государстве, исповедующем нерушимый союз серпа и молота.

Само собой понятно, что празднику, который мы сегодня отмечаем, под стать именно осень, и только осень,— для кого-то, может быть, и не лучшая пора года, но только не для крестьянина (не хочется говорить «работника сельского хозяйства» или «труженика села»: ведь не говорим же мы «работник городского хозяйства» или «труженик города», «завода»). Разумеется, крестьянин умеет радоваться и весне с ее первой зеленью на лугах и полях, и лету с его запахами скошенных трав, и перезвонами наливающихся колосьев... Но осень ему особенно по душе. Ликом осени он любуется с таким же чувством, с каким художник любуется только что завершенной картиной, или строитель панорамой грандиозной плотины ГЭС, или авиаконструктор только что взлетевшим (в первый раз!) самолетом...

Не всегда чувство это радостно: осень, несмотря на все усилия человека, может повернуться к нему и не лучшей своей стороной, как, например, в нынешнем году. Не оправдались надежды землеробов ряда областей в эту осень. Хлеба, из-за недостатка влаги, едва-едва поднялись над потрескавшейся землей, тоскливо и жалостно позванивая на жарком ветру тонкими колосками.

Трудно, горько глядеть в такую осень на поля, глядеть, припоминая, сколько было вложено в них и труда, и забот... Колотится в ребра сердце, припомнив ту, последнюю, надежду, с которой смотрел ты на небо, все еще ожидая чуда, когда уже ожидать, собственно, было и нечего, и незачем... Трескалась от жары земля, и каждая трещина проходила через твое сердце.

Ныне уже перепаханы и засеяны вновь не разродившиеся хлебами поля. Впрочем, как и поля, пролившиеся золотым дождем тяжелых и спелых зерен. И зеленеют сейчас на тех и других всходы, как обещание, что в следующем году все будет так, как хочется. Они настолько дружны и густо-зелены, эти всходы, что горькая память о нынешней неудаче с каждым днем отступает, как отступают с полей под лучами весеннего солнца снега.

Осень — пора умиротворенности. И не только в природе, но и в душе человека. Пора, когда уже ничего нельзя изменить: все позади. Можно лишь еще и еще раз перебирать в памяти свои дела и гадать, вовремя ли они были сделаны и так ли, как следовало.

И в этом смысле осень — еще и пора зарубок на па-

мять. Она учит хлебороба. Наглядно. Предметно. И притом почти каждый раз по-новому: природа вообще не любит повторений. И крестьянину бывает необыкновенно радостно, если он усвоил ее урок, иными словами — понял свои промахи. Ведь, в конце концов, он должен уметь противостоять, хотя бы отчасти, и засухе, и черной буре, и затянувшемуся ненастью.

Верно, нелегко это, но можно! Саму засуху или, наоборот, дожди, мы ни отменить, ни приостановить не можем. Но научиться помогать полям и в той, и в другой беде должны, хотя бы отчасти.

В этом году области Нечерноземья от засухи не пострадали. И вообще, засуха в центре России, как известно, не такой уж частый «гость», зато для многих здешних полей постоянная беда — излишек влаги, особенно для новых полей, разработанных на низких, заболоченных площадях в последние годы в соответствии с программой, начертанной постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР по нечерноземной зоне.

И что же получилось в этом году? А вот что: новые поля, в отличие от старых, расположенных на буграх, дали прекрасный урожай, в отдельных хозяйствах (колхоз «Родина» Вологодской области) до 40 с лишним центнеров с гектара. И что помогло? Мелиорация! Те самые красные дренажные трубочки, с умом и аккуратно уложенные на определенную глубину и в определенных направлениях в землю.

На этих трубочках покоятся уже многие поля, но хорошим урожаем, таким, как в «Родине», порадовали, к сожалению, не все: чего-то им не хватило... А трубочки те же... Те же, да отношение к ним, видимо, другое. Не все, к сожалению, кто их укладывает и кто наблюдает за ними, понимают, что не на год и даже не на два делается эта довольно сложная и дорогостоящая система, что закрытый дренаж — это, по сути, кровеносная система полей и если она придет в негодность, считай, что поля нет.

«Ну вот,— скажет кто-то, прочитав эти слова,— праздник, а он о каких-то трубочках...» А почему бы и нет?— отвечу я. Таков уж он, этот праздник. Не одним застольем дорог и знаменит — без разговоров, а может быть, даже споров, расчетов, прикидок, выводов, надежд, упований, клятв, отречений — тут не обойтись.

Земля ведь не бездушный станок — ушел, закончив смену, и душа не болит: завтра нажмешь кнопку — и снова завертится. Земля — она живая. Она и говорить может — умей только слушать. Есть у нее и характер — умей только его понять. А поняв, полюбить ее, полюбить такой, какая она есть. И можешь не сомневаться: она, в конце концов, вознаградит тебя за любовь, в долгу не останется. Так как же забыть о ней на таком празднике, как этот?

А говорить о земле — значит говорить о нашем приложении сил к ней, и даже не столько сил, сколько д у ш и. Бездушная работа на земле не обернется тяжелыми плодами. Бездушная работа — эта работа «от» и «до». Земля не любит таких работничков и жестоко мстит им. Она требует п о с т о я н н о г о к себе в н и м а н и я, и еще — п о н и м а н и я. Понимания того состояния, в котором она находится в каждый данный момент.

Как же серьезно надо думать о системе взаимоотношений человека с землей, чтобы они отвечали этим требованиям! Осенняя пора — самое лучшее время для таких раздумий. Земля отошла ко сну. Земля отдыхает. Но грош цена тому хлеборобу, который и сам будет дремать всю зиму. Настоящий хлебороб готовится к пробуждению земли заранее, стремясь предстать перед нею в тот светлый час во всеоружии, с горячим сердцем и ясной головой.

Много, наверное, будет разговоров у сельчан в этот праздничный день об ушедшем лете, об организации труда на полях: кто-то станет отстаивать безнарядную звеньевую систему, все шире распространяющуюся в колхозах и совхозах страны, кто-то попытается защитить старую, привычную,— я в этот спор встревать сегодня не хочу. Скажу лишь одно: та система, наверное, будет правильной, которая обеспечит естественную, свободную, без напоминаний и понуканий, связь человека с землей.

Если в каком-то хозяйстве стоит и осыпается переспевшая рожь и никому до этой печальной картины нет дела, ни у кого, как говорят, и «голова не болит», кроме председателя колхоза и бригадира, то, значит, «что-то неладно в датском королевстве». Значит, земля здесь еще не невеста и не жена, а всего лишь девка на вы-

данье: вроде бы и не дурна, и все ее замечают, а никому дела до нее пока нет.

Кто-то, припомнив этот, или подобный ему, факт, попытается оправдаться: дескать, все дело в том, что комбайнов недоставало, а еще точнее — запасных частей... В результате — простои.

Да, простои были — что верно, то верно. Но только ли из-за недостатка запчастей? А не из-за того ли, что кой-кому слишком вольготно и весело возле земли живется? Не на земле, а именно возле земли? А весело потому, что беззаботно. Такой человек и спать ложится с пустой головой, и встает — не знает, чем заняться. Живет по принципу «куда пошлют». А не пошлют — еще лучше. В хлебе, который надо убрать, он не видит своего завтрашнего благополучия, его голова, которая всегда «навеселе», не способна на такое умозаключение. Свое благополучие он связывает не с полем, а с магазином и с наличием продавца в нем. Вот если продавец допустит растрату и магазин закроют на переучет, то это действительно будет плохо: не только «злодейку с наклейкой», но и хлеба не купишь.

Не в каждом, наверное, хозяйстве есть такие люди, но они есть. И не так уж трудно их различить — особенно за праздничным столом. Тут они самые «передовые» и «по части» выпить, и «по части» поговорить, и даже похвалиться, ударить себя в грудь — дескать, и мы пахали.

Конечно, хорошо, что современный крестьянин не знает никакой заботы о хлебе насущном. Хорошо и с той стороны, что женщины деревенские избавлены от хлопот, связанных с квашней, хотя испеченный в русской печке хлеб, пусть даже из муки того же помола, все-таки вкуснее, чем «магазинный», паровой. Да и есть в этом своя маленькая радость, своя поэзия сельской жизни — подовый, пышущий жаром, каравай. А уж о пироге — «рыбнике» или «ягоднике» — и говорить нечего...

Но ладно, забудем о пирогах, не станем принимать в расчет эту «житейскую» мелочь. Однако можно ли не принимать в расчет тот факт, что освобожденный от заботы о хлебе насущном сельский житель кой-где, как я уже сказал, освободился и от заботы о хлебной ниве, об урожае? Не стоит ли в этот осенний день колхозным активистам подумать, все ли они учли, строя новые, социа-

листические, отношения между человеком и землей на современном этапе?

Мы много говорим о том, как строить новые села, новые животноводческие комплексы, не преминем, наверное, порассуждать на эту тему и сегодня, но редко задумываемся, а то и совсем не задумываемся над тем, как строить душу современного землероба, как разжечь в нем творческую искорку, которая одна только и может сделать жизнь его наполненной, осмысленной, одухотворенной и, значит, более ценной и полезной для всего коллектива.

Не в этой ли бездуховности, отстраненности от забот, связанных с землей, надо искать главную причину вполне определившегося в некоторых хозяйствах и тревожащего всех нас общественного зла — пьянства? Мы клеймим его позором, высмеиваем в газетных фельетонах, выставляем на суд общественности... Но достаточно ли этих мер?

...Не совсем праздничный разговор у меня получился. Да ведь не для словословий этот праздник и задуман, как я понимаю, а для того, чтобы, оглянувшись на пройденную дорогу, кое-что намотать на ус, дабы не наделать «криулей» и не набить себе новых шишек в пути, в который мы отправимся завтра.

1974 г.

Своя земля и в горсти мила.

IV

Мой край — Русский Север

Русский Север... Вечный шум сумрачных, в большинстве своем, хвойных лесов... Белые снега. А по ним — волчьи махи — яростные и в то же время осторожные — сзади и чуть сбоку от храпящего в спасительном беге лося... Мелькание соболя в вершинах деревьев... Древняя, негромкая, но страстная до самозабвения песня глухаря... Гулкое, словно из бочки, бормотание тетеревов... Стремительные утиные виражи над разливами рек и тихих лесных озер... Металлические вскрики летящих караванами гусей...

И всплески ушкуйных новгородских весел на реках, и огоньки ночлежных костров на берегах...

И тропы, тропы: чаще — звериные, реже — человечьи.

Таким видится мне мой Север — необжитая окраина древней России.

«Ели, словно колокольни, тишина, как спирт, хмельна...» — написал о северном крае Сергей Орлов. И очень точно передал силуэт его: ели, особенно в пору белых ночей, и в самом деле, на фоне светлого неба, похожи на колокольни. Особенно на шатровые деревянные колокольни, еще сохранившиеся кое-где на севере.

Интересна, в своем роде единственна и потому заслуживает особого внимания историческая судьба этого края России.

Конечно же, ее непохожесть на другие, ее оригинальность обусловлены, в первую очередь, природными условиями. Ведь как было-то: чем дальше на север от

Москвы, например, — тем непроходимее дороги, гуще леса и реже полянки... Каждую пядь земли — даже для жилья, нет, даже для грядки, для малой полоски — надо было отвоевывать у леса.

Но лес же и одаривал многим человека: дичью, мехами, грибами, ягодами и, наконец, древесиной, годной и на жилье, и на полоз, и на колесо и, наконец,— на то, чтобы вздуть огонь в очаге и обогреться... И приготовить пищу.

Труднодоступность Севера, я думаю, была одной из главных причин более позднего его заселения, хотя такой городок, как Белозерск, не менее древен многих славных градов Киевской Руси (первое упоминание о Белозерске в летописях относится к 862 году). Но Белозерск как раз одно из тех поселений, что появились на бойком водном пути — на берегу Белоозера, у истока реки Шексны, выводившей древних русичей на волжский простор, а там — и к Каспийскому морю.

Перед бездорожьем севера, его вековечными лесами спасовала и Батыева конница. И в этом я тоже вижу одну из важных — и что говорить — счастливых черт исторической судьбы Русского Севера. Он продолжал жить и развиваться в раз навсегда определившихся, естественных для него, условиях. И, что особенно важно, в самих северянах, не видавших врага даже в лицо, зрело, копилось — и потом нашло выход на поле Куликовом — чувство вызволителей своих соотечественников, попавших в беду, чувство гордое и мужественное, позвавшее их на подвиг, — иначе чем еще можно объяснить свидетельство летописи о стойкости белозерской дружины на поле Куликовом, полегшей вместе с князьями костьми, но ни на шаг не отступившей перед врагом.

И по-настоящему ожил, заперекликался топорами и пилами, затряс мошной Русский Север в ту пору, когда Россия явно выросла из рубашки раздробленности и междоусобиц, когда эта рубашка стала ей невыносимо тесна — трещала и в вороте, и в плечах, когда Россию пронизала сверху донизу идея единения, государственности, когда у нее появилась возможность и желание поглядеть, а что там, за морями, какова торговлишка, что можно купить-продать, и это желание проложило

путь от Москвы до моря Белого, зимой — санный, летом — водный, другого пути пока не было... И Вологда, и Белозерск, и Кириллов, и Каргополь, и Устюг Великий оказались на этом пути, не говоря уж об Архангельске...

Север стал быстро заселяться и богатеть. Поразжившиеся на торговле купчики строили уже не только терема да амбары,—желая увековечить имя и дело свое— ставили по обещанью деревянные церкви и белокаменные храмы. Не сами ставили, конечно, мастера с артелями сметливых плотников да каменщиков вкупе.

И так уж получилось, что именно в этих храмах, в их архитектуре, в их настенной живописи, в иконах нашел себе выход художественный талант народа, в котором все — и кажущаяся простота, граничащая с наивностью, и в то же время продикованное высоким вкусом совершенство.

Кто знает, каких еще художественных открытий наследниками были бы мы, если бы молодая Россия, взнузданная и пришпоренная гением Петра, не вышла наконец на берег Балтики, не прорубила окно в Европу, в результате чего дальний и окольный, но до сей поры— единственный путь туда через Вологду, Великий Устюг и Архангельск потерял былое значение, и время для этих городов как бы остановилось... История поистине законсервировала их, и они, не в пример другим городам, остались, так сказать, сами в себе, поскольку внешнее влияние почти прекратилось... Это относится, разумеется, и к деревням. И не в этом ли секрет народной доподлинности северно-русского фольклора—песен, сказок, обрядов, пословиц и поговорок? Не потому ли и былины, связанные воспетыми в них лицами и событиями с Киевской Русью, сохранились в памяти не кого-нибудь, а опять-таки северян?!

И в этом еще одна особенность исторической судьбы Русского Севера.

Кому из северян с детства не запала в душу типичная, ставшая прямо-таки приметой Севера, картина: вот подъезжаешь ты, по пути в город, например, к знакомому тебе селу, и ничего-то еще в том селе не видишь, но белую колоколенку заметил давным-давно, на зеленом да синем она особенно хорошо смотрится и греет,

греет тебе душу предвкушением встречи с жильем человеческим...

А едва село минуешь, едва колоколенка сзади от тебя останется, как замаячит перед глазами твоими другая, такая же белая, и едва различимая, как парень в белой рубахе на заозерном лугу... И вот что удивительно: казалось бы, и местность-то все ровная, типичная для севера, и леса высокие, а колоколенки видны... Видны порой за десятки километров. И не потому, что они все в белых одеждах, нет... Это так их мастера поставили, место так выбрали для них... Сколько, должно быть, ходили они, приглядывались, прежде чем бросали шапку оземь и говорили: «Тут будет стоять!» — и крестились на все четыре стороны.

Вписать свое творение в ландшафт, в окружающую природу — для древних русских мастеров, видимо, было обязательным условием. И уж, по крайней мере, еще одним признаком талантливости.

* * *

— Ездили, ездят и будут ездить! — отвечаю я собеседнику, земляку-северянину, посетовавшему на резко увеличившийся поток беспокойных людей-туристов в тихие, забытые, как ему казалось, богом и людьми, городки, села и деревни Русского Севера.— Да, и будут ездить! — спокойно повторяю я, не только не разделяя неудовольствия собеседника, но, наоборот, даже радуясь в душе этому явлению, ставшему, по стечению обстоятельств, знамением времени. Ведь не за тем, чтобы позагорать, поваляться на пляже, побренчать гитарой у костра едут на Север (на север!) мои соотечественники... Хотя в огромном потоке путешествующих есть еще и такие... Но в большинстве своем, я убежден, — это люди с пробудившимся интересом к истории Родины, к ее искусству, уходящему своими корнями в глубину веков.

Здесь уместно вспомнить о вышедшей в Москве книжке «Сказание о белых камнях» Сергея Голицына. Те, кто интересуется древней русской архитектурой, наверняка знают эту книжку. Она выгодно отличается от подобных ей тем, что рассматривает древнейшие памятники архитектуры периода Киевской Руси не в отрыве от

истории, а в тесной связи с нею. Примечательно, что сам автор — отнюдь не историк и даже не специалист в области архитектуры. Он всего лишь детский писатель. Но древнее искусство, как он пишет, с юношеских лет стало его «второй любовью». И вот любопытное, в связи с этим, признание:

«— Зачем это тебе все нужно? — случилось, спрашивали меня мои друзья.

Иные из них искренне принимали меня не только за чудака, но и за отсталого человека. Ведь еще совсем недавно в самых широких кругах считалось, что церкви — это религия, это мракобесие. И люди нередко р а в н о д у ш н о с м о т р е л и (разрядка моя. — *С. В.*), как разрушаются от времени или от злой руки других людей непревзойденной красоты памятники старины».

Оно многолико — это равнодушие. Но чаще всего оно — синоним гражданской и социальной незрелости, невежества. Невежеству чужды чувства патриотизма, гордости за свой народ, за высшие проявления его творческого духа.

Я пишу об этом потому, что уверен: и теперь еще всякий разговор о памятниках культуры, дошедших до нас, надо начинать с отношения к ним живущих: от поколения к поколению они переходят все более дряхлыми, нуждающимися в человеческой помощи, ибо все тяжелей и тяжелей давит на плечи их груз веков.

Представляю, как бы удивился кто-то из равнодушных, если бы увидел своими глазами, например, как в реставрационных мастерских восстанавливаются иконы, с каким трудом и тщанием, по чудом сохранившимся обломкам колонн и капителей, восстанавливается в Армении, а точнее, строится заново Гарнийский языческий храм — памятник I века н. э. Не поверил бы он и тому, что Старо Място в Варшаве — древний центр города — разрушенный до основания немецкими оккупантами в годы второй мировой войны, сейчас предстает перед нами в том же самом виде, каким он был столетия назад... Восстановлены с абсолютной точностью не только дома, улочки, площадь, но и величественные костелы!

Немало подивился бы равнодушный, увидев восста-

новленные храмы в Новгороде (тоже пострадавшие от рук цивилизованных варваров), в Пскове, Вологде, Кириллове... Поахал бы, увидев в этих храмах живых «богомазов», восстанавливающих на стенах и куполах древнейшие фрески Дионисия и мастеров его школы.

Памятники архитектуры в Советской стране находятся под охраной государства! Оно субсидирует реставрационные работы, поощряет деятельность Всесоюзного общества по их охране, по воспитанию у народа бережного к ним отношения.

И хотя не все, достойное бережения, удалось сохранить,— современному путешественнику все же есть чем полюбоваться на Русском Севере.

Перед ним предстанет древняя Вологда с ее белокаменным кремлем (согласно легенде, он строился по повелению самого Грозного: намеревался Вологду сделать столицей!), Софийским собором, Спасо-Прилуцким монастырем... Восхитит его своим величием Кирилло-Белозерский монастырь с его неповторимыми по красоте крепостными стенами и башнями... На всю жизнь запомнит он столбы и своды Рождественского собора с фресками гениального Дионисия в Ферапонтовском монастыре... А проехав еще 40 километров от Кириллова, он повстречается с одним из самых древних городов России — Белозерском, погуляет по земляному валу, в котором еще и сейчас угадывается былое величие и устрашающая непрошеного гостя крутизна и высота...

Да, нельзя не подивиться и башням, и стенам монастырей Русского Севера, и земляному валу-крепости в Белозерске — какой, должно быть, кишел тут человеческий муравейник! Ведь корзинами да мешками таскали землицу-то, другой техники не было. И какая, должно быть, нужда была в этом сооружении, если оно, несмотря на огромные трудности, все же было построено! Не себя отгораживали от мира «трусливые» монахи и горожане этими стенами да валами — щитом государства хотели встать на дальних его рубежах... Слишком свежи в памяти были набеги монголо-татарских орд на города и селенья срединной России, слишком широкой рекой лилась русская кровь и слишком жарко полыхали слабо защищенные перед невиданной силой русские города и селения.

Повторяю, нельзя не восхищаться этими, поражающими воображение, памятниками истории. Но присмотритесь к храмам... Не вдаваясь пока в детали, постарайтесь уловить, понять самую общую идею архитектурных замыслов... Что видится вам в этих бесконечно повторяющихся пяти куполах соборов (средний — выше и часто золоченый) и в этой, стоящей отдельно, колокольне — строгой, как воин в дозоре, и высокой — дозор должен видеть далеко...

Не знаю, так или не так — я не исследовал специально этот вопрос — но мне кажется, что пять куполов над храмом чаще стали встречаться к концу татаро-монгольского ига (а памятники севера России в большинстве своем относятся к XVI—XVII векам), символизируя собой уже не величие княжеского престола, как это было в период Киевской Руси, — в период феодальной раздробленности и постоянных междоусобиц, — идею единения всех русских земель и городов перед лицом внешних врагов, идею государственности.

Вполне допускаю, что в моем толковании больше поэзии, художественного вымысла, чем исторической обусловленности, но ведь и другого толкования что-то не слышно... А ведь идея-то была и не какая-нибудь случайная, залетная — чисто национальная... Она лишь могла определить и определила особенности древнерусского архитектурного стиля. Это бесспорно!

Для такой страны, как Россия, с ее огромными расстояниями, в ту пору, в пору безнаказанного владычества паразитирующей на других народах золотой орды, эта идея была поистине как п р о з р е н и е, как единственное средство к спасению, вызволению себя из-под позорного ига.

И еще вот о чем я думаю, глядя на наши русские храмы. Много их построил народ за тысячелетие. Очень много. О чем это говорит?

О чрезмерной набожности русского народа? Нет, очень набожным русский народ не был никогда. Революция 1917 года и последовавшее за нею отделение церкви от государства и государства от церкви полностью подтверждают это мнение.

И потому бурное строительство храмов, особенно в раннюю пору Киевской Руси и во времена борьбы с татаро-монгольским владычеством, я склонен рассмат-

ривать как элемент самоутверждения народа, самоосознания себя как нации. Величественный увенчанный куполами, храм на фоне сплошь деревянных посадов, а подчас курных изб, — согласитесь, — что-то говорил сердцу человека! У него как бы появлялась уверенность в том, что отныне и навеки и здесь земля нашенская, русская, а устремленные ввысь купола и тут наглядно выражали ему идею единения, общности со всей русской землей.

Да и после, и в более близкие к нам времена, господствовало — по традиции, видимо, — мнение, что село — не село, если в нем нет храма, а город — не город, если над ним не благовестят колокола «Сорока сороков».

И потому можно догадываться, какой славой и каким почетом пользовался мастер, по прихоти и прозрению которого возводились эти главные из главных строения. И, вместе с тем, каким доверием! Ведь приступая к исполнению заказа, он не представлял на утверждение никакого проекта, разве что силуэт, вычерченный на бересте или на песке, или деревянный макет. Единственным документом, удостоверявшим его право на божье дело, была его слава, летевшая вслед за ним, где бы он ни появлялся.

Нет сомнения, что «хитрецы» (так русский народ звал в древности архитекторов) были в подлинном смысле талантливыми людьми, в совершенстве знавшими архитектурные каноны того времени, владевшими опытом уже ушедших мастеров и, как и всякий талант, способные на собственное творчество, на дерзкий вымысел.

Талантами, а может быть, и гениями своего времени были и «богомазы» — по-нынешнему живописцы, украшавшие стены и своды храмов фресками, писавшие для храмов иконы. Можем ли мы после этого смотреть на храмы лишь как на жалкие свидетельства «поповщины» и «мракобесия», не беречь их, не гордиться ими, как выражением художественного гения народа?

О нас, о нашем времени поведают потомкам и книги, и записанные на пленку музыка и живые голоса, а возможно, если сохранятся, и киноленты... Наши же древние предки, да и не только древние — наиболее

внятно разговаривают с нами через камень, обласканный их руками (их руками!). Своими храмами они как бы говорят нам: вот наша и поэзия, и проза, и живопись, и архитектура. Глядите, читайте, слушайте,— и да откроется вам!..

На Русском Севере, как нигде, много памятников деревянного зодчества. Само собой понятно, что это более поздние памятники: дерево — не камень, живет значительно меньше. Но их «молодость» (если можно назвать молодостью почти трехсотлетний возраст) ничуть не снижает их ценности. Одни Кижи чего стоят!.. Ведь это же действительно сказочное чудо. Двадцать три деревянных купола, пирамидально устремленные в небо... 23! И все — топориком, топориком, без единого гвоздика. Многие, глядя на это деревянное диво, гадают в недоумении: да откуда же оно взялось, кому приснилось, или кого внезапно озарило во всем величии нерукотворного благолепия, сказочной красоты?

А никому и не приснилось... И не возникло из ничего, внезапно, по наитию. Чудо это — логическое завершение бурно развивавшегося деревянного зодчества на Севере, венец, вершина плотницкого мастерства, достигшего к XVIII веку подлинного совершенства. Этому, надеюсь, никто не удивится: в краю вековых лесов люди издавна умели мастерить из дерева все, что заблагорассудится — от ложки и прялки до избы и многоглавых церквей... Кстати, как свидетельствуют о том летописи, и па месте дошедших до нас каменных храмов, во многих случаях поначалу стояли храмы рубленые, деревянные. Мы теперь можем только догадываться, какими были они — может, лучше этих, дошедших до нас, может, хуже... Однако, глядя на церковь Преображения в Кижах, мы не можем не думать и о тех деревянных церквах, что предшествовали более поздним, каменным. Без них не было бы, наверное, и деревянного чуда в Кижах.

Глянув только на него, нельзя не ощутить властного зова Севера — этого заповедного края древнего зодчества России — оригинального по стилю, неповторимого по красоте.

Конечно же, за одну поездку невозможно увидеть все, что хотелось бы увидеть — Север очень велик,

дороги его, как говорится, клюкою мерены. Смотришь на древние храмы его — словно многоголосый хор слушаешь, хор, исполняющий древнюю, но очень родственную твоей душе музыку, хор, в котором, конечно же, есть и сольные партии, звучащие под холодным северным небом особенно торжественно и проникновенно.

1969 г.

Дар человека

Заснеженным полем, в легких кованых санках, невесть как сохранившихся от той, еще совсем недавней поры, когда одни только кони торили дороги полями да перелесками, подъезжаю к незнакомой деревушке, привольно раскинувшейся на белом-белом взгорочке, посверкивающем колючими искрами под невысоким зимним солнцем.

На самой окраине деревни, справа от дороги, мужики рубят избу, соря янтарными щепками в белый снег.

А слева, подсвеченная солнцем и оттого чуть-чуть розоватая, стоит закуржавевшая на безветрии береза. Кружевной наряд ее так нежен, так воздушно невесом, что невольно думается: ударь сейчас кто-нибудь из плотников посильнее — и дрогнет она, совсем незаметно дрогнет, а кружево опадет, красота исчезнет.

Сравнил я наряд зимней березки с кружевом и вдруг подумал: а ведь обидел березку-то! Ведь раньше все-таки была она — зимняя береза, а потом уж кружево.

Бог весть, сколько веков пролетело с тех пор, как чье-то восхищенное и, надо думать, любящее сердце впервые попыталось воссоздать из беленых ниток неописуемую красоту закуржавевшей на морозном безветрии березки. Изумительные кружева научились плести с тех пор вологжаночки — землячки мои, заставляя ахать самых избалованных модниц на парижских и иных выставках, но все равно саму природу превзойти не смогли. Вечный источник для вдохновения, она

по-прежнему остается для них недосягаемым идеалом.

Умение восхищаться совершенством природы — дар единственно человека. Оно проглядывает уже в первых наскальных рисунках пещерных людей, в которых угадывается и метко схваченная стремительность бегущего зверя, и ловкость изготовившегося метнуть копье человека...

Но оставим в стороне наскальные рисунки. Вглядимся в красногрудых петухов, вышитых на домотканых льняных полотенцах, — отчего они так дружно слетелись сюда, грудастые? Неужели не нашлось птицы поблагороднее? Задаю я себе эти вопросы, а перед глазами встает...

Раннее-раннее утро. Солнце, еще мокрое от росы, вальяжно круглится над лесом. В этот миг на него поглядеть даже можно: не разогрелось еще... А по деревне, из конца в конец, разносится заливистое и разноголосое пенье петухов-раностаев. К какому ни приглядись — не просто спеть хочет — покрасоваться желает, взлететь как можно выше, на поленницу, на изгородь или на телегу хотя бы, хлопнуть крыльями по галифе и гаркнуть во всю ивановскую, дабы ведали прочие забияки и охальники: есть порох в пороховницах!

Да, красиво, волнующе, радостно для деревенского человека это утреннее «кукареку!». Может быть, это оттого, что оно сопутствует его утренней бодрости и свежести, предвкушению добрых дел в наступающем дне...

Не об этом ли думала та молодица, что первой догадалась вышить на полотенце, предназначенном для суженого, именно петухов? Пусть, мол, поет душа пахаря, когда он, ополоснув лицо колодезной холодянкой, уткнется в малиновые гребешки.

Я люблю бывать в тихих районных музеях. Разглядываешь в одиночестве ряды резных да расписных прялок, расшитых полотенец, затейливых кружев — и невольно думаешь: мать-природа, с дня творения побуждавшая человека к украшению быта по образу своему и подобию, тем самым совершенствовала, облагораживала и самого его, приобщая к творчеству.

Смотришь сейчас на тончайшего узора снежинку, например, вырезанную на допотопной прялке, и думаешь: нет, не только любовь к избраннице сердца выразил безвестный мастер, а и свой восторг перед сим творением природы.

Тот же восторг, а может, и благоговение перед природой, подарившей крестьянину безотказного работника и верного друга — коня, всколыхнули однажды его душу и родили озорное желание увенчать свое жилище его изображением. На Вологодчине, особенно в деревнях Тарногского района, и до сих пор немало изб с коньком на крыше. Увидев их однажды, я не мог не заговорить стихами:

Из кондовых бревен изба,
Изба — по карнизу резьба.
И конь деревянный на крыше
С подрезанной челкой у лба.
Точеная шея дугой.
И прахом земля под ногой!
Свистит в навостренные уши
Разбойничьи ветер тугой.
Два ската — два черных крыла,
Размах — от угла до угла...
О, нет, не стоит он на месте —
Летит, закусив удила.
Взвалив на бока облака,
Он смотрит на все свысока,
Как идол крестьянской удачи —
И вера и бог мужика.

Все это — и коньки на крышах, и резные наличники, и дуги расписные, и глиняные игрушки, и берестяные туески, и «мороз по жести», и чернь по серебру, и, наконец, кружева и вышивки — все это свидетельство талантливости народа, его наклонности к поэтическому восприятию и осмыслению природы.

К сожалению, многое из перечисленного выше можно увидеть только в музеях да в коллекциях любителей. Что же случилось? Душа народа постарела? Талант иссяк? А может, потребности во всем этом не стало, спрос прекратился?

Ничего подобного. Все объясняется значительно проще. В век автоматизации и искусственных материалов стало слишком легко и просто штамповать поддел-

ки под народные образцы. И кто-то, прельстясь этой легкостью, решительно захлопнул двери перед народными умельцами.

И теперь, куда бы вы ни приехали — в Вологду ли, в Баку — с полок сувенирных магазинов смотрят на вас одни и те же прилизанные ваньки-встаньки, банальные слоники да лисички-сестрички... Вроде бы и хороши они — ярки и гладки, а душу не греют! Потому как не чувствуется за ними изобретательности, озорной выдумки живого человека.

Мне думается, стоит нам все-таки вспомнить, что умели деды наши и прадеды, и попытаться научиться их умению. И тогда не будет столь грустно современнику, впервые приехавшему в Вологду, например, и ничего, кроме черни по серебру да кружев в сувенирном магазине, не обнаружившему. Хороши они, кружева, спору нет. И чернь по серебру — тоже. А гость вздыхает: «Из бересты бы что-нибудь... хотя бы лапоточки».

Нет лапоточков! А уж о каком-либо другом предмете русского национального костюма и говорить не приходится. Забыли. Давным-давно. Это вам не Ташкент и не Фрунзе, где хоть национальный головной убор купить можно. Нынешние молодые вологжанки, наверное, уверены, что, кроме мини-юбки, русские красавицы отродясь ничего другого и не нашивали.

Ан нет. Носили, оказывается, и сарафаны, и вышитые пояса с кистями, и мониста, и кокошники, и борушки... Кой у кого из старых женщин красота эта и до сих пор покоится на донышках сундуков. Не надевают. Не принято.

Я не против костюма, сшитого по последней парижской моде. Но в дни торжеств-то можно бы и национальным костюмом блеснуть! Или уж мы и впрямь Иваны, не помнящие родства?

Тот, кто присутствовал на торжественном пленуме, посвященном 50-летию Ленинского комсомола, помнит, как приятно, радостно, словно неожиданно распустившиеся цветы, выглядели в однотонной пиджачной толпе, заполнившей просторные фойе Дворца съездов, юноши и девушки в узбекских, грузинских, таджикских, гуцульских и некоторых других национальных одеждах. Кста-

ти, в своих национальных одеждах пришли во Дворец съездов и большинство из зарубежных гостей, приглашенных на наши торжества. И я подумал: какой прекрасный случай представлялся продемонстрировать воочию многонациональное братство советской молодежи!

Особо хочется сказать о монументальном творчестве народа, о каменных и частично деревянных страницах его многовековой истории. Мы, наследники ушедших поколений, можем относиться к ним как угодно — восхищаться или, наоборот, взирать с равнодушием, но сберегать эти страницы обязаны, дабы не очутиться в положении людей, впервые прибежавших в музей, который накануне был разграблен...

Монументальное творчество народа наиболее ярко проявилось в строительстве церквей, храмов и монастырей, являвшихся одновременно и крепостями. Так вот, даже и в том многотрудном деле (храм воздвигнуть — не прялку расписать!), споспешествуя красоте и благолепию, мастера брали в союзники опять же природу. Можно только дивиться их умению вписать, как мы теперь говорим, свои творения в окружающий пейзаж. На острове, посреди озера, стоял у меня на родине Новозерский монастырь, к сожалению, ныне разрушенный. По рассказам матери, белым лебедем плыл он над озером в тихую погоду, выходя стенами прямо из воды, и необыкновенно далеко летели его колокольные звоны... Китеж-град наяву!

Не знаю, чувствуют ли угрызения совести люди, рушившие эту дивную красоту. Наверное, нет... Подумаешь, дескать, Новозерский монастырь! У черта на куличках, в окружении лапотных деревень. Не Исаакиевский собор, во всяком случае... Но в том-то и дело, что для нашего края он был своим Исаакиевским. Ведь достойно восхищения уже одно то, что он тут, посреди озера, безо всякой техники, одними руками воздвигнут был, и его, как страницу из «Слова о полку Игореве», выбрасывать из истории России было нельзя.

Всякое новое поколение приходит в обжитый прадедами и отцами дом. И если оно приходит с трепетным, благоговейным, святым отношением ко всему, что оно

застало в этом доме, то можно быть уверенным, что у него хватит таланта и сил прибавить к тому, что было в доме, нечто свое и с высоким сознанием исполненного долга вверить красу земную своим сыновьям.

1969 г.

Вологодская снежинка

На большие расстояния Нине Ивановне мало приходилось ездить, и потому в душе ее жил постоянный страх опоздать к поезду, чему не дай бог случиться, да еще в таком огромном городе, как Москва... Куда пойдешь, кому скажешь? Да и кто тебя будет слушать в такой толкучке... Нет уж, лучше притащиться загодя, устроиться честь по чести и, сложив на коленях руки, спокойненько поглядывать в окно, ожидая первого толчка и, значит, начала движения...

И все-таки в тот вечер она припоздала. То есть вообще-то она успела, но пришлось торопиться, нервничать, что было не в ее характере: она с детства привыкла любое дело брать не рывком, а рассчитанным заранее упорством, настойчивостью, в основе которых была вера в себя, в свою силу и умение.

Соседями по купе оказались двое мужчин, один из которых, лет тридцати, с расстегнутым воротом рубашки и ослабленным галстуком, был явно навеселе и расположен к шутливому, ни к чему не обязывающему дорожному разговору. Определив в Нине Ивановне деревенскую бабу-простушку, — а она и в самом деле выглядела такой,— и по простенькому, далекому от современной моды пальто, которое еще не успела снять, и по манере держаться — все не могла успокоиться: «Чуть не опоздала!» — веселый попутчик вдруг спросил ее: «Ну, как коровушки?..» Нина Ивановна не поняла. Мужчина уточнил: «Коровушки, говорю, как? Доятся?..» — «Чьи?» — «Ваши, разумеется, колхозные!» — «А-а... Доятся помаленьку!..» — в тон балагуру ответила она, вдруг почувствовав к нему еще не осознанную, но

вполне отчетливую неприязнь. И добавила: «С козлов вот только ныне настриг плохой!» — и не удержалась — хихикнула. «За доярку принял, — догадалась. — Знаток нашелся! У доярки разве такие руки-то?..» — и почему-то расправила на коленях пальцы, словно показывая их собеседнику, и одновременно оценивающе поглядела на них сама.

Понял ли, нет ли что-нибудь веселый попутчик, неизвестно, но замечание насчет козлов пропустил мимо ушей, переключился на другое: «Разделась бы ты, мамаша! До Вологды-то далеко ведь!» — «Да уж придется... — опять в тон собеседнику ответила Нина Ивановна. — Отдышусь вот, и...» — «Ну, давай!» — потеряв вдруг всякий интерес к собееднице, сказал балагур и вышел, разминая в пальцах сигарету.

Когда он вернулся, Нина Ивановна уже без пальто сидела у столика и с явным удовольствием потягивала горячий чай из стакана. На ее простеньком, но ладном платье с кружевным воротником поблескивали два ордена Ленина и Золотая Звезда Героя Социалистического Труда.

Веселый сосед явно смутился и, сразу перейдя на «вы», сказал: «Вот это иконостас! Простите за любопытство, за что же это вас? За молоко? За хлеб? За мясо?»

Нина Ивановна отставила стакан, помедлила, словно раздумывая, говорить ли, нет, и тихо, но с достоинством сказала: «За кружева!»

* * *

«...Милые женщины, уважаемые кудесницы-мастерицы! Пишет вам ваша поклонница из Омска — актриса С. К. К 100-летию нашего театра вы мне прислали кружевной жилет, и я на нашем юбилейном вечере сразила наповал как мужчин, так и женщин замечательным вашим нарядом! А теперь мне очень нужно фигаро с длинным рукавом...»

С. К. г. Омск.

«Была на ВДНХ... Когда нам устроили показ моделей с вашими кружевами, мы все пришли в восторг! Удивительно изящно и нарядно! Таких прекрасных кру-

жев я не видела, хотя много ездила, бывала за границей... Здесь же мы — посетители — познакомились и с вашей замечательной мастерицей Фаиной Ивановной Суровцевой, которая показывала наглядно свое искусство. Если бы вы знали, какие толпы народу она собирала вокруг себя, как все восхищались ее мастерством, ее кружевами! Ну просто чудо какое-то, притом исконно русское!»

Т. И. г. Москва.

«Дорогие вологжанки! В этом году исполняется 30-летие Победы. Моя мама прошла всю войну, служила в авиаполку техником по вооружению. В этот знаменательный день мне хотелось бы сделать маме подарок. Она еще в войну мечтала иметь воротник и манжеты вологодских кружев. Вышлите, пожалуйста! К моей просьбе присоединяется мой отец — Герой Советского Союза, с которым мама прошла всю войну... Забыла сказать: хотела купить в Москве, но это совершенно невозможно, спрос на ваши изделия очень велик!»

Л. К. г. Коломна.

«Будучи в служебной командировке в Москве, я зашел в ЦУМ. Там я видел большую очередь, продавались кружевные галстуки производства вашего объединения «Снежинка». Они очень красивы, но мне не досталось. Записал с ярлыка ваш адрес, и вот пишу. Пришлите, пожалуйста, пять галстуков — для меня и для моих товарищей».

Н. В. г. Черновцы.

Таких и подобных им писем в архиве Вологодского кружевного объединения «Снежинка» скопилось уже целых три тома! И ни одно не оставлено без ответа...

С осени 1974 года поток писем обрушился и на Нину Ивановну Васильеву. Именно в этом году она была удостоена высокого звания Героя Социалистического Труда, и ее портреты, в том самом платье с кружевным воротником, появились в газетах и журналах. Не легкое

это дело для Нины Ивановны — вести обширную переписку, для нее куда легче брякать коклюшками, а вот приходится: не позволяет совесть оставить без ответа чью-то просьбу, пусть даже наивную по незнанию,— отвечает каждому. Просят, например, прислать сколки кружев, коклюшки, альбом образцов... Просят даже научить заочно плетению... Улыбается Нина Ивановна, читая такие письма: даже и представления не имеют ее адресаты, сколько терпения, упорства, сколько знаний нужно человеку, чтобы научиться плетению. Она-то с восьми лет вертелась возле матери да бабушки — потомственных кубеноозерских кружевниц, не переставая дивиться столь чудному и столь занятному для детского разума действу. Беспорядочное на первый взгляд перебирание коклюшек, оказывается, имело строго определенный порядок. Как, между прочим, и перемещение булавок... Этот порядок и творил на глазах то самое чудо, превращал нитки в кружево, затейливое по узору, похожее на сказку, вроде той, что бывает на стеклах в сильные морозы... И еще кружево очень походило на снежинку, когда она в тихий снегопад только что слетит на подставленную тобой рукавичку и замрет... Чуть отвернутся, бывало, от пяльцев мама ли, бабушка ли, она, востроглазая Нинка, уже тут как тут: вот, думает, сейчас наплету, как они... И сбивалась, запутывалась, и до слез злилась на свое неумение.... Бабушка подшлепнет под зад незлобиво, для виду только, распустит то, что «набродила, как ворона лапой», внучка, и скажет: «Вот как тут надо — гляди!»

Боже, как пели коклюшки в бабушкиных да в маминых руках! Словно тоненькая-тоненькая струйка лесного ручейка, которая переливается не через камушек даже, а через прутик палый, через травинку... А как быстро, как проворно перекатывали пальцы одну через другую коклюшки... Перекатывали — и не сбивались, не путались. Мама с бабушкой успевали вместе с тем еще и разговаривать, и смеяться, а когда к ним приходили подружки — тоже с пяльцами, — то и петь... И нельзя было понять, чем занята голова у них в это время — то ли кружевом, то ли песней.

Подросла Нина — научилась-таки плести и она, просто нельзя было не научиться, потому что по всему северо-западному берегу Кубенского озера, протянувше-

муся на шестьдесят километров, во всех деревнях женщины занимались плетением испокон.

Почему именно здесь, в Кубеноозерье, да еще в деревнях на другом берегу озера привился и крепко держится до сих пор кружевной промысел, трудно сказать. Но если вспомнить, что и село Кубенское, и село Устье на другом берегу во все времена славились шумными ярмарками, на которые можно было попасть не только сухопутным, но и водным путем из Вологды и даже из Архангельска, то многое станет ясным; видимо, на этих ярмарках кружева были не последним товаром, может быть, даже для заморских купцов. А спрос, как известно, рождает предложение.

Бесспорно, что соображения выгоды, приработка, добываемого как бы между делом, после работы в поле ли, на дворе ли, а то и на озере (многие женщины, кроме того, и рыбачили вместе с мужиками), имели большое значение в развитии кружевоплетения, но, думается, не решающее. Плетение кружев постепенно стало здесь украшением быта, его праздничной стороной, разумеется, в первую очередь для женщин.

«Чего же тут праздничного, — скажет иной, — сидеть, не вставая часами, и путать нитки?» Но в этом-то как раз и кроется, отвечу я, возможность превращения кропотливого по своему характеру, сугубо индивидуального труда в своеобычную деревенскую посиделку — с песнями, разговорами, шутками и смехом. «Ой, сколько песен, бывало, перепоем за вечер! — вспоминая о том времени, сказала мне Нина Ивановна. И добавила: — Радио-то в ту пору в деревне еще не было».

Короче говоря, ремесло, при котором заняты только руки, а голова и сердце свободны, подталкивало к общению. И женщины (а девушки особенно!) с радостью сбегались в назначенную избу, прихватив с собой — благо нетяжелы — пяльцы с «подушкой» и коклюшками.

Бегала на посиделки кружевниц и Нина Васильева, и не было для нее в ту, девическую, пору занятия любимей и желанней, чем плетение. Придет из школы, сделает уроки — и за коклюшки. Так интересно собственными руками творить красоту!

Наверное, как и ее сверстницы, она стала бы вскоре доброй и расторопной женой рыбака, украсила бы своими

кружевами супружескую кровать, подушки, полотенце и занавески, как велось в их округе, если бы судьба не сделала крутой и неожиданный поворот. 18-летней девчонкой, за полтора года до начала войны, колхоз направил ее на курсы механизаторов в Великий Устюг. «Будешь учиться на шофера», — сказали. «Что ж, на шофера, так на шофера!» — подумала, соглашаясь, Нина, — тогда такие профессии среди женщин были в моде, — и через шесть месяцев действительно села за руль. Ее прилежность, природная смекалка сказались и тут; шофер из нее получился отменный; и за рулем она не терялась, и в знании машины не уступала никому. Домой бы теперь — так соскучилась по кружевным посиделкам, но нет, не отпустили: оставили на курсах — но уже не ученицей, а инструктором практической езды! Это ее-то, девчонку! Подчинилась — отказываться она отродясь и не умела, и не смела. А чтобы не терять напрасно времени, вечерами стала готовиться к экзамену на шофера 2-го класса. Но пришла телеграмма: тяжело заболела мать. Доложила — сказали: поезжай. А было это уже в начале 1941 года. Ухаживала за матерью, плела кружева... Не могла сидеть без дела. Матери, к счастью, скоро стало полегче, и Нина определилась в полевую бригаду: грузовиков свободных в колхозе не оказалось.

И тут грянула война. Мужчины-шоферы ушли на фронт. Нину сразу же вытребовали в Вологду и определили в «Заготлен» — была такая организация. Одна-единственная машина осталась в «Заготльне» — старенькая полуторка, и шоферить на ней назначили Нину. Боже, сколько исколесила она тогда вологодских проселков! И все в одиночку. И в сугробах буксовала, и в грязи тонула. Не для женщины были вологодские дороги, да что поделаешь: шла война, легкой жизни искать не приходилось.

Огрубели, почернели ее руки... А снились все коклюшки и белые-белые кружева. И так — всю войну. И после еще долго «крутила» она баранку, правда, уже на легковой машине. А о кружевах нет-нет да и вспомнит, бывало, и вздохнет сокрушенно: надолго теперь, наверное, забудет народ о кружевах, обносились все донельзя. Одеться бы во что-нибудь — лишь бы не рваное, — и ладно. Ан нет... Прошел год, два, и кто-то

вспомнил о кружевах. Людям, набедовавшимся за войну, захотелось уюта, хотя бы малость напоминавшего довоенный. А какой же уют без кружев?! Взять ту же кровать: набрось на подушки кружевные накидки — и заиграла! А если еще и кружевным покрывалом застелить — не налюбуешься!

Короче говоря, всем, кто сберег коклюшки, кто не избыл тоску по любимому ремеслу, предоставлялась возможность начать все сызнова. Организованная в Вологде артель, как и до войны, взялась доставлять заказы прямо на дом.

И запели, заперекликались в деревнях да селах вокруг Вологды и Кубенского озера легкие, отполированные еще в довоенные годы коклюшки.

Нина Ивановна к тому времени рассталась уже с профессией шофера — у нее появились дети: в войну она познакомилась с демобилизованным по ранению молодым механиком и, не раздумывая, связала с ним свою судьбу. Детишки требовали и сил, и времени. Единственно, что она могла с ними, — плести кружева. И она плела. На дому. В свободную минуту. И числилась в кружевной артели надомницей.

Только в 1955 году Нина Ивановна пришла в цех объединения «Снежинка», где и работает до сегодняшнего дня. Здесь, как принято говорить в таких случаях, она и нашла себя, потому что получила наконец возможность полностью отдаться любимому делу.

* * *

Светлые, с большими окнами комнаты, в которых, как птицы в роще, тенькают с зари до зари коклюшки, в «Снежинке» называют цехами. Но как мало соответствует это слово тому, что в комнатах происходит! В самом деле, при слове «цех» в нашем представлении сразу же возникают станки и неизбежный для них шум, а то и грохот, при котором, чтобы сказать что-то, надо кричать или объясняться на пальцах. В этом цехе — тишина (теньканье коклюшек не в счет), и можно при желании перекинуться словцом с соседкой, прислушаться, о чем вещает радио. Правда, радио прибавляет голоса лишь тогда, когда обсуждены все новости, и смешные, и грустные, и больше сказать уже нечего. А пере-

бирать коклюшки в молчании — ой каким долгим день покажется!

Двадцать, а то и больше кружевниц сидят в каждой комнате, рядами, в затылок друг другу. И перед каждой — ее «станок» — пяльцы с белыми валиками «подушек» на них, а на «подушках» — бумажные сколки, а поверх них — кружева. Со стороны посмотришь — кажется: все одинаково проворно перебирают коклюшки, ан нет... Некоторые, оказывается, делают это значительно быстрее, чем остальные. Это в полном смысле мастера — золотые руки. Их не так уж много, но ведь и сам талант — редкость. А они — лучшие кружевницы — в своем деле именно таланты! И Нина Ивановна Васильева — первая из них. Нынешнюю пятилетку она завершила за 3 года и пять с половиной месяцев. На полтора года раньше срока! Ее подружка Софья Дмитриевна Панькова — тоже мастерица дай боже! — управилась с заданием пятилетки за 3 года и 9 месяцев... Приятно, что к ним — старым мастерицам — подтягивается и кое-кто из молодых, и первая из них — Люся Опаницына, которая еще недавно была прилежной ученицей Нины Ивановны. Впрочем, талант талантом, а без старания, усидчивости и еще — скоростных навыков, которые тоже сами собой не приходят, в кружевном деле нечего и думать отличиться. Вот и Люся Опаницына — чем взяла? Усидчивостью, прилежанием, трудолюбием. Все эти качества она приобрела в детстве, потому что росла в большой семье (десятерых детей вырастили родители Люси!), где каждый приучился к труду с малых лет. А то, что заложено в человека в детстве,— на всю жизнь.

Трудолюбие да упорство помогли выдвинуться и Гале Обласовой — она теперь председатель цехового комитета, учится заочно в финансово-экономическом институте, и Людмиле Поповой, ныне мастеру цеха, в котором 90 кружевниц.

Для них и для многих других молодых кружевниц Нина Ивановна была не просто наставницей, но — не побоюсь сказать — тем идеалом, к которому они стремились, и потому старались подражать. Особенно привлекало молодых в характере Нины Ивановны ее постоянное душевное расположение к труду, этакий жизнерадостный настрой перед рабочим днем. Сама Нина Ива-

новна по этому поводу сказала так: «Не бывало случая, чтобы мне не хотелось на работу! Это потому, наверно, что люблю я свое дело. Очень!» А любит она его потому, что не бездумно, не механически выполняет ту или иную операцию, а творчески! Чем сложнее узор — тем сильнее горит ее душа. Получив сколок нового изделия, она не хватается сразу за коклюшки, сначала посидит, подумает, откуда лучше начать, чтобы «с руки» было, где закончить, и только потом уж приступает к делу.

Я не думаю, что плетение кружев — одна из самых утомительных производственных операций, какие приходится выполнять в наш век человеку. Рабочему на сборочном конвейере, целый день закручивающему с помощью ключа-автомата гайки, наверное, не легче. Но и за пяльцами просидеть восемь часов — тоже нелегко. И если Нина Ивановна все же находит удовлетворение в этом «сидении», то лишь потому, что никогда не уподобляет себя машине, которой безразлично, что делать и как делать. Машина не чувствует красоты создаваемой ею вещи, не понимает смысла и цели своего труда и, значит, не знает ни радости, ни огорчения.

Кстати, человек научил и машину плести кружево, но только так называемое «мерное», то есть с бесконечно повторяющимся узором. Штучное же кружево, как, например, пелерина, жакет, палантин, различные воротники и косынки, может сплести только кружевница.

Вот эти-то штучные изделия и скрашивают труд кружевниц, не дают угаснуть в душе искорке творчества. Тем более что ассортимент штучных изделий все время меняется, а рисунки усложняются, становясь все более художественно совершенными. Конечно, не сами кружевницы разрабатывают рисунки, этим занимается группа художников, но ни одно новое изделие не запускается в производство без участия кружевниц, без их апробации, что ли...

Вот тут-то и нужен опыт таких мастеров, как Н. И. Васильева. Хорошо понимая это, дирекция объединения создала так называемую творческую группу при художественном цехе, включив в нее, кроме художников, самых опытных кружевниц, в том числе, разумеется, и Н. И. Васильеву. Их задача — оценить новый узор с точки зрения, суть которой выражена в извест-

ной пословице: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить», то есть со стороны технологической.

Это-то самое дело для таких кружевниц, как Нина Ивановна, особенно и дорого, потому что оно возвышает их, способствует проявлению творческого начала и, значит, разнообразит, украшает жизнь.

И в том, что художники объединения «Снежинка» В. Н. Ельфина (ныне старший художник), В. Д. Веселова, К. В. Исакова, Э. Я. Хумала в 1968 году были удостоены Государственной премии РСФСР имени Репина, есть немалая заслуга и кружевниц, членов творческой группы. Особенным успехом на союзных и зарубежных выставках пользовались работы вологодских мастериц, такие, как скатерть «Снежинка» (рисунок В. Н. Ельфиной). Круглая, 3 метра в диаметре, эта скатерть приводила в восторг и изумление посетителей выставок в Монреале, Познани, Измире, Генуе, Париже, Дамаске, Чехословакии, Японии, ФРГ, Пловдиве... Кстати, на выставке в Пловдиве скатерть получила золотую медаль.

Большой успех выпал также на долю скатерти «Цветы», целиком сплетенной Н. И. Васильевой. Побывав на выставках в Монреале и в Марселе, сейчас она украшает Вологодский краеведческий музей.

Нельзя пройти равнодушно и мимо таких кружевных панно, созданных вологодскими мастерицами, как «Ладья», «Птицы-небылицы», «Хоровод», «Веселая деревня», «Первый снег»... Видел я и снимок с замечательного панно «Лен-ленок», на обороте которого значилось: «Нине Ивановне Васильевой с уважением и благодарностью за отлично выполненное панно «Лен-ленок» от автора рисунка К. Исаковой. 1974 год, август».

В дни, когда я был в «Снежинке», художники В. Н. Ельфина и Г. Н. Мамровская завершили «доводку» уже утвержденного художественными советами объединения и Главного управления народно-художественных промыслов РСФСР рисунка панно к 30-летию Победы.

В центре его — символическая фигура матери-Родины, выполненная в народном стиле. Могуче вскинутыми над головой руками она поддерживает, словно сияющее солнце, орден «Победы». Вот этот самый орден —

наиболее сложную деталь композиции — поручено выполнить Нине Ивановне. И я видел, как она приступала к делу, очень сосредоточенная и даже, мне показалось, взволнованная: уж очень не прост рисунок, а сделать надо безупречно... К дате-то какой панно предназначается! К 30-летию Победы. Огромных жертв она стоила нашему народу, но тем более лучезарной и светлой запечатлелась в его сердце. И надо выразить в кружеве свет этой радости.

Было дело: плели панно «Веселая деревня». Кому-то досталось парней с гармошкой плести, кому-то девиц, выглядывающих из окна, а Нине Ивановне — солнце. Художница сказала: «Надо сделать, чтобы солнышко улыбалось». И кружевница добилась своего: солнышко ее и в самом деле улыбалось, да еще как!

Можно надеяться, что и Победа в ее исполнении засияет на панно, словно яркое, весеннее солнце!

* * *

Кружева... Казалось бы, что в них особенного, тем более значительного, необходимого... Не хлеб, не сталь, без которых страна не может обойтись, — всего лишь украшение к костюму или, реже, деталь интерьера квартиры... Но в наш-то век, когда прилавки буквально ломятся от самых необыкновенных (капрон, дедерон, перлон, кримплен), самых ярких тканей, и плательных, и декоративных, разве красота — проблема?

Но вот Агния Николаевна Петрова—директор «Снежинки» — раскрывает передо мной самый последний журнал мод и читает: «Сочетание вологодского кружева с шерстяной креповой тканью — новое предложение модельеров».

— Неплохое предложение! — соглашаюсь я, разглядывая снимки моделей платьев, помещенных на этой же странице журнала. А потом мы идем в комнату (не хочется называть ее «складом»), в которой хранится готовая продукция «Снежинки».

Ах, какая веселая эта комната! Кружева, еще не упакованные, лежат на столе, и можно взять их в руки, полюбоваться ажурностью рисунка и прикинуть, как будет выглядеть. Агния Николаевна так и поступает, благо на ней красная шерстяная кофта, и любое изде-

лие — воротник ли, пелерина, жакет, палантин — смотрится удивительно свежо, нарядно, благородно. Нет, не преувеличивала актриса омского театра, когда писала, что «сразила наповал» и мужчин, и женщин жилетом, выполненным руками вологодских кружевниц!

Несколькими днями раньше, пожалуй, при первой нашей встрече, я, помнится, спросил Агнию Николаевну — в прошлом тоже замечательную кружевницу,— не отомрут ли, не канут ли в Лету, как память о сентиментальном и наивном веке, кружева?

«Нет,— сказала она.— Вал, может быть, и сократится, сократится хотя бы потому, что бельевое (мерное) кружево, например, да и отделочное теперь прекрасно научились плести машины. Но штучное кружево останется! И художественность его будет все возрастать!»

Я скептически выслушал тогда эти слова. Но теперь, разглядывая одно изделие за другим, понимаю, что Агния Николаевна была абсолютно права. Не отомрет кружево, как не отмирает в нас чувство прекрасного, чувство красоты. Как художники не бросили кисть с появлением цветной фотографии, так кружевницы не оставят своих коклюшек с появлением вязальных машин, синтетических тканей и прочих изобретений нашего века.

Кружево — согласитесь — тоже произведение искусства. Не случайно на равных правах с живописцами большинство художников «Снежинки» являются членами Союза художников, а В. Д. Веселова в 1972 году даже удостоена звания заслуженного художника РСФСР.

И когда Агния Николаевна говорила о том, что художественность кружев с годами все будет возрастать, она имела в виду как раз вот эту, новую силу в традиционном кружевоплетении — профессиональных художников, которых раньше, при стихийном развитии кружевоплетения, не было. Художником тогда выступал сам народ, и творил он, собственно, как бог на душу положит, но — и это надо подчеркнуть — непременно в национальном стиле, складывавшемся веками. И заслуга художников «Снежинки» состоит в том, что они глубоко изучили этот стиль, взяли все самое устоявшееся, самое талантливое и в своих новых разработках

неизменно опираются на него. В тридцатые годы была попытка отринуть народный стиль, как устаревший, не соответствующий духу времени, и закончилась она полной неудачей. Появившиеся тогда кружева с силуэтами тракторов и изображением других атрибутов нового времени, на нынешний взгляд, являют собой пример удручающей безвкусицы. Так мстит за себя в искусстве отказ от народной традиции, пренебрежение ею.

Но если с художниками и, значит, с художественностью кружев теперь обстоит всё более или менее благополучно — существуют училища, готовящие художников и для кружевного промысла, то с самими кружевницами, мягко говоря, не все еще ладно. До 1930 года, то есть до коллективизации, как свидетельствуют документы, в Вологодской области, а точнее, в районах традиционного кружевоплетения, насчитывалось более 40 тысяч кружевниц, а ныне «Снежинка» обьединяет всего 6 тысяч, причем подавляющее большинство из них, как и в двадцатые годы,— надомницы. Конечно, производительность труда у надомниц значительно ниже, чем у профессионалов, работающих в цехах «Снежинки». Цехи такие, кроме Вологды, есть, кстати, еще в селах Кубенском и Устье, но все равно они не компенсируют полностью столь резкое сокращение числа кружевниц-надомниц в наши дни. И вот что беспокоит особенно: число их с каждым годом убывает и будет убывать.

Кружевоплетение в современной деревне, можно сказать, стало монополией престарелых женщин. И что особенно печально, им подчас некому передать свое умение: молодежь, по-прежнему стремящаяся уехать в город, считает ненужным это занятие.

Где же выход? Выход в организации профессионального обучения в системе государственных профтехучилищ. При объединении «Снежинка», в том же недавно отстроенном прекрасном здании, в котором размещены цехи, работает и ГПТУ. Пока оно готовит 60 кружевниц в год — это немного, но, как говорят, лиха беда начало. До сих пор в училище набирались девчата с 8-летним образованием, а в нынешнем году одну группу набрали даже с 10-летним. Учатся девчата два года, потом шесть месяцев работают в цехах в качестве

практиканток и лишь после этого получают звания мастеров кружевоплетения.

Хочу отметить, что желающих учиться кружевоплетению значительно больше, чем училище может принять! Приезжают из самых разных областей страны: из Ростовской, Ульяновской и других. А Таня Чередник приехала из Краматорска и решительно заявила: «Обратно не поеду! Буду сидеть у дверей, пока не примете!» Пришлось принять, хотя в принципе училище поставило себе задачей учить местных девчат, в надежде, что они после окончания ГПТУ не уедут за пределы области и, таким образом, пополнят ряды кружевниц.

Я прошелся по классам ГПТУ, видел общежитие девчат, столовую. Прекрасные условия — и для учебы, и для отдыха! Но Агния Николаевна Петрова глядит вперед: она считает, что ГПТУ надо безотлагательно расширить, передав ему целиком нынешнее здание, а для производственных цехов и администрации построить новое.

Но и этого мало, считает Агния Николаевна. В селах, где еще не перевелись кружевницы, на школьных уроках труда надо ввести кружевоплетение, разумеется, для девочек. Кой-кто, наверное, улыбнется этому предложению. Но так ли уж оно наивно? И только ли на поддержание кружевного промысла направлено?

В прошлом году, рассказала Агния Николаевна, к ней обратились руководители одного крупного колхоза Кирилловского района и попросили организовать в их селе... кружевоплетение. Зачем, подумала Агния Николаевна, колхозу понадобились вдруг кружева? Для пополнения дохода? Оказывается, нет... Для закрепления в селе девчат! Кто бы мог подумать лет этак 25 — 30 назад, что в наших северных деревнях возникнет такая проблема! Все было наоборот: девчат — много, а парней — нет: только что кончилась война... Теперь ребята в колхозах есть — для них появилось много прекрасных вакансий, так как количество техники в колхозах неизмеримо выросло, а девчата... Нынешние девчата спят и видят дальние края, где заманчиво поблескивают огнями стройки и города.

Не стало в селах девчат. И, значит, невест не ста-

ло. Что же делать в таком селе молодому, неженатому парню? Бросает парень трактор и комбайн — и тоже на стройку, в палаточный, но полный девичьего смеха городок... Только председатели знают, что значит для колхоза потеря хотя бы одного механизатора.

Вот и ломают они голову: как удержать ребят в колхозе? Но, оказывается, думать-то надо не только об этом, а и о том, чем занять в селе женщин. Профессия доярки или трактористки далеко не каждой по силам, а тем более по душе...

Проблема чисто социологическая, и, мне кажется, не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы предвидеть ее и, значит, предусмотреть какие-то меры для ее решения. В том числе и развитие кружевоплетения...

В тот колхоз, который обратился к Агнии Николаевне Петровой с просьбой организовать кружевоплетение, объединение «Снежинка» направляет в этом году пять кружевниц, заканчивающих ГПТУ, и одного инструктора. Это, так сказать, ядро, которое, как надеются Агния Николаевна и председатель колхоза, постепенно должно обрасти местными кружевницами.

Кстати, А. Н. Петрова, заглядывая в будущее, верит, что таких сел, как это, кирилловское, пусть с небольшим, но собственным кружевным цехом (а может, еще и швейным?), со временем все будет прибывать и прибывать: ведь мелкие деревни сейчас исчезают, вместо них, согласно Постановлению ЦК КПСС о дальнейшем развитии сельского хозяйства нечерноземной зоны, должны появиться крупные благоустроенные села. А им, как говорится, и карты в руки. Да, собственно, сама жизнь подведет к возрождению в селах традиционных ремесел. Ни кружева, ни глиняная и деревянная игрушка, ни изделия из бересты, ни многое-многое другое не помешают нам, не будут лишними в нашем быту и сегодня.

* * *

В мастерской (в «цехе») Нина Ивановна сидит в последнем ряду: ее не видит никто, она видит всех. Такое место, догадываюсь я, надо заслужить. Нина Ивановна и ее подруга Софья Дмитриевна Панькова, сидящая по правую руку от нее, конечно же, его за-

служили, они в цехе, пожалуй, самые старшие, и кому, как не им, присмотреть за молодежью, прикрикнуть по-матерински на расшалившихся не в меру (что греха таить — бывает и такое!).

Кроме того, Нина Ивановна — официально — наставник молодых и общественный контролер. Раз в неделю она должна подойти к каждой работающей в этой бригаде кружевнице и самым придирчивым образом посмотреть на ее кружево, еще на «подушке», еще не законченное. А уж от ее глаза не ускользнет ни одна — даже самая малая — погрешность. В какой день, в какой час пройтись по рядам — решает она сама. И, значит, кружевницам надо быть начеку в любой момент.

А еще Нина Ивановна возглавляет жилищную комиссию месткома. Вместе с другими женщинами ходит по квартирам, внимательно приглядывается, кто как живет, кому необходимо помочь в первую очередь. Мнением ее дорожат, потому что оно всегда объективно и справедливо.

А сама Нина Ивановна живет на тихой, с виду совсем деревенской, окраинной улице города. И название у нее полевое — Ольховая... Когда они с мужем ставили здесь свой домик, ее, Ольховой, и не было еще. Были просто заросли ольхи да ивы, да еще кочкарник, да лужи. Низкое место досталось индивидуальным застройщикам, да на кого обижаться! Вся Вологда, почитай, в низине раскинулась.

Теперь Нине Ивановне, конечно, не отказали бы в благоустроенной квартире, где-нибудь поближе к центру города, но нет, не хочет она уезжать с Ольховой, верней, не то что не хочет, а жалеет этот рубленый, собственными руками сложенный и обихоженный домик. Каждая тесиночка, каждая половичка в нем оглажена да обласкана ее руками. Да и вокруг дома — и цветники, и ягодники — все родное; отними их — и чего-то очень важного в жизни ей будет не хватать. И потому не хлопочет о квартире. Тем более что ребята теперь выросли, от сына даже внук уже есть, и дочь тоже замужем. А им с мужем в своем доме совсем неплохо, а даже и больно хорошо! Весной же и летом, когда все цветет и зеленеет, и говорить нечего... Анатолий — сын — служит где-то на Севере и летом на-

езжает к ним со всей семьей, гостят, иной раз подолгу, и не жалеют. Вот тебе и Ольховая!

Приезжал Анатолий и на вечер, посвященный чествованию матери — первой героини среди кружевниц. И дочь приезжала. И сидела Нина Ивановна на сцене городского Дома культуры рядом с ними — так придумали устроители вечера,— и до того сильно волновалась («Думала ли, гадала ли!..»), что и не слышала порой слов, которые о ней говорили, а в голове, то пропадая, то вновь выныривая, крутилась все та же мысль: «Счастливая я уродилась... Счастливая...»

А сын все жал ей легонько руки — даже и в тот вечер беспокойные и, как всегда, горячие.

1975 г.

Что сегодня в вашем клубе?

Сельские клубы... Написал я эти слова, и память нарисовала мне целую вереницу их, самых разных, но чаще все-таки не таких, какие доводилось видывать на плакатах... С детства помню клуб в селе Мегра, что на Белоозере стояло. На глазах у нас, мальчишек, нежданно-негаданно клубом стала тогда стоявшая на берегу реки церковь с высокой белой колокольней, с которой мужики, разломав проемы звонницы, сбросили сначала многопудовые кованые палицы — языки колоколов, а потом и сами колокола. За ними грохнулся, уйдя почти целиком в землю, крест, а на его месте на железном шесте заскрежетал под ветром железный флаг. Другие кресты остались нетронутыми: во-первых, они не мешали, а во-вторых, не так просто было до них добраться...

Открывали этот клуб мы сами — тогда ученики седьмого, выпускного, класса под предводительством учителя математики Василия Платоновича Нилова: он руководил нашим драматическим кружком. Ставили мы в тот день — а это был Первомай — «Думу про Опанаса» Багрицкого. Народу было битком, хоть пожилые и не пришли. Понятно, что играли мы с подъемом, если не сказать, с вдохновением, потому что чувствовали необычность момента, хотя и не очень его понимали.

Кульминацией всего спектакля была сцена расстрела Когана Опанасом. Я играл Когана и до сих пор помню, как взвизгнули, подпрыгнув на скамейках, молодайки, когда после моих слов: «Опанас, работай чисто, мушкой не моргая!..», из настоящего ружья Кольки Полякова — Опанаса — грохнул настоящий выстрел, и пыж задымился на краю сцены... Успех был громкий, в полном смысле

этого слова. На следующий день посмотреть невиданное представление («Подумай-ко, из ружья палили!») потянулись и старики, по привычке размашисто крестясь у входа и обнажая головы...

Теперь того клуба нет. Нет и села, в те годы многолюдного и шумного. Место, где оно простиралось многими улицами, теперь под водой, а над развалинами клуба плавает рыба: зона затопления...

Отдохнуть и порыбачить чуть ли не каждое лето я езжу теперь в деревню Перкумзь. Там под клуб отведена рядовая изба, хозяин которой канул где-то сразу после коллективизации. Раньше, до того, как произошло укрупнение колхозов, в избе этой размещалась контора, но и тогда, поскольку клуба в колхозе не было, поплясать под гармошку молодежь собиралась здесь же, в задней половине дома. Теперь стена, делившая дом пополам, выломана, и в передней половине избы сколочена небольшая сценка с закутком слева от нее, служащим одновременно и комнатой для артистов, и библиотекой, и кладовой. Валентин Новиков, заведующий клубом (в деревне все зовут его Валей, хотя ему уже под тридцать), в закутке этом, в единственном допотопном «шкапе» хранит комплекты «Блокнота агитатора», несколько экземпляров «Роман-газеты» да десятка три разных книжек, привезенных им в мешке из колхозной библиотеки.

Хранится в шкафу еще старомодная соломенная шляпа с проломленным верхом да гармошка, а на стене, на гвоздике, висит борода из кудели, для большей похожести чуть замаранная фиолетовыми чернилами. На столе — деревянный телефон с очень похожей на настоящую трубкой. Егорушка, пожилой кузнец, заглянув както к Валентину на перекур, принял телефон за настоящий, обрадовался:

— Гли-ко, установили!

— Как же... Надо! — ответил Валентин.

— Ну, дак я отсель буду звонить теперь, коли что... А то у Марьи народу всегда... Галдят, ничего не слышно!

Валентин смеялся: не зря, значит, мастерил. Да и позарез нужен он, телефон, на сцене: ни одной пьески не сыграешь теперь без телефона. Но и борода — тоже нужна. На иных вечерах Валентину приходится выступать в трех, а то и более ролях, и, чтобы хоть немножко

«маскироваться», он — надо не надо — привязывает бороду.

Видел я спектакли в этом клубе. В горячую пору сенокоса «артистам» роли разучивать да репетировать, понятно, времени не хватало, а поэтому играли они, скажем прямо, не очень, путались, повторяя за суфлером слова. И все-таки зрители были довольны: больно уж интересно глядеть, как свои играют! Не важно — что, важно — как? Смеялись дружно, порой совсем не там, где автором запланировано, да велика ль беда: смех был беззлобный, ободряющий...

А в прошлую зиму довелось мне побывать в одном из клубов под Тотьмой. Размещался он тоже в избе, и верховодила в нем девушка, только что закончившая школу. В тот вечер в клубе состоялось собрание избирателей, и хотя печь была протоплена, пахло в клубе нежилым, было холодно. Да и не диво: рамы были не проконопачены, с любой стороны хоть ладонь просовывай... Молодая хозяйка объяснила это тем, что у нее нет пакли. Причина, как видите, была уважительной: где ее в деревне возьмешь, паклю! Или старую, брошенную фуфайку хотя бы!..

Нельзя было не подивиться этакой старческой безынициативности, бездеятельности молодой заведующей клубом.

Конечно же, не все они, клубы, в церквах да избушках. За последние годы все чаще и чаще встают, желтея срубами, новые, построенные по типовым проектам, а иногда и на свой вкус и лад, клубы. А те колхозы, которые побогаче, возводят уже каменные дворцы. Давно пора! — хочется сказать, глядя на такие стройки...

Но я сейчас хочу говорить не о тех клубах, которые будут, а о тех, что есть — в избах они размещаются или в бывших церквах — безразлично: работать они должны наравне с теми, что построены, может быть, совсем недавно.

Начну с тепла и уюта в этих клубах. Да, к сожалению, и сегодня еще разговор о клубах приходится начинать с этого... Наверное, я не удивлю деревенских читателей, если скажу, что мне во время поездок по колхозам не раз доводилось смотреть в клубах кино, не снимая шапки и рукавиц, а после, вместе с немногими, кто отважился все же прийти туда, бежать чуть ли не вприпрыжку

домой, чтобы хоть немного согреться... Волков морозить в тех клубах — в самый раз было бы! Придумывай там «мероприятия», хоть того занятнее,— люди не придут, их, как говорят, и за рукав туда не затащишь. Ну, а если кто и придет, так ничего другого делать ему не останется, как плясать, чтобы не окоченеть, как магазинный сторож к концу смены.

Сейчас на дворе глубокая осень. Первый морозец сковал проселки, ручьи и реки, вот-вот зима пожалует. Ночи от снега станут чуть посветлее, зато еще длиннее станут вечера. Тут-то и светить клубным огонькам!

А есть ли у клубов дрова? Напилены ли они, наколоты ли? Исправны ли печи? Назначены ли истопницы-уборщицы? Проконопачены ли рамы? Хорошо ли закрываются двери? В ожидании зимы все это не мелочи. Нам, северянам, хорошо известно: мороз шутить не любит!

Ясно, что сам заведующий клубом без поддержки, я бы сказал, без понимания со стороны председателя или бригадира все эти вопросы решить не сможет.

Зато создание уюта в клубе — целиком дело рук самого завклубом. Конечно, скамеек, например, или столов для журналов и газет сам завклубом не сделает — об этом опять-таки должны позаботиться руководители колхозов, но что касается внутреннего оформления клуба — тут полный простор для его инициативы и изобретательности. Только надо, чтобы эта изобретательность не выходила за пределы хорошего вкуса и целесообразности.

Доводилось мне видывать клубы буквально залепленные разноцветными картинками, вырезанными из журналов. Товарищи действовали по принципу: чем больше да ярче, тем лучше...

В иных клубах, в ряд с картинками можно увидеть старательно выписанные колонки цифр — показатели работы доярок, плакаты, призывающие, например, удобрять поля минеральными удобрениями и обрабатывать посевы льна гербицидами...

Мне кажется, что подобная наглядная агитация должна все же висеть в других местах. Человек приходит в клуб после трудового дня, приходит отдохнуть, развлечься. Неужели же он не может, хотя бы здесь, в свободное от работы время, забыть о сводках и показателях? Да он и забывает! Только наивные люди могут думать, что, придя в клуб, доярка будет изучать «Пока-

затели надоев в разрезе ферм», а льноводка углубится в плакат о применении гербицидов. Нет, и еще раз нет! А поскольку это так, зачем загромождать стены подобными «творениями искусства»? Ведь клуб — давно сказано — очаг культуры. Он должен способствовать, в первую очередь, воспитанию в человеке Человека, а уж потом все остальное. Повесьте вместо «Показателей» фотопортреты лучших тружениц-доярок, увенчав их надписью, вроде: «Гордость нашего колхоза (бригады)», — и вы добьетесь значительно большего: лучшим воздадите заслуженную честь, а у остальных вызовете хорошее чувство ревности и желание добиться подобной чести самим.

Я не собираюсь рисовать полный эскиз оформления клуба, да и не придумаю я, конечно, всего того, что есть лучшего в этом деле в сотнях клубов. Цель моих заметок состоит в том, чтобы вызвать на разговор всех клубных работников, чтобы в результате этого разговора они кое-чему научились друг у друга.

Теперь о содержании клубной работы. Главное все-таки именно в этом — чем живет клуб, а не в том, новый он или старый, ибо, как говорится в пословице: изба красна не углами, а пирогами. Ведь и новые клубы кое-где пустуют, а если и открываются, то не как место для зрелищ, а как танцевальная площадка.

Конечно, танцевать в клубе можно и нужно. Но нельзя все сводить только к танцам, хотя бы уже из-за одного того, что танцы интересуют далеко не каждого, а только молодежь (да и у молодежи разные интересы). Клуб же должен быть местом отдыха для всех! Об этом, на мой взгляд, нельзя забывать ни на минуту.

Хорошим будет тот клуб, на огонек которого, как к доброму соседу, в длинные зимние вечера с охотой пойдут и молодые, и старики, и никому там не будет скучно, каждый найдет себе развлечение по душе. Танцами тут, как я уже сказал, не отделаешься. Да и почему, в самом деле, только танцы? Ведь даже на старопрежних посиделках (по-белозерски «беседах») девки не только плясали, но и пряли, и пели... И как еще пели! И уж, конечно, не обходилось без игр, а в сочельник — без ряженых.

Почему бы и теперь танцевальную скучищу не скрасить песней или... рукодельем? Да, да! Ведь любят же нынешние девушки вязать, вышивать! Или уже и это счи-

тается старомодным? Но разве не старомодно сидеть вдоль стен, сложа руки, не зная, что сказать, куда глаза отвести? Честное слово, я бы на месте завклубом попытался ввести в своем клубе такой обычай: девушкам приходить на вечера с рукодельем (не обязательно с вышивкой, можно и с кружевами).

А разве плохо было бы организовать при клубе кружок кройки и шитья? Хорошо! Причем мастерицы, у которых могли бы поучиться желающие, наверняка нашлись бы в деревнях.

И, конечно же, современный клуб немыслим без комнаты тишины — так я назвал бы читальную комнату со свежими газетами и журналами на столах, с шахматами и шашками. Она не будет пустовать, эта комната, если в ней всегда будет тепло и светло и, в меру возможностей, уютно. Надо только немножко помогать любителям чтения, стремиться к тому, чтобы их любопытство всегда было удовлетворено, особенно в тех областях знаний, которые ближе всего к человеку и совершенно необходимы ему для жизни.

Ну, например, почему бы не иметь в читальной комнате стенд «Твое здоровье» и вывешивать на нем вырезки из газет и журналов с беседами и советами врачей? Думаю, что не менее интересным был бы стенд с материалами о культуре поведения, об умении красиво и со вкусом одеться, убрать комнату и т. д.

Надо выделить место и для любителей «резаться в домино». Пусть они стучат на здоровье, если не находят себе более интересного развлечения. Короче, клуб должен удовлетворять самые разнообразные запросы людей, и тогда он действительно станет центром культурной жизни в деревне.

В общем, есть чем заняться, на что направить свою энергию заведующему клубом, даже в том случае, если у него пока ничего не получается с организацией драмкружка и хора, хотя и то и другое, как известно, от заведующего клубом требуется в первую очередь. Да и не просто, в самом деле, организовать драмкружок, например, если в клубе кроме соломенной шляпы с проломленным верхом да бороды из кудели ничего нет и не предвидится.

Сидел я как-то на заседании правления одного колхоза. В числе многих заявлений, разбираемых правлением, была и просьба заведующей клубом о выделении небольшой в общем-то суммы на костюмы. Председатель зачитал бумажку, сказал:

— Пусть играют мужиков — тогда никаких костюмов не понадобится.

На том и порешили: пусть играют мужиков, в деньгах просителю отказать.

Случай этот, признаюсь, давнишний, из той поры, когда колхозы были еще очень бедны. Но ведь и теперь еще нередко средства, отчисляемые в культфонд, во многих колхозах расходуются на что угодно, в том числе на «питание шефов», на премии животноводам, на угощения, но не на нужды клубов. А в клубах между тем кроме стен да обезноженных скамеек ничего нет. Трудно в таких условиях организовать драмкружок и хор, очень трудно.

Но бывает, конечно, и наоборот. Колхоз выстроил прекрасный клуб, щедро отпускает деньги на художественную самодеятельность, а сцена пустует... Завклубом, не сумев организовать ни драмкружка, ни хора, опустил руки, превратившись незаметно в сторожа при клубе, в Ваньку-ключника, и виновата у него во всем местная молодежь, потому что она и такая, и сякая, и ничем, кроме танцев да выпивки, не интересуется...

Такому заведующему полезно напомнить пословицу: «Каков поп — таков и приход». Впрочем, пословица эта, пожалуй, не совсем точно отражает положение дел: на «должность» попа в старое время любой и каждый «устроиться» не мог, на попа надо было учиться, а вот, чтоб стать завклубом, учиться в специальном заведении совершенно не обязательно. Вот цифры, подтверждающие это: из 725 заведующих сельскими клубами в Вологодской области только 28 человек имеют специальное образование. Остальные заведующие, в большинстве своем, люди, видимо, случайные на этой работе, временные. И, конечно, многие из них квалифицированно руководить драмкружками или хорами не могут.

Так проблема улучшения клубной работы перерастает в проблему кадров клубных работников. Проблема слож-

ная, решить ее одним махом нельзя, и тем не менее решать придется. Без квалифицированных кадров культработников на селе (не только завклубами — и библиотекарей, и музыкальных работников) разговор о поднятии культуры в деревне, о стирании граней между городом и деревней останется разговором, пустым звуком.

В будущем, я думаю, колхозы станут направлять в культпросветшколу своих, наиболее талантливых юношей и девушек с условием, что они обязательно вернутся в родной колхоз. Такие кадры будут самыми надежными! Убежден, что это будущее не так уж и далеко теперь, потому что на повестке дня всех колхозов — сселение мелких деревень в крупные хозяйственные центры, в которых, наряду с новыми домами и дворами, поднимутся красивые здания клубов и дворцов культуры, таких, как в колхозах «Родина» и «Красное знамя» под Вологдой. И тогда без квалифицированных кадров культработников не обойтись.

1960 г.

Содержание

IV

Сергей Васильевич
Викулов

ВСТАТЬ ПОРАНЬШЕ, ШАГНУТЬ ПОДАЛЬШЕ
Очерки и статьи о вологодской деревне

Редактор **М. Подзорова**
Художник **Н. Стасевич**
Художественный редактор **Е. Прохоров**
Технический редактор **Н. Децко**
Корректоры **Л. Антонова, О. Гнеушева**

ИБ № 1882. Сдано в набор 02.04.80. Подписано к печати 30.06.80. А09115. Формат 84×108/32. Гарнитура лит. Печать высокая. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 20,54. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1162. Цена 70 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР. 121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25